РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
ИНСТИТУТ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
Российской академии наук

НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО ПРОБЛЕМАМ
КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО
КИТАЯ

КИТАЙ В ЭПИЦЕНТРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ АТР

Тезисы докладов

XX Международной научной конференции

«Китай, китайская цивилизация и мир.

История, современность, перспективы»

Москва, 16-18 октября 2013 г.

Москва
ИДВ РАН
2013

УДК 908(510)
ББК 26.89 (5 Кит)
К45

Рабочая группа по подготовке материалов к печати:
Островский А.В. (руководитель),

Горбунова С.А. , Демидо Н.Ю., Портяков В.Я., Лузянин С.Г., Лукьянов А.Е., Виноградов А.В., Мамаева Н.Л., Завьялова О.И., Кранина Е.И., Анисимцев Н.В., Староверова Е.К., Сухадольская Л.Л., Кленин В.В., Кудрявцева Д.Н., Гришина Н.И., Надточенко Б.Я., Алексанян А.Г., Меркулов К.К., Донченко А.И., Курбатова А.В.

К45 Китай в эпицентре глобальных проблем АТР: Тезисы докладов XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». Москва, 16-18 октября 2013 г. – М.: ИДВ РАН, 2013. – 478 с.
ISBN 978-5-8381-0253-9

В сборнике публикуются тезисы Международной научной конференции, организованной Институтом Дальнего Востока РАН совместно с Научным советом РАН по проблемам комплексного изучения современного Китая, Обществом российско-китайской дружбы. Сборник состоит из 7 тематических разделов, в каждом из которых тезисы расположены в алфавитном порядке. Тезисы публикуются в авторской редакции (тексты, превышавшие установленный объем, публикуются с купюрами). Содержащиеся в тезисах выводы могут не совпадать с мнением членов Оргкомитета. За достоверность опубликованных сведений несут ответственность авторы тезисов.

УДК908(510)
ISBN 978-5-8381-0253-9 ББК 26.89 (5 Кит)

© ИДВ РАН, 2013

Оргкомитет XX Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» выражает благодарность Посольству КНР в РФ за поддержку в проведении конференции

Проведение конференции и издание материалов осуществлено при финансовой поддержке Фонда социальной защиты «АКАДЕМИА»

СОДЕРЖАНИЕ

КИТАЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Анохина Е.С.
ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ИЛИ ВХОД ВОСПРЕЩЕН: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ ... 21
Антипов К.В.
КИТАЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ 22
Видмарович Б.
СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ «ТАЙВАНЬСКОЙ СТРАТЕГИИ» КИТАЯ: СТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ И ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ 25
Гордиенко Д.В.
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 28
Гранчи М.
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ТОРГОВЛИ И КИТАЙ – ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ 31
Грачиков Е.Н.
ИДЕНТИЧНОСТЬ КИТАЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ 32
Данилович М.В.
НАЧАЛО НОВОГО ЭТАПА ЦЕНТРАЛЬНО- АЗИАТСКОЙ СТРАТЕГИИ КИТАЯ (2011–2012 гг.) 35
Забровская Л.В.
КИТАЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НОВЫЙ ЭТАП ПОЛИТИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА 38
Задериенко С.И.
КИТАЙ В СВЕТЕ ДОКЛАДОВ И ПРОГНОЗОВ АНАЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США 40
Кадырова Л.И.
КИТАЙСКИЙ ФАКТОР ШОС 42
Калмыков П.Н.
МИГРАЦИОННАЯ И ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ: ЗАРУБЕЖНАЯ ДИАСПОРА КАК СРЕДСТВО

МОДЕРНИЗАЦИИ КНР 44
Каменнов П.Б.
ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ 46
Киреева А.А.
ВЕЛИКИЕ АЗИАТСКИЕ ДЕРЖАВЫ КИТАЙ – ЯПОНИЯ – ИНДИЯ И КОНФИГУРАЦИЯ СИЛ В АТР 49
Кононенко М.Г.
ПРОБЛЕМА ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КИТАЕМ И САУДОВСКОЙ АРАВИЕЙ 51
Криворотов А.К.
ВОПРОСЫ АРКТИКИ В ОТНОШЕНИЯХ КИТАЯ СО СТРАНАМИ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ 54
Кривохиж С.В.
ОТ ПРОПАГАНДЫ К ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ОПЫТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ 56
Ларин А.Г.
К ОЦЕНКЕ РОЛИ КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ЭКОНОМИКЕ ПРИНИМАЮЩИХ СТРАН 58
Лексютина Я.В.
НАРАСТАЮЩЕЕ СОПЕРНИЧЕСТВО КИТАЯ И США В АТР КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ 61
Ли Син_Toc365394386
К ВОПРОСУ О ТРЕУГОЛЬНИКЕ «КИТАЙ-РОССИЯ-США» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 63
Ли Фэнъянь
О «СИМБИОЗЕ ГАРМОНИИ И СОТРУДНИЧЕСТВА» – НОВАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИТАЯ С МИРОМ 65
Олейников И.В.
ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ КНР В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА НА ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ В РЕГИОНЕ 67
Петрасяк М.
КИТАЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И СТРАТЕГИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 2000-е ГОДЫ 69
Портяков В.Я.
ОТ ХУ ЦЗИНЬТАО К СИ ЦЗИНЬПИНУ: КОНТУРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЛИДЕРОВ КНР ПЯТОГО

ПОКОЛЕНИЯ 72
Саитазизова Г.С.
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ И УЗБЕКИСТАНА В РАМКАХ ШОС 75
Самойлов Н.А.
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ УЧЕНЫХ 77
Сафронов Б.В.
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КНР И США В РАМКАХ АТЭС 78
Сикорова Н.
КИТАЙ УСУГУБЛЯЕТ «ГОЛЛАНДСКУЮ БОЛЕЗНЬ» В АФРИКЕ? 81
Стабурова Е.Ю.
«ENGAGEMENT»: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАМКА ПОЛИТИКИ ЕС ДЛЯ КНР 82
Труш С.М.
АМЕРИКАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА ТРАНСТИХООКЕАНСКОГО ПАРТНЁРСТВА И КИТАЙ: ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ 85
Уянаев С.В.
РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В БРИКС 87
Чжан Хуэйчжи
СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ПОЛИТИКИ КИТАЯ И США В ОТНОШЕНИИ КНДР С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ И СОТРУДНИЧЕСТВА 90
Чубаров И.Г.
ГЛОБАЛЬНЫЕ ГОРОДА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ 92

РФ И КНР: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Балакин В.И.
ЯПОНСКИЕ ОЦЕНКИ КИТАЙСКОЙ ФОРМУЛЫ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ 95
Болятко А.В.
ПРИНЦИПЫ «ВОЗВРАЩЕНИЯ» США В АТР 97

Давыдов А.С.
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЯ, США И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВЛАСТНЫХ ПЕРЕМЕН: ОЦЕНКИ, ТЕНДЕНЦИИ, НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ 100
Залесская О.В.
ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ВАЛЮТНЫЕ ОПЕРАЦИИ КИТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1920–1930 гг. 103
Красинец Е.С., Шевцова Т.В.
МИГРАЦИЯ ИЗ КИТАЯ В РОССИЮ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ 105
Латфулина Д. Ш.
КИТАЙСКАЯ УГРОЗА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? 108
Лузянин С.Г.
ШОС: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ 110
Матвеев В.А.
ГЛОБАЛЬНЫЙ ГАЗОВЫЙ РЫНОК: ВЫЗОВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ 113
Меркулов К.К.
О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ ПО РАЗВИТИЮ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ 114
Морозова В.С.
МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ–КНР В КОНТЕКСТЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КУРСА «МИРНОГО РАЗВИТИЯ И ПОСТРОЕНИЯ ГАРМОНИЧНОГО МИРА» ...117
Морозова В.С., Цуй Хунхай
СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИКИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИГРАНИЧЬЯ .119
Муратшина К.Г.
РОССИЯ – КИТАЙ: ПРОБЛЕМА ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕК 121
Олонцев С.О.
НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКИХ ТОРГОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ ПРИ ИМПОРТЕ ПРОДУКЦИИ МАШИНОСТРОЕНИЯ ИЗ КИТАЯ

(НА ПРИМЕРЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ) 124
Петровский В.Е.
О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ 127
Прохорова Н.В.
ОЦЕНКА ВОДНЫХ РЕСУРСОВ КИТАЯ 129
Ринчинов А.Б.
АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РФ И КНР В 2012 г. 131
Сазонов С.Л.
СОТРУДНИЧЕСТВО РФ–КНР В РАЗВИТИИ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ 133
Сафронова Е.И.
ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СВА 135
Ткаченко Б.И.
ВЫВОДЫ ИЗ РЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОГРАНИЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ 138

ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Александрова М.В.
ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОКА КНР: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА 141
Афонасьева А.В.
О КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИННОВАЦИЙ КИТАЯ 144
Баженова Е.С.
УРБАНИЗАЦИЯ В КИТАЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ХОДЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ 146
Бони Л.Д.
ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КИТАЯ 148

Боревская Н.Е.
РОССИЯ И КИТАЙ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ КНР: СОПЕРНИЧЕСТВО ИЛИ СОРАЗВИТИЕ? 151
Вахрушин И.В.
ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 154
Величко В.В.
К ОЦЕНКЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ МОРСКОЙ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ 157
Веремейчик А.С.
МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ: ТЕНДЕНЦИИ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ 160
Волкова Л.А.
ОПЫТ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ДЕРЕВНИ В КИТАЕ 162
Коваленко В.Н.
ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КИТАЙСКОГО ЮАНЯ В КОНТЕКСТЕ ЯПОНСКОГО ОПЫТА 165
Коледенкова Н.Н.
РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА – ВАЖНОЕ ЗВЕНО В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ПОДЪЕМА ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ КИТАЯ 167
Кранина Е.И.
КИТАЙ УСКОРЯЕТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО 169
Кудрявцев Е.С.
ПЛАНЫ РУКОВОДСТВА КНР ПО ЗАВОЕВАНИЮ НОВОГО МИРОВОГО АВТОМОБИЛЬНОГО РЫНКА 172
Ли Вэй
МИГРАНТЫ В КИТАЕ: КАЖДЫЙ НАХОДИТ СВОЕ МЕСТО (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦИНДАО В 2010–2011 гг.) 174
Муромцева З.А.
ПРОБЛЕМЫ ВСТУПЛЕНИЯ КНР В НОВУЮ ГЛОБАЛЬНУЮ МОДЕЛЬ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ 177
Новоселова Л.В.
ИНВЕСТИЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КНР 179

Островский А.В.
ОПЫТ КНР В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА 181
Пашкевич Е.А.
ЧТО СТАНЕТ С МИНИСТЕРСТВОМ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КНР? 184
Пивоварова Э.П.
ПОЧЕМУ СЕГОДНЯ КИТАЙ «ГОРДО СТОИТ НА ВОСТОКЕ МИРА» 187
Пиковер А.В.
РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТА В КИТАЕ И КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИКА 189
Понкратова Л.А.
ТРАНСГРАНИЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ УСЛУГ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ 192
Романова Г.Н.
РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ В 80–90-е ГОДЫ XX в. .. 194
Сазонов С.Л.
ТАК ЛИ СИЛЕН КИТАЙСКИЙ АВТОПРОМ? 197
Ставров И.В.
К ПРОБЛЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ЛЯОНИН) 199
Стукалина Н.Т., ***Иващенко А.В.***
ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН КИТАЯ (ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ) 202
Терентьева Т.Г.
РОЛЬ КИТАЙСКИХ ТНК В ВЫВОЗЕ КАПИТАЛА 204
Троекурова И.С., ***Люй Бо***_Toc365394575
КИТАЙ НА РЫНКЕ РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫХ МЕТАЛЛОВ 206
Тянь Чуньшэн
ВОЗМОЖНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕВРАЩЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ЖЭНЬМИНЬБИ В ОБЩЕАЗИАТСКУЮ ВАЛЮТУ 209

У Цзы
СКОРОСТНОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ И ГРАЖДАНСКАЯ АВИАЦИЯ КНР 212
Фомина М.Н.
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПО-КИТАЙСКИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ 214
Хабибуллин Р.И.
НАРОДНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В КНР В КОНТЕКСТЕ НЕОКОНВЕРГЕНЦИИ 217
Цзун Пин
АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ЭКСПОРТА ЛЕСОПРОДУКЦИИ КИТАЯ 219
Чуванкова В.В.
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В КНР: НОВЫЙ ЭТАП 222
Шиганова Ю.М.
ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН 224
Юдина Т.Н.
КИТАЙСКАЯ ПАРАДИГМА УСТОЙЧИВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕОКОНВЕРГЕНЦИИ 227
Элоян М.Р.
ОЦЕНКА ОПЫТА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 230

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Афонина Л.В.
ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА КНР В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИЙ В ПЕРИОД РЕФОРМ 233
Баум Дж.
КИТАЙ НА ДЛИННОМ МАРШЕ К «ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»: СТАНЕТ ЛИ КИТАЙ ПЕРВЫМ РЕГИОНОМ, ДОСТИГШИМ НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-

ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ? 235
Бородич В.Ф.
КАК И КУДА ДВИЖЕМСЯ: ВЕКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ КИТАЯ И РОССИИ 238
Бронников А.А.
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ 240
Бирюлин Е.В.
ЛЕСООХРАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КИТАЯ И РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ СБЛИЖЕНИЯ 243
Виноградов А.В.
НОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ 245
Воскресенский А.Д.
К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОСТРОЕНИЯ «НЕЗАПАДНОЙ» И/ИЛИ «КИТАИЗИРОВАННОЙ» ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 247
Голиков А.П.
ПАДЕНИЕ БО СИЛАЯ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ 250
Гудошников Л.М.
АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА В КНР 251
Демидо Н.Ю.
ЦЕНТРАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ КИТАЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ЭФИРЕ 254
Дессейн Б.
ПОСТИГАЯ МИР: КИТАЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ 256
Диченко А.А.
ИЗУЧЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ АСПЕКТОВ БЕЗОПАСНОСТИ В КНР 258
Зуенко И.Ю.
ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН) 260
Иванов С.А.
БЮРОКРАТИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН С

РОССИЕЙ 263
Ионова А.О.
АНАЛИЗ КИТАЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЬЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР СИ ЦЗИНЬПИНА ИНОСТРАННЫМ СМИ ПЕРЕД САММИТОМ БРИКС 265
Кожин П.М.
«КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ 267
Колпакова Т.В.
СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КНР 270
Кондрашова Л.И.
КИТАЙ: ПЕРСПЕКТИВА СМЕНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ 272
Королёв А.Н.
ОТЗЫВЧИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА КНР НА НУЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ 275
Лазарева Т.В.
ТИБЕТСКИЕ ШКОЛЫ КАК ФОРМА ПОДГОТОВКИ КАДРОВЫХ РАБОТНИКОВ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ КИТАЯ 278
Ли Цайхуа
НА ЧЕМ ОСНОВЫВАЕТСЯ НАША ВЕРА В «КИТАЙСКИЙ ПУТЬ»? 280
Линь Гуаньчунь
СОЦИАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА, НАСТРОЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ В ПЕРИОД УРБАНИЗАЦИИ МАТЕРИКОВОГО КИТАЯ 283
Ломанов А.В.
«КИТАЙСКАЯ МЕЧТА» И ПОЛИТИКА НОВОГО РУКОВОДСТВА 285
Люй Шупэн
«ИЕРАРХИЯ ДОВЕРИЯ» К ОРГАНАМ ВЛАСТИ В КНР 287
Переломов Л.С.
РОЛЬ КОНФУЦИАНСТВА В ИСТОРИИ КПК 289
Перепелкин Ю.Ю.
НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ КИТАЙСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ:

ПЕРВЫЙ ГОД У ВЛАСТИ 292
Семенов А.А.
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И НГО В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ 295
Сергеева А.А.
РОЛЬ И МЕСТО ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ДИАСПОРЫ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА КНР 297
Сивинцева О.В.
ИМПОРТИРОВАНИЕ РЫНОЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ В ПРАКТИКУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КИТАЯ 299
Скрипкарь М.В.
«КИТАЙСКАЯ МЕЧТА» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 301
Степанова Г.А.
СИСТЕМА МНОГОПАРТИЙНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНСУЛЬТАЦИЙ – ОСОБЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КНР 303
Сухомлинов В.А.
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ 306
Трощинский П.В.
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ 308
Фомичева Е.Ф.
«КРУГЛЫЙ СНАРУЖИ, УГЛОВАТЫЙ ВНУТРИ». ОБРАЗ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА КНР ИЛИ «ОТКРЫТОСТЬ ВАМ К ЛИЦУ» 310
Хуан Лифу, Лю Фань
КОНЦЕПЦИЯ КИТАЙСКОЙ «НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ» В СРАВНЕНИИ С НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ РОССИИ 313

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ КИТАЯ, РОССИИ И СТРАН АТР

Анисимцев Н.В.
ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КНР НА ПОРОГЕ XVIII СЪЕЗДА КПК 316

Бармин В.А.
ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КИТАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-х ГОДОВ 318
Борох О.Н.
«КИТАЙСКАЯ МЕЧТА» 1933 г.: ОБРАЗ БУДУЩЕГО НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ДУНФАН ЦЗАЧЖИ» 320
Верченко А.Л.
ПОЛОЖЕНИЕ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ТАЙВАНЬСКОГО ПРОЛИВА И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДЕСЯТИЛЕТИЕ ХУ ЦЗИНЬТАО 323
Герасимова Т.Г.
ИЗУЧЕНИЕ В СССР И РОССИИ ПЕРСОНАЛИЙ ВИДНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ИСТОРИИ КПК 1920-х ГОДОВ 325
Горбачев Б.Н.
К ВОПРОСУ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПОСОЛЬСКОГО КОМПЛЕКСА СССР В КНР В 1950-е ГОДЫ 328
Горбунова С.А.
60-ЛЕТИЕ БУДДИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ КИТАЯ – ПЕРЕХОД НА НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ 330
Гулева М.А.
ВЭН ВЭНЬХАО: ГЛАВА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЮАНЯ 333
Доронин Б.Г.
УЧЕБНИК ТРАДИЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ 335
Думкова И.
ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НРБ И КНР В 60-е ГОДЫ XX в. 337
Дьякова О.В.
ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ БОХАЙ–ТАН 339
Ершов А.В.
ГОСУДАРСТВЕННЫЕ БЮДЖЕТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КНР: СТРУКТУРНЫЕ И КАДРОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ 341
Ипатова А.С.
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII вв. ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ СЕРИИ «РУССКО-КИТАЙСКИЕ

ОТНОШЕНИЯ В XVII–XX вв.») 344
Киселёв Д.В.
ЦИНСКАЯ ПОЛИТИКА САМОУСИЛЕНИЯ В МАНЬЧЖУРИИ В КОНЦЕ XIX В.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ 346
Козлов А.А.
ФЕНОМЕН ЧАЯ В РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1800–1917 гг. 348
Кузнецов В.С.
КИТАЙ И ИНДИЯ В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XX в.) 350
Мамаева Н.Л.
К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОБЕДЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ В 1949 г. 352
Сизова А.А.
РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА В ПОГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ КИТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX– НАЧАЛЕ XX вв.: КОНТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 355
Смирнов Д.А.
ВЫДВИЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ОДНО ГОСУДАРСТВО – ДВА СТРОЯ» 357
Сотникова И.Н.
КОМИНТЕРН И ФИНАНСИРОВАНИЕ КПК 359
Степанова Е.Н.
ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР ЭЛИТ ТАЙВАНЯ И ЯПОНИИ 361
У Линьчунь
ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ В КИТАЕ И ИХ БИЗНЕС: «ОБЩЕСТВО ИНЖЕНЕРОВ КИТАЯ», 1901–1941 гг. 364
Хохлов А.Н.
КИТАЙСКИЙ МАРШАЛ ФЭН ЮЙСЯН В ОЦЕНКЕ Л.М. КАРАХАНА 365
Шитов А.В.
ПАРТИЙНЫЕ, АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ В КНР, ОДНОВРЕМЕННО ИСПОЛЬЗУЮЩИЕ ДВА И БОЛЕЕ НАИМЕНОВАНИЯ 368

Шматов В.Г.
К ВОПРОСУ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ СРАЖАЮЩЕМУСЯ КИТАЮ (1937–1941 гг.) 369
Юркевич А.Г.
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ГОМИНЬДАНА В 1920-е ГОДЫ: ЧАН КАЙШИ VS СУНЬ ЯТСЕН; ЧАН КАЙШИ VS СОВЕТНИКИ 372

КИТАЙ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР (ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО)

Балтгалве А.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОВРЕМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ КИТАЙСКОГО ПЕРВОИСТОЧНИКА «КНИГИ ПЕРЕМЕН» НА ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК 375
Блажкина А.Ю.
ТЕОРИЯ ИДЕАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ РАННЕГО КОНФУЦИАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ТРАКТАТА «ИСКРЕННИЙ ВНИМАЕТ») 377
Борисенко О.А.
ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА КИТАЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ОТРАЖЕНИЯ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» 379
Вавра Д.
«ЧЖУАНЦЗЫ» О ЖИЗНИ И СМЕРТИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЫСЛА ВНЕ ТЕКСТА 381
Гирченко Е.А.
ГОРОДИЩЕ САНЬСИНДУЙ – КРУПНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЮГА КИТАЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ 383
Дащенко А.В.
СТИЛЬ *И-АНЬ* В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ 385
Завидовская Е.А.
РАБОТА ГОСУДАРСТВА ПО РАЗВИТИЮ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЦМЕНЬШИНСТВ В КНР (НА ПРИМЕРЕ ТИБЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ) 388

Зиганьшин Р.М.
ТЕЗИС-АНТИТЕЗИС-СИНТЕЗ И ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЗНАНИЙ 390
Кейдун И.Б.
НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ В РОССИИ КОНФУЦИАНСКОЙ КЛАССИКИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА «ЛИ ЦЗИ») 392
Кобзев А.И.
НЕИСПОВЕДИМОСТЬ ПУТИ-*ДАО*: В.М. АЛЕКСЕЕВ И Н.И. КОНРАД 395
Коробова А.Н.
ПРОДВИЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР КАК ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОЛИТИКИ КНР В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ 398
Кремнёв Е.В.
К ВОПРОСУ О КИТАЙСКОЙ ПРОТОСОЦИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАКТАТА «СЮНЬЦЗЫ») 400
Крушинский А.А.
КЛЮЧ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ СВОЕОБРАЗИЯ КИТАЙСКОЙ ЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 402
Кучинская Т.Н.
ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФИЛОСОФИЯ И ПРАКТИКА КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ «ГАРМОНИЧНОГО МИРА» 405
Лебедева Н.А.
РОССИЯ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КИТАЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.: ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ 407
Лемешко Ю.Г.
БУМАЖНЫЕ ИКОНЫ *ЧЖИМА* В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: НЕВЕРБАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ 410
Лукьянов А.Е.
«ЧЖУН ЮН» И «ПРИРОДА ПРОИСХОДИТ ИЗ СУДЬБЫ» : РАСШИРЕНИЕ ТЕКСТОВОГО ОБЪЕМА 412
Лян Чжэ
«ИНЬФУ ЦЗИН»: ДАО ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ 414

Мартынов Д.Е.
УТОПИЧЕСКИЙ РОМАН Э. БЕЛЛАМИ «LOOKING BACKWARD, 2000–1887» И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАН ЮВЭЕМ ВЕЛИКОГО ЕДИНЕНИЯ (*ДА ТУН*) 415
Романо М.
ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПЕРЕВОДЕ БИБЛИИ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ НЕКОТОРЫМИ КАТОЛИЧЕСКИМИ, ПРАВОСЛАВНЫМИ И ПРОТЕСТАНТСКИМИ ИЗДАНИЯМИ 416
Руденко Н.В.
ЛИ ЧЖИ И МАТТЕО РИЧЧИ: ВСТРЕЧА КИТАЙСКОГО ФИЛОСОФА И ИТАЛЬЯНСКОГО МИССИОНЕРА В КОНЦЕ XVI в. 418
Семенюк М.В.
КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ «ШАНХАЙСКОГО СТИЛЯ» 421
Смирнов С.В.
КОНФУЦИАНСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОРИЕНТАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА 423
Сухадольская Л.Л.
ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВЕРС КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ *СЯО КАН – ДА ТУН* 425
Терехова Н.В.
РИТУАЛ *ЛИ* КАК ФОРМА СЕМИОТИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНИХ КАНОНОВ) 428
Хузиятова Н.К., _Toc365394866***Кузнецова М.Ю.***
О СООТНОШЕНИИ ЛИРИЧЕСКОГО, УТОПИЧЕСКОГО И РАДИКАЛЬНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ШЭНЬ ЦУНВЭНЯ 428
Хузиятова Н.К., Плясенко Н.А.
«РУССКИЙ» ХАРБИН В ЭССЕИСТИКЕ ЧЖАН КАНКАН: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ 431
Шекера Я.В.
ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ДАОССКОГО И БУДДИЙСКОГО ВЕРОУЧЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ СУНСКОГО ПОЭТА ЛУ Ю 433

Шулунова Е.К.
ДРАМАТУРГИЯ МЭН ЦЗИНХУЭЯ КАК ВЫЗОВ КИТАЙСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ 435
Энио де Соуза
КИТАЙСКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КАК ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЭКСПОНАТЫ: ПРОЕКТ МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МАКАО В ЛИССАБОНЕ 438

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК, ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Антонян К.В.
НОВЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДИФИКАТОРОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ 440
Ван Цзинбо
ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ И НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РАБОТАЮЩИМ ЗА ГРАНИЦЕЙ КИТАЙСКИМ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ 442
Виногродская В.Б.
СТЕПЕНИ СВОБОДЫ ТЕКСТА В КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ 444
Воропаев Н.Н.
НОВЫЙ ПОДХОД К ЗВУКОВОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ КИТАЙСКИХ СЛОВ В РОССИЙСКИХ РАЗГОВОРНИКАХ 446
Гобова Е.В.
ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ СМИ) 449
Готлиб О.М., Шаравьева И.В.
ОБ ОСНОВНЫХ ГРАММАТОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ ПИСЬМЕННОСТИ 451
Гурьян Н.В.
«МАЛЫЙ ЭРЪЯ»: ДРЕВНЯЯ ТРАДИЦИЯ СОСТАВЛЕНИЯ ТЕЗАУРУСОВ 453
Даньшин А.В.
КУПЕЧЕСТВО, ШЭНЬШИ И СИСТЕМА КЭЦЗЮЙ В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЕ 455

Дацышен В.Г.
ИЗ ИСТОРИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РОССИИ: «О ПРИГОДНОСТИ НОВОИЗОБРЕТЕННОЙ КИТАЙСКОЙ АЗБУКИ» 457
Завьялова О.И.
ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: ЗАЩИЩЕННОЕ ЕДИНСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ 460
Кирносова Н.А.
КИТАЙСКИЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ: СПЕЦИФИКА В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ 462
Комарова И.Н.
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТИБЕТЕ 464
Садовская Е.Ю.
СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И КАЗАХСТАНОМ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ 465
Тохметов А.Т.
ПРЕПОДАВАНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗАХ КАЗАХСТАНА 468
Цзи Вэйвэй
КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА: КАК ДАЛЕКО ОНА МОЖЕТ ЗАХОДИТЬ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЮЖНОМ КИТАЕ) 470
Шатравка А.В.
РАЗГРАНИЧЕНИЕ СЛУЖЕБНЫХ И НЕСЛУЖЕБНЫХ СЛОВ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА 471

КИТАЙ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ И ЭКОНОМИКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Анохина Е.С.,
к.и.н., Томский государственный университет

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ИЛИ ВХОД ВОСПРЕЩЕН: НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

В настоящее время, несмотря на значительную численность населения и большие объемы исходящей миграции, Китай стал привлекательным для иностранцев в качестве страны проживания. Объемы миграции в Китай активно растут на протяжении последних 10 лет. И речь здесь идет не только о зарубежных китайцах, которые приезжают в поисках благоприятной деловой среды, высокооплачиваемой работы и более низкой стоимости жизни. Рост экономики в Китае влечет за собой и быстрый рост заработной платы, что привлекает как высококвалифицированных специалистов, так и неквалифицированную рабочую силу из стран Африки, Юго-Восточной и Центральной Азии.

Не стоит забывать и о значительных объемах нелегальной миграции в Китай из сопредельных стран, в первую очередь Северной Кореи и Вьетнама. Все это создает стабильную прослойку иностранцев в китайском обществе и даже приводит к формированию локальных иммигрантских сообществ в китайских городах (например, большой японский анклав в г. Шанхай, африканский район в г. Гуанчжоу).

Несмотря на активный рост численности иностранных граждан, в Китае до сих пор не сформировано целостного миграционного законодательства, отвечающего требованиям времени. В последние несколько лет китайское правительство и китайское общество активно обсуждают вопрос совершенствования государственной миграционной политики и разработки комплексной стратегии в этой области. С 1 июля 2013 г. в Ки-

тае вступает в силу новый Закон о въезде и выезде иностранцев, который предусматривает значительное ужесточение режима пребывания в стране. Надо полагать, что вслед за новым законом продолжится реструктуризация системы регулирования данных процессов.

Психологически китайское общество не было готово к наплыву иностранных граждан, поэтому закон вызвал широкую дискуссию с зачастую негативными высказываниями и элементами ксенофобии. По мере роста числа иностранцев в Китае негативное отношение к ним со стороны китайского населения нарастает. Наслоенное на политические проблемы, оно подчас вызывает локальные социальные взрывы с использованием антииностранных лозунгов (например, антияпонские погромы).

Сложность текущей ситуации заключается в неготовности китайского общества и населения Китая к приему иммигрантов в своей стране и в отсутствии комплексной иммиграционной политики. Однако в условиях процессов глобализации и интернационализации, имеющих место в мире, любое государство, включая Китай, не может активно наращивать исходящую миграцию и в то же время закрывать свои двери для прибывающих иммигрантов. Китай вынужден искать механизмы гибкого сочетания эмиграционной и иммиграционной политики, следуя интересам страны во внутренней и внешней политике.

Антипов К.В.
ИДВ РАН

КИТАЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

За два последних года в положении Китая на Ближнем Востоке и в Северной Африке произошли существенные изменения, которые в целом характеризуются дальнейшим укреплением позиций КНР в этом регионе. В числе основных факторов, повлиявших на политику КНР, находятся общеарабский социально-политический кризис – т.н. «арабская весна», развитие глобального экономического кризиса, трансформация гло-

бальной политики США, подъем политического ислама к государственной власти в ряде арабских стран. В этих условиях ускорилось формирование ближневосточной политики Пекина как одного из стратегических направлений, обеспечивающих решение важнейших задач в сфере безопасности, социально-экономического развития, а также содействующих повышению роли КНР на международной арене, в том числе – в отношениях с США.

По оценкам руководителей КНР, несмотря на бурные события на Ближнем Востоке, Китаю и арабским странам удалось добиться рекордных показателей в области торгово-экономического сотрудничества. В настоящее время Китай импортирует с Ближнего Востока около 60% необходимой ему нефти, при этом он остается главным покупателем саудовской нефти, опередив Соединенные Штаты. В 2011–2012 гг. КНР продолжала удерживать первое место в качестве торгового партнера и инвестора в ряде арабских стран. В 2012 г. объем торговли КНР с арабским миром превысил 240 млрд долл. (общий объем межарабских торгово-экономических связей в рамках ГАФТА – ближневосточной зоны свободной торговли – составил 2100 млрд долл.).

Одним из главных показателей устойчивости сформированной Китаем модели торгово-экономического сотрудничества со странами региона стали итоги пятой министерской встречи в рамках Форума по сотрудничеству Китая с арабскими странами, проведенной в Тунисе в мае 2012 г. Участники Форума в совместном коммюнике объявили о намерении вывести к 2014 г. объем взаимной торговли на уровень 300 млрд долл. и приняли соответствующий План действий. Пекин и его арабские партнеры также сообщили о вступлении в завершающую стадию переговоров по созданию зоны свободной торговли КНР с арабскими государствами Персидского залива.

Геостратегические изменения в арабском мире вынудили Пекин в течение 2012 г. форсировать реструктуризацию своей

ближневосточной политики. Китаю в основном удалось сохранить, а также усилить два главных направления своей политики: обеспечить стратегическую устойчивость и высокую динамику развития экономического сотрудничества с арабским миром в целом, а также консолидировать политические отношения с режимами, пришедшими к власти на волне «арабской весны».

Развитие «исламской линии» в ближневосточной стратегии КНР имеет важное значение и для внутренней политики Пекина. Об этом, в частности, свидетельствует формируемая в Западном Китае экономическая система, опирающаяся на созданную в Нинся-Хуэйском автономном районе (НХАР) особую экономическую зону под патронажем премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна. На данном этапе ОЭЗ действует по существу как арабская зона торговли, хотя китайские власти поощряют привлечение в НХАР мусульман изо всех стран без исключения.

В центре ближневосточной политики безопасности КНР оказалась сирийская проблема, которая приобрела для Пекина стратегическое значение. Китай выдвинулся в число государств, оказывающих в арабском мире и на глобальном уровне системное воздействие на развитие сирийской ситуации. Дважды выступив с инициативами по урегулированию положения в Сирии в марте и ноябре 2012 г., Китай по существу вплотную подошел к признанию правомерности претензий на власть сирийских исламистских сил, выступающих против режима Башара Асада.

Нынешняя трансформация ситуации в арабском мире, а также глобальные процессы, особенно происходящий крен США в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона будут способствовать ускорению перехода ближневосточной политики Китая на новый уровень. Уже в настоящее время Китай воспринимается в арабском мире как одна из наиболее значительных мировых держав, способных «компенсировать» ожидающееся снижение здесь роли США. В арабских верхах призна-

ют, что деятельность Китая, особенно ее экономические факторы, играют стабилизирующую роль, подталкивая стороны к нормализации отношений и сотрудничеству. В этом смысле Китай не только способствует преодолению трудностей глобального кризисного периода, но и стимулирует миротворческую тенденцию в регионе. В ряде заявлений арабских руководителей, в том числе Лиги арабских государств, подчеркивается заинтересованность в усилении роли КНР в делах региона. Развитию этой тенденции способствует и политика КНР в отношении политического ислама. По признанию американских экспертов, в использовании исламского фактора Китай опережает как Запад, так и Россию, адаптировав свою долгосрочную стратегию к новой ситуации в арабском мире. Ожидается, что уже в обозримом будущем Китай сможет сбалансировать экономические цели с политическими интересами и обеспечит рост своего влияния на положение в регионе. В США все чаще также высказывается мнение, что Китай мог бы принять на себя больше ответственности за положение на Ближнем Востоке, стать одним из лидеров не только экономического, но и политического процесса, хотя в вопросах безопасности многие арабские страны, как и Турция продолжают ориентироваться на Америку.

Видмарович Б.,
к.и.н., Загребская школа экономики и менеджмента, Хорватия

СЕВЕРОКОРЕЙСКАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ «ТАЙВАНЬСКОЙ СТРАТЕГИИ» КИТАЯ: СТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ И ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ

Развитие политической и военной ситуации в Восточной Азии за последние несколько лет в очередной раз подтвердило исключительную сложность и потенциальную взрывоопасность тех проблем и противоречий, которые обременяют от-

ношения стран региона. Помимо уже привычных, но от этого ничуть не менее опасных «вспышек» провокаций вокруг островов Сенкаку, свое присутствие в регионе начали усиливать США, как следствие официального «поворота» политики и интересов Вашингтона в Азию, с одной стороны, и ответа на ужесточившуюся агрессивную риторику Северной Кореи – с другой. Именно проблема Северной Кореи стала ключевой горячей точкой в регионе, вовлекшей все страны «шестерки»: Китай, США, Японию, Россию и Южную Корею – участие которых, претерпело качественное изменение, из-за смещения процесса из переговорной в более живую, соучастную и практическую плоскость. Угрозы и накал Пхеньяна послужили катализатором различных процессов в соседних странах – в основном связанных с усилением обороны – в то время как реакции государств на угрозу ядерной войны отчасти вскрыли их настоящие мотивы и интересы в регионе, что по-своему внесло ясность в сложившуюся ситуацию.

Следует отметить, что, несмотря на ядерный статус Северной Кореи, баланс сил в регионе не претерпел каких-либо знаковых изменений: шаткое равновесие пока сохраняется, а крупные игроки держат свои позиции. Однако стороны постепенно становятся все более готовыми «испытать» друг друга на прочность и прощупать, как далеко соперник готов пойти. Во всей ситуации более чем отчетливо начинают прослеживаться некоторые очертания «холодной» войны, прежде всего между США и КНР. На эту мысль наталкивает поведение двух стран, которые, каждая по-своему, желает использовать проблему в Северной Корее в своих стратегических интересах, но более всего использовать ее как «плацдарм» для прощупывания возможностей друг друга. В этой непростой ситуации гиганты демонстрируют прямо противоположное поведение – чрезвычайно спокойное у КНР и чрезвычайно бурное у США. Это говорит о том, что стороны волнует не Пхеньян, а сама ситуация, подобно тому, как в «холодной» войне сверхдержав

волновало не положение третьего государства, а возможность продвижения за счет такого государства своих интересов.

Исходя из вышесказанного, на наш взгляд, наиболее интересным представляется вопрос Северокорейской проблемы в контексте китайской стратегии по воссоединению с Тайванем. Так как тайваньский вопрос, то есть воссоединение, для Китая является «эссенцией» всех его внешне- и внутриполитических приоритетов, можно утверждать, что так или иначе за всеми внешнеполитическими действиями Пекина, особенно в регионе, стоит именно эта гранд-идея. Иными словами, всеми своими действиями Китай старается приблизить момент воссоединения, хотя это не всегда очевидно. В этом смысле северокорейская проблема, то есть ее урегулирование и поддержание в нужном русле, является частью китайской «тайваньской стратегии».

В данном исследовании делается попытка проанализировать именно северокорейский фактор в треугольнике КНР-Тайвань-США и ответить на следующие вопросы:

– Как именно Пекин использует ситуацию в Северной Корее для приближения момента объединения с Тайванем;

– Насколько Китай уверен в том, что Северная Корея не «выйдет из-под контроля»;

– Какие именно стабилизирующие и дестабилизирующие факторы для баланса сил в регионе порождает Пхеньян.

Помимо данных вопросов, автор предлагает следующие гипотезы:

Ситуация в Северной Корее отчасти способствует сохранению стабильности в регионе в целом, так как нивелирует открытые противоречия Японии и Китая и привлекает всеобщее внимание;

С стратегической точки зрения, сохранение северокорейской проблемы по-своему устраивает как Пекин, так и Вашингтон.

Источники

1. China and North Korea: comrades forever? International Crisis Group. Asia Report 112/1. 2006. URL:

merln.ndu.edu/archive/icg/northkoreachina.pdf.
2. *Hagstrцm L., Sцderberg M*. (Eds.). North Korea Policy: Japan and the Great Powers. Oxon: Routledge, 2006.
3. *Ji Y*. Dealing with the “North Korea dilemma”: China’s strategic choices. S.Rajaratnam School of International Studies, Singapore. 229, 2011.
4. *Jordan, A.A., Taylor, W.J., Meese, M.J. Jr., Nielsen, S.C*. American National Security. Baltimore, Maryladn: JHU Press, 2009.
5. *Lin, C.Y*. The Taiwan Calculus in China’s Strategy towards the North Korea – Iran Axis. Institut fьr Strategie- Politik- Sicherheits- und Wirtschaftsberatung (ISPSW), Berlin, 2010. URL: http://www.isn.ethz.ch/isn/Digital-Library/Publications/Detail/?lng=en&id=125028.
6. *Robert G. Sutter*. Historical Dictionary of Chinese Foreign Policy. Plymouth, UK: Scarecrow Press, 2011.
7. *Shen Dingli*. North Korea’s Strategic Significance to China / China Security. Issue 4. URL: www.rsis.edu.sg/publications/WorkingPapers/WP229.pdf. URL: www.silkroadstudies.org/new/docs/.../Zhao_final_complete_2006.pdf.
8. *Zhao Q*. China’s New Approach to Conflict Management: The Cases of North Korea and Taiwan. Silk Road Paper, 2006.
9. *Zhao Q., Liu G*. (Eds.). Managing the China Challenge: Global Perspectives. Oxon: Routledge, 2009.
10. Василий Михеев (ред.). Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Москва: Московский Центр Карнеги, 2005.

Гордиенко Д.В.,
д.воен.н., проф., ИДВ РАН

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Перемены в мире, связанные с глобализацией, обусловливают необходимость принятия высшим политическим руководством России оперативных и адекватных решений по нейтрализации, локализации и/или устранению вызовов и угроз национальной безопасности, которые возникают и непрерывно трансформируются в процессе эволюции всей системы совре-

менных международных отношений. В условиях высокой степени неопределенности идет процесс стирания некогда существовавших и казавшихся незыблемыми экономических, политических и культурных границ между странами и цивилизациями. Происходит унификация человеческого сознания, понижается роль национального государства и его суверенитета на фоне утверждения межгосударственных систем как основы мирового социально-экономического развития.

Кроме того, мировой финансово-экономический кризис продолжает оказывать влияние на уровень экономической безопасности Китая, России и других государств мира. В этой связи представляет интерес рассмотрение мер обеспечения экономической безопасности, принятых в разных странах и, в частности, в Китае.

Рассмотрение тенденций развития, форм и способов обеспечения экономической безопасности через механизм действия основных законов развития сложных нелинейных открытых экономических систем позволило выявить закономерности и основные формы обеспечения экономической безопасности государства:

– во-первых, ***экономический патронат***, который обеспечивает внутрисистемную безопасность систем экономического назначения страны, если совокупность этих систем рассматривать как целостную систему.

В рамках экономического патроната обеспечивается безопасное (с экономической точки зрения) функционирование каждой системы управления хозяйством, обеспечения, производства и т.п. внутри более глобальной управляющей системы;

– во-вторых, ***экономическая кооперация***, которая обеспечивает экономическую безопасность государства при взаимодействии экономики страны с различными экономическими системами, не связанными с этим сектором национального хозяйства отношениями подчиненности.

В рамках экономической кооперации обеспечивается со-

вместное функционирование национальных хозяйств и обмен экономическими ресурсами между экономическими системами различных государств мира, иностранных и международных организаций;

– а также, в-третьих, ***экономическое противоборство***, которое является основной формой обеспечения экономической безопасности государства в конкурентной борьбе противостоящих сторон.

Достижение и удержание превосходства в экономическом противоборстве обеспечивает безопасность функционирования систем экономического назначения государства при подготовке и в ходе конкурентной борьбы (разрешения экономического конфликта).

Ситуация в мировой экономике предвещает новые катаклизмы. Основными угрозами экономическому миропорядку, в т.ч. национальному хозяйству Китая, в ближайшие годы станут снижение темпов экономического роста, усиление кризисов суверенного долга, ухудшение мировой конъюнктуры, сокращение внешнего спроса для стран с развивающимися рынками, а также усиление инфляции, проявление различных форм протекционизма, торговые и валютные войны.

В этой связи экономические итоги и прогнозы представляют интерес не просто как дань академической науке. Они важны в первую очередь для оценки текущей экономической политики Китая и ее влияния на использование потенциала экономики, обеспечение экономической безопасности этого государства. Мировой финансово-экономический кризис значительно повлиял на возможности Китая и ряда государств Азиатско-Тихоокеанского региона по повышению уровня своей экономической безопасности, что до сих пор обусловливает принятие и реализацию правительствами этих стран дополнительных антикризисных мер.

Источники

1. *Гордиенко Д.В., Яковлева Н.Г.* Мировой финансово-экономический кризис и обеспечение экономической безопасно-

сти государства. Монография. – М: АРГАМАК-МЕДИА, 2013. – 392 с.
2. *Гордиенко Д.В.* Обеспечение экономической безопасности государства в условиях кризиса. Учебное пособие. – М.: «Дело» РАНХ и ГС, 2012. – 368 с.: ил.
3. *Гордиенко Д.В.* Основы экономической безопасности государства. Курс лекций. Учебно-методическое пособие. – М.: Финансы и статистика, Инфра-М, 2009. – 224 с.: ил.

Гранчи М.,
Братиславский университет экономики, Словакия

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ТОРГОВЛИ И КИТАЙ – ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Современные теории международной торговли отказались от анализа неоклассических экономических теорий в масштабах страны и вместо этого подчеркивают важность поведения отдельных компаний и анализа на уровне отраслей. Ранее теории акцентировали внимание в основном на торговле между развитыми и развивающимися государствами (так называемая торговля между Севером и Югом) и в определенной степени также на внутриотраслевой торговле (обычно в форме торговли Севера с Севером), но стремительный рост экономики Китая сделал его центром внимания во всех областях общественных наук, включая международную экономику. Целью нашего исследования является актуальная оценка того положения, которое Китай занимает в современных теориях международной торговли.

Мы сосредоточимся главным образом на двух теориях торговли: новой экономической географии Пола Кругмана (Paul Krugman), Масахисы Фудзиты (Masahisa Fujita) и Энтони Венаблса (Anthony Venables) и действующей на уровне компаний теории гетерогенных фирм (новая «новая» теория торговли) Марка Мелица (Marc Melitz) и других авторов.

(1) Центральное место в новой экономической географии занимают кластеры. Кластеры образуют группы аналогичных/родственных компаний в определенном, относительно не-

большом, географическом районе. Ни одна страна не имеет такого большого количества кластеров, как Китай – зажигалки делают в Вэньчжоу, игрушки в Шэньчжэне, лампы – в Чжуншане, и т.д. Большинство этих кластеров состоит из малых и средних предприятий, а продукция основана на технологии среднего уровня сложности. Наше исследование предлагает обзор посвященной этим кластерам литературы с точки зрения теории торговли, содержащий список основных кластеров и оценку их влияния на внешнюю торговлю Китая.

(2) Новая «новая» теория торговли, возникшая в начале XXI в., вывела анализ поведения компаний во внешнеторговой деятельности на совершенно новый уровень. Она показывает, что компании различны по размеру и производительности, и объясняет, какое значение данная неоднородность имеет для внешней торговли государства. Разные авторы проводили исследования по китайской тематике с использованием микроданных, и эти исследования привели к определенным интересным результатам. Мы проанализировали их и пришли к довольно удивительным выводам относительно взаимосвязи между внутренним и экспортным рынками Китая, главным образом это касается того, что, во многих случаях, внутренняя конкуренция в Китае выше, чем конкуренция на рынках экспорта.

Перевод с английского А.В. Курбатовой.

Грачиков Е.Н.,
к.полит.наук, МГУ

ИДЕНТИЧНОСТЬ КИТАЯ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В процессе своего развития Китай сталкивался с большими вызовами, которые оказывали непосредственное влияние на формирование новой международной идентичности страны. Первый, политический, вызов (1949–1971 гг.) был связан с борьбой Китая за свое признание, включение в систему международных отношений и носил, по сути, юридический характер. Он завершился восстановлением прав КНР в ООН и Сове-

те безопасности этой организации. Второй, экономический, вызов (1971–2001 гг.) Китай ощутил, когда боролся за существование своей экономической системы. Вступление Китая в 2001 г. во Всемирную торговую организацию ознаменовало собой вхождение страны в мировую экономику и признание китайской экономической модели развития. Третий, цивилизационный, вызов, который мы наблюдаем сейчас, непосредственно касается китайской идентичности. Китай сейчас испытывает давление Запада практически на все стороны жизни государства – политику, общество, духовную жизнь народа. Борьба между Китаем и США, которые олицетворяют Запад, носит принципиальный, идеологический характер, поскольку затрагивает главные вопросы китайской идентичности: систему ценностей, общую модель развития страны и ведется в сфере общественного сознания.

Глобальная трансформация происходит внутри самого китайского общества. В Китае сформировался новый для страны средний класс, который несет в себе черты во многом либеральной идентичности. Другую идентичность представляют внутренние мигранты и жители деревни, социально не защищенные, бесправные (антипод среднего класса), составляющие основную часть населения Китая, которая живет в традиционном обществе по давно заведенным консервативным конфуцианским порядкам и представляет идентичность традиции. Борьба двух этих тенденций развития – либеральной и традиционной – определяет сейчас содержание сложной противоречивой внутриполитической обстановки в Китае, что естественно отражается на ее современной международной идентичности.

Китай находится в процессе «самостоятельной» и «совместной» с другими странами трансформации. Китай является важной движущей силой изменения мировой системы, а также её главным результатом. Китайские исследователи пришли к выводу, что Китай сейчас представляет государство, отражающее четыре неодинаковые по своей природе сущности, ко-

торые можно условно назвать «четыре в одном». Китай – это развивающаяся страна; поднимающаяся держава; глобальная держава и квази-сверхдержава. Эта самооценка показывает на незавершенность процесса самоидентификации.

Взаимозависимость Китая и мировой экономики привела к появлению чувства «общих интересов», «взаимопонимания» и «взаимного доверия» между Китаем и международным сообществом. Международные правительственные и неправительственные организации сыграли свою роль в укреплении нынешней коллективной идентичности Китая в международной системе. Они стали представителями взглядов и концепций глобализации и проводниками «универсальных» норм в Китае.

Формирующаяся национальная идентичность может, в свою очередь, оказывать влияние на геополитику страны. Во-первых, национальная идентичность определяет, как политическая ситуация внутри страны интерпретируется другими международными акторами (пока как вызов и угроза европейской идентичности). Во-вторых, национальная идентичность влияет на выработку и принятие внешнеполитических стратегий. В-третьих, сильная национальная идентичность предоставляет политическим деятелям дополнительный ресурс для мобилизации необходимой социальной поддержки. Достигнутые экономические, социальные и международные успехи уже сформировали основу новой идентичности Китая как сильной, процветающей, успешной сверхдержавы. Именно эта идентичность позволяет руководству Китая достаточно легко мобилизовать общественное мнение, любые слои населения на поддержку своей внешней политики.

Источники

1. 国际体系与中国外交/秦亚青等著。–
北京：世界知识出版社，2009. (Международная система и дипломатия Китая.. Цинь Яцин и др.).
2. *Song Lilei. Wang Yiwei*. Chinese Public Diplomacy toward Europe: Goals, Progress and Challenges. “Contemporary International Relations.” Vol. 21 No. 5. Sept./Oct. 2011.

Данилович М.В.,
м.и.н., БГУ, Беларусь

НАЧАЛО НОВОГО ЭТАПА ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОЙ СТРАТЕГИИ КИТАЯ (2011–2012 гг.)

Начало XXI в. характеризуется ощутимой активизацией Китая в Центральной Азии. Данный процесс определялся как внутренними задачами урегулирования ситуации в стратегически значимом СУАР КНР, так и геополитическими изменениями в регионе после 2001 г. При этом, несмотря на отсутствие на официальном уровне соответствующих документов, в КНР складывается выраженная «центральноазиатская стратегия». Приоритет в ней, исходя из вопросов безопасности, отдан приграничным государствам региона. В реализации данной стратегии достаточно четко выражены три этапа, последний из которых, как представляется, начался в 2011–2012 гг.

Несмотря на первоначальную ставку КНР на многосторонний механизм ШОС в регионе, обозначившиеся к концу 2000-х гг. расхождения интересов Китая и России в ШОС привели к сохранению изначально заданной декларативности данной международной структуры. Отсутствие реальных достижений на основных направлениях деятельности «инструментальной» ШОС компенсировалось растущей привязкой центральноазиатских соседей к КНР на двустороннем уровне.

В рассматриваемый период в отношениях КНР с **Казахстаном** обозначились новые тенденции, обусловленные фактором вовлеченности последнего в проект Таможенного Союза и перспективами вывода основного контингента НАТО из Афганистана. Если начало применения Казахстаном Единого таможенного тарифа привело к дефициту китайско-казахстанской торговли и снижению темпов прироста китайского экспорта, то с 2011 г. можно констатировать выраженную реакцию китайской стороны на данные изменения. Об этом свидетельствуют как активизация переговорного процесса по проблеме транс-

граничных рек, новые крупные инвестиции в добывающий и нефтехимический сектор Казахстана, запуск инициированного КНР механизма регулярных встреч глав правительств, так и расширение взаимодействия в области военного сотрудничества и образования, новые акценты на безопасности объектов транспортно-энергетической инфраструктуры Казахстана.

Аналогичны тенденции активизации крупных бизнес-проектов КНР в транспортно-коммуникационном, электроэнергетическом и строительном секторах **Кыргызстана**, с одновременным усилением диалога в сфере безопасности. Несмотря на значительно меньшие масштабы сотрудничества КНР с **Таджикистаном** в регионе, начало вложения крупных китайских инвестиций и расширение участия в сфере разработки природных ресурсов, дальнейшее усиление привязки небольшой таджикской экономики к китайским товарам и кредитам, а также интенсификация сотрудничества органов безопасности свидетельствуют о схожей линии китайского руководства на данном направлении.

С другой стороны, в рассматриваемые годы рост стратегической значимости **Узбекистана** в регионе и очередная возможность «лавирования» Ташкента между крупными игроками также были использованы КНР. В новых условиях были обозначены перспективы выхода китайско-узбекских отношений на уровень стратегического партнерства с приоритетностью экономической сферы сотрудничества. Весомое увеличение китайских инвестиций в сферу узбекских энергоресурсов, рост числа совместных предприятий, дальнейшие инициативы по строительству объектов энергетической и транспортной инфраструктуры можно объяснить задачами развития СУАР в рамках очередной пятилетки, потребностями доступа Китая к новым рынкам через Узбекистан, а также обеспечением безопасности с учетом потенциальных изменений в регионе после 2014 г. Увеличение в 2011 г. китайских инвестиций в нефтегазовую отрасль **Туркменистана** и выход КНР на первые позиции среди импортеров туркменского газа,

расширение инвестиционных проектов в энергетической, химической, транспортной и строительной сферах, усиление привязки к китайским кредитам свидетельствовали об увеличении веса данного государства в центральноазиатской стратегии Китая. При этом фактор стабильности транспортировки энергоносителей в перспективе может стать ключевым в подключении Туркменистана к механизмам ШОС.

Источники:

1. Казахстан в 2011 г.: статистический ежегодник. Агентство Республики Казахстан по статистике. Астана, 2012. 496 с.
2. Кыргызстан в цифрах: статистический сборник: 2012 / Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. – Бишкек, 2012. 331 с.
3. Таджикистан в цифрах: статистический сборник, 2011 / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. Душанбе. 2011. 169 с.
4. Основные показатели внешней торговли Республики Казахстан (январь-декабрь 2012 г.)// Агентство Республики Казахстан по статистике [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.stat.kz/digital/vnesh_torg/Pages/default.aspx. Дата доступа: 03.04.2013.
5. *Чжао Хуашэн*. Шанхай хэцзо цзучжидэ кэнэсин хэ сяньду (Возможности и пределы Шанхайской организации сотрудничества) / Хуашэн Чжао // Гоцзи гуаньча. 2011. № 3. С. 28−34.
6. *Чжун Фэйтэн*. Хоу вэйцзи шидай Чжунго чжоубянь дэ чжаньлюе синши (Формы китайской дипломатии в приграничных странах в посткризисную эпоху) / Фэйтэн Чжун // Оценки приграничной безопасности Китая. Пекин: АОН, 2011. С. 109−119.
7. *Чжу, Хуэй*. Чжунъя дэ дицюй тэдянь юй Чжунго дэ Чжунъя нэнъюань вайцзяо =Региональные особенности Центральной Азии и центральноазиатская энергетическая дипломатия Китая, //Хуэй Чжу/Синьцзян дасюе сюебао (чжесюе, жэньвэнь шэхуэйсюе бань). Вестник Синьцзянского университета (философия, социально-гуманитарные науки). 2011. № 2 (39). С. 93-96.
8. Чжунго юй Оучжоу гоцзя маои тунцзи бяо 2008-2012 нянь (Статистические данные по торговле КНР со странами Европы 2008—2012 гг.) // Чжунхуа жэньминь гунхэго шанъу бу оучжоу сы. Отдел Европы Министерства коммерции КНР [Электронный ресурс].Режим доступа: http://ozs.mofcom.gov.cn/article/date/ . Дата доступа: 13.04.2013.

Забровская Л.В.,
д.и.н., Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

КИТАЙСКО-ЯПОНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: НОВЫЙ ЭТАП ПОЛИТИЧЕСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА

Современные отношения Китая и Японии отмечены многими противоречиями. Существует ряд исторических, политических, международных и региональных проблем, которые разделяют их. Вместе с тем обе страны довольны мирным сосуществованием, сложившимся после Второй мировой войны, проявляют интерес к развитию экономических связей и совместно участвуют в работе международных организаций.

В начальный период «холодной войны» обе страны строили свои взаимоотношения на основе военно-политического противостояния. Непрерывный рост экономического и военного потенциала Китая после завершения «холодной войны» и активизация американо-китайского взаимодействия подтолкнули Японию к осторожному маневрированию между США и Китаем.

Желание американских политиков держать Японию на вторых ролях не может удовлетворить японскую элиту, которая продолжает видеть свою страну в качестве лидера Восточной Азии.

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось обострением китайско-японских отношений. В 2001 г. произошла первая «торговая война». В тот же период японское правительство решило сократить экономическую помощь Китаю, а с 2008 г. и вовсе прекратило ее предоставление, посчитав, что 3,4 трлн иен в качестве экономической помощи и 69,48 млрд долл. японских инвестиций, накопленных Китаем к 2010 г., явились достаточным вкладом в развитие китайской экономики. Масштабная помощь Китаю была призвана обеспечить хорошие отношения между двумя странами и экономически привязать Китай к Японии. От-

каз от предоставления низкопроцентных займов и помощи способен привести к потере Японией стратегической инициативы в отношении своего соседа. Последующие события (землетрясение 2011 г., цунами и авария на АЭС «Фукусима-1») обнаружили ошибочность столь резко негативного изменения японской политики в отношении Китая. Японское правительство было вынуждено обратить внимание на возможности Китая оказывать экономическую помощь Японии.

Полагая, что самой актуальной проблемой во внешней политике Японии является урегулирование территориальных споров с соседями, новый японский премьер Синдзо Абэ отправил специальных представителей в Пекин, Сеул и Москву в целях налаживания связей, подчеркнув при этом, что «отношения между Японией и Китаем являются особо важными». Вместе с тем свой первый зарубежный визит он совершил не в Вашингтон, как ранее ожидалось, а в столицы ведущих стран АСЕАН – Бангкок, Ханой и Джакарту, где Япония наряду с Китаем являются важным инвестором. На пресс-конференции в Джакарте Синдзо Абэ заявил о строгой приверженности Японии принципам свободы торговли и мореплавания, взаимовыгодного экономического сотрудничества, укрепления культурных связей, а главное, необходимости придерживаться и действовать в соответствии с международным морским правом при решении спорных вопросов. Последнее является скрытой критикой Китая и его стремления «поиграть военными мускулами» при решении территориальных споров. Подобное заявление японского премьера можно расценить как желание убедить Пекин, что следование международному праву является лучшим способом сохранить мир в Восточной Азии. Вряд ли эта поездка преследовала цель создания антикитайской коалиции, поскольку в Токио понимают важность связей с Китаем для всех стран ЮВА.

По всей видимости, новое руководство Китая во главе с Си Цзиньпином также намерено укреплять разносторонние связи с

экономически развитым соседом, несмотря на разногласия по вопросу о принадлежности островов Сенкаку–Дяоюйдао.

Специфика современного этапа китайско-японских отношений заключается в том, что обострение военно-политического соперничества и конкуренции сопровождается усилением экономической взаимозависимости и повышением уровня заинтересованности друг в друге при решении региональных задач. В ближайшее время тесные связи между Японией и США не позволят Токио кардинально изменить политику в отношении Китая.

Продолжающийся рост китайского военного потенциала и политико-экономического влияния приведет к усилению японского маневрирования между своим союзником (США) и региональным соседом (Китаем). В таком случае Китай, скорее всего, займет позицию наблюдателя и начнет прагматично подходить к сотрудничеству с Японией по различным вопросам региональной политики. В результате двусторонние отношения приобретут характер неопределенности и будут зависеть от личных предпочтений руководителей двух стран.

Задериенко С.И.,
к.воен.н., АСВ, Украина

КИТАЙ В СВЕТЕ ДОКЛАДОВ И ПРОГНОЗОВ АНАЛИТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США

Сегодня прогнозы многих зарубежных экспертов по поводу развития КНР ярко свидетельствуют о постоянном усилении его региональной и глобальной роли. Как следствие информационная политика некоторых зарубежных стран направлена на подготовку отчётов и прогнозирование ситуаций противопоставления КНР странам АТР, при которых авторитет Китая может быть частично подорван либо нивелирован.

В частности, различными организациями США опубликован ряд документов отчётного и прогностического характера, содержание которых решительно осудил МИД КНР. Вот неко-

торые из них. 30 апреля 2013 г. вышел ежегодный доклад Комиссии США по проблемам международной религиозной свободы (USCIRF); 2 мая 2013 г. опубликован доклад Исследовательского центра Фонда Карнеги под названием «Военная мощь Китая и американо-японский альянс в 2030 г.: стратегическая оценка»; 6 мая 2013 г. Министерство обороны США представило своему Конгрессу доклад «Развитие военной мощи и безопасности в КНР в 2013 г.».

По мнению USCIRF, в 2012 г ситуация со свободой вероисповедания в Китае заметно ухудшилась. В докладе, в частности, указывают на якобы существующее религиозное ущемление прав тибетских буддистов и уйгурских мусульман, попытку сдерживания роста независимых католических и протестантских групп, а также преследование сторонников учения Фалуньгун.

В докладе Фонда Карнеги высказаны критические замечания по поводу непредсказуемого поведения Японии и Китая. Одним из вариантов, в котором Пекин может развязать боевые действия против Японии в территориальном споре, считают возможный спад его экономики. Например, снижение темпов роста экономики до 3–4% приведет к неприемлемо высоким уровням безработицы в Китае и неполной занятости, упадку и недостаточности системы социального обеспечения, ещё большему различию в региональных доходах, процветанию элитарной коррупции. Всё это, по мнению авторов доклада, приведёт к более тяжелому и длительному уровню социальных волнений, нестабильности управления или значительному снижению легитимности правительства. Власти Китая в этом случае могут принять агрессивные и провокационные внешнеполитические действия в отношении стран АТР, чтобы отвлечь внимание общественности от внутренней ситуации и усилить поддержку своих решений.

В докладе Министерства обороны США говорится о том, что «Китай продолжает использовать иностранные инвести-

ции, коммерческие совместные предприятия, академический обмен, опыт репатриированных китайских студентов и исследователей, а также спонсируемый государством промышленный и технический шпионаж для повышения уровня технологий и с целью поддержки военных исследований». Кроме того, «…в 2012 г. многочисленные компьютерные системы по всему миру, в том числе государственные сети в США, подвергались попыткам проникновения, многие из которых, судя по всему, можно напрямую приписать китайскому правительству и вооруженным силам», – говорится в американском докладе. Ранее США старались избегать подобных публичных обвинений в адрес китайских властей.

Источники

1. Press Release: USCIRF's 2013 Annual Report on the State of International Religious Freedom Identifies World's Worst Violators // http://www.uscirf.gov/news-room/whats-new-at-uscirf/3987-press-release-uscirfs-2013-annual-report-on-the-state-of-international-religious-freedom-identifies-worlds-worst-violators-april-30-2013-.html.
2. Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2013 // http://www.defense.gov/pubs/2013_China_Report_FINAL.pdf.
3. China's Military and the U.S.-Japan Alliance in 2030: A Strategic Net Assessment // http://carnegieendowment.org/2013/05/03/china-s-military-and-u.s.-japan-alliance-in-2030-strategic-net-assessment/g1wh.

Кадырова Л.И.,
соискатель, Институт Востоковедения и международных отношений Казанского Федерального Университета

КИТАЙСКИЙ ФАКТОР ШОС

Шанхайская организация сотрудничества официально появилась в 2001 г. Она стала логическим продолжением «Шанхайской пятерки». Китай является одним из основоположников и активным участником объединения. Более того, участие в

ШОС стало поворотным моментом в усилении внимания Китая к регионализму как одной из основных движущих сил мировой политики.

Шанхайской организации сотрудничества КНР отводит достаточно большую роль в своей внешней политике. Это определяется тем, что ряд важных среднесрочных и долгосрочных интересов страны может быть реализован в контексте деятельности ШОС. Во-первых, это возможность обеспечения внутренней безопасности через безопасность в регионе. Сепаратизм в Китае неотделим от аналогичных течений в центральноазиатских государствах ввиду общности народов и проблем. Борьба с такими традиционными угрозами, как сепаратизм, экстремизм и терроризм является одной из основополагающих задач стран-участниц ШОС. Во-вторых, ШОС позволяет также объединять усилия по противоборству нетрадиционным угрозам безопасности, а именно международной преступности, наркотрафику, нелегальной миграции и т.п. В-третьих, ШОС дает Китаю огромные возможности для расширения экономического сотрудничества с соседями по региону. Это свободный доступ к обширным рынкам других стран-участниц для сбыта своей продукции, энергетическое сотрудничество. Китай нуждается в богатых природных ресурсах своих соседей для продолжения наращивания темпов развития.

Кроме чисто практических задач, Китай в рамках ШОС преследует и определенные стратегические цели. Во-первых, укрепление своего положения на просторах Центральной Азии, а во-вторых, недопущение усиления там других мировых игроков, прежде всего, США. Руководство КНР отчетливо понимает, что только коллективные усилия могут обеспечить противовес НАТО в регионе. В этом фокусе особое значение приобретает взаимодействие с Россией. Для КНР РФ представляет собой очень выгодного союзника, который также выступает против активизации Америки, плюс совершенно не вмешивается во внутренние китайские дела.

На современном этапе Китай заинтересован в ШОС прежде всего с точки зрения экономической деятельности. Страна пытается усилить в рамках организации элементы торгово-экономического сотрудничества. Однако это вызывает озабоченность центральноазиатских республик, которые опасаются экономической экспансии Китая, и России, которая выступает преимущественно за активное взаимодействие в сфере укрепления безопасности.

В свете актуализации вопроса о расширении состава ШОС Китай занимает неоднозначную позицию. Так, например, в отношении вступления в ШОС Индии: пополнение числа участников сильным актором повысит авторитет и вес объединения в мире, что отвечает интересам Пекина, но при этом КНР не заинтересована в участии Индии на правах члена ввиду соперничества двух государств.

Учитывая повышенное внимание к ШОС со стороны мирового сообщества, дальнейшая деятельность Китая в рамках данного объединения вызывает большой интерес.

Калмыков П.Н.,
к.и.н., МГУ им. М.В. Ломоносова

МИГРАЦИОННАЯ И ДИАСПОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ: ЗАРУБЕЖНАЯ ДИАСПОРА КАК СРЕДСТВО МОДЕРНИЗАЦИИ КНР

После перехода к политике реформ и открытости китайское правительство неизменно рассчитывает на участие соотечественников за рубежом в деле привлечения в КНР зарубежных инвестиций, импорта новейших технологий, создания транснациональных корпораций с участием китайского капитала.

Власти Китая разрабатывают и проводят в жизнь сложный политический курс, который условно можно разделить на два взаимосвязанных направления – регулирование миграционных потоков и диаспоральную политику.

В современной миграционной политике КНР наблюдаются следующие тенденции:

- происходит постепенная либерализация ограничений на выезд китайцев за рубеж;
- упрощается процедура въезда зарубежных соотечественников в страну, принимаются меры по возвращению в страну реэмигрантов;
- осуществляется экспорт рабочей силы за границу для работы по контрактам;
- поощряется отправка молодежи за рубеж для получения высшего образования, а также стимулируется возвращение молодых китайских специалистов из-за границы на родину.

В целом политика Пекина в последние три десятилетия направлена на максимальное расширение миграционных потоков и интенсификацию процессов миграции.

Результатом проводимой Пекином миграционной политики явилось резкое увеличение в конце 1990-х гг. числа международных мигрантов из КНР. Наблюдается радикальный рост всех видов миграционных потоков из Китая – от туристических поездок до эмиграции на постоянное местожительство. Впервые в истории это явление приобретает по-настоящему массовый характер. По данным китайской статистики, с 1997 по 2010 гг. общее число зарубежных поездок граждан КНР возросло более чем в 20 раз – с 2,44 млн до 51,5 млн в год.

Диаспоральная политика КНР предполагает следующие меры:

- налаживание и укрепление связей китайской диаспоры со страной исхода;
- создание благоприятных условий для привлечения капитала зарубежных соотечественников в китайскую экономику;
- патриотическое воспитание зарубежных китайцев, формирование у них положительного образа и лояльного отношения к КНР, приобщение их к китайской культуре;
- консолидация китайской диаспоры на международном

уровне посредством создания и развития сети разного рода ассоциаций зарубежных китайцев.

С конца 1970-х гг. КНР стремится активно взаимодействовать со своей зарубежной диаспорой, причем не только с соотечественниками, сохранившими китайское гражданство, но и с лицами, имеющими китайское происхождение, пусть и являющимися подданными других государств. На XVIII съезде КПК (ноябрь 2012 г.) Ху Цзиньтао в его заключительной речи в качестве генерального секретаря ЦК КПК объединил китайцев в КНР и за ее пределами понятием «широчайший патриотический единый фронт».

Осознанная и последовательная политика, проводимая нынешним руководством Поднебесной в отношении внешней миграции и своих зарубежных соотечественников, сделала китайскую диаспору эффективной частью механизма осуществления модернизации КНР. За три с небольшим десятилетия, прошедшие после смены политического курса в КНР, властям Поднебесной удалось не только завоевать доверие своих зарубежных соотечественников, но и превратить китайскую диаспору в эффективный инструмент развития государства.

Каменнов П.Б.,
к.полит.н., ИДВ РАН

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ

Согласно китайским взглядам международная обстановка характеризуется сложностью и противоречивостью мировых процессов. Наряду с тем, что доминирующими тенденциями продолжают оставаться мир и развитие, *усиливаются факторы неопределенности и нестабильности*. Налицо тенденция нарастания как традиционных, так и нетрадиционных угроз.

Стратегия Китая в сфере военной безопасности заключается в осуществлении широкого комплекса превентивных мер политического, дипломатического, экономического и военного характера, направленных на создание благоприятных условий внутри и

вокруг Китая и уменьшение факторов нестабильности.

XVIII съезд КПК подтвердил установку на реализацию принятой в 2006 г. трехшаговой программы модернизации национальной обороны до 2050 г. Поставлена задача создания вооруженных сил, соответствующих растущему международному статусу КНР.

Задачи вооруженных сил Китая в пространственном измерении расширены и включают не только защиту суверенитета и территориальной целостности страны по периметру границ, но также обеспечение безопасности на морях, в мировом океане, в воздушном, космическом и в электронном информационном пространстве. Сохраняется стратегия «активной обороны», суть которой выражена в принципе: «Китай не нападает первым, но в случае агрессии ответит контрударом».

Одновременно реализуется *концепция комплексной безопасности*, предполагающая способность армии эффективно выполнять *как военные, так и невоенные* операции (под последними понимаются спасательные операции во время чрезвычайных происшествий и стихийных бедствий).

Нынешняя установка «обеспечивать абсолютное руководство партии над армией» по существу означает незыблемость принципа «партия командует винтовкой».

Стремление Китая развивать конструктивный диалог с США по проблемам военной безопасности встречает противодействие в виде политики «сдерживания» Китая, направленной на сохранение доминирующего положения США в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Согласно национальной военной стратегии США (версия 2012 г.) США намерены переориентировать имеющиеся ресурсы на АТР, поскольку усиление Китая содержит потенциальную угрозу безопасности и экономике США.

В связи с установкой XVIII съезда КПК на превращение Китая в морскую державу в феврале 2013 г. правительство КНР утвердило программу создания надводных кораблей с

атомной силовой установкой, в первую очередь авианосцев. Предпринимаются меры по повышению способности китайских ВМС к ведению боевых действий в отдаленных районах мирового океана.

Армия используется в качестве инструмента по *обеспечению внутриполитической стабильности*. Эти функции НОАК становятся весьма актуальными ввиду роста в Китае числа социальных инцидентов, вызванных негативными последствиями рыночных преобразований.

Важное значение придается повышению возможностей армии по *предотвращению террористических угроз* внутри страны. В этой связи усовершенствована 4-уровневая система антитеррористических сил.

В 2012 г. вооруженные силы Китая неоднократно использовались для осуществления демонстративных акций в защиту суверенитета КНР над островами Дяоюйдао (Сенкаку) в Восточно-Китайском море, являющимися предметом территориального спора между КНР и Японией.

Российско-китайское военное и военно-техническое сотрудничество ныне осуществляется в условиях усиления стратегического взаимодействия двух стран в международных и региональных делах и сохраняет хорошие перспективы.

В 2013 г. Китай предпринял первые шаги в направлении открытости сферы военного строительства, опубликовав некоторые сведения о численности НОАК, а также о нумерации и дислокации 18 общевойсковых армий (ОА) сухопутных войск НОАК по военным округам.

Опираясь на растущую экономическую мощь, *Китай из года в год увеличивает военные расходы*. По мнению большинства аналитиков, реальные военные расходы Китая в среднем на 40–50% превышают официальные и в 2013 г. могут составить 160–170 млрд долл., что ставит Китай на второе место в мире после США, военные расходы которых на тот же период утверждены в объеме 633 млрд долл.

НОАК расширяет свое участие в *невоенных операциях по поддержанию мира и укреплению международной безопасности*, которые включают антипиратские и антитеррористические операции, миссии по оказанию гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, миротворческие миссии под эгидой ООН.

Киреева А.А.,
МГИМО(У) МИД России

ВЕЛИКИЕ АЗИАТСКИЕ ДЕРЖАВЫ КИТАЙ – ЯПОНИЯ – ИНДИЯ И КОНФИГУРАЦИЯ СИЛ В АТР

В настоящее время Азиатско-Тихоокеанский регион играет все более важную роль в мировой политике и экономике. Помимо США, представляющих собой отдельный центр силы в регионе, центральную роль в региональных процессах в АТР играют великие азиатские державы – Китай, Япония и Индия.

На начальном этапе формирования макрорегиона особую роль сыграла японская модель т.н. «гусиного клина», которая привела к возникновению технологических цепочек, связывающих Японию и страны региона. Однако в результате азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. позиции Японии были подорваны, и в 2000-х гг. на роль не просто звена в японской схеме, а уже самостоятельного регионального центра выдвинулся Китай, что было вызвано как высокими и стабильными темпами экономического роста, так и проведением более активной внешней политики. Экономический рост, демографические показатели, военная мощь и геополитические соображения делают Китай ключевым актором в АТР. Вместе с тем наметилась тенденция возвышения еще одного азиатского гиганта – Индии, демонстрирующей стабильные темпы прироста ВВП (около 5–6% в год в течение последних 20 лет), обладающей значительной военной мощью и вторыми после КНР демографическими ресурсами. Отсутствие комплиментарной взаимозависимости с государствами Южной Азии подтолкнуло

Индию к усилению внешнеполитического и экономического взаимодействия со странами АТР.

Китай, Япония и Индия попадают под определение великих держав, и отношения между этими азиатскими странами будут определять развитие АТР. По мнению некоторых аналитиков, эти страны рассматривают друг друга как реальных или потенциальных противников, что приведет к борьбе за лидерство в регионе в духе баланса сил. Представляется, что отношения между данными странами носят более сложный характер и не исчерпываются одной лишь тенденцией к соперничеству. Действительно, под воздействием ряда факторов Китай и Индия расценивают друг друга как стратегических соперников в Азии. Однако позиции стран на мировой арене совпадают по важнейшим международным проблемам, и за последние годы были достигнуты серьезные позитивные сдвиги, в том числе в экономической сфере. Отношения Китая и Японии характеризуются преобладанием военно-политического оппонирования при усиливающейся экономической и технологической взаимозависимости. Индию и Японию связывают отношения стратегического партнерства, которые тем не менее имеют скорее политическое, чем экономическое выражение.

Такие факторы, как экономическое и политическое возвышение сверхкрупных государств региона – Индии и Китая, укрепление союза безопасности между Японией, которая до сих пор является самой развитой страной в Восточной Азии, и США, которые стремятся не выпускать региональные процессы из-под контроля и провозгласили курс на «возвращение в Азию» в 2011 г., – ставят на повестку дня вопрос о том, как именно будет происходить форматирование АТР и какова будет роль России в этом процессе.

Источники

1. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации» : научно-образовательный комплекс / под ред. А.Д. Воскресенского; МГИМО(У) МИД России. М.: МГИМО. Университет. 2010. 444 с.

2. *Колдунова Е.В*. Дефецит лидерства в Восточной Азии: шансы для малых и средних стран // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 2. С. 70-81.
3. *Портяков В.Я*. О некоторых особенностях внешней политики Китая в 2009-2011 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 2. С. 27-42.
4. *Юрлов Ф.Н*. КНР, Индия и США: соотношение сил меняется // Азия и Африка сегодня. 2013. № 1. С. 2-9. № 2. С. 2-10.
5. Asia Responds To Its Rising Powers: China and India / ed. by A.J. Tellis, T. Tanner, J. Keough. – Seattle: The National Bureau of Asian Research. 2011. 380 p.
6. *Emmot B*. Rivals: How the Power Struggle Between China, India and Japan will Shape Our Next Decade. London: Penguin Books. 2009. 315 p.

Кононенко М.Г.,
аспирантка Института международных отношений Киевского Национального университета им. Т. Шевченко, Украина

ПРОБЛЕМА ИРАНСКОЙ ЯДЕРНОЙ ПРОГРАММЫ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КИТАЕМ И САУДОВСКОЙ АРАВИЕЙ

Сбалансированные действия во внешней политике Китая в отношениях с Саудовской Аравией и с Ираном становятся все более актуальными на сегодняшний день, учитывая их стремительно развивающиеся политические, военные, экономические двусторонние связи.

Сегодня Саудовская Аравия является главным поставщиком нефти в КНР, которая по объему импорта энергоресурсов за последние несколько лет вышла на первое место в мире, обогнав Соединенные Штаты. Сотрудничество этих двух стан с каждым годом становится все теснее, о чем свидетельствуют как экономические показатели, так и заявления высших должностных лиц двух государств.

В то же время доля Ирана в импорте нефти Китая составляет всего 10%. Но, будучи претендентом на лидерство в ре-

гионе и противником проамериканских режимов, это государство, по китайским расчетам, могло бы сыграть ключевую роль в расширении китайского влияния в Персидском заливе и смещении США с доминирующих позиций на Ближнем Востоке.

Жизненным интересом арабских государств в нынешнее время является предотвращение развития иранской ядерной программы. Они рассматривают Исламскую Республику в качестве врага и опасаются, что ядерный Иран подорвал бы региональную стабильность на Ближнем Востоке. Существует мнение, что США имеют возможность изменить отношение Китая к иранской проблеме посредством влияния со стороны Саудовской Аравии, которая является ключевым союзником Штатов в регионе. Признавая масштабное развитие синосаудовских отношений, Вашингтон решил заручиться поддержкой монархии в попытках убедить Пекин изменить свой курс в отношении Тегерана.

Позиция Пекина по иранской ядерной программе официально основывается на принципе невмешательства. Китай полагает, что любое государство, подписавшее ДНЯО, имеет право мирного использования ядерных технологий в том случае, если оно не нарушает условий договора. Таким образом, Китай фактически стремится совместить в своей политике три принципа: не вмешиваться во внутренние дела других государств, не участвовать в распространении ядерного оружия и не портить отношения как с ближневосточными поставщиками энергоресурсов, так и с другими участниками кризиса. Более того, руководители как Китая, так и Саудовской Аравии соглашаются с тем, что экономические и военные санкции для Ирана не будут иметь эффективности. Кроме того, из-за все более тесного сотрудничества между Исламской Республикой и КНР большую роль играют и экономические интересы Китая. Суть вопроса заключается не только в бесперебойных поставках нефти, но и в миллиардных китайских инвестициях в иранскую промышленность. Китай предоставляет важнейшую тех-

ническую поддержку в развитии иранского энергетического сектора – помощь, против которой возражают Соединенные Штаты.

Таким образом, энергетический вопрос представляет собой ключевой фактор и наибольший вызов в отношениях Китая с Ираном и с Саудовской Аравией. С одной стороны, Тегеран действительно является важным партнером Пекина, но сино-саудовские отношения важны в еще большей степени. Иранская нефть имеет сравнительно меньшее значение для Китая, в то время как Китай для Ирана – это второй по величине экономический партнер, который имеет возможность оказывать ощутимое давление на Иран. Логическим результатом может быть то, что чем больше Китай будет закупать нефти из монархии, тем меньше ему понадобится нефти из Ирана, что позволит Китаю поддержать строгие санкции против ядерной программы Исламской Республики. США, таким образом, могут использовать фактор сино-саудовских отношений для сдерживания Ирана.

Подводя итог, следует сказать, что Саудовская Аравия как сегодня, так и в будущем будет продолжать зависеть от американских гарантий безопасности и ее дипломатических связей с Вашингтоном. Китай, в свою очередь, заинтересован в продолжении плодотворных и партнерских отношений как с Саудовской Аравией, так и с Ираном, а также в стабильности связей с Соединенными Штатами. В данной ситуации основное внимание концентрируется на том, удастся ли Китаю балансировать свои действия в выгодном для себя ключе с целью обеспечения собственных интересов, а также на том, каким образом будут в дальнейшем развиваться отношения Пекина с двумя государствами, борющимися за лидерство в регионе Персидского залива.

Источники

1. *Chris Zambelis*. Shifting Sands in the Gulf: The Iran Calculus in China-Saudi Arabia Relations. China Brief Volume: 10 Issue: 10, May 2010. - http://www.jamestown.org.

2. *Jurgen C.U*. Budike.Securing China's Oil Supply From the Persian Gulf The Case of Iran and Saudi Arabia. International School for Humanities and Social Sciences, Amsterdam, July 2010. - http://epa.iias.asia.
3. *Lounnas Djallil*. China and the Iranian Nuclear Crisis: Between Ambiguities and Interests. European Journal of East Asian Studies, 2011. - http://gpf-europe.com/upload/EJEAS_010_02_05-Djallil.pdf.

Криворотов А.К.,
к.э.н., Штокман Девелопмент АГ, Москва

ВОПРОСЫ АРКТИКИ В ОТНОШЕНИЯХ КИТАЯ СО СТРАНАМИ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ

В современном Китае, как и во всех крупных странах АТР независимо от географической широты, наблюдается резкий рост интереса к Крайнему Северу. Политическим отражением этого процесса стало присуждение в мае 2013 г. пяти азиатским странам, включая КНР, статуса наблюдателей в Арктическом совете.

Проникновение Китая в Заполярье идет по нескольким связанным направлениям: политические контакты со странами региона; научные исследования (включая создание постоянной полярной станции на норвежском Шпицбергене, регулярные экспедиции и планы строительства уже второго ледокола); торговые, инвестиционные, гуманитарные связи.

Насколько можно судить, в Арктику Китай привлекают, во-первых, природные ресурсы, и особенно те, которые рентабельно могут быть физически доставлены в КНР на переработку (прежде всего металлические руды). Во-вторых, альтернативные транспортные коридоры на рынки Европы и Восточного побережья США, позволяющие КНР достичь экономии на перевозках и снизить однобокую зависимость от Малаккских проливов. Это Севморпуть, выходы по железной дороге на незамерзающие арктические порты России и Норвегии, а в обозримой перспективе – и трансполярные морские перевозки че-

рез Центральную Арктику.

Особое место в планах Китая занимают страны Северной Европы, прежде всего имеющие выход к Ледовитому океану. Они занимают выгодное географическое положение в Арктике и Северной Атлантике, частично входят в ЕС и НАТО, обладают серьезным технологическим потенциалом и при этом не имеют геостратегических амбиций.

Для стран Скандинавии традиционными внешнеполитическими приоритетами являются стимулирование национального экспорта, проблематика прав человека и экологии (особенно сокращения выбросов парниковых газов). С этих позиций Китай представляет для них все больший интерес – в частности, он уже стал для каждой страны Северной Европы крупнейшим торговым партнером в Азии.

Кроме того, в период мощных экономических потрясений в странах Запада, включая США и Евросоюз, КНР предстает и как важный потенциальный инвестор. Это особенно верно для Исландии, едва оправившейся от острейшего банковского кризиса 2008 г., и Гренландии, которая получила в 2009 г. широкую автономию в рамках Датского королевства (с перспективой полного государственного самоопределения) и нуждается в срочном экономическом подъеме.

Анализ официальных правительственных материалов, докладов экспертов и разведслужб стран Скандинавии свидетельствует, что проникновение Китая в Арктику еще слабо ими осмыслено. По сути, со стороны северян идет импровизация, основные направления которой – политический диалог (который поднят на высший уровень и обрел невиданную интенсивность), поощрение двусторонних экономических связей и всемерная поддержка китайских подходов о широком вовлечении неарктических стран в обсуждение проблем Арктики.

Сближение скандинавов с Китаем сулит им определенные выгоды, но вызывает растущее беспокойство стратегических союзников по НАТО, которые придерживаются позиций гло-

бального сдерживания КНР. Кроме того, «китайский фактор» уже серьезно сказывается на внутриполитической обстановке в странах Скандинавии. Наиболее деятельными сторонниками прагматического сближения с КНР выступают социал-демократические партии, правившие в последние годы в Дании и Гренландии, в Исландии и Норвегии. Но в 2013 г. все они проигрывают парламентские выборы (проходящие везде, кроме Дании). Данный политический поворот может иметь влияние на развитие отношений Скандинавии с КНР, что представляет очевидный прикладной интерес и для России как их общего соседа и ведущей арктической державы.

Кривохиж С.В.,
СПбГУ

ОТ ПРОПАГАНДЫ К ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ОПЫТ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Публичная дипломатия – сравнительно новый термин для китайских исследователей, но о том, что его популярность неуклонно растет, свидетельствует резко увеличившееся количество публикаций на данную тему. Немаловажным для китайских ученых является вопрос сходства и различия публичной дипломатии и внешнеполитической пропаганды. Если западное научное сообщество склонно практически единогласно резко разграничивать эти два понятия, то китайские авторы зачастую рассматривают публичную дипломатию как логическое продолжение внешней пропаганды (*вайсюань*) в новых условиях и с новым названием. Даже те, кто явно не подчеркивают эту связь, отмечают общие элементы, такие как, например, инструменты воздействия: газеты, телевидение, радио и т.д., которые успешно использовались в Китае задолго до появления термина публичная дипломатия. Среди характерных черт публичной дипломатии западные исследователи отмечают то, что она в отличие от пропаганды не является обманом, а подкрепляется реальными достижениями и успехами государ-

ства. К тому же в ее арсенале гораздо большее количество инструментов, таких как культурные и научные программы или участие в решении глобальных проблем. Среди важных отличительных факторов отмечается интерактивный характер взаимодействия с иностранной аудиторией.

Немалую роль в активном использовании КНР пропаганды сыграл тот факт, что Коммунистическая партия Китая накопила серьезный опыт в данной сфере еще до прихода к власти в 1949 г. Так, в 1928 г. в Сан-Франциско был издан первый специализированный журнал «Пионер», который был призван освещать политику КПК и обличать действия японской армии на территории Китая. Знакомство Мао Цзэдуна с американским журналистом Эдгаром Сноу заложило основу для еще одного успешного приема – освещения политики страны с помощью представителей иностранных СМИ. В 1940 г. под эгидой «Красного информационного агентства Китая» (впоследствии переименованного в «Синьхуа») была создана первая в Китае радиостанция в г. Яньань. Таким образом, были заложены основы трех основных направлений деятельности в рамках внешнеполитической пропаганды: выпуск печатных изданий на иностранном языке, радиовещание и личные связи с иностранными журналистами. Однако ввиду идеологизированности политического курса КНР, внешнеполитическая пропаганда была направлена на обеспечение специфических задач внешней политики того периода. С переходом к реформам и открытости изменился весь характер внешней политики страны, а старые приемы пропаганды перестали отвечать требованиям времени. С тех пор как руководство страны осознало эффективность публичной дипломатии и сделало ее развитие одним из приоритетных направлений, Китаю удалось существенно расширить используемый инструментарий. За последние годы не только усовершенствуются проверенные приемы взаимодействия с иностранными аудиториями, но и активно развиваются новые. К ним можно отнести распространение

китайской культуры и языка посредством сети Институтов Конфуция, спонсирование программ обмена студентов и ученых, активное участие Китая в обсуждении глобальных проблем, привлечение новых технологий для информирования иностранных аудиторий и для налаживания каналов активного взаимодействия с ними, проведение глобальных культурных мероприятий.

Источники:

1. Доклад Ху Цзиньтао на XVII съезде КПК http://www.china.com.cn/17da/2007-10/24/content_9119449_2.htm
2. *Ломанов А.В*. Роль культурного наследия в формировании облика Китая за рубежом // Культурное наследие в современной политической и социальной практике стран дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Сборник статей / СПб.: СПбГУ. 2011.
3. *Цюй Син*. Гунгун вайцзяо дэ цзиндянь ханьи юй чжунго тэсэ (Классическое значение публичной дипломатии и китайская специфика). Гоцзи вэньти яньцзю. 2010. № 6.
4. *Mark Leonard, Catherine Stead, Conrad Smewing*. Public Diplomacy. London. The Foreign Policy Centre. 2002.

Ларин А.Г.,
к.ф.н., ИДВ РАН

К ОЦЕНКЕ РОЛИ КИТАЙСКОЙ ДИАСПОРЫ В ЭКОНОМИКЕ ПРИНИМАЮЩИХ СТРАН

Будучи крупнейшей в мире, китайская диаспора оказала и продолжает оказывать заметное влияние на экономическое развитие многих стран, особенно государств ЮВА. В Индонезии и Филиппинах при доле 3–4% в общей численности населения китайская диаспора контролирует 60–70% экономики.

Переход КНР к политике открытости и ее впечатляющий подъем резко изменили облик китайской диаспоры и придали новый импульс ее деятельности. Новая волна эмиграции из Китая увеличила численность диаспоры на 10 млн человек. Радикальным образом изменилась политика правительств АСЕАН в отношении китайского меньшинства, которое стало рассматриваться как важная сила национального строительства.

Исторически деятельность китайской диаспоры способствовала росту базовых экономических показателей стран ее проживания, таких как ВВП, объем экспорта, средние доходы населения. Благодаря своим международным деловым связям китайцы помогли странам ЮВА интегрироваться в глобальный рынок. Не будучи создателями новых современных технологий, они тем не менее стали переносчиками уже обкатанных технологий из развитых государств на местную почву.

Вместе с тем в ряде других аспектов воздействие китайской диаспоры на экономику принимающих стран оценивается некоторыми экспертами негативно (в вопросах разделения труда, распределения социальных ролей и др.). В перспективе считается возможным усиление сырьевой направленности стран АСЕАН в экономических отношениях с КНР и закрепление за диаспорой компрадорских функций в системе этих отношений. Одновременно прогнозируется дальнейшее размывание дискриминационного отношения к этническим китайцам, их более активное участие в политической жизни.

Китайские диаспоры в других развивающихся странах по характеру хозяйственной деятельности во многом сходны с диаспорами в ЮВА.

Иной облик имеют китайские меньшинства в развитых странах, особенно в США. Здесь китайская диаспора отличается высоким образовательным и материальным уровнем, более 50% ее экономически активной части – это квалифицированные профессионалы, работающие в индустрии высоких технологий, в исследовательских центрах, системе образования, медицине, банковской сфере, юриспруденции. В качестве предпринимателей, исследователей, инженерно-технического персонала, менеджеров китайцы вносят существенный вклад в разработку и в производство инновационной продукции. Работая в фирмах, экспортирующих в Китай современные технологии, представители китайской диаспоры способствуют развитию американо-китайского экономического и научно-

технического сотрудничества.

Среди новых мигрантов особое место занимает молодежь, приезжающая на учебу или стажировку в американские университеты. По окончании учебы часть ее оседает в США, пополняя собой ряды «белых воротничков». Американские образовательные ведомства чрезвычайно заинтересованы в «притоке мозгов» из КНР и прилагают серьезные усилия, чтобы привлечь в страну китайских студентов, предоставляя им льготы и оказывая материальную помощь, в том числе через международные организации.

В миграционном потоке из Китая обращает на себя внимание растущая инвестиционная иммиграция, порожденная недовольством состоятельных граждан КНР ухудшением экологической обстановки в стране, коррупцией, демографическими ограничениями, идеологическим контролем и т.д.

Китайская диаспора гармонично интегрирована в американское общество, где антикитайские настроения слабы и проявляются лишь на бытовом уровне, в том числе в виде «стеклянного потолка», препятствующего служебному росту работников-китайцев.

Успехи китайской диаспоры в разных странах, в разнообразных условиях обусловлены личностными и социальными особенностями китайцев, выработанными в результате долгого исторического опыта.

В свете вышеизложенного возникает вопрос, можно ли шире использовать созидательный потенциал китайской диаспоры в России, где сегодня подавляющее большинство из составляющих диаспору 400–500 тыс. человек занято низкоквалифицированным трудом?

Лексютина Я.В.,
к.полит.н., СПбГУ

НАРАСТАЮЩЕЕ СОПЕРНИЧЕСТВО КИТАЯ И США В АТР КАК ФАКТОР РЕГИОНАЛЬНОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Феномен возвышения Китая является принципиальным фактором, оказывающим определяющее влияние на ситуацию в сфере безопасности в АТР и на всю подсистему международных отношений в АТР. Обеспокоенность Вашингтона стремительным усилением Китая и его потенциальной способностью бросить вызов руководящей роли США в регионе стала одной из мотивационных составляющих решения США о смещении в АТР стратегического центра тяжести своей внешней политики. Второй мотивационной составляющей такого решения стали изменения в самом АТР, его выход на передовые позиции в мировой экономике и политике. В этой связи основная задача, обозначившаяся перед Вашингтоном в этом регионе — это возвращение своих отчасти утраченных позиций в АТР и недопущение становления Китая в качестве регионального лидера. Необходимость усиления своих позиций в АТР была осознана в Вашингтоне еще в последние годы периода администрации Дж. Буша-младшего, но официально «возвращение в Азию» было провозглашено Б. Обамой в 2009 г. Китай, в свою очередь, не намерен сдавать своих позиций в ближнем окружении. Это приводит к интенсивному американо-китайскому соперничеству в АТР, на современном этапе проявляющемуся в двух сферах.

Первое – это соперничество за приоритет той или иной модели интеграционных процессов в АТР. И США, и Китай предлагают собственные, конкурирующие друг с другом модели региональной интеграции, предполагающие создание зоны свободной торговли без участия своего визави: Вашингтон продвигает модель развития интеграционных процессов в

формате Транстихоокеанского партнерства, Китай – в формате Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (АСЕАН+6).

Второе — это соперничество в военно-политической области. В последние три года наблюдается интенсификация военно-политического сотрудничества США и Китая со странами региона. Наблюдаются попытки «перетягивания» на свою сторону ключевых государств региона: в центре дипломатических усилий США и Китая оказались Вьетнам, Филиппины, Мьянма, Таиланд и др. США и Китай форсировано наращивают свое военное присутствие в регионе и в первую очередь своих военно-морских сил. Оба государства пытаются расширить доступ к азиатским военным базам и портам. Существенно увеличилась частота и масштаб проводимых в регионе военных учений США (совместно с другими странами региона и в особенности с Японией, Южной Кореей и Вьетнамом) и Китая.

Действенным методом реализации политики «возвращения в Азию» стало вмешательство Вашингтона в существующие территориальные споры между Китаем и группой стран-членов АСЕАН в Южно-Китайском море и межу Китаем и Японией в Восточно-Китайском море. Искусно эксплуатируя эти территориальные противоречия, США укрепляют отношения с вовлеченными в эти споры Филиппинами, Вьетнамом и Японией, расширяют взаимодействие с АСЕАН и сдерживают возрастающее региональное влияние Китая.

Военно-политическое соперничество США и Китая приводит к милитаризации региона, гонке вооружений. Страны региона, вовлеченные в те или иные территориальные споры, начинают увеличивать свой оборонный бюджет, усиливать свои вооруженные силы.

В целом анализ сложившейся ситуации позволяет сделать следующий вывод: поскольку в экономической плоскости Вашингтону трудно конкурировать в АТР с Китаем (экономические связи стран региона с Китаем слишком тесны, их заинтересован-

ность в развитии экономических контактов именно с Китаем высока), а интеграционная модель АСЕАН+6 имеет более весомые шансы быть воплощенной в реальность, чем модель Транстихоокеанского партнерства, Вашингтон будет реализовывать свою политику «возвращения в Азию» путем наращивания военно-политического присутствия, что может привести к дальнейшему осложнению отношений с Китаем и, как следствие, к осложнению ситуации в сфере безопасности в АТР.

Ли Син,
проф., Пекинский педагогический университет, КНР

К ВОПРОСУ О ТРЕУГОЛЬНИКЕ «КИТАЙ-РОССИЯ-США» В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Анализируя современные международные отношения, можно прийти к выводу, что в нынешних условиях влияние треугольника «Китай–Россия–США» в мировой политике не так велико как во время холодной войны и не имеет глобального значения. Роль его ограничивается переделами неких регионов или областей, таких, как Северо-Восточная Азия, Центральная Азия, Ближний Восток и др. В Северо-Восточной Азии существуют территориальные споры Японии с Китаем, Южной Кореи и России, остается весьма туманной проблема Китая по территориальной целостности, продолжается столкновение на Корейском полуострове, отсутствует мирное соглашение между США и Северной Кореей, между Россией и Японией. Можно сказать, что, несмотря на окончание холодной войны, наследие ее по большей части еще остается и играет значимую роль в регионе Северо-Восточной Азии. Есть основания считать, что в конфронтации двух Корей участвуют, пожалуй, не так откровенно и напряжённо, как во времена холодной войны, два блока стран, объединенные общими или сходными национальными интересами. С одной стороны – южный блок «США – Япония – Южная Корея»; с другой стороны – северный блок «Китай – Россия – Северная Корея».

Минувший 2012 г. – это год выбора. Новые правительства трёх стран усиливают свою внешнеполитическую стратегию, направленную на Восток. Китай обеспокоен своим восточным окружением. Россия акцентирует внимание на развитии Дальнего Востока и усилении своего присутствия в Тихоокеанском регионе. США продолжают проводить стратегию Тихоокеанского перебалансирования. Новая геополитическая обстановка придаёт треугольнику новое содержание. На основе анализа, мы можем сделать следующие выводы:

Китайско-российские отношения будут стабильно развиваться и непрерывно углубляться во всех сферах, особенно в сфере товарооборота и гуманитарных связей. По мере переноса США стратегической тяжести с Запада на Тихоокеанский регион, место антитеррористических атак начинают занимать экономические сюжеты. С точки зрения США Китай, безусловно, является для них потенциальным соперником по всем направлениям. В этой связи по мере расширения пространства сотрудничества между Китаем и США, в двусторонних отношениях в будущем с большой вероятностью будут проявляться многообразные структурные столкновения и прямые конфликты. Что касается российско-американских отношений, то после присоединения России к ВТО уровень интеграции России в мировую экономику повысится. Несмотря на изменение политики США на постсоветском пространстве, президент РФ В.Путин также стремится к сохранению определённой дистанции с США. По всей видимости, можно сказать, что российско-американские отношения уже вышли на стабильную орбиту. На этом фоне Китай и Россия предпочитают поддерживать отношения союзников по двум линиям: первая – с США в сфере экономики и финансов; вторая – между собой в сфере политического взаимодействия и национальной безопасности.

«Возвращение» внимания США в Азию объективно предоставляет Китаю и России новую площадку для углубления военно-политического взаимодействия. Во время своего первого за-

рубежного визита – визита в Россию, Председатель КНР Си Цзинпин откровенно заявил, что развитие стратегического взаимодействия и партнества является приоритетным направлением внешней политики Китая. Президент России В.В.Путин тоже полагает, что России нужен процветающий и стабильный Китай, одновременно Китаю нужна сильная и успешная Россия.

С нашей точки зрения, проект Б. Обамы по транстихоокеанскому сотрудничеству (TPP) и проект В.В.Путина по Евразийскому союзу характеризуются некими общими чертами. Оба проекта направлены на долгосрочное стратегическое планирование двух великих держав на евразийском континенте. Россия проводит континентальную стратегию и претендует на закрепление своего стратегического тыла в центральной части евразийского континента, а США ведут морскую стратегию и фокусируются на периферийные регионы евразийского континента. При этом Китай также должен разрабатывать собственную евразийскую стратегию, чтобы занять более выгодное положение в будущей геополитической обстановке на евразийской «шахматной доске».

Ли Фэнъянь,
д.и.н., Политико-юридический институт Северо-восточного педагогического университета, КНР

О «СИМБИОЗЕ ГАРМОНИИ И СОТРУДНИЧЕСТВА» – НОВАЯ МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КИТАЯ С МИРОМ

Так называемая модель взаимодействия Китая с миром представляет собой состояние отношений Китая с миром, существующее в определенных исторических условиях и характеризующееся качественными особенностями определяющих их идей, принципов и инструментов. Формирование и функционирование такой модели требует длительного исторического срока. Оно является продуктом взаимодействия объективного процесса исторического развития и инициативных действий людей, а также результатом длительного процесса взаимной

адаптации и приспособления Китая и других акторов международных отношений. Данный процесс имеет важные и далеко идущие последствия и для Китая, и для мира. Формирование новой модели взаимодействия Китая с миром, успешно вписывающейся в поток мировой истории и в то же время соответствующей базовым особенностям Китая, отвечающей как коренным интересам Китая, так и общим интересам народов мира, оказывает влияние как на судьбы самого Китая, так и на мир, стабильность и развитие региона и всего мира.

Формирование новой модели взаимодействия Китая с миром началось с образованием КНР. В настоящее время, после 60 лет взаимодействия и урегулирования, новая модель начинает обретать конкретные очертания. Поскольку ее основная идея в полной мере отражает традиционные для китайской культуры понятия «гармонии и сотрудничества», то мы определяем ее как модель «симбиоза гармонии и сотрудничества». Эта модель базируется на ценностных ориентациях мира, сотрудничества, совместного развития, исходит из базовых требований долговременной мирной обстановки и общего процветания, рассматривает равноправие, уважение, взаимную выгоду и обоюдный выигрыш как основные нормы поведения, а международное право, международные институты и механизмы – как гарантов. В политике она предусматривает равенство и уважение, в экономике – взаимную выгоду и общий выигрыш, в сфере культуры – взаимное обогащение и взаимную учебу, в сфере безопасности – взаимное доверие и сотрудничество, в глобальных вопросах – общую ответственность.

Далее автор вкратце рассматривает структуру и генезис представленной новой модели взаимодействия Китая с миром.

Заключительный раздел доклада посвящен проблеме дальнейшего «созревания», совершенствования модели «симбиоза гармонии и сотрудничества», существующей пока лишь в виде первоначального каркаса. Здесь автор видит трудности двоякого рода. Это, во-первых, сохраняющиеся рецидивы гегемониз-

ма и политики силы, региональные конфликты и дисбаланс в развитии, мешающие долговременному миру и процветанию в международном сообществе. Во-вторых, многое будет зависеть от взаимной «притирки» Китая и мира, от того, насколько в новых исторических условиях Китай сможет познать себя, познать мир, понять свои место и роль в мире и на этой основе выстроить разумное сосуществование с внешним миром, а также от того, насколько мир окажется способен принять возвышение Китая и выстроить рациональные отношения с этой крепнущей день ото дня самобытной державой. Этот процесс требует времени.

Перевод с китайского К.А. Чиркова, научный редактор д.э.н. В.Я. Портяков.

Олейников И.В.,
к.и.н., Иркутский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИКИ КНР В ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТИХОГО ОКЕАНА НА ИЗМЕНЕНИЕ БАЛАНСА СИЛ В РЕГИОНЕ

В начале второго десятилетия XXI в. КНР, преследуя свои национальные интересы, продолжает позиционировать себя в качестве важного актора в южной части Тихого океана, оказывая непосредственное влияние на политику малых государств Океании. Контуры этого влияния четко оформились в предыдущем десятилетии, вызвав озабоченность традиционных игроков в ЮТР – Австралии и Новой Зеландии – на фоне ослабления системы однополярного миропорядка во главе с США. По мнению новозеландского исследователя М. Лантейна, при осуществлении своей внешней политики в Меланезии и Полинезии КНР применяет механизмы «мягкого балансирования», интенсивно используя дипломатию и экономические рычаги для противодействия попыткам традиционных сил сохранить статус-кво в регионе. «Мягкое балансирование» используется по той причине, что более жесткие подходы к реализации национальных интересов неприменимы – экономика Китая тесно

связана с экономиками США, Австралии и Новой Зеландии, и попытки силового закрепления в регионе нанесут ущерб благосостоянию КНР.

Особенности реализации китайской политики по отношению к малым странам Океании можно проследить на примере Фиджи. Фиджи – малое государство, занимающее выгодное геополитическое положение вблизи от морских границ Новой Зеландии и Австралии, а также Восточного Самоа, находящегося под юрисдикцией США. Отношения властей Фиджи после военного переворота 2009 г. с традиционными акторами международных отношений в ЮТР остаются сложными. Австралия и Новая Зеландия свернули объемы финансовой и гуманитарной помощи этому островному государству, рекомендовав туристам воздержаться от посещения «недостаточно демократичных» островов. В ответ на этот демарш премьер-министр Фиджи Ф. Баинимарама взял курс на снижение интенсивности взаимодействия с Австралией и Новой Зеландией и развертывание тесного сотрудничества с КНР, предложившей масштабную финансовую помощь.

Интересы КНР заключаются в упрочении экономических позиций в Южно-Тихоокеанском регионе, реализацию политики «одного Китая», которая проявляется в постепенном выдавливании дипломатии Тайваня, добившейся успехов в установлении официальных отношений с островными государствами Океании (Маршалловы острова, Науру, о-ва Палау, Кирибати, Соломоновы острова и Тувалу). Эти страны используют сложившуюся конкурентную ситуацию вокруг дипломатического признания с выгодой для себя. Подобный торг по вопросам использования природных ресурсов и предоставления экономической помощи малые государства Океании ведут и с Австралией и Новой Зеландией, придерживаясь курса многовекторной внешней политики.

США, Австралия и Новая Зеландия, принимая во внимание потенциальное усиление китайского ВМФ, с тревогой наблю-

дают за интенсификацией внешней политики КНР в южной части Тихого океана, полагая, что в будущем подход Китая к реализации своих национальных интересов в регионе может стать более жестким. Таким образом, баланс сил в регионе меняется – малые страны ЮТР постепенно выходят из орбиты влияния Новой Зеландии и Австралии, занимая независимую позицию, используемую для получения экономических преференций как от традиционных партнеров, так и от КНР.

Источники

1. *Lanteigne M.* Water Dragon? China, Power Shifts and Soft Balancing in the South Pacific // Political Science. 2012. Vol. 64. No. 1 .Pp.. 21 – 38.
2. *Wesley-Smith T.* China in Oceania: New Forces in Pacific Politics / Wesley-Smith T. Honolulu: East-West Center. 2007. 48 p.
3. *Wallis J.* China's South-Pacific Diplomacy [Электронный ресурс] // The Diplomat. URL: http://thediplomat.com/china-power/chinas-south-pacific-diplomacy/ (30.08.2012).
4. *Zhang Y.* China and the Emerging Regional Order in A South Pacific // Australian Journal of International Affairs. 2007. Vol. 61. No. 3, September.Pp. 367–381.

Петрасяк М.,
проф., Лодзинский университет, Польша

КИТАЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ И СТРАТЕГИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В 2000-е ГОДЫ

Регион Юго-Восточной Азии традиционно является зоной влияния Китая и необходим ему для обеспечения стабильного и продолжительного экономического роста в дружественной международной среде. При этом он использует целый спектр дипломатических средств для того, чтобы элиминировать отрицательные эмоции и опасения угрозы с его стороны: начиная с сильнейшей поддержки регионального мультилатерализма, в том числе форматов АСЕАН+3 (ASEAN+3), ВАС (EAS), АРФ (ARF), АТЭС (APEC), Зона свободной торговли Китай-АСЕАН (CAFTA), и кончая укреплением сотрудничества с главами государств региона. Китай уже перегнал в активности традици-

онных больших игроков в регионе и выступает инициатором многих мероприятий.

Во многих официальных документах Китая и АСЕАН содержится утверждение, что в настоящее время отношения АСЕАН-Китай хороши, как никогда. Большое влияние на ситуацию оказало поведение Китая во время и после азиатского кризиса 1997–1998 гг., а также последовательное создание имиджа дружественного и ответственного государства. Положительная картина политических действий в регионе должна быть, однако, дополнена определенными негативными средствами, которые Пекин также умело применяет. Все более четко обозначается разделение АСЕАН на тех, кому сотрудничество с Китаем удается лучше, и на тех, кто ищет поддержки в реализации своих запросов у других игроков, прежде всего, США и Японии.

Определенную роль в закреплении положительного образа Китая в некоторых развивающихся странах играет публичная дипломатия. Наиболее конструктивным методом, приносящим наилучший эффект в контактах с АСЕАН, является демонстрация привлекательности модели развития Китая, которая, в отличие от таковой у западных государств, является не комбинацией свободного рынка и либеральной демократии, а сочетанием полурыночной экономики и нелиберальной политической системы, опирающейся на правление коммунистической партии. Этот «пекинский консенсус», в отличие от «вашингтонского», может быть более привлекательным для многих государств региона.

Китай начал использовать широкую гамму средств, связанных с культурной дипломатией. В странах АСЕАН появились программы изучения китайского языка, а также китайские волонтеры-преподаватели. «Китайская культура, кухня, каллиграфия, кино, искусство, акупунктура, традиционная медицина, мода вошли в культуру региона». Наиболее распространенной формой обучения китайскому языку в настоящее время

являются так называемые Институты Конфуция. В государствах АСЕАН действует 41 такой институт, но они размещены неравномерно: больше всего в Таиланде (23), в Индонезии их 7, на Филлипинах – 3, в Малайзии, Сингапуре и Мьянме – по 2, в Лаосе и Камбоджи – по 1.

В мае 2012 г. впервые прошла встреча министров культуры в рамках формулы 10+1, в сентябре же – встреча министров науки. В шести китайских провинциях было открыто 10 центров профессиональной подготовки для государств АСЕАН, в том числе сельскохозяйственные, альтернативных источников энергии, традиционной медицины, культуры и искусства. Растет число студентов из ЮВА, проходящих обучение в Китае.

Регион Юго-Восточной Азии является стратегическим важным для Китая как с точки зрения традиционной безопасности, так и в свете его экономических интересов. Улучшение взаимоотношений Китая с регионом означает укрепление его позиций в торговле и взаимоотношениях с США. Необоснованно было бы утверждать, что целью создания дружественного окружения в регионе является выдавливание оттуда США, однако очевидно, что Китай стремится к усилению региональной интеграции.

Формами институционализации сотрудничества лидеров региона с АСЕАН являются АСЕАН+1 и АСЕАН+3. Посредством этих многосторонних форм был выработан ряд новых инициатив, например, инициатива Чиангмай для укрепления финансовой стабильности в регионе; создан Азиатский форум Боао, который функционирует с 2001 г. В 2009 г. по инициативе премьера Вэнь Цзябао был создан Фонд инвестиционного сотрудничества Китая с АСЕАН (КАФ), который сосредотачивается на инвестициях в инфраструктуру, энергетику и природные ресурсы. 1 января 2010 г. имело место открытие зоны свободной торговли CAFTA.

Таким образом, АСЕАН – это для Китая третий региональный партнер, доля которого в торговле КНР в 2012 г. составила

10,3%. Эффектом интеграционных процессов в рамках CAFTA был рост китайских прямых инвестиций.

Принимая во внимание особое значение региона для обеспечения безопасности и реализации задач территориальной интеграции, Китай использует здесь в основном позитивные средства, связанные с укреплением взаимного доверия. Важнейшим китайским проектом была организация Конференции АРФ о политике в сфере безопасности в 2004 г. в Пекине.

В некоторых случаях, когда дело касается стратегических интересов, Китай прибегает также к негативным военным методам, то есть к давлению или к угрозам применения силы. В Юго-Восточной Азии наиболее конфликтогенный характер носит спор о суверенитете над островами архипелагов Спратли и Парасельский Южно-Китайского моря, в который втянуты КНР, Тайвань, Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Бруней. У государств-членов АСЕАН в настоящее время нет единого мнения относительно совместных действий по решению данной проблемы.

Портяков В.Я.,
д.э.н., ИДВ РАН

ОТ ХУ ЦЗИНЬТАО К СИ ЦЗИНЬПИНУ: КОНТУРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЛИДЕРОВ КНР ПЯТОГО ПОКОЛЕНИЯ*

1. Наследие лидеров КНР четвертого поколения во главе с Ху Цзиньтао можно оценить главным образом положительно. За период 2002–2012 гг. КНР из региональной державы превратилась в державу глобальную, оказывающую существенное влияние практически на все аспекты современной международной жизни и функционирования мировой экономики.

Широкую известность приобрела концепция создания «гармоничного мира», персонально ассоциируемая с Ху Цзиньтао.

Неуклонно обогащался внешнеполитический инструментарий КНР. Видное место в нем заняла экономическая дипломатия.

Вместе с тем, взятый на заключительном этапе пребывания с Ху Цзиньтао у власти курс на самую активную защиту весьма широко понимаемых «коренных интересов» и «интересов развития Китая» привел к возникновению у Пекина трений с рядом соседних государств и в какой-то мере поставил под сомнение его реальную приверженность декларируемому «мирному пути развития».

2. И Председатель КНР Си Цзиньпин, и Премьер Госсовета Ли Кэцян в предыдущие несколько лет проходили своего рода обкатку на международной арене, призванную дать им возможность установить личные контакты с зарубежными политиками и приобрести опыт внешнеполитической деятельности. В числе наиболее важных мероприятий такого рода можно назвать визит Си Цзиньпина в США в начале 2012 г. и визит Ли Кэцяна в Россию в апреле 2012 г.

3. Заслуживает внимания работа по формированию основной «внешнеполитической команды» лидеров пятого поколения. Сразу после XVIII съезда КПК авторитетные китайские эксперты высказывали предположение, что членом Госсовета, отвечающим за внешнюю политику, вместо Дай Бинго может стать либо Ван Хунин, избранный в Политбюро, либо Ван И – глава Канцелярии по делам Тайваня (так называемый орган с двумя вывесками, т.е. фигурирует в перечне подразделений и ЦК КПК, и Госсовета). Считалось, что Ян Цзечи сохранит за собой пост министра иностранных дел. На практике, однако, ситуация сложилась по-иному, возможно, потому, что Си Цзиньпин «не отпустил» Ван Хунина, работающего, как и при Ху Цзиньтао, непосредственно на лидера страны. В результате членом Госсовета стал Ян Цзечи, место которого и занял Ван И.

4. По традиции экспертное сообщество уделяет особо пристальное внимание первым внешнеполитическим шагам и заявлениям нового лидера КНР. Для Си Цзиньпина таковыми стали визиты в Россию и некоторые африканские страны и участие в саммите БРИКС в Дурбане, выступление на форуме

в Боао. Новой внешнеполитической команде Пекина пришлось самым активным образом заниматься кризисной ситуацией на Корейском полуострове, резко обострившейся в марте-апреле 2013 г. Симптоматично, что гонконгские журналы, уделявшие ситуации вокруг ядерной программы КНДР большое внимание, допустили возможность китайско-корейского разрыва наподобие советско-китайского разрыва 1960-х годов.

В мае состоялся первый зарубежный визит Ли Кэцяна в качестве премьера Госсовета КНР. Он посетил Индию, Пакистан, Швейцарию и Германию.

5. Пожалуй, к июню 2013 г. внешнеполитическая деятельность нового китайского руководства еще не образовала в сумме той «критической массы», которая позволила бы достаточно уверенно, на основе анализа конкретных фактов и тенденций четко обрисовать контуры международного курса пятого поколения лидеров КНР на все отведенное ему десятилетие.

В какой-то мере это можно сделать применительно к «чертам преемственности», наследуемым командой Си Цзиньпина от команды Ху Цзиньтао. Собственно, именно в таком ключе и был проведен российскими и зарубежными экспертами анализ внешнеполитической платформы XVIII съезда КПК.

Сложнее обстоит дело с «чертами новизны», которые неизбежно привнесут во внешнюю политику Китая Си Цзиньпин и его коллеги. Судя по всему, эта новизна во многом будет связана с развитием понятия «китайской мечты» и ее реализацией на практике.

**Материал подготовлен при содействии РГНФ, проект 12-03-00376 «Современный внешнеполитический курс Китайской Народной Республики и заветы Дэн Сяопина».*

Саитазизова Г.С.,
Ташкентский Государственный институт востоковедения, Узбекистан

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ И УЗБЕКИСТАНА В РАМКАХ ШОС

Республика Узбекистан придает огромное значение углублению и расширению сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Приоритетным направлением ее сотрудничества со странами-членами ШОС является активизация торгово-экономических связей.

Узбекистан, отличающийся социальной стабильностью, экономическим развитием, богатыми ресурсами и огромным рынком, выступает как важный партнер Китая в Центральной Азии. Благодаря совместным усилиям обеих сторон в сфере торгово-экономического сотрудничества имеются определенные достижения. В период 2002–2012 гг. объем двустороннего товарооборота вырос до 3,23 млрд долл. США. Китай проявляет повышенный интерес к экономическому сотрудничеству с ЦАР и старается не только развивать двухсторонние отношения, но и реализовывать крупномасштабные проекты в рамках ШОС. Так, и Казахстан, и Узбекистан – крупнейшие производители нефти и природного газа в Центральной Азии – заинтересованы в максимизации доходов от углеводородного экспорта, поскольку это улучшает состояние внешнеторговых и платежных балансов этих стран. Торговое взаимодействие с КНР в нефтегазовом секторе рассматривается Ташкентом как хозяйственно благоприятный фактор.

В ЦАР охотно поддерживают тезис Пекина, что важным благоприятным фактором развития хозяйственного взаимодействия между центральноазиатскими странами-участницами ШОС и КНР является взаимодополняемость их экономических структур. В чисто практическом плане характер участия стра-

ны не только в межгосударственной торговле, но и в МРТ, а также специфика ее коммерческих возможностей во многом определяется структурой ее экономики, наличием в ней отраслей и производств, обладающих очевидными сравнительными преимуществами на мировом рынке.

Анализ структуры торговли КНР со странами ЦА свидетельствует о сырьевой ориентации государств региона. Долгое время доля сырьевых ресурсов в их экспорте в Китай составляла в среднем 86%, остальные 14% приходились на сферу услуг. Свыше 86% поставок из Китая в страны ЦА – это готовая продукция, а поставки сырьевых ресурсов практически отсутствовали.

С непрерывным расширением инвестиционного сотрудничества между двумя странами к концу 2010 г. Китай осуществил 35 прямых проектов в Узбекистане, общий объем инвестиций приближается к 4 млрд долл. Количество китайских предприятий в Узбекистане увеличилось с 83 в 2005 г. до 411 с лишним в 2012 г. Кунградский содовый завод, Дехканабадский завод калийных удобрений и индустриальный парк «Пэншэн» в Сырдарьинской области также являются яркими примерами узбекско-китайского сотрудничества. Совместно с китайскими партнерами осуществлены электрификация железной дороги Тукимачи — Ангрен, реконструкция Ахангаранской и Андижанской ГЭС. Думается, и впредь обе стороны должны работать вместе, чтобы продолжить укрепление сотрудничества во всех отраслях экономики и достичь нового прорыва в двусторонних взаимовыгодных отношениях.

Проведенный анализ показывает, что торгово-экономические отношения между странами Центральной Азии и Китаем складываются по схеме «сырьевые ресурсы в обмен на готовую продукцию». В условиях глобализации и в данной ситуации центральноазиатским странам-членам ШОС необходимо отойти от этой схемы, развивать промышленное производство и выходить на рынок с готовой продукцией. Для этого необходимо сформиро-

вать эффективный региональный экономический союз и вести многостороннее экономическое сотрудничество.

Самойлов Н.А.,
к.и.н, Восточный факультет СПбГУ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА КНР В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ УЧЕНЫХ

Внешняя политика КНР в настоящее время привлекает пристальное внимание европейских исследователей. Безусловно, в первую очередь, их интересуют китайско-европейские отношения. Их исследование ведется по двум направлениям: объектом изучения становятся как взаимоотношения Китая с Европейским Союзом, так и отношения КНР с отдельными европейскими странами. Вместе с тем все более основательно и последовательно изучаются вопросы, связанные с определением места Китая в современном мире и его ролью в глобальной политике.

В 2003 г. Европейский Совет принял Европейскую стратегию безопасности, в которой Китай впервые был назван «стратегическим партнером Европейского Союза». В настоящее время между КНР и ЕС развиваются политический диалог, торгово-экономическое сотрудничество, а также сотрудничество в сфере энергетики и охраны окружающей среды. Помимо этого, Европейский Союз старается оказывать Китаю содействие в деле продвижения экономических и социальных реформ.

Естественно, что развивающееся сотрудничество в самых широких сферах требует тщательного анализа его перспектив. Над этим работают как специальные аналитические центры, созданные в европейских странах, так и ученые, представляющие европейские университеты.

Кроме того, следует отметить, что степень глубины и интенсивности отношений между КНР и отдельными государствами-членами ЕС существенно различается. Наиболее активно в последние годы Китай развивал отношения с такими страна-

ми, как Германия, Франция, Финляндия. Президент Финляндии Саули Нийнистё стал первым из глав европейских государств, кто посетил Пекин после формирования нового китайского правительства (в начале апреля 2013 г.).

Современные европейские исследователи делают акцент на усиление в последние годы прагматического подхода китайского руководства к решению глобальных проблем современности и отдельных кризисных ситуаций в международных отношениях. По мнению большинства авторов, данная тенденция будет еще более развиваться при новом руководстве КНР. Нынешние китайские лидеры заинтересованы в том, чтобы международное сообщество видело в их стране ответственного партнера – гаранта стабильности во всем мире и в отдельных регионах. При этом расширяется и усиливается экономическое проникновение Китая в различные части планеты, подкрепляемое растущим экономическим потенциалом Китая.

В этой связи ряд европейских исследователей предлагает воспользоваться моментом и использовать экономический потенциал Китая для разрешения кризисных явлений, характерных для современного положения дел в Европейском Союзе. Другие же видят в таком подходе к перспективам развития китайско-европейских отношений проявление идеализма и предлагают европейским государствам занимать более настороженную, а в ряде случаев – и жесткую позицию в отношении Китая.

Сафронов Б.В.,
к.и.н., РГУ им. С.А. Есенина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КНР И США В РАМКАХ АТЭС

Китай принял решение о вступлении в организацию Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), учитывая общие тенденции глобализации и регионализации мирового хозяйства. Китай решил принять участие в выработке региональных правил ведения торговли, инвестиционной и финансовой деятельности. Участвуя в АТЭС, он обеспечивал

облегчение условий для вступления в ВТО. Кроме того, Китай решал проблему продвижения собственной продукции на рынки стран АТЭС и привлечения дополнительных инвестиций.

В АТЭС Китай одновременно с экономическими вопросами решает вопросы политического характера, в первую очередь это касалось взаимоотношений с США.

Отношения с США были испорчены после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г. Практически были приостановлены все экономические и политические контакты.

Все стало меняться после прихода в Белый дом новой американской администрации президента Б. Клинтона. Когда Китай принял решение вступить в АТЭС, Соединенные Штаты не препятствовали этому, не придавая тогда большого значения этой организации.

Работа в АТЭС способствовала тому, что произошел выход отношений между Китаем и США из политического тупика на новый уровень. Это произошло в ноябре 1993 г. на неформальном саммите организации Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества в Сиэтле, в ходе которого председатель КНР Цзян Цзэминь и президент США Б. Клинтон провели свою первую личную встречу.

Цзян Цзэминь подчеркнул, что обе стороны должны обращать свои взоры на весь мир и уделять внимание будущему, чтобы поддерживать тем самым здоровые и стабильные китайско-американские отношения. Китай выступил в роли гаранта безопасности стран региона.

Разногласия между Китаем и США возникли сразу на начальном этапе существования организации. В свое время, вступая в АТЭС, США выступали за различные неотложные экономические конкретные меры по устранению разного рода торговых и инвестиционных барьеров, преобразование форума в замкнутую организацию с жесткой структурой. Китай же выступал за поэтапную постепенную эволюцию АТЭС в механизм гармонизации экономической жизни в регионе, служа-

щий развитию внутрирегиональной торговли, инвестированию и обмену технологиями. Меры, направленные на либерализацию торговли и инвестиций, Китай считал средством решения задач развития своей страны. При этом Китай не устраивали попытки США продвинуть в АТЭС идеи создания организации наподобие АСЕАН, в которых усматривалось стремление захватить рынки развивающихся стран для продвижения собственной продукции. Поэтому Китай отстаивал безусловное применение принципа добровольности. Страны сами должны определять темпы и масштабы либерализации национальных экономик.

Встречи глав государств в рамках форумов АТЭС играли важную роль, так как это давало возможность решать вопросы политического порядка. Руководители КНР не пропустили ни одной такой встречи, выступая на этих саммитах с оглашением своей позиции по различным вопросам развития Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Взаимодействие Китая и США проходило в условиях неоднозначного подхода к проблемам, возникающим в АТР. Китай достаточно прохладно отнесся к идее США создать организацию Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Эта идея возникла у США в связи с усиливающимся экономическим влиянием Китая в АТЭС. КНР считает, что таким образом США хотят вновь возродить идею своего гегемонизма в АТР.

На саммите АТЭС в 2011 г. в Гонолулу Президент США Барак Обама объявил о достижении рамочного соглашения о Транстихоокеанском партнерстве. Китайская Народная Республика в состав его участников не вошла.

Эта инициатива США еще раз продемонстрировала, что они пытаются всеми силами противостоять усиливающейся мощи КНР, в том числе в рамках АТЭС. Американский президент также обвинил КНР в «традиционных грехах»: сдерживании ревальвации юаня и кражах интеллектуальной собственности.

Китай считает, что формат АТЭС достаточен для решения

задач, стоящих перед странами АТР, и его устраивает углубление формата АТЭС, хотя это, возможно, отчасти обостряет геополитические и торгово-экономические противоречия Китая с США.

Оценивая противостояние США и КНР на площадке АТЭС, можно сказать, что нынешняя политика США в отношении Китая пока не достигла этапа, когда США смогут реально осуществлять политику сдерживания. Существует несколько причин, которые мешают этому: бюджетный дефицит и государственный долг Америки, наличие острых проблем на арабском Востоке, с Ираном, в Афганистане, отвлекающие внимание и ресурсы от региона АТР, а также наличие долга (1,2 трлн долл.) Вашингтона Пекину.

США демонстрируют собственный эгоизм, а отправной точкой их стратегии в данном регионе являются их собственные интересы.

Из-за того, что США начали проводить стратегию по ограничению Китая, в мире возникла напряженность, которая в конечном итоге может привести к расколу в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Чтобы избежать подобного положения, Китай и США должны побороть взаимное недоверие и настороженность и не доводить дело до открытой конфронтации.

Сикорова Н.,
к.э. н., Братиславский университет экономики, Словакия

КИТАЙ УСУГУБЛЯЕТ «ГОЛЛАНДСКУЮ БОЛЕЗНЬ» В АФРИКЕ?

Ситуация, когда рост добычи и использования природных ресурсов приводит к снижению объемов экспорта других товаров и к деиндустриализации, была названа «голландской болезнью». Если рассматривать крупнейшие источники природных ресурсов, то самым богатым континентом в мире является Африка. Практически каждая страна «черного континента» может похвастаться богатыми залежами минералов, металлов

или нефти. Растущие цены на данные сырьевые товары сделали многие африканские государства крайне зависимыми от их добычи и экспорта. Китай часто обвиняют в эксплуатации африканского континента с целью удовлетворения своих потребностей в природных ресурсах. Цель данной работы – определить круг африканских государств, зависимых от добычи сырьевых материалов, с которыми Китай связан наиболее тесно, и убедиться, что Китай действительно играет роль в усилении «голландской болезни» в этих странах. Природные ресурсы были подразделены на пять категорий (сырая нефть, природный газ, уголь, металлы и руды, а также жемчуг, драгоценные камни и золото) с тем, чтобы установить, от какого вида природных ресурсов зависят экспортные доходы тех или иных африканских стран. Особое внимание обращалось на то, какую долю в общем объеме экспорта государства занимает экспорт данных ресурсов в Китай. Далее, для тех стран, где Китай является основным импортером природных ресурсов, был рассмотрен процесс развития экспорта в Китай и потенциальное влияние Китая на деиндустриализацию этих государств, чтобы проверить, усугубляет ли Китай «голландскую болезнь» в этих странах или нет.

Перевод с английского А.В. Курбатовой.

Стабурова Е.Ю.,
д.и.н., Рижский университет им. П. Страдыня, Латвия

«ENGAGEMENT»: КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ РАМКА ПОЛИТИКИ ЕС ДЛЯ КНР

Объектом нашего исследования станет концепция «engagement», в рамках которой осуществляется политика Европейского союза в отношениях с КНР. Эта концепция, с момента создания ЕС в 1993 г. и институционального оформления политического диалога ЕС с КНР в 1994 г., стала теоретической основой для сотрудничества. Существует проблема адекватной передачи значения этого английского слова (как

политического термина на русский язык. Проблема до некоторой степени решаема с помощью заимствованного из французского языка слова «ангажированность», однако словоупотребление терминов «ангажированность» и «engagement» не всегда совпадают.

На внутриполитической арене и в международной сфере политика ангажирования имеет принципиально разные масштабы и формы проявления. Одно дело – ангажирование индивида, другое дело ангажирование целой страны. Китай, на который обращена политика ангажирования, тоже испытывает затруднения с точным переводом термина. Китайские словари предлагают «переговоры», «соглашение», «ограничение», «контракт», «запись на», «контакт», «ответить взаимностью» и т.д. Возможно, из-за трудности перевода эта концепция так долго не привлекала внимания китайских политиков и учёных.

В практической политике термин «ангажирование» стал распространяться в США в начале 1980-х годов. Ангажирование появилось как альтернатива политике изоляции в отношении государств, не прислушивавшихся к рекомендациям правительства США. В отношениях с КНР политика ангажирования применяется США, начиная с сентября-октября 1993 г., т.е. синхронно с одобрением этой политики в ЕС.

В международной риторике встречаются такие виды ангажирования, как «всестороннее», «обусловленное», «безусловное», «ограниченное», «конструктивное», «компенсационное». Политика ЕС на китайском направлении зиждется на «безусловном» и «конструктивном» ангажировании. Механизм ангажирования в международных отношениях состоит в том, что инициирующая его сторона, считающая именно себя образцом, переводит военное решение вопросов с «непокорным режимом» в плоскость диалога, в ходе которого планирует способы влияния на партнёра, что часто сводится к передаче ему собственных цивилизационных ценностей (по усмотрению донора). В 2006 г. в документе Европейской комиссии было прописано,

что «нам необходимо повысить потенциал динамичных отношений с Китаем на основании наших ценностей». В 2009 г. в «Аудите сил в отношениях между ЕС и Китаем» подтверждается, что, «основываясь на этом подходе, ЕС стремится склонить китайское руководство к пониманию того, что в его собственных интересах делать то, о чём просят европейцы». Там же эта мысль, со ссылкой на европейского дипломата, выражена ещё более лаконично: «Нам нужно от Китая, чтобы он хотел то, что хотим мы».

Следствием концептуального выбора ЕС являются две проблемы.

Политический язык, как известно, есть инструмент политического действия. А такие теоретики международных отношений, как Николас Онуф, считают, что это и есть действие: «Говорить – это делать: разговор, несомненно, это самый важный из доступных нам способов создания мира таким, каков он есть». Продолжая мысль учёного, можно сказать, слово «ангажирование» в политике изначально заряжено на доминирование и неравенство, так как предполагает наличие двух неравных партнёров – ведущего и ведомого.

Вторая проблема отражает то же явление неравенства, но, будучи описанной в несколько ином теоретическом ключе, она обнаруживает себя по-иному. Её чётко определил гонконгский учёный Пань Чэнсинь. Оставаясь в границах конструктивизма, он показал, как ЕС в отношениях с КНР создаёт собственную идентичность, разделяя стороны на «мы» и «они», формируя представление о «нашей» нормативности и «их» отклонении от нормы. Он пришёл к выводу, что ЕС «себя воображает и конструирует в качестве источника морального авторитета», где Китаю отведено место ученика, обязанного соответствовать высоким стандартам учителя. В последние годы появились свидетельства того, что стратегия ангажирования, через призму которой ЕС смотрит на Китай, больше «не работает». Некоторые эксперты ЕС по Китаю (Франсуа Годэман) признают

это, но, обходя молчанием вопрос о заключённых в ней доминировании и неравенстве, обращают к Китаю упрёки в том, что он упускает шанс стать демократией европейского типа. Политика ангажирования, очевидно, сдерживает дальнейшее развитие отношений между КНР и ЕС. Однако отдельные попытки её пересмотра пока что подвергаются резкой критике со стороны её европейских защитников.

Труш С.М.,
к.и.н., ИСК РАН

АМЕРИКАНСКАЯ ИНИЦИАТИВА ТРАНСТИХООКЕАНСКОГО ПАРТНЁРСТВА И КИТАЙ: ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ

Американский концепт Транстихоокеанского партнёрства (ТТП) привлёк в российской аналитике меньшее внимание, чем военное «перефокусирование» США на АТР. Однако эта инициатива, озвученная в Б.Обамой в 2011 г., пожалуй, самый ключевой элемент американского «возвращения» в регион. Переговоры о ТТП ведут пока 11 «твёрдых» участников: США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Малайзия, Сингапур, Вьетнам, Бруней, Чили, Мексика, Перу. Это первое торговое объединение во главе с США, объединяющее участников трёх региональный зон – АТР, Северной и Латинской Америк, и включающее в себя столь разных экономических игроков – по масштабу экономики, уровню индустриальности, методам управления, глобальной торговой вовлечённости. ТТП планируется как более тесная экономическая конструкция, чем просто торговый блок. Многостороннее соглашение содержит 29 статей. Помимо ликвидации – постадийно к 2025 г. – всех торговых барьеров, страны принимают на себя обязательства по поддержанию свободной конкурентной среды, в том числе и для госпредприятий, допуску иностранных фирм к госзаказам и госзакупкам, по защите интеллектуальной собственности, общим правилам электронной торговли, правовым стандартам

трудовых отношений, по защите окружающей среды.

Мотивация США к оформлению ТТП многоаспектна, но главное – это «конкурентная либерализация», по выражению одного американского эксперта (Ф.Бергстен). Те нормы конкурентной открытости, которые берут на себя участники, несомненно, сдвинут их экономики в сторону большей совместимости с «вашингтонским консенсусом», создавая для США системные конкурентные преимущества.

Понимание ТТП в таком ключе сделало участие Китая в этой инициативе пока проблематичным. Однако логика китайского подхода неоднозначна. Многие в китайском экспертном сообществе не исключают участия Китая в ТТП, разумеется, на той фазе и на тех условиях, которые последний сочтёт стимулирующими.

Более 10 лет назад Китай вступил в ВТО, взяв на себя обязательства, которые многие считали разрушительными для его интересов. Критики оказались неправы: конкурентная среда в КНР значительно окрепла, наблюдался стабильный рост ВВП, экспорта и доходов населения. Инфляция и курс юаня остались под эффективным контролем. Дилеммы, которые стояли перед Китаем тогда, актуальны и сейчас. Если Китай пойдёт на участие в ТТП, он будет вынужден принять многие из американских правил. Но если он полностью проигнорирует американский концепт, создастся риск определенной «маргинализации» Китая в АТР.

Выделяются две точки зрения в КНР, ведущие к разным сценариям по ТТП. Первая – негативная – исходит из того, что «планка обязательств» пока чрезмерна высока. США реально не хотят китайского участия в проекте, несмотря на провозглашение «партнёрства» «открытым». Объём китайского рынка ослабит доминирующую роль США как системообразующего игрока ТТП. Следовательно, Китай пока должен фокусироваться на соглашении о свободной торговле между КНР, Японией и Южной Кореей, а также на торговой консолидации по

линии АСЕАН+6. Эти структуры по экономической «капитализации» и обороту внешней торговли смогут превзойти ТТП.

Вторая позиция заключается в том, что подход Китая к ТТП должен быть умеренным, эгоистичным, но в целом позитивным. Хотя и являясь американским концептом, ТТП по сути созвучен с философией торговой либерализации в рамках АТЭС, к чему Китай давно стремился. Выстраивание прозрачных отношений между государством и частным бизнесом, лежащее в основе ТТП, созвучно целям китайских реформ. Для того, чтобы оседлать эту «новую волну» либерализации, Китай должен стряхнуть с себя «летаргию» последних лет и преодолеть «особые интересы» отдельных экономических групп, препятствующих дальнейшему открытию китайской экономики.

Уянаев С.В.,
к.и.н., ИДВ РАН

РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В БРИКС

1. Сравнительно молодое международное объединение стран с динамично растущими экономиками – БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР) – становится все более заметным явлением в мировой политике и экономике. «Пятерка» претендует на активное участие в определении глобальной и региональной повестки дня, в том числе в реформировании мировой финансово-экономической и валютной архитектуры, где отстаивает право на больший голос государств с формирующимися рынками и развивающихся стран. Эти амбиции опираются на растущий суммарный «вес» БРИКС в мировой экономике, который в 2001–2012 гг. увеличился более чем вдвое – с 8,4 до 20,7% (в расчете по ППС – с 17,6 до 27,1%). С данной динамикой связан и главный феномен, объясняющий внимание к БРИКС: к рубежу 2030 гг. доля «пятерки» в мировом ВВП должна превзойти совокупный потенциал «G-7». На этой основе, как считают эксперты, объединение БРИКС способно бросить вызов установленным «семеркой» правилам

«мировой экономической игры».

2. Идет процесс институционального оформления объединения, закрепления принципов и целевых направлений деятельности. В качестве принципов деятельности продвигается «неконфронтационность», «ненаправленность против третьих стран» – по сути, те подходы, которые сегодня принято называть «мягкой силой».

В 2009–2013 гг. проведено пять полноформатных саммитов БРИКС, приняты «дорожные карты» и планы сотрудничества более чем в двух десятках областей. На 5-м саммите БРИКС в Дурбане (ЮАР) (март 2013 г.) продолжена работа над проектами содействия торговым операциям между странами БРИКС и создания Банка развития БРИКС. Ставится задача вести дело к превращению БРИКС из нынешней диалоговой структуры в полномасштабный механизм комплексного взаимодействия.

3. И Россия, и КНР придают большое значение БРИКС в системе своих внешнеполитических приоритетов. О задаче наращивать участие в объединении в контексте необходимости «обеспечить устойчивую управляемость мирового развития и коллективное лидерство ведущих государств» мира говорится в новой российской концепции внешней политики.

4. Более подробный анализ деклараций официальных представителей КНР, оценок близких к правительству китайских экспертов показывает, что главные интересы Китая в БРИКС связаны с теми ресурсными возможностями, которые на путях сотрудничества в «пятерке» Пекин видит в деле реализации своих системных международных целей. В опоре на БРИКС КНР продвигает построение «справедливой мировой архитектуры», «незападную модель развития», свой «авторитет в развивающемся мире», а также получает больший доступ к рычагам глобального (в т.ч. экономического) управления, выгоды от сотрудничества с экономиками других стран БРИКС и т.п. Речь идет о намерении КНР занять «достойное место» в

будущем полицентричном «гармоничном» мире. Или, говоря языком деклараций нового китайского руководства, об одной из версий «китайской мечты» и «великого возрождения нации».

5. Основные направления российской и китайской политики в БРИКС имеют схожий, как минимум параллельный и пока не противоречащий друг другу характер. В концентрированном виде сходство взглядов может быть сведено к трем базовым тезисам. И РФ, и Китай рассматривают БРИКС как:

– инструмент для общего усиления своих международных позиций (в том числе в диалоге со странами традиционного Запада), для стимулирования строительства нового полицентричного **миропорядка**;

– механизм формирования новых, более выгодных для КНР и РФ «правил игры» конкретно на глобальном **экономическом поле**;

– возможность углубления и расширения двусторонних и многосторонних проектов с другими странами пятерки, в том числе путем использования взаимодополняемости в сфере экономического взаимодействия.

6. Российско-китайское взаимодействие в БРИКС – на деле сложившаяся реальность. По неофициальным отзывам дипломатов, именно российские и китайские представители внесли, к примеру, основную лепту в подготовку итоговых документов 3-го саммита БРИКС в г. Санья, вели активную совместную работу и на следующий год в Дели. Показательно, что в ходе саммита в Дурбане официальные китайские СМИ поместили специальный комментарий о сотрудничестве РФ и КНР в БРИКС, в частности «в вопросах о сотрудничестве в торговле, экономике и инвестировании, совместной защите интеллектуальной собственности».

Чжан Хуэйчжи,
Институт Северо-Восточной Азии
при Цзилиньском университете, КНР

СИЛЬНЫЕ И СЛАБЫЕ СТОРОНЫ ПОЛИТИКИ КИТАЯ И США В ОТНОШЕНИИ КНДР С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ И СОТРУДНИЧЕСТВА

В качестве основных заинтересованных сторон в ситуации на Корейском полуострове, Китай и США имеют долгую историю взаимодействия друг с другом по данному вопросу. Хотя после окончания «холодной войны» Китай и США постепенно отказались от практики многолетней конфронтации друг с другом по вопросам, связанным с Корейским полуостровом, но, несмотря на расширение диалога и сотрудничества, противоречия и разногласия все еще остаются. Главной причиной служит то, что КНР и США имеют, с одной стороны, довольно схожие мнения и интересы в отношении Корейского полуострова, с другой стороны, многие интересы сторон сильно разнятся. Таким образом, состояние отношений Китая и США после окончания «холодной войны» в части, касающейся проблем Корейского полуострова, можно определить как «конкурентное взаимодействие».

Политика Китая и США в отношении Северной Кореи была сформулирована в рамках стратегии этих стран в Северо-Восточной Азии, и разница политических курсов двух государств обусловлена также различиями в стратегической значимости Северной Кореи. Для Китая стратегическое положение Северо-Восточной Азии крайне важно, что является основанием для укрепления мощи государства на суше и усиления могущества на море. Поэтому в дипломатической стратегии Китая данный регион возглавляет список приоритетов. Поскольку Северная Корея занимает важное геостратегическое положение в Северо-Восточной Азии, то Китай уделяет пристальное внимание отношениям с КНДР. Как направлением, так и главной целью здесь

является поддержание «добрососедского и дружеского партнерства», что оставалось неизменным даже в 1990-х годах, в период охлаждения отношений между Китаем и КНДР.

Однако после смены руководителей в КНР и КНДР, Пекин начал корректировать внешнюю политику в отношении Пхеньяна, особенно после проведения Северной Кореей третьих по счету ядерных испытаний, резко обострivших ситуацию в Северо-Восточной Азии и поставивших под угрозу интересы национальной безопасности КНР. Эти угрозы, включая приграничное ядерное загрязнение, оснащение ядерным оружием Японии и Кореи, наращивание ядерного потенциала Северной Кореей, заставили Китай вновь прояснить и конкретизировать для Северной Кореи и международного сообщества свою позицию вокруг ситуации на Корейском полуострове. Пекин подчеркнул, что КНР выступает за мир, стабильность и полную денуклеаризацию Корейского полуострова, разрешение ядерной проблемы КНДР путем мирного диалога. Надо отметить, что Китай последовательно проводил данную политику в отношении Корейского полуострова, однако теперь призывы и предостережения Пекина обращены не только к Пхеньяну, но также к Сеулу и Вашингтону. Намекая на потенциальную опасность войны на Корейском полуострове, министр иностранных дел КНР Ван И заявил, что Китай «не позволит нарушать спокойствие и порядок на своем пороге». Еще более жестко выразился глава КНР Си Цзиньпин, подчеркнув, что «никому не позволено повергать регион и даже весь мир в хаос для достижения тешащих самолюбие успехов». Скорректированная политика КНР в отношении Северной Кореи является четкой и ясной: Китай не должен оставлять Северную Корею на фоне применяемой США в отношении КНР стратегии сдерживания.

Для Соединенных Штатов важно поддерживать лидирующее положение в Северо-Восточной Азии для сохранения глобальной гегемонии США. Корейский вопрос стал важной причиной стратегического плана США по «возвращению в Азию»

и «восстанавлению баланса в Азиатско-Тихоокеанском регионе». С одной стороны, учитывая ядерную и ракетную угрозу со стороны КНДР, США вынуждены наращивать военное присутствие в Северо-Восточной Азии для защиты Южной Кореи и Японии. С другой стороны, поскольку в северокорейский вопрос вовлечены такие державы, как Китай, Россия и Япония, то усиление американского военного присутствия, оправдываемое северокорейской угрозой, является средством сдерживания других сил. Хотя военная мощь Северной Кореи не так велика, как силы США или Южной Кореи, в ежегодном докладе Министерства обороны США Конгрессу, посвященном событиям в военной сфере и области безопасности, включая ситуацию с КНДР, утверждается, что «КНДР остается одной из наиболее критических проблем безопасности США в Северо-Восточной Азии».

Перевод с английского А.В. Курбатовой.

Чубаров И.Г.,
аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова

ГЛОБАЛЬНЫЕ ГОРОДА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Исследования пространственно-территориального аспекта глобализации являются одним из основных направлений современной глобалистики (global studies). Несмотря на то, что исследования глобализации как системного явления начались ещё в 1970-х годах (Ф. Бродель, И. Валлерстайн и др.), эмпирический анализ территориальной компоненты происходящих в мировой экономике изменений начался относительно поздно, и в первую очередь связан с именами таких исследователей, как П. Дикен и С. Сассен. В 1991 г. С. Сассен предложила термин «глобальный город» для обозначения нового качественного состояния ряда важнейших мегаполисов на планете (первоначально на материале Лондона, Нью-Йорка и Токио). В самом общем виде «глобальный город» понимается сейчас как город, важный в контексте экономической глобализации. Теория

«глобального города» на протяжении уже двух десятилетий играет важную роль в качестве ориентира регионального развития во многих развивающихся странах, а в конце 2000-х годов вышла из сугубо профессионального в общественно-медийное пространство. Российские экономико-географы также ведут разработки в указанном направлении, сформулировав концепцию «градоцентрической модели мирового хозяйства» (Н.А. Слука).

В Китае успешное претворение в жизнь концепции внешней открытости и связанное с реформами стремительное развитие экономики буквально «выталкивают» ведущие города на лидирующие позиции в мировой иерархии. К настоящему времени в стране появился ряд центров, способных на равных конкурировать с глобальными городами из других стран на всех иерархических уровнях мировой урбанистической системы, потенциально вплоть до самого высокого. Для выявления в наибольшей степени глобальных китайских городов был использован широкий набор показателей. Для оценки валового масштаба города использовались такие показатели, как численность населения и ВРП (валовый региональный продукт города). Международные геоэкономические связи оценивались через данные по ПИИ, числу штаб-квартир и представительств крупнейших зарубежных компаний, объёму внешней торговли, числу проведенных международных выставок. Отдельно анализировалась международная транспортная и социокультурная интеграция через операционные показатели городских портов и аэропортов, количество зарубежных туристов и постоянно проживающих иностранцев, наличие знаковых архитектурных памятников и мероприятий международного уровня. Важную роль в формировании (в Китае используется термин цзяньшэ, «строительство») глобальных городов в Китае играет госполитика, как напрямую, через программы развития отдельных городов (например, превращения Шанхая в международный финансовый центр), так и косвенно (например, меры в области

системы прописки-хукоу).

Проведенный анализ позволил ограничить круг потенциальных глобальных городов в Китае пятью, а также идентифицировать серьёзные различия в областях их конкурентоспособности на мировом уровне, которые получили название траекторий, или типов. Гонконг, находясь по уровню развития на вершине китайской иерархии, развивается по комплексной «гиперглобальной» траектории. Она является продуктом его уникального экономико-исторического и административно-территориального положения, и, видимо, близка к таким городам, как Нью-Йорк и Лондон. Открытый, рыночный и мультикультурный Гонконг в достаточной степени соответствует своему официальному слогану «азиатского мирового города». Другую специфику имеет Пекин, чья конкурентоспособность на мировой арене тесно связана с ролью, во-первых, политико-административного и корпоративно-управленческого центра, во-вторых, научно-образовательного и культурно-медийного центра. Эта траектория получила названия «столичной», подразумевая ключевое влияние фактора столичности на развитие этих отраслей. Три других города, а именно Шанхай, Гуанчжоу и Шэньчжэнь, отнесены к «индустриальному» типу, в их развитии важную роль играет промышленная составляющая, в том числе основывающаяся на инновациях, торговая и транспортная отрасли.

Источники

1. *Jones A*. Globalization: key thinkers. – Cambridge: Polity Press, 2010. 264 P.
2. География мирового хозяйства. Под ред. проф. Н.С. Мироненко. М: Трэвэл Медиа Интернэшнл, 2012. 352 с.
3. *Чубаров И.Г., Слука Н.А*. Крупнейшие агломерации КНР в системе глобальных городов. Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. Геогр. 2012. № 2 – С. 55-60.
4. *Анисимов Д.В*. Крупнейшие города КНР: актуальные вопросы социально-экономического развития / М: Компания Спутник+. 2004. 111 с.

РФ И КНР: ГЛОБАЛЬНОЕ И РЕГИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Балакин В.И.,
к.ю.н., ИДВ РАН

ЯПОНСКИЕ ОЦЕНКИ КИТАЙСКОЙ ФОРМУЛЫ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В Японии внимательно следят за динамикой роста военной мощи КНР, особенно в ее качественном выражении. Численность Народно-освободительной армии Китая даже после масштабных сокращений остается самой крупной в мире. Кроме того, китайское правительство делает все возможное, чтобы нарастить критическую массу новейших боевых систем, стоящих на вооружении китайских армии, авиации и флота, отладить оснащенность и подготовленность органов управления, развить военную инфраструктуру и технологический потенциал оборонной промышленности для успешного решения любых сложных задач в современных высокотехнологичных войнах, особенно за пределами китайской территории. Военная доктрина КНР в пределах Восточной Азии предусматривает присоединение Тайваня на условиях, выдвигаемых Пекином, и установление эффективного контроля над спорными островами в Южно-Китайском (архипелаг Спратли) и Восточно-Китайском (острова Сэнкаку) морях. По оценкам японских экспертов, КНР на сегодня в силу своего растущего экономического, демографического, военного и политического потенциала становится одним из влиятельных игроков на азиатской сцене, а в перспективе способна реально доминировать в знаковых азиатских делах[1]. Считается, что для Японии исключительно важным является иметь ясную концепцию взаимоотношений с Китаем на ближайшие 15–20 лет. В Токио официально не рассматривают КНР в качестве главного противника, однако, практически все японские эксперты полагают, что могучее китайское государство вырастает в серьезного конкурента за

влияние в восточноазиатском регионе. Китай, безусловно, способен осложнить реализацию долгосрочных японских национальных интересов в Восточной Азии. Главным же стабилизирующим фактором все более реально будут являться двусторонние китайско-японские отношения в экономической сфере, которые, несмотря на все имеющиеся разногласия, носят взаимозависимый и взаимовыгодный характер. В набирающих силу процессах восточноазиатской региональной интеграции присутствует немало положительных моментов, но вместе с тем появляются и новые серьезные вызовы, как то: определенное ущемление государственного суверенитета, рост влияния вне региональных транснациональных корпораций, монополизация локальных финансовых рынков, ужесточение конкуренции, затрагивающей не только экономику, но и политику, дипломатию, военные аспекты региональной безопасности.

Возникающие вызовы обостряют традиционные и порождают новые угрозы. Сепаратизм, политический и религиозный экстремизм, сопутствующие им незаконный оборот оружия и наркотрафик получают все большее распространение. При всех разногласиях и в Японии и в Китае правительства понимают, что ни одна страна, даже очень сильная, не способна справиться с вышеназванными угрозами в одиночку, а потому нужны совместные скоординированные усилия всех государств восточноазиатского региона. В этом проявляется, по мнению японских экспертов, особенность взаимосвязи экономики, политики и военной стратегии в условиях Восточной Азии[2].

Китайская формула восточноазиатской интеграции содержит значительное количество убедительных аргументов в пользу важности усиления региональной составляющей. Руководство КНР полагает, что без создания собственной региональной группировки страна не справится с задачей устойчивого роста и не сможет в сжатые сроки осуществить высокотехнологичную модернизацию. Китай рассматривает Восточную Азию как свой собственный макрорегион, нуждающийся в

его лидирующей роли. Китайские власти убеждены, что политическое сближение с Западом не гарантирует стране технологического прорыва, поскольку Запад смотрит на КНР не как на равноправного партнера, а как на потенциального конкурента, с которым нельзя делиться новыми знаниями. Для Китая восточноазиатский региональный рынок является безусловным приоритетом, но не по фактически достигнутым результатам (хотя и такие имеются), а с учетом его перспективного значения для развития в качестве расширенного внутреннего рынка.

Пользуясь плодами регионализации, Китай и Япония видят ее негативные стороны, а именно, далеко не у всех государств в Восточной Азии долгосрочные национальные интересы совпадают, а значит, при разрешении глубинных противоречий не исключается применение военной силы.

Источники

1. *Миякава, Синдзиро*. Хигаси адзиа кёдотай: соно коан то дзицудзо (Восточноазиатское сообщество: его концепция и реальное состояние) // Адзиа кэнкю №2. Токио. Апрель 2011. С. 9.
2. *Сиа, Ган*. Хигаси адзиа кёдотай но котику (Построение Восточноазиатского сообщества) // Минерва. Киото. 2006. С. 115.

Болятко А.В.,
д.воен.н., ИДВ РАН

ПРИНЦИПЫ «ВОЗВРАЩЕНИЯ» США В АТР

По мнению авторов стратегии «возвращения» США в Азиатско-Тихоокеанский регион, подход к достижению такой цели заключается в следовании основным основополагающим принципам, которые способствуют:

– международному праву и порядку, обеспечивающим мир и безопасность в регионе;

– углублению и расширению двустороннего и многостороннего партнерства США в регионе;

– продвижению и адаптации американского военного присутствия в регионе;

– обеспечению системы проекции силы и действий США в АТР.

Установление и соблюдение правил и порядка, по которым будут играть все страны, будет способствовать миру и процветанию региона. Эти правила включают открытую и свободную торговлю, справедливый международный порядок, который предусматривает права и обязанности всех стран, верность нормам закона, открытый доступ всех в общедоступные сферы моря, воздуха, космоса и киберпространства, разрешение споров без принуждения или применения силы. В соответствии с таким подходом к законам международного права признано необходимым присоединение США уже в ближайшее время к странам, которые ратифицировали Конвенцию ООН по морскому праву.

Принцип партнерства связан с усилиями США модернизировать и укрепить союзные и партнерские отношения в регионе. США имеют ключевые союзные отношения с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами и Таиландом. Главными партнерами США в регионе являются Индия, Сингапур, Индонезия и другие страны.

США настойчиво добиваются установления более тесных отношений с Китайской Народной Республикой. Обе страны признают, что отношения США и Китая являются одними из наиболее важных в мире. США представляют вызов, отношений с Китаем, стремятся избегать ошибок, однако они находятся в поиске возможностей, которые могут возникнуть вследствие более тесного взаимодействия, более тесных взаимоотношений, в том числе вследствие контактов между военными структурами двух стран. Цель – в продолжении улучшения стратегического доверия, которое надо иметь между двумя странами, в обсуждении общих подходов к решению вопросов вызовов безопасности. США будут стремиться к углублению партнерских отношений с Китаем в области гуманитарной помощи, противодействия наркотрафику, в области нераспро-

странения оружия массового поражения. Страны договорились о необходимости ответственного поведения в киберпространстве и в открытом космосе. Настало время установить и закрепить согласованные принципы в этих ключевых областях.

В кругах мировой общественности существует мнение, что повышенный интерес США к АТР создает некий вызов для Китая. По мнению американских экспертов, в определенном смысле интерес США к АТР и повышение их вовлеченности в дела региона полностью совместимы с задачами развития и роста КНР. Более того, повышение вовлеченности США в дела региона будет приносить выгоду Китаю, а также общей безопасности и процветанию в будущем.

США считают, что для развития региональной структуры безопасности критически важно разработать взаимно согласованную дорожную карту, которая защитит право всех стран на свободный доступ к морям. США поддерживают усилия стран АСЕАН и Китая по разработке обязательного кодекса поведения, который создаст законодательные рамки, регулирующие поведение сторон в Южно-Китайском море, в том числе предотвращение и урегулирование споров. США выступают за сдержанность и за решение вопросов дипломатическим путем, за предотвращение провокаций, против угрозы силой и использования силы. США не поддерживают ни одну из сторон, выступающих с территориальными требованиями, они хотели бы, чтобы спор разрешился мирным путем в соответствии с международным правом.

Как тихоокеанская держава Соединенные Штаты имеют национальный интерес в свободе мореплавания, в отсутствии помех развитию и торговле в соответствии с международным правом. Американские союзы, партнерства и продолжительное присутствие в регионе – все служит выполнению этих важных задач.

Необходимость обеспечения системы проекции силы в регионе связана с реализацией стратегических решений по укре-

плению военных возможностей США в АТР. Качество этого обеспечения связано как с повышением технического уровня вооружения и военной техники, так и их количеством при рассмотрении потребностей вооруженных сил в АТР для обеспечения обязательств США в области безопасности.

Согласно перспективным планам в ближайшие годы будут увеличены количество и размах военных учений на Тихом океане. Будет также увеличено число и расширен спектр визитов кораблей США в порты стран АТР, а также государств в акватории Индийского океана. В итоге ВМС США к 2020 г. планируют изменить соотношение сил между Тихоокеанской зоной и Атлантикой от нынешних 50/50 до 60/40. Силы Тихоокеанской зоны будут включать 6 авианосцев, большинство крейсеров, эсминцев, боевых кораблей прибрежной зоны и подводных лодок. Силы передового базирования служат сердцевиной американских обязательств в регионе, они будут постоянно совершенствоваться, что должно позволить вооруженным силам США свободно маневрировать и действовать в районах, в которых их доступ и свобода действий могут находиться под угрозой.

Естественно, что для выполнения таких планов потребуются годы и большие инвестиции. Но, по оценке американских специалистов, они оправданы, так как Азиатско-Тихоокеанский регион жизненно важен для США.

Давыдов А.С.,
к.и.н., ИДВ РАН

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ КИТАЯ, США И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ВЛАСТНЫХ ПЕРЕМЕН: ОЦЕНКИ, ТЕНДЕНЦИИ, НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Политическая жизнь в прошлом году оказалась богатой на выборы и иные схожие мероприятия, предваряющие смену декораций или лиц в коридорах власти. Они прошли во многих

странах, не обойдя стороной три крупнейшие мировые державы – Китай, США и Россию.

В марте 2012 г. пост президента Российской Федерации вернулся к В. Путину. В ноябре на XVIII съезде КПК ее Генеральным секретарем стал 59-летний Си Цзиньпин, утвержденный на последней сессии ВСНП Председателем КНР. И, наконец, в США, где все, казалось бы, сохранилось по-старому и смены лидера в результате ноябрьских президентских выборов не произошло, на верхних этажах администрации тем не менее появились новые фигуры. На главный внешнеполитический пост вместо Х. Клинтон мобилизован сенатор Д. Кэрри. Обновлено руководство Пентагона, ЦРУ и ряда других ведомств, включая министерства торговли и финансов. Все они активно влияют на выработку ориентиров дальнейшего курса Америки в отношениях с ее главными глобальными оппонентами – Китаем и Россией.

Общепризнанно и внутри страны, и за рубежом, что десятилетие правления Ху Цзиньтао стало «золотым периодом» в истории **Китая**, в течение которого по ключевым экономическим показателям он обогнал Японию и сохраняет позиции второй экономики мира и «державы № 2» после США, успешнее других преодолел мировой финансово-экономический кризис и стабильно демонстрирует наиболее высокие темпы роста.

В то же время в Китае практически исчерпаны ресурсы модели экстенсивного развития экономики, политика одержимости высокими темпами роста, эффективная в прошлом, в сегодняшних условиях породила целый ряд дисбалансов, включая инфраструктурный. Намеченные компартией цели – удвоение ВВП к 2020 г. и обеспечение возможности догнать и перегнать в экономическом состязании США – гипотетически реализуемы, но лишь при условии обновления «путей и рельсов» развития.

США после переизбрания Б. Обамы на второй президентский срок тоже оказались фактически на распутье. Лишь час-

тично выполнив обещанное четыре года назад, президент возвратился в Белый дом с ограниченным мандатом, без той доверительной поддержки подавляющего большинства населения.

Сложности внутри страны в его первый президентский срок не могли не сказаться на внешней политике Обамы. В условиях провала монополярности Америка, не отрекаясь от глобального мессианства, навязывая, как и прежде, повсюду, где можно, идеи и модели «ее демократической системы», вынужденно скорректировала формы и методы реализации своих имперских амбиций.

Главными проблемами России и ее экономики попрежнему остаются сырьевая ориентация, недостаточная инвестиционная привлекательность и относительно высокий уровень инфляции. Как и в двух других странах, внутренняя ситуация в России влияет на ее внешнюю политику. Утвержденная 12 февраля с.г. президентом «Концепция внешней политики РФ» внесла долгожданную определенность в вопрос о приоритетах, целях и главных направлениях международной деятельности страны на ближайшее будущее, обозначив в качестве ее основных характеристик «открытость, предсказуемость и прагматичность», которые, судя по замыслам, должны помочь мировому сообществу воспринимать Россию как «уравновешивающий фактор в международных делах и в развитии мировой цивилизации».

Очевидно, что стратегические устремления США, КНР и РФ далеки от совпадения. Цель США – сохранение их мирового доминирования. Цель Китая в приобретении и упрочении статуса глобальной державы. Целью России, как вытекает из ее внешнеполитических инициатив, является усиление роли своеобразного «моста», связующего Европу и Азию. В этом отношении стратегическое партнерство с Китаем представляет для нас неоценимый фундамент, облегчающий достижение этой цели.

В условиях соперничества КНР и США в АТР России очень важно не дать втянуть себя в это противоборство: недо-

пустимы шаги, которые могут нанести ущерб ее отношениям с Китаем, но и выстраивать с ним силовые альянсы, бросая вызов США, было бы нерационально. Выход целесообразнее искать на пути открытого равноправного диалога с обеими сторонами, поддерживая как партнерские отношения с США, так и стратегическое взаимодействие с КНР.

Залесская О.В.,
д.и.н., Благовещенский государственный педагогический университет

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ВАЛЮТНЫЕ ОПЕРАЦИИ КИТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В 1920–1930 ГГ.

Специфической чертой социально-экономического развития дальневосточного региона в 1920–1930-е гг. было наличие китайского населения. Китайские мигранты на Дальнем Востоке России были заняты в различных отраслях промышленности. В 1926 г. в Дальневосточном крае (ДВК) насчитывалось 72 тыс. китайцев, что составляло 3,8% от общего количества населения.

Одной из серьезных проблем использования труда китайцев в ДВК была проблема утечки денежной массы из региона. Заработав деньги, китайские мигранты активно переправляли их на родину.

Еще в начале XX в. сложилось четкое разделение каналов отправки денег. Китайские рабочие вывозили их наличными. Этот путь был очень опасен – нередко китайцев грабили и убивали на пути возвращения в родную деревню.

У китайских торговцев существовал свой, отлаженный канал для отправки денег на родину. Китайские коммерсанты организовали в ряде городов российского Дальнего Востока несколько нелегальных контор по обмену валюты для дальнейшего сбыта за границей. Созданные конторы занимались скупкой не только валюты, но и пушнины, жэньшэня, пантов,

золотых и серебряных изделий и зачастую работали под вывеской транспортно-экспортной фирмы. Все финансовые операции, в том числе и контрабандные, осуществлялись через Владивостокское отделение Чосен-банка.

Доминирующее положение иены во время интервенции японских войск в Сибирь и на Дальний Восток упрочило связи китайских торговцев с Чосен-банком, который, в свою очередь, поддерживал частные китайские банкирские конторы, укрепляя курс иены – основной денежной единицы в операциях этих контор.

После советизации Дальнего Востока частные китайские банкирские конторы, которые занимались переводом денег по дальневосточному региону СССР и Китаю, продолжали функционировать. Их услугами успешно пользовалось китайское население на Дальнем Востоке России. Госбанк России оказывал услуги по отправке денежных переводов только в крупные населенные пункты Китая, где имел свои отделения, а частные банкирские конторы переводили деньги и в самые глухие китайские деревни и поселки, причем без ограничения переводимой суммы.

В середине 1920-х гг. советские властные органы на Дальнем Востоке предпринимают попытки поставить вывоз денежной массы под контроль государства. Во второй половине 1926 г. китайские банкирские конторы были ликвидированы, но вскоре возникли вновь, т.к. Дальбанк и Госбанк переводили деньги только в Шанхай и Тяньцзинь, причем размеры переводных сумм были строго ограничены. Читинское отделение Дальбанка, например, осуществляло переводы за границу в пределах установленного лимита – до 100 руб. на одно частное лицо за один раз, а в общей сумме не более 10 тыс. руб. ежемесячно. Таким образом, если китайские торговцы продолжали переводить свои деньги через Чосен-банк, то китайские рабочие фактически оказались лишены возможности отправить необходимые суммы на родину.

Более того, в целях уменьшения вывоза валюты за границу отделения Госбанка и Дальбанка в одностороннем порядке снижали суммы переводов, обозначенные в заявлениях китайских граждан. Например, 1 декабря 1926 г. на Читинском особом валютном совещании разрешенная сумма переводов была установлена в 3900 руб. вместо заявленной 5310 руб., 7 декабря того же года – в 6950 руб. вместо 16 150 руб.

Подавляющее большинство китайских мигрантов находились на советском Дальнем Востоке без семей и могли мобильно перемещаться не только через советско-китайскую границу, но и между районами и предприятиями края. В 1920–1930 гг. (до масштабных депортаций китайцев с территории российского Дальнего Востока) мобильно действовали и каналы для трансграничных валютных операций китайского населения, но только для одной его части – для китайских торговцев. Китайские рабочие по-прежнему вывозили заработанные деньги наличными.

Источники

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-474. Оп. 1. Д. 159. Л.Л. 51-53.
2. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-704. Оп. 1. Д. 11. Л.Л. 96-97; Ф. П-2. Оп. 11. Д. 403. Л. 2.

Красинец Е.С.,
к.э.н., ИСЭПН РАН,

Шевцова Т.В.,
к.э.н., ИСЭПН РАН

МИГРАЦИЯ ИЗ КИТАЯ В РОССИЮ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ*

Миграция китайских граждан – заметное явление в экономическом и гуманитарном взаимодействии России и Китая. Однако реальные тенденции и последствия современной миграции из КНР в РФ оцениваются неоднозначно, что создает почву для манипулирования общественным сознанием со сто-

роны различных политических сил. Широкое распространение в России получила мифологизация всего того, что связано с «китайской миграционной проблемой».

Искажение информации вокруг китайского присутствия в стране, а также относительно возможной миграции китайцев в Россию может стать негативным фактором, препятствующим расширению и углублению полноценного сотрудничества двух государств в области взаимодействия человеческих ресурсов.

Задачи выявления реальной картины в развитии миграции из КНР, оценки динамики численности и структуры китайских мигрантов на российской территории, поиска адекватных решений имеющихся проблем в данной сфере имеют не только огромный научный интерес, но и большое практическое значение в плане решения задач эффективного управления международными миграционными потоками для устойчивого социально-экономического развития страны и обеспечения ее геополитических интересов в отношениях с внешним миром.

По данным официальной статистики, численность китайских мигрантов и количество граждан КНР, находящихся на российской территории, сравнительно невелики. Сегодня китайцы представляют собой относительно небольшую часть мигрантов, прибывающих в Россию, особенно в сравнении с миграционным притоком населения из стран СНГ. При этом подавляющая часть выходцев из Китая приезжают в нашу страну не на постоянное место жительства, а на время.

В период нулевых годов миграционное взаимодействие России и Китая развивалось очень интенсивно. В целом за последние двенадцать лет (2000–2011 гг.) число прибывших из КНР в РФ с целью обосноваться на постоянное или временное жительство увеличилось с 493,8 тыс. человек до 845,6 тыс. человек или в 1,7 раза.

По данным ФМС России, в начале 2013 г. на территории России находились немногим более 187 тыс. граждан КНР. Основные центры притяжения китайских мигрантов – Москва и Мос-

ковская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (Забайкальский, Красноярский, Приморский и Хабаровский края, Амурская, Иркутская и Новосибирская области), а также Краснодарский край Южного федерального округа.

Китайские мигранты обладают наличием целого ряда типичных и специфических социально-демографических признаков. Характерно, в частности, что мужчины проявляют большую миграционную активность, чем женщины. В совокупности прибывших на российскую территорию преобладают лица мужского пола, доля которых составляет свыше 65%. В Россию из Китая прибывают в основном лица активного трудоспособного возраста. Наибольшее число граждан КНР относится к возрастной группе от 17 до 55 лет. На долю лиц обоего пола в этом возрасте приходится 79,4% от общего числа китайских мигрантов в России. У мужчин явно выше доля лиц в возрасте от 36 до 45 лет (25,9% против 21,6% у женщин).

Развитие экономических отношений Российской Федерации с КНР способствовало быстрому росту китайской трудовой миграции. В период экономического роста 2000-х гг. наблюдалось последовательное расширение использования китайской рабочей силы как в экономике Российской Федерации в целом, так и особенно на территории Сибири и Дальнего Востока. В течение 2000–2008 гг. количество зарегистрированных на российской территории китайских трудовых мигрантов возросло в 11 раз. В последующие годы под воздействием экономического кризиса произошло заметное снижение зарегистрированной численности китайской рабочей силы.

Есть все основания полагать, что в перспективе масштабы миграции из КНР, а также объемы импорта китайской рабочей силы для нужд отечественной экономики и развития приграничного сотрудничества будут возрастать. В контексте ожидаемых тенденций демографического развития России, реальных трендов усиления дефицита трудовых ресурсов и в усло-

виях сокращения миграционного потенциала русской диаспоры в Средней Азии увеличение трудовой иммиграции из соседнего государства с огромным потенциалом мобильности населения – долговременная неизбежность.

Подготовлено в рамках проекта РГНФ № 13-22-21001.

Латфулина Д. Ш.,
ЗАО АКБ «Экспресс-Волга»

КИТАЙСКАЯ УГРОЗА: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Для РФ и КНР сохраняется в целом благоприятный политический климат в области развития и углубления взаимоотношений. Китайское направление остается основным в азиатской политике России. Стратегическое российско-китайское партнерство имеет ряд преимуществ. Оно не предполагает для сторон какой-либо ответственности за действия друг друга, не ограничивает свободу маневра. В то же время стимулирует другие страны поддерживать высокий уровень международных отношений с Россией и Китаем.

Существуют и некоторые проблемы, которые отрицательно сказываются на отношениях между РФ и КНР. Освещая так называемую китайскую угрозу России, следует отметить изменение настроений россиян в отношении КНР. Опрос, проведенный Фондом общественного мнения в 2004 г., показал, что 64% россиян считали Китай дружественным государством и только 14% опрошенных – недружественным. В 2012 г. лишь 16% россиян сочли Китай дружественной страной (опрос, проведенный Левада-центром в 130 населенных пунктах в 45 регионах России). В районах Сибири и Дальнего Востока этот процент и того ниже, что связано с некоторыми опасениями местного населения по поводу миграционного влияния Китая.

В данной проблеме есть ряд негативных для российской стороны моментов, которые возникли в силу объективных процессов регионально-пограничного взаимодействия.

Разность демографических потенциалов РФ и КНР очевидна.

Плотность населения на китайской стороне границы в 15–30 раз выше, чем на российской. В Приморском крае она составляет 13,5 человека на кв. км, а в прилегающем Северо-Восточном Китае – 135 человек на кв. км. На юге Дальнего Востока РФ живут 5 млн человек, а в трех соседних провинциях КНР – 109 млн, плотность населения провинции Хэйлунцзян – 88,73 человека на кв. км, что в 8 раз превосходит плотность населения Приморья (в 2003 г. эта разница составляла 6 раз).

Стоит отметить высокую мобильность китайцев, их готовность переместиться в любое место, где есть работа и перспективы улучшения условий жизни. Численность безработных только в Северо-Восточном Китае оценивается в 7–8 млн человек, скрытая безработица в городах составляет 15–20%, что превышает население всей России. Для китайского руководства снижение безработицы, обеспечение рабочими местами избыточного населения – насущная социальная проблема. Эксперты прогнозируют сокращение населения РФ к 2050 г. до 130 млн, а в некоторых источниках эта цифра еще более ниже – 109 млн человек. Так что только для поддержания численности населения и рабочей силы примерно на прежнем уровне (не ставя вопрос о расширенном воспроизводстве) потребуется более 17 млн мигрантов.

В 2012 г., по данным ФМС России, размеры китайского присутствия в РФ составляли 201 975 человек. На сегодняшний день можно сделать вывод, что размеры китайской угрозы преувеличены. Количество нелегальных мигрантов варьируется в различных сферах деятельности: ниже – среди рабочих, выше – среди коммерсантов и мелких предпринимателей, туристов. Тем не менее социально-экономические условия для создания в России сети китайских диаспор уже существуют, и к середине XXI в. китайцы вполне могут поставить значительную по численности национальную группу. Минимизировать возможные риски может лишь тщательно проработанная миграционная политика, сопряженная с мерами безопасности и

повышением уровня государственного контроля над ситуацией, при тесном взаимодействии с китайской стороной. Если этого не произойдет, то китайская миграция может пойти стихийно, что будет противоречить интересам России и развитию российско-китайских отношений.

Источники

1. *Анохина Е.С.* Китайские диаспоры и новая китайская миграция в странах Юго-Восточной Азии// Вестник Томского государственного университета. 2012. №361. С. 62 – 65.
2. *Пономарева А.М.* Иммиграция как проблема национальной безопасности РФ// Полис. 2010. № 4. С. 135 – 150.
3. Глава ФМС Константин Ромодановский: «Четверть мигрантов, прибывших из СНГ, не умеют говорить по-русски»// URL: http://www.fms.gov.ru/press/publications/news_detail.php?ID=50877.
4. Население Приморского Края // URL: http: //ru.wikipedia.org/wiki/
5. Опрос: самой дружественной страной россияне считают Белоруссию, самой враждебной Грузию//URL: http: http://www.gazeta.ru/social/news/2012/06/14/n_2388893.shtml
6. *Полунин А.* Прогноз-2050: Россия вымрет, Китай обеднеет, Индия поднимется// URL: http:http://svpressa.ru/politic/article/45284/.

Лузянин С.Г.,
д.и.н., ИДВ РАН

ШОС: СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Период 2001–2013 гг. можно условно определить как этап первоначальной институализации ШОС. В настоящее время начинается вторая фаза развития – «внутренняя институализация», связанная с качественным развитием ключевых структур, прежде всего, Делового Совета ШОС, который был создан еще в 2006 г., но реально себя пока в должной мере не проявил. Как известно, этот орган задумывался как ведущая структура по развитию коллективных, экономических проектов, главный рычаг для установления прямых связей между деловыми и финансовыми кругами государств – членов ШОС. Одновременно происходит развитие и наполнение других институтов – групп-стран – наблюдателей и партнеров по диалогу.

Что касается внешних ориентиров, то в условиях дальнейшего усиления глобальной и региональной роли Организации, продолжится развитие интеграционных проектов, с одной стороны, в рамках ШОС, с другой, Таможенного союза (ТС) и формирование Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Казахстана и Белоруссии. Шосовская поэтапная экономическая интеграция ориентирована на 2020 г., запуск ЕЭП – на 2015 г.

Принципиально важным является определение общих позиций членов – ШОС и Белоруссии по вопросу дальнейшего развития и углубления региональной интеграции в различных «плоскостях». Возможно, что эксперты шести стран выработают «точки пересечения» двух интеграционных векторов, найдут оптимальные методики соразвития без ущемления интересов того или иного государства (государств) в данной сфере.

Одним из приоритетных направлений деятельности ШОС остается укрепление региональной безопасности. Сложная обстановка, складывающаяся в Афганистане, в частности, заставляет больше внимания обращать на решение задач сдерживания, предотвращения конфликтов и угроз, создание потенциала, который может быть использован в случае крайней необходимости.

Военная сила, кроме антитеррористической борьбы, может понадобиться Организации для сдерживания и срыва попыток внерегионального военного вмешательства во внутренние дела любой из стран, входящих в ШОС. Углубление данного направления не меняет статуса ШОС как невоенной Организации и не нарушает неблоковый характер ее деятельности. Однако очевидно, что компоненты военно-политической институализации должны быть внесены в стратегию развития и практическую деятельность всех структур ШОС.

В этой связи особенно важным представляется необходимость в углублении диалога и сотрудничества с близкой структурой – Организацией Договора Коллективной Безопасности

(ОДКБ), а также взаимодействие по отдельным вопросам региональной безопасности, борьбы с наркотрафиком, трансграничным терроризмом и экстремизмом с НАТО.

Социально-экономическая сфера диктует необходимость дальнейшей дифференциации и создание поливариантной модели региональной кооперации. Двусторонние форматы сотрудничества КНР, РФ со странами региона вполне могут быть дополнены двух- и трехсторонними формами взаимодействия членов ШОС с государствами наблюдателями и партнерами – Индией, Пакистаном, Ираном, Афганистаном, Монголией, Турцией, Белоруссией, Шри-Ланкой. При этом внутрирегиональное сотрудничество и кооперация также в высшей степени полезна и необходима для данного направления ШОС.

Развитие ШОС по всем трем направлениям (экономическое, безопасность и гуманитарное сотрудничество) объективно соответствует интересам российско-китайского стратегического партнерства и взаимодействия, как и национальным интересам РФ и КНР в регионе Центральной Азии и ее сопредельных зонах. Важным в этой связи для Организации представляется сохранение баланса интересов шести государств – постоянных членов ШОС, который сложился с момента ее образования (2001).

Другие участники проекта – Казахстан, Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан являются полноправными и активными субъектами развития и реализации ключевых направлений деятельности Организации. Консенсус шести государств при принятии решений остается одним из базовых принципов, не требующим изменений.

Вместе с тем в деятельности Организации есть определенные «нестыковки», связанные с разным пониманием отдельных тактических задач и общих проектов. Подобное явление носит вполне закономерный характер, поскольку Организация объединила разновесных участников по масштабам экономик и степени влияния в мире. Очевидно, что при разработке страте-

гии ШОС на среднесрочную и долговременную перспективу следует на экспертном уровне проработать каждую из шести национальных стратегий в проекции общих задач. Возможно, это должен быть, с одной стороны, анализ таких вопросов, как отношение каждого к коллективной экономической и политической кооперации, региональной интеграции, вопросам безопасности и стабильности, включая афганскую проблему, роли института наблюдателей, его функций, возможности расширения и других. Необходима точная картина различий и «нестыковок» в национальных программах каждого из участников проекта, включая разработку методики согласования и выработку консенсуса.

Выработка «дорожной карты» шести государств Организации для совместного движения по пути сотрудничества и укрепления региональной безопасности станет важным шагом в деле разработки общей стратегии ШОС.

Матвеев В.А.
к.э.н., ИДВ РАН

ГЛОБАЛЬНЫЙ ГАЗОВЫЙ РЫНОК: ВЫЗОВЫ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ

На мировом энергетическом рынке происходят глобальные подвижки, ведущие к сильной волатильности цен на ведущих региональных рынках газа. В среднесрочной перспективе значительные предложения сланцевого газа будут конкурировать на мировом рынке с сжиженным природным газом и сетевым газом, что в итоге окажет сильное влияние на объемы межстрановой торговли газом и на цены его реализации.

Эти флуктуации на мировом газовом рынке самым прямым образом затрагивают и Китай, как с точки зрения покрытия нарастающего дефицита энергоресурсов в Китае, так и необходимости повышения энергоэффективности, конкурентоспособности продукции и экологической безопасности народного хозяйства.

В связи с этим обеспечение потребностей народного хо-

зяйства Китая энергоносителями в полной мере становится одним из активных факторов его внешнеполитической стратегии. И здесь принципиально важную роль играет природный газ.

В среднесрочной перспективе разница между добычей собственного газа и объемами его потребления в Китае достигнет 100 млрд м^3 с перспективой дальнейшего увеличения дефицита. И здесь вопрос цены покупки импортного газа приобретает особую остроту. Это объясняет длительные споры об объемах и цене приобретения сетевого газа из России.

Затяжка с определением договорной цены реализации на предлагаемый Россией якутский газ устраивает обе стороны. С российской стороны это связано с высокими затратами на добычу и транспортировку газа Чаяндинского месторождения на мировой рынок (около 60 млрд долл.) и необходимостью предварительного выделения из газа гелия и других ценных компонентов в промышленных масштабах.

С китайской стороны это связано с возможным появлением больших потребностей народного хозяйства в газе только в среднесрочной перспективе.

Однако и та, и другая сторона ориентированы на практическое решение договоренностей по объемам поставок газа, маршрутам его поставок и ценам его реализации. В настоящее время обсуждаются финальные вопросы определения системы скидок с предложенной Россией цены на газ и возможной кредитной поддержкой китайской стороной развития Восточной газовой программы России.

Меркулов К.К.,
к.и.н., ИДВ РАН

О НЕКОТОРЫХ ВОЗМОЖНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ ПО РАЗВИТИЮ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В связи с нарастанием в последнее время «алармистских» настроений в России и за рубежом по поводу «китайской угрозы» отметим, что нам целесообразно не столько «страшиться

эксцессов» подъёма КНР (хотя это относительно реальные опасения на фоне декларирования концепции «китайской мечты» и различных проектов «мира по-китайски»), сколько «дружить и торговать» с Поднебесной путём расширения и наращивания наших равноправных «особых» международных отношений нового типа (миролюбивых, социально гармоничных и т.д.) в русле геостратегии мирного и гармоничного соразвития с Китаем (как реалистическо-оптимистического сценария их эволюции, несмотря на возможные временные «спады») на основе быстрого возрождения новосверхдержавных внутренней мощи и внешнего влияния нашего Отечества.

В практическом плане руководству дипломатии России на её китайском направлении могут быть интересны, в частности, следующие предложения:

– инициирование разработки проекта Программы дружбы и сотрудничества России и Китая (возможно, с участием Индии и др.) в XXI веке;

– заключение двустороннего российско-китайского Договора о международных отношениях нового типа (в дополнение к Договору 2001 г. или на смену ему) и его аналогов применительно к другим субъектам будущей планетарной коалиции (возможно, в форме гармоничной «зелёной» геоконфедерации) за совместное выживание и устойчивое мирно-гармоничное развитие человечества и других документов дипломатии нового типа);

– создание (под эгидой РККДМР, ТПП РФ, ОРКД и др.) единой Всероссийской Ассоциации делового сотрудничества с Китаем (и её аналога в КНР) и широкой сети Российско-китайских домов дружбы и сотрудничества;

– создание российско-китайского (международного) НИИ (или Центра в рамках РАН) стратегической системологии нового гармоничного мироустройства;

– доработка и реализация новой парадигмы внутреннего оптимального жизнеустройства России, Союзного государства

(СГ), КНР и других прогрессивных геоцентров и их внешнего мирно-гармоничного соразвития на основе учёта всего передового социального опыта;

– зондирование вопроса о провозглашении XXI века Веком дружбы народов России, СГ и Китая (с возможным присоединением к этой инициативе других сторон) и всей грядущей новой геоисторической эпохи («эпохи после рыночно-демократической глобализации») – Эпохой дружбы народов России, СГ и КНР (и, по аналогии, других геоцентров), Эпохой формирования гармоничных человека-семьи-общества, Эпохой всенародно-всечеловеческого перемирия и примирения, вечного мира и всеобщего блага-мирогармонии как эпохи-пионера, согласно различным древним источникам, геокосмической Эры разделения добра и зла и итогового всемирно-исторического торжества света и всех благих идеалов.

Что касается фактора подъёма «патриотическо-националистической волны» во внутренней и внешней политике Китая и других стран, то данный феномен может быть умиротворён и гармонизирован на путях геополитики оптимальной (мирно-гармоничной и т.д.) «универсализации» (от лат. «вселенная»), включая теорию и практику вышеупомянутой Гармоничной «зелёной» геоконфедерации и её институтов как де-факто всенародно-всечеловеческой коалиции за спасение, совместное выживание и устойчивое развитие на Земле.

Одной из главных движущих сил этого всеобщего миротворческо-гармонизирующего союза видится особый международный геостратегический союз нового типа (миротворческий, социально гармоничный и т.д.) Новой России, Нового союзного государства, Нового Китая, Новой Индии, Нового Евразийского сообщества и др. При этом речь пойдёт о всеобщем взаимоприемлемом историческом компромиссе-консенсусе (всех) ведущих передовых геоцентров относительно основных путей, форм и методов оптимизации жизнеустройства на Земле на путях мирного вселенского миротворческого наступления к

всемирному торжеству всех благих идеалов в мировой экономике, политике и культуре при оптимальном геоменеджменте.

Морозова В.С.,
к.филос.н.,Читинский филиал ИДВ РАН

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ–КНР В КОНТЕКСТЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КУРСА «МИРНОГО РАЗВИТИЯ И ПОСТРОЕНИЯ ГАРМОНИЧНОГО МИРА»*

В настоящее время Китай, продолжая осуществлять курс «мирного развития и построения гармоничного мира», старается обеспечить комфорт мирной международной среды. В этом контексте китайское руководство делает упор не только на собственные силы, но и на принцип соразвития, предъявляющий мировому сообществу новые требования к заимствованию и поиску общего не только в сфере политики, экономики, но и, главным образом, в сфере культуры. В сфере культуры же необходимо и искать сплочения нации – «в многоплановом устанавливать основное, в многообразном искать консенсус (*цзай доюань чжун ли чжудао, доян чжун моу гунши*)»[1].

Благодаря активному развитию культурной сферы развивается не только сама национальная культура, но и такая отрасль, как внешняя политика. Так, идея проведения «Национальных годов» была инициирована руководителями двух стран еще в 2006–2007 гг. Она воплотилась в форме Года России в Китае и Года Китая в России. За ними последовали Год русского языка в Китае (2009 г.) и Год китайского языка в России (2010 г.). В российских СМИ оперативно и последовательно освещались все мероприятия в их рамках[2].

Организованные вслед за Годом Китая в России и Годом России в Китае Год русского языка в Китае и Год китайского языка в России стали настоящими катализаторами развития межкультурного взаимодействия между РФ и КНР. Год языка предполагает не только развитие лингвистической базы, но и

сотрудничество в области образования в целом, а также в области культуры, театра, кинематографии, средств массовой информации, в науке и технике. Если смотреть на Год языка именно с такой точки зрения, то это событие можно назвать настоящим торжеством китайско-российских связей.

Сегодня особое внимание уделяется развитию межкультурного взаимодействия между РФ и КНР. Согласно статистическим данным, опубликованным организаторами китайско-российских Годов туризма, с обеих сторон будет проведено, в общей сложности, 225 различных мероприятий. В 2011 г. общее число китайских туристов, посетивших Россию, и российских туристов, побывавших в Китае, составило 3,35 млн человек, при этом около 2,54 млн россиян посетили Китай. Годичный прирост этого показателя достиг 7%. Россия заняла третье место по количеству туристов, совершивших поездки в Поднебесную.

В последнее время благодаря таким «Национальным годам» двух стран уровень отношений между Китаем и Россией достиг небывалой высоты[3]. Художественные спектакли и представления, проводившиеся в рамках Года Китая в России, пользовались большой популярностью. Особенно важно то, что в мероприятиях последних двух лет активное участие принимали дети и подростки, новое молодое поколение. Проходящие ныне Годы туризма будут продолжаться в 2013 г. Успешная организация многочисленных мероприятий в рамках «Национальных годов» открыла большие возможности для дальнейшего расширения контактов и связей между народами двух соседних стран, заложила основу творческого развития и потенциал культурного прогресса. Таким образом, курс «мирного развития и построения гармоничного мира» продолжает оставаться приоритетным, делая акцент на том, что китайская культура не обладает экспансивной и гегемонистской традицией.

** Материал подготовлен в рамках научного исследования, поддержанного Советом по грантам Президента РФ МК-3689.2013.6, а также при финансовой поддержке Министер-*

ства образования и науки РФ.

Источники

1. *Ломанов А.В.* Политические аспекты китайской стратегии «могущественного культурного государства» // Десятилетие устойчивого развития: политические итоги. Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Китая ИДВ РАН. Москва, 14 марта 2012 г. – Москва: ИДВ РАН, 2012. - С. 41.
2. Прикосновение к национальным основам Китая - это приближение к блестящей культуре [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.people.com.cn/95181/8009187.html
3. Там же.

Морозова В.С.
к.филос.н., Читинский филиал ИДВ РАН

Цуй Хунхай
к.философ.н, Шаньдунский институт технологий и бизнеса, (КНР)

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИКИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И КИТАЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПРИГРАНИЧЬЯ*

Сегодня в условиях развития гуманитарного сотрудничества приграничных регионов РФ–КНР исследовательское внимание сосредоточено на основных задачах совместной культурной политики как стратегии культурного соразвития приграничных территорий. Системный анализ современной культурной ситуации приграничных территорий позволяет говорить об определенной тенденции к гуманитаризации направлений межрегионального сотрудничества двух стран.

Как отмечает сотрудник Даляньского университета иностранных языков Чжан Шоупэн, «развитие и укрепление сотрудничества в гуманитарной сфере между Китаем и Россией должно осуществляться на основе государственных баз и центров», в роли которых могут выступить Институты Конфуция,

центры обмена студентами, культурные центры и т.п.

Определенная асимметрия уровней развития культурной индустрии приграничных территорий РФ и КНР нацеливает на активизацию культурного сотрудничества регионов. В этой связи необходимо сделать акцент на организации крупных культурных мероприятий, направленных на импортирование культуры путем активизации культурных процессов, способных привлечь в регионы представителей мировой культурной элиты, обеспечить приграничное население продукцией профессиональной культуры.

В ходе комплексного анализа основных направлений по развитию культурных связей Забайкальского края РФ и приграничных территорий КНР выявлен проделанный за последнее время большой объем работы, главные моменты которой заключаются в следующем:

– обнародована Программа социально-экономического развития Забайкальского края на 2010–2014 гг., в рамках которой представлен проект «Создание в г. Чите российско-китайского научно-исследовательского и образовательного центра (университета)»;

– принята резолюция Министерства экономического развития Забайкальского края «Инвестиционный потенциал трансграничных территорий России: механизмы межрегионального и международного взаимодействия»;

– подписано соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между двумя приграничными регионами РФ-КНР;

– рассмотрены вопросы активизации сотрудничества между вузами Забайкальского края и Маньчжурским университетом Внутренней Монголии.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о том, что сфера науки и образования в настоящее время является приоритетной областью развития межкультурного взаимодействия РФ-КНР в приграничном социокультурном пространст-

ве. В условиях неизбежной интернационализации высшего образования, когда происходит усиление взаимодействия, усовершенствование управления и развитие образовательной деятельности между китайскими и российскими приграничными вузами, следует определить модель межкультурного взаимодействия, при которой внимание сфокусировано на осуществлении комплексного развития приграничных территорий наряду с предоставлением их населению возможности участия в формировании стратегии культурной политики государства на региональном уровне.

Вместе с тем очевиден вывод, что культурная политика приграничных регионов РФ-КНР должна основываться на понимании необходимости толерантного отношения к представителям соседней региональной культуры. При этом развитие межкультурного взаимодействия означает осуществление межрегиональной культурной политики на основе равноправного диалога, что будет содействовать развитию форм и направлений межрегионального культурного сотрудничества приграничных территорий, а также позволит вписать культурную политику регионов в общую стратегию развития национальной культуры.

* *Материал подготовлен в рамках научного исследования, поддержанного Советом по грантам Президента РФ МК-3689.2013.6, а также при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ.*

Муратшина К.Г.,
Уральский Федеральный университет

РОССИЯ – КИТАЙ: ПРОБЛЕМА ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕК

Проблема совместного рационального использования трансграничных рек вошла в последнее время в число острейших. Причины – масштабная эксплуатация внутренних водных ресурсов, растущая потребность в них в связи с экономическими планами КНР и излишне пассивная позиция России, по-

лагавшейся на обоюдное соблюдение договоренностей в сфере экологии.

Соглашение о сотрудничестве в области охраны окружающей среды (1994 г.) зафиксировало общие принципы взаимодействия: учет «жизненных интересов нынешнего и будущих поколений», «законов, обычаев и правил», равноправие и взаимную выгоду; комплексный подход к охране в том числе трансграничных рек: мониторинг и защита многообразия животного и растительного мира, совместные исследования, проведение симпозиумов, семинаров, обмен информацией, исследовательским материалом и технологиями, а также взаимодействие с местными органами власти и общественными организациями. Межправительственное соглашение по охране рыбных богатств Амура и Уссури (1994 г.) детализировало обязанности сторон по сохранению ценных видов рыб, водных животных и растений.

В 2008 г. стороны приняли Соглашение, касающееся использования и охраны только трансграничных вод. В нем – иной подход к сотрудничеству: учет принципов «взаимопонимания, справедливого и рационального использования… трансграничных вод с учетом экономических, социальных и демографических факторов»; форма сотрудничества – ежегодные «дружественные консультации для принятия скоординированных мер»; «учет интересов коренных малочисленных народов» в случае «проведения совместных водоохранных мероприятий». Ст. 5 ограничивала обмен сторонами информацией («по возможности, другая сторона удовлетворяет такой запрос, но может выдвинуть при этом определенные условия») и гласность: «информация не должна предоставляться третьей стороне, за исключением случаев достижения… соответствующей договоренности».

То есть на смену равноправию и взаимной выгоде пришел «справедливый и рациональный» учет потребностей сторон, исходя из экономического роста, демографии, социальных

нужд. «Дружеские консультации» не предполагали обязательного исполнения решений, полноценного восполнения причиненного другой стороне ущерба. Непонятен пункт об учете интересов «коренных малочисленных народов», который можно толковать по-разному.

Хотя именно коренные народы, общественные организации, экологи, специалисты многих НИИ России становятся главной силой в борьбе за сохранение природы при реализации многих совместных инвестиционных проектов и односторонних действий КНР. С 2007 г. они пытаются повлиять на внедрение КНР проекта строительства канала и трех водохранилищ для переброски части стока верховьев Аргуни для пополнения озера Далайнор, спасения земель от опустынивания, обеспечения водой медно-молибденового месторождения Умунугэтушань и местного курорта. Только в 2011 г. группа российских специалистов была допущена осмотреть канал, ознакомиться с частью документов.

Российские эксперты подсчитали, что общий набор сооружений способен увести из русла реки до 60% ее среднемноголетнего стока. Анализ Читинского филиала ФГУП РосНИИВХ последствий проведенных работ показывает, что уменьшение стока Аргуни – это катастрофа экосистемы целого региона РФ: проблемы с водой поселка Забайкальск, уничтожение пойменных лугов и сокращение животноводства в Читинской области, аридизация почв и уничтожение зерноводства, опустынивание. Китайский проект сокращает и обмеляет пойму Аргуни, где обитают многие популяции птиц, в том числе два десятка видов из Красной книги, и находится остановка на пути миллионов перелетных птиц. Сокращаются маршруты и места нереста рыбы, условия нагула мальков. Ученые СО РАН обратились к международному сообществу с призывом провести мониторинг бассейна реки, дать независимую оценку водохозяйственной деятельности КНР.

Проблема одностороннего освоения Аргуни не отвечает

декларируемым принципам партнерства двух стран. Отказ от совместного поиска решений подрывает его основу – доверие, добрососедство, учет интересов друг друга и равноправие. Представляется, что вопросы использования общих водоемов, инвестиционные проекты, затрагивающие уклад жизни людей, несущие необратимые изменения природы, должны и проходить совместную экспертизу, и иметь согласие населения. Нужно развитие договорной базы на основе возвращения принципов равноправного сотрудничества, соблюдения интересов обеих сторон.

Олонцев С.О.,
к.э.н., ФГБОУ ВПО
«Амурский государственный университет»

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ РОССИЙСКИХ ТОРГОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ ПРИ ИМПОРТЕ ПРОДУКЦИИ МАШИНОСТРОЕНИЯ ИЗ КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Поводом для проведения данного исследования послужило стремление объяснить стремительный рост импорта машинно-технической продукции из Китая торгово-посредническими структурами Амурской области, начиная с 2006 г. Приграничное положение региона предопределило бурное развитие так называемой «челночной торговли» в начале 90-х гг. прошлого столетия. В последнее десятилетие значительно возрос спрос на услуги внешнеторговых посредников, ориентированных на импорт промышленной продукции из Китая, прежде всего, машинно-технической, с целью последующей реализации в других регионах страны. Согласно данным Амурстата, объемы поставок китайской машинно-технической продукции в 2007–2008 гг. по сравнению с 2006 г. увеличились, соответственно, в 3,8 и 5,7 раза, составив в структуре импорта Амурской области более 50%. После финансово-экономического кризиса рост импорта машин, оборудования и транспортных средств в ре-

гионе возобновился вновь, составив по итогам 2012 г. 572 млн долл. (70% в структуре импорта), что выше показателя 2010 г. практически в пять раз[1].

Стратегии российских организаций, имеющих внешнеторговые связи с китайскими компаниями, характеризуются рядом особенностей, обусловленных спецификой бизнес-среды. Последняя предполагает высокий уровень ответственности, благожелательность и «проверенные» личные связи между участниками внешнеторговых сделок. Разрабатываемые стратегии учитывают сложившиеся неформальные бизнес-практики, широко используемые предпринимательскими структурами КНР.

Относительно низкая стоимость промышленной продукции китайского производства по сравнению с аналогичной, производимой на предприятиях отечественной индустрии, приемлемый курс юаня к рублю, оптимальное сочетание «цена-качество» на товары, обращающиеся на российско-китайском международном рынке – все это факторы, способствующие развитию внешнеэкономических связей двух стран. Промышленность КНР к настоящему времени достигла заметных успехов в сфере контроля качества и внедрения передовых технологий. После вступления в ВТО продукция промышленного производства этой страны была приведена в соответствие с международными стандартами качества ISO, став конкурентоспособной на мировом рынке. В то же время отпускная цена китайских производителей практически не изменилась и остается низкой в сравнении с ценами на аналогичную продукцию других стран.

Торговое сотрудничество между промышленными компаниями КНР и РФ зиждется на неформальных бизнес-отношениях. Одним из примеров подобного рода отношений является торговая практика, когда в товарообменных операциях участвуют финансовые ресурсы китайского посредника. Подобная организация внешнеторговой поставки продукции может применяться только при наличии долгосрочных довери-

тельных отношений между конкретными посредниками российской и китайской стороны. Такие отношения на китайском языке называются «гуаньси»[2]. Китайские посредники, будучи заинтересованными в увеличении объемов продаж, используют систему бонусов для российских контрагентов. Источником финансового покрытия предоставляемых ценовых скидок является часть средств, выделяемых государством именно китайским торгово-посредническим структурам в виде возмещения налога на добавленную стоимость[3]. Можно считать, что посредники как бы переуступают некоторую часть причитающегося дохода в пользу российского партнера. Эта «переуступка» носит неформальный характер, поскольку ни в каких документах, сопровождающих внешнеторговую сделку, она не оговаривается. Подобная бизнес-практика идентифицирована нами как практика «переуступки части дохода». Именно благодаря подобным практикам продукция, приобретаемая российскими организациями через китайских посредников, как правило, обходится дешевле, нежели при заключении контракта российского промышленного предприятия, импортирующего основные фонды, непосредственно с заводом-изготовителем в Китае. В свою очередь, относительно низкая цена повышает спрос на продукцию китайской промышленности, что стимулирует расширение объемов производства, создание новых рабочих мест, способствуя снижению уровня безработицы в тех провинциях Китая, на территории которых размещено данное конкурентоспособное промышленное производство.

Источники

1. Данные о внешнеторговом обороте Амурской области, экспорте и импорте товаров // АМУРСТАТ. [Офиц. сайт].2013 http: // http:/www.amurstat.gks.ru (Дата обращения 26.03.2013).
2. *Олонцев С.О.* Специфика бизнес-отношений промышленных компаний в российско-китайском торговом сотрудничестве // С.О. Олонцев, Ли Юйсянь / Вестник ТОГУ, 2011. - №4(23). – С.165-170.
3. У Сюеюань Югуань чжунцзе еу фалюй (О законодательстве Китая в сфере торгово-посреднических услуг) // Китайский

электронный академический журнал [Электронный издательский дом]. – Интернет-ресурс: www.cnki.net.

Петровский В.Е.
д.полит.н., ИДВ РАН

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Российско-китайские отношения основаны на высоком уровне взаимного доверия и взаимодействия на высоком политическом уровне. Но именно поэтому отношения наших стран вступают сейчас в период не скачкообразного, а постепенного развития: их дальнейший прогресс требует качественных изменений в различных областях двустороннего сотрудничества:

Отношения в сфере экономики и торговли будут определяться потребностями наших стран во всесторонней модернизации. Российско-китайское «партнерство для модернизации» позволит Китаю использовать российские ресурсы и лидерство в некоторых областях технологи», в которых Россия имеет конкурентное преимущество. В свою очередь, российская модернизация могла бы опереться на финансово-экономическую мощь Китая и использовать современные технологии, разработанные в Китае или импортированные им. Таким образом, модернизация наших стран может стать взаимовыгодным и взаимодополняемым процессом.

Объем взаимного торгового оборота может не только достичь установленного к 2020 г. сторонами уровня в 200 млрд долл., но и превысить его до уровня, сопоставимого с объемами торговли Китая со своими ключевыми партнерами – США, Японией, Республикой Корея. Однако это станет возможным только при наличии отлаженной институциональной структуры взаимных прямых инвестиций, финансирования и кредитования масштабных совместных проектов, практического перехода на взаиморасчет в национальных валютах и пр. Лишь это позволит в перспективе изменить структуру российско-

китайского экспорта от сырья и энергетических материалов в пользу товаров с высокой добавленной стоимостью.

Тем не менее сотрудничество в сфере энергетики продолжит сохранять свою исключительную важность для обеих сторон. Оно может включать в себя не только экспорт традиционных энергоресурсов (природный газ, нефть, уголь, электроэнергия), но и совместное сотрудничество в сфере добычи сланцевого газа и использования возобновляемых источников энергии. Российско-китайское сотрудничество в сфере энергетики сможет действительно оказать определяющее воздействие на мировой энергетический рынок, если Россия сможет стать ключевым партнером Китая в реализации его долгосрочной стратегии перехода на преимущественное использование атомной энергии.

Недостаточно развитая инфраструктура российско-китайского приграничного сотрудничества, особенно с российской стороны, станет наиболее серьезным вызовом для их развития. Следует совместными усилиями решать проблемы, связанные с наличием современных пограничных переходов и пропускных пунктов, дорог и мостов в районе границы.

В целях реализации стратегического приоритета России по развитию регионов Сибири и Дальнего Востока необходимо в кратчайшие сроки завершить формирование соответствующих институтов развития (Министерство по делам развития Сибири и Дальнего Востока, Государственная корпорация по делам развития Сибири и Дальнего Востока). Они призваны устранить возможные бюрократические и коррупционные препятствия на пути ускоренного масштабного развития данных регионов, в соответствии с Программой сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 гг.

Двустороннее культурно-гуманитарное сотрудничество и межчеловеческие обмены должны выйти на качественно новый уровень. Следует всячески поощрять молодежные и студенче-

ские обмены, совместные браки и пр. Нужно стремиться к утверждению идеологии «открытого развития» Сибири и Дальнего Востока, избавлению от фобии «китайской экспансии» среди российского населения и правящих элит.

В рамках дальнейшего развития координации внешнеполитических усилий РФ и КНР следует ожидать совместных практических шагов двух стран, нацеленных на реализацию российско-китайской инициативы по созданию в Северо-Восточной Азии (с последующим расширением на Азиатско-Тихоокеанский регион в целом) многостороннего переговорно-консультационного механизма по проблемам региональной безопасности и сотрудничества, основанного на принципах СБСЕ (ОБСЕ).

Прохорова Н.В.,
аспирантка ИДВ РАН

ОЦЕНКА ВОДНЫХ РЕСУРСОВ КИТАЯ

Проведение первой всеобщей государственной оценки водных ресурсов в Китае прошло сразу после того, как на первой международной конференции по водным ресурсам, состоявшейся в Мар-дэль-Плата (Аргентина) в 1977 г., был выдвинут тезис о необходимости проведения оценок водных ресурсов странами членами ООН.

Для Китая, являющегося распорядителем верховьев рек в Азии, влияние ООН явилось решающим фактором в момент создания собственной современной системы комплексного учета данных о водных объектах и получения реальной картины состояния всех водных объектов в стране.

Первая перепись водных объектов 1978–1982 гг. дала возможность государству произвести достаточно точную оценку гидроэнергетического потенциала страны и построить долгосрочные прогнозы изменчивости спроса на воду вплоть до начала 2000-х годов.

С середины 1980-х гг. в Китае впервые появились проекты

по вододелению, опирающиеся на данные об оценке водных ресурсов. Некоторые из действующих проектов в настоящее время готовятся к пересмотру.

С первой половины 1990-х гг. провинции КНР стали выпускать собственные бюллетени по состоянию водных ресурсов, что распространило механизм оценки водных ресурсов на региональный уровень.

С конца 1990-х по начало 2000-х гг. проводилась вторая оценка водных ресурсов, опирающаяся на принципы зонирования водных объектов и создания особой системы функциональных районов в соответствии с целевым назначением вод. Началось осуществление работы по созданию методик локальных оценок для конкретных районов.

В дальнейшем, опираясь на рекомендации ООН проводить оценки водных ресурсов в стране ежегодно, а также исходя из необходимости совершенствования системы оценки водных ресурсов, в стране постепенно создаётся современная мониторинговая сеть, дальнейшая эволюция оценок водных ресурсов в Китае идет по пути непрерывности их проведения.

В Китае, который декларирует переход к модели водосберегающего общества, проблема оценки водных ресурсов приобретает первостепенное значение.

Следует отметить универсальную роль оценки вод на всех этапах водопользования – от экономических расчетов по водопотреблению до организации водораспределения на уровне системы управления водными ресурсами.

Масштабы оценки определяются конкретными целями, уровнем финансирования и составом выходных показателей и индикаторов, образующих ключевые параметры оценки. Качественный и количественный состав показателей претерпел исторические изменения.

В своем развитии методика оценки водных ресурсов постепенно переходила от описательной формы к научной системе на основе количественных и качественных показателей,

объема воды, а затем и к многоуровневым индикаторным системам оценки. При растущем уровне экономического развития Китай осознает необходимость природоохранных мероприятий и готов вкладывать средства в создание более совершенных моделей оценки водных ресурсов.

Для России, имеющей обширные экосистемы в приграничной зоне с Китаем, немаловажно в каком направлении развивается система оценки вод в Китае, определяющая степень эксплуатации водных ресурсов и уровень защитных мероприятий.

Ринчинов А.Б.,
студент, ИГУ

АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РФ И КНР В 2012 г.

Тема военно-технического сотрудничества традиционных партнёров России и КНР, не теряет своей актуальности с момента заключения первых договоров на поставки вооружений, заключенных в начале 1990-х годов. В условиях неминуемой модернизации НОАК китайское правительство решило сделать ставку на закупку российских образцов вооружений. Сейчас, в условиях формирования новой геополитической системы в мире, КНР стремится развить собственный оборонный потенциал.

Объемы российско-китайского военно-технического сотрудничества уже в 1992 г. составляли 1,8 млрд долл. или 7% тогдашней реальной валютной выручки РФ. В этих условиях была учреждена российско-китайская межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству.

Если проанализировать общий оборот сотрудничества в военно-технической отрасли между РФ и странами-импортёрами, то КНР окажется на одной из ключевых, но не лидирующей позиции. Согласно данным «Рособоронэкспорта», объем экспортных поставок составил 12,9 млрд долл., из них 43% пришлось на страны Азии, в их числе 12% китайских контрактов. КНР стала третьей азиатской страной по объему заку-

пок, её доля в российском экспорте соизмерима с суммарными заказами стран СНГ. Проанализировав структуру и характер заказов китайской стороны, становится ясно, что на данный момент КНР наиболее заинтересована в сотрудничестве в сфере авиации. А именно в поставках двигателей для отечественных и производимых по лицензии самолётов. Закупки российских двигателей АЛ-31ФН и его модификаций составляют свыше 60% от общего объёма китайских военных закупок у РФ. Это обусловлено заботой о развитии независимого ВПК, который в дальнейшем должен создавать подобные двигатели самостоятельно. Например, двигатель АЛ-31ФН, штатный для истребителя ВВС НОАК J-10, был заказан китайскими военными в 1992 г. В 1998 г. состоялся первый полёт прототипа J-10. С 2002 г. CAIG развернула серийное производство истребителя J-10. Одновременно с этим в 2002 г. произошёл первый полёт J-11 с использованием полностью китайских ТРДД WS-10A. Нет оснований полагать, что отечественный двигатель завершен. Средний объем закупок российских двигателей составляет приблизительно 150 штук в год, что сопоставимо с запросами ВВС НОАК на модернизацию. Возможные разрывы соглашений после доработки WS-10 или освоения копирования АЛ-31Ф и начала их потокового производства на территории КНР могут ослабить позиции России на мировых рынках по причине удовлетворения спроса и выхода китайских производителей на мировые рынки.

Схожая ситуация сложилась в сфере вертолётостроения. Около 40% китайских закупок в РФ составляют транспортные вертолёты. На данный момент в области вертолётостроения КНР сосредоточена на производстве отечественного ударного вертолёта. Не исключено, что китайские власти в будущем в целях сокращения зависимости от импорта инициируют создание полноценного отечественного транспортного вертолёта.

Для России наиболее перспективной отраслью могут стать поставки палубной авиации. Было бы рационально рассмот-

реть возможности поставки в КНР партии самолётов Су-33.

В сфере российско-китайского военно-технического сотрудничества сложилась ситуация, в условиях которой экспортёром выступает исключительно российская сторона. И эта ситуация будет сохраняться до тех пор, пока Россия удерживает планку лидерства, унаследованную от СССР, в сфере авиастроения, вертолётостроения, ЗРК и высокотехнологичного судостроения. В областях стрелкового вооружения, танкостроения, основополагающих для ВПК, Китай достиг технологического паритета с ВПК РФ. Из этого следует, что КНР продолжит сотрудничество с РФ в целях модернизации ВВС НОАК и в меньшей степени ВМФ НОАК до того времени, пока не начнёт удовлетворять собственный спрос самостоятельно.

Сазонов С.Л.,
к.э.н., ИДВ РАН

СОТРУДНИЧЕСТВО РФ–КНР В РАЗВИТИИ ИНФРАСТРУКТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В 2011 г. объем китайских ПЗИ в Россию составлял 1,04% от общего объема зарубежных инвестиций КНР и равнялся 716 млн долл., а к 2020 г. Китай планирует увеличить общий объем ПЗИ в РФ до 12 млрд долл. В 2011 г. наибольший объем китайских инвестиций приходился на развитие обрабатывающих производств – 66,7% и транспорта – 16%. Увеличивается число намеченных к осуществлению совместных инвестиционных проектов, среди которых можно выделить крупные объекты в области транспорта.

Как заявил в июне 2012 г. на состоявшемся в Харбине Девятом российско-китайском инвестиционном форуме президент ИКК Лоу Цзивэй, «КНР заинтересована в развитии инфраструктурных проектов в районах совместной границы, поощрении экспорта китайскими компаниями транспортной техники и оборудования, а также технологий и инноваций в области производства подвижного состава». Это сотрудничество будет реали-

зовываться посредством совместного российско-китайского инвестиционного фонда (РКИФ) в размере 4 млрд долл., учрежденного в июне 2011 г. при поддержке правительств РФ и КНР. Российские и китайские партнеры внесут по одному млрд, кроме того, будет привлечено около 2 млрд долл. от инвесторов из КНР или других стран. Учредителями явились Российский фонд прямых инвестиций и ИКК, причем китайская сторона согласилась, что 70% инвестиций фонда будут направляться на модернизацию экономики РФ, в первую очередь транспортного комплекса и логистики. Дальнейшее развитие этого сотрудничества было закреплено подписанием 5 июня 2012 г. в Пекине Президентом РФ В.В. Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао меморандума о создании управляющей компании российско-китайского инвестиционного фонда и основных принципах его деятельности. Как подчеркнул заместитель министра иностранных дел КНР Чэн Гопин в марте 2013 г., «в этой области китайско-российские отношения вскоре совершат новые прорывы, особенно в области интеграции приграничной инфраструктуры». 25 марта 2013 г. Генеральный директор ИКК Гао Сицин подписал с РКИФ и ВТБ РФ «Меморандум о содействии инвестирования в строительство транспортной инфраструктуры ДФО РФ и в освоение Дальнего Востока России», в котором отмечено, что «при определении инвестиционных векторов основное внимание будет уделяться крупномасштабным проектам в области транспортной инфраструктуры и логистики». 11 апреля 2013 г. генеральный директор Российского фонда прямых инвестиций К. Дмитриев отметил, что «Китай, как близкий сосед России, имеет большое преимущество в участии развития Дальнего Востока. Россия активно призывает китайских инвесторов принять участие в развитии инфраструктуры на Дальнем Востоке – строительстве автомобильных дорог, железнодорожных путей, портов и аэропортов. Российско-китайское сотрудничество в вышеуказанных областях очень перспективно, а эти проекты могут быть эффективно реализо-

ваны при участии стран АТР».

Для Китая несвойственны радикальные шаги в области международного инвестиционного сотрудничества, поэтому столь масштабные проекты говорят о его высокой степени заинтересованности в расширении капиталовложений в развитие транспортной инфраструктуры России. Дочерняя структура Внешэкономбанка – Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций – намерена расширять взаимовыгодное сотрудничество с китайскими партнерами, прежде всего с корпорацией Sinosure. 6 июня 2012 г. были подписаны документы, подтверждающие взаимное стремление сторон к сотрудничеству. 5 декабря 2012 г. Государственный банк развития Китая и Сбербанк РФ в Москве подписали соглашение о сотрудничестве сроком на 5 лет. В соответствии с этим соглашением ведущие государственные банки двух стран намерены выделить до 2 млрд долл. на финансирование крупных инфраструктурных проектов, способствующих развитию совместной торговли.

Сафронова Е.И.,
к.э.н., ИДВ РАН

ЗНАЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ КИТАЯ ДЛЯ ПОДДЕРЖАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СВА

Автор понимает под экономической дипломатией (ЭД) не столько специфический вектор дипломатической активности, направленный на использование экономических проблем в качестве объекта и средства давления или сотрудничества в международных отношениях, сколько способность страны эффективно задействовать свои сравнительные (конкурентные) преимущества для достижения внешнеполитических и/или внешнеэкономических целей.

После «возвращения» США в АТР Китай вынужден вступить в борьбу за сохранение достигнутых им позиций в СВА.

Это противостояние чревато вызовами стабильности региона и представляет собой новый «паззл» для решения в будущем. Военно-силовой метод противодействия США для КНР неприемлем, посему экономический подход остается для нее единственно возможным, причем, эффективным способом закрепиться на пространстве СВА и сузить там маневр Вашингтона. Экономические связи с СВА уже стали для КНР фактором безопасности, поскольку без их развития стране вряд ли удастся консолидировать свои позиции в регионе.

Рост ряда угроз в СВА может быть нивелирован средствами ЭД не менее эффективно, чем силовыми методами. Ибо, например, «три зла» (терроризм, сепаратизм и экстремизм) имеют ярко выраженные социально-экономические базу и подоплеку.

Определенные риски заложены и в том, что КНР вынуждена вести наступательную ЭД, ибо внешнеэкономические связи (ВЭС) для Китая – средство доступа к ресурсам, прямо обуславливающее прирост экономики и выживание растущего населения. Кроме того, ЭД – инструмент придания динамики и внешнеполитическим проблемам, например, территориальным спорам по линии «КНР – Япония».

Сравнительные преимущества Китая в СВА таковы:

– в КНР действует пусть не монополия, но все же серьезный госконтроль над внешней торговлей, обеспечивающий тесное взаимодействие между национальными субъектами ВТ и управленческими госструктурами. Поддержка отечественного бизнеса, особенно в условиях глобализации, способствует экономической безопасности и стабильности и внутри страны.

– В КНР существует стратегия развития ВЭС, зафиксированная в нескольких правительственных документах. Китай проводит продуманную валютную политику, способствующую устойчивости ее денежной единицы и снижению зависимости от долларовых котировок.

– КНР располагает финансовыми ресурсами, достаточ-

ными для оказания ею материальной поддержки национальному бизнесу и благоприятствуемым внешним партнерам.

– Поскольку у Китая есть многое для развития на базе внутреннего потенциала (его разведанные запасы урана, вольфрама, цинка, лития, титана, ванадия и тантала, редкоземельных и рассеянных элементов и некоторых других природных ресурсов – крупнейшие на Земле), а конъюнктура мировых рынков аритмична, то не стоит исключать ревитализации со стороны КНР политики опоры на собственные силы. Пока было выгоднее покупать, чем добывать. Однако сейчас Китаем накоплены средства для импорта технологий и ведения работ, и в итоге может стать ощутимым еще одно сравнительное преимущество страны.

Поскольку союзников у США в АТР пока больше, чем у КНР (и РФ), то в обозримой перспективе Китай не будет поддерживать Россию в той ее активности в регионе, которая могла бы противоречить его интересам в отношениях с США. По этой же причине КНР пока не станет форсировать вопрос о создании системы коллективной безопасности в АТР.

Успех ЭД – индикатор не только позитивности связей государств-партнеров, но и показатель их взаимозависимости, ибо политические контакты могут эрозировать за считанные годы, а отлаженные экономические отношения длятся десятилетиями, а то и веками.

Высокая хозяйственная взаимозависимость государств способна привести к дисбалансам в развитии страны-«младшего» партнера, а также повысить конфликтогенный потенциал межгосударственных отношений. Надо находить меру этой взаимозависимости и главное – механизмы ее соблюдения. Для начала РФ необходима четкая внешнеэкономическая стратегия, которая уже есть у КНР.

Ткаченко Б.И.,
к.э.н., ИИАЭНДВ ДВО РАН

ВЫВОДЫ ИЗ РЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОГРАНИЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

Во-первых, русско-китайские договоры и соглашения XIX—XX вв. являются юридически полноценными документами, которые исчерпывающе, для своего времени, описывали государственную границу между Россией и Китаем на ее Восточной части, не допуская ее неоднозначной трактовки.

Во-вторых, проблема «уточнения границы» между СССР и КНР своими истоками во многом восходит к волюнтаристскому решению лично Н.С. Хрущева и последующему ошибочному решению политического руководства СССР периода М.С. Горбачева о передаче Китаю части островов на пограничных реках в соответствии с «принципом главного фарватера». Между тем «принцип главного фарватера» не является нормой договорного международного права, т. е., строго говоря, не обязателен для исполнения.

В-третьих, китайская дипломатия в ходе переговоров по пограничным вопросам 1964–2004 гг. с СССР и Российской Федерацией навязала советской и российской дипломатии свою линию на переговорах и достигла дипломатического успеха, выразившегося в существенном приращении своей территории за счет территории Российской Федерации, в том числе в стратегически важном районе вблизи Хабаровска.

С 1960-х гг. и в период «перестройки» и современной России, последующего подписания Соглашений 1991 и 2004 годов Китай ничего не потерял и не уступил, но добился передачи (уступки) ему вполне реальных более тысячи кв. км территории, не принадлежавшей ему по русско-китайским договорам второй половины XIX – начала XX вв., а принадлежавшей России. При этом, в принципе, вопрос о «неравноправных догово-

рах» и «историческом долге» в российско-китайских отношениях может быть вновь поднят китайской стороной в любое удобное для нее время в обозримом будущем.

В-четвертых, сорокалетние переговоры между СССР/Россией и КНР по достижению соглашения об уточнении советско/российско-китайской границы путем передачи Китаю части территории СССР/России на Дальнем Востоке в итоге были неблагоприятны для советской/российской стороны. Для Китая целью переговоров с СССР/Россией было не окончательное решение пограничных вопросов, а частичное удовлетворение его территориальных претензий.

В-пятых, отказ Российской Федерации от сотен островов на пограничных реках, закамуфлированный работниками МИД РФ под раздел якобы «ничейных территорий», породил в приграничных с КНР краях и областях России внутренние проблемы, связанные с ухудшением морально-психологической обстановки в российском обществе, национальным унижением россиян-дальневосточников.

В-шестых, по пограничным вопросам с Китаем в СССР в период Н.С. Хрущева была допущена концептуальная ошибка в части территориальных уступок Китаю, связанная с волюнтаризмом и субъективизмом в проведении внешней политики, а в период «перестройки» М. Горбачева интересы СССР как государства были подчинены интересам политической идеологии, реализовывавшейся во внешней политике группой М. Горбачева в Политбюро ЦК КПСС.

В-седьмых, заключение Соглашений 1991 и 2004 гг. между СССР/Россией и Китаем путем территориальных уступок не отвечало долгосрочным национальным интересам России. Оно наносит очевидный территориальный, экономический и геополитический ущерб интересам России, как в настоящее время, так и в будущем. Согласие политического руководства СССР, а затем и Российской Федерации на передачу Китаю части островов на пограничных реках Аргунь, Амур, Уссури и Сунгача

противоречило интересам национальной безопасности России как в 1964 г., так и в последующие годы.

В-восьмых, для определения отношения Российского государства к «территориально-пограничной проблеме» между Россией и Китаем следует исходить из того, что территориальный вопрос был решен на законной основе по итогам предшествующего исторического развития во второй половине XIX – начале XX вв. и закреплен соответствующими международными договорами и соглашениями, которые соответствуют нормам международного права.

ОПЫТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

Александрова М.В.,
к.э.н., ИДВ РАН

ИЗМЕНЕНИЕ СТРУКТУРЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СЕВЕРО-ВОСТОКА КНР: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

В ходе исторического развития Дунбэя доминирующие сектора экономики изменялись, с конца XIX в. произошло 7 поворотных моментов, в ходе которых региональная структура промышленности существенно преобразовывалась:

Конец правления Цинской династии – период Китайской Республики, доминирующими секторами промышленности были мукомольная, маслобойная, пивоваренная; горнодобывающая и энергетическая отрасли.

Период Маньчжоу-Го. Япония реализовала стратегию «в Японии – промышленность, в Маньчжоу-го – ресурсы». Пять отраслей становятся важнейшими – горнодобывающая, металлургическая, машиностроение, химическая и керамическая, структура промышленности «утяжелилась». Произошёл исторический переход от аграрно-индустриальной к индустриально-аграрной модели развития.

Образование КНР. Уже к 1952 г. создана первоначальная относительно полная промышленная система, доминирующими секторами стали – пищевая промышленность, машиностроение, текстильная промышленность, металлургия, целлюлозно-бумажная, деревообрабатывающая промышленности. Хотя в этот период тяжёлая промышленность продолжала оставаться главной в регионе, тем не менее, если сравнить её долю в 1942 и 1952 гг., можно сделать вывод, что произошли определённые изменения, которые привели структуру промышленности к более разумной организации.

Период активных системных изменений. В период с 1957 по 1965 гг. прослеживалась высокая частота изменений роли

отдельных отраслей. К 1965 г. лидерами промышленного производства Дунбэя стали машиностроение, металлургия, нефтяная, химическая, таким образом промышленная структура была вновь усилена за счёт отраслей тяжёлой промышленности.

Стационарно-стабильный период. С 1965 г. и до начала рыночных преобразований, кардинальных изменений в месте и роли той или иной промышленности, промышленной структуре. Конечно, и в это период происходили определённые мероприятия по регулировке уже созданной системы иерархии отраслей, но при этом наблюдалась определённая стабильность и осуществлялись лишь «тонкие настройки». В период с 1965 по 1970 гг. металлургия с нефтяной промышленностью меняются местами, нефтяная становится 2-й после машиностроения значимой отраслью. Несмотря на то, что в период с 1975 по 1980 гг. происходило изменение статусов таких отраслей, как пищевая, текстильная, угольная и строительных материалов, масштабы этих изменений были столь несущественны, что не могли иметь влияния на реальные структурные преобразования промышленности. В целом начиная с 1965 г. на 4 лидирующих отрасли первого эшелона приходилось более 50% объёма промышленного производства Дунбэя, основным трендом развития промышленности региона было развитие тяжёлых отраслей.

6. Период застоя. В 80-е гг. XX в. экономика региона начала сползать по наклонной. В этот период в первом эшелоне не происходило никаких изменений, во втором эшелоне произошли небольшие подвижки о которых следует сказать: поменялись местами пищевая с текстильной промышленностью, электроэнергетика резко переместилась с 7 на 9 место, поменявшись с отраслью, выпускающей стройматериалы. Угольная промышленность поменялась местами с лесной, угольная заняла 8 место, а лесная сместилась на 10. В расстановке остальных ведущих отраслей промышленности значительных изменений не произошло, как и прежде это машиностроение, нефтепереработка, металлургия, пищевая и химическая промышленности.

7. *Период урегулирования*. Давление, вызванное корректировкой национальной промышленной стратегии. После 80-х годов в качестве стратегии развития промышленности КНР стремится урегулировать промышленность и «облегчить» ей структуру, что достигается изменениями в структуре спроса, в тяжёлую промышленность объём инвестиций снижается, соответственно падает спрос на её продукцию, целью подобной политики была перестройка структуры промышленности и повышение давления на отрасли.

С середины 90-х гг. в условиях рыночной экономики началось обновление структуры региональной промышленности, и начали развиваться высокотехнологичные отрасли. В условиях продолжающегося роста инвестиций, происходило изменение спроса на рынке, постепенно расширялась внешнеэкономическая открытость и также шла реформа акционирования; региональная промышленная модернизация начала обретать конкретные формы. На этом этапе результат обновления региональной промышленной структуры можно отразить в двух аспектах:

– повысился качественный уровень традиционных отраслей – добывающей и производство промышленного оборудования;

– быстрый рост высокотехнологичных отраслей – фармацевтической и электронной.

К 2002 г. Дунбэй в своём развитии столкнулся со множеством проблем, к основным из которых относились: высокая доля государственной собственности, тяжёлое бремя системы планирования, истощение полезных ископаемых в ресурсных городах, высокий уровень безработицы, проблемы с трудоустройством, снижение конкурентоспособности ведущих отраслей народного хозяйства и др., т.е. регион в своём развитии начал резко отставать от темпов роста в стране.

В результате серьёзной работы, в августе 2007 г. было проведено совещание Государственного комитета КНР по делам развития и реформ и руководящей группы по регулированию и возрождению старых промышленных баз на Северо-Востоке Китая с целью ут-

верждения «Плана возрождения Северо-Востока». Данный документ стал программным на период 11 пятилетки, а по некоторым показателям до 2020 г. В результате его осуществления должно произойти совершенствование промышленной структуры региона.

Афонасьева А.В.,
к.э.н., ИДВ РАН

О КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИННОВАЦИЙ КИТАЯ

За 2001–2009 гг. Китай поднялся с 12 на 10 место в рейтинге конкурентоспособности государственных инноваций группы стран G20, уступив США, Японии, Германии, Франции, Южной Корее, Великобритании, Канаде, Австралии и Италии. Несмотря на то, что Китай занимает среднюю строчку в рейтинге, уровень конкурентоспособности государственных инноваций за рассматриваемый период был ниже среднего значения по группе G20 (в 2001 г. на 10,8 балла, а в 2009 г. на 2,6 балла).

Повышение рейтинга конкурентоспособности государственных инноваций Китая связано со значительным ростом конкурентоспособности инновационной продукции и инновационных инвестиций на 18,7 и 17,6 балл в 2001–2009 гг., что обеспечило подъем этих показателей с 10 на 4 и 5 места соответственно. Также наблюдался рост конкурентоспособности базы инноваций на 12,6 балл и подъем рейтинга этого показателя с 15 на 12 место. Конкурентоспособность инновационного климата выросла на 10 баллов, что, однако, сопровождалось снижением рейтинга этого показателя на одну позицию (с 13 до 14 места), на 4,8 балла снизилась конкурентоспособность инновационной устойчивости, сохранив при этом 14 место в рейтинге.

Конкурентоспособность инновационной продукции Китая, оцениваемая по 7 показателям (число заявок на американские патенты, число полученных патентов в среднем на научно-

технического сотрудника, число опубликованных научно-технических работ, число опубликованных работ в среднем на научно-технического сотрудника, доход от авторских гонораров и лицензий, объем экспорта высокотехнологичной продукции и его доля в обрабатывающей промышленности), в 2001 г. была на 8,1 балла ниже среднего уровня по группе стран G20, а в 2009 г. на 11,6 балла превысила этот уровень. Этот подъем обеспечен значительным ростом трех показателей – объема экспорта высокотехнологичной продукции (рост на 72,5 балла) и его доли в обрабатывающей промышленности (на 35,6 балла), а также числа опубликованных научно-технических работ (на 23,5 балла).

Конкурентоспособность инновационных инвестиций Китая также оценивается по 7 показателям – общий объем НИОКР, доля НИОКР в ВВП, расходы на НИОКР на душу населения, персонал НИОКР, доля научных сотрудников в числе занятого населения, доля научных сотрудников на предприятиях, доля инвестиций в НИОКР на предприятиях. Все эти показатели имели тенденцию роста в 2001–2009 гг., увеличившись соответственно на 21,6; 12; 4,9; 28,8; 12; 22,8; 21 балл. Причем общий объем НИОКР, персонал НИОКР, доля научных сотрудников на предприятиях, доля инвестиций в НИОКР на предприятиях по баллам существенно превысили среднее значение по группе стран G20, что позволило Китаю в 2009 г. на 12,1 балл преодолеть среднегрупповую оценку конкурентоспособности инновационных инвестиций, тогда как в 2001 г. этот показатель был на 4,2 балла ниже, чем в среднем по группе G20.

Конкурентоспособность базы инноваций Китая, которую оценивают по ВВП, ВВП на душу населения, бюджетному доходу, бюджетному доходу на душу населения, прямым иностранным инвестициям, проценту учащихся в вузах, производительности труда, несмотря на рост этих показателей на 22,3; 4,1; 17,1; 2; 29,8; 10,1 и 2,9 балла соответственно за 2001–2009 гг., не достигла в 2009 г. среднего уровня по группе стран G20,

хотя разрыв со средним значением сократился с 21,2 балла в 2001 г. до 13,2 балла в 2009 г.

По конкурентоспособности инновационного климата за 2001–2009 гг. Китаю не удалось достичь среднего уровня по группе стран G20, но разрыв был сокращен с 15,4 до 12,1 балла. А снижение конкурентоспособности инновационной устойчивости увеличило разрыв Китая со средним значением по группе G20 с 9,4 балла в 2001 г. до 11,5 балла в 2009 г.

В обозримой перспективе Китай по конкурентоспособности государственных инноваций превысит средний по группе стран G20 уровень, но его разрыв с максимальным значением группы, несмотря на сокращение будет оставаться высоким.

Источники:

1. Чуансинь ланьпишу. Чуансиньсин Гоцзя цзяньшэ баогао (2011-2012):
[Голубая книга по инновациям. Доклад по строительству инновационного государства (2011-2012)]. Пекин, 2012.
2. Эрши Гоцзи туань (G20) Гоцзя чуансинь цзинчжэнли фачжань баогао: 2001-2010: [Доклад о развитии конкурентоспособности государственных инноваций стран большой двадцатки (G20)]. Пекин, 2011.

Баженова Е.С.,
к.э.н., ИДВ РАН

УРБАНИЗАЦИЯ В КИТАЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ В ХОДЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Урбанизация, в качестве движущей силы устойчивого экономического развития, является серьезным внутренним фактором ускорения экономического развития страны. В настоящее время урбанизация стала серьезным стимулом в расширении внутреннего спроса и реструктурировании экономики, что является отправной точкой для сбалансированного развития городских и сельских районов.

Демографические процессы современного Китая характеризуются очень высокими темпами урбанизации, ростом ми-

грационного движения населения. По данным ГСУ КНР в 2011 г. число городских жителей – 690,8 млн человек впервые в истории страны превысило численность сельского населения – 656,6 млн человек (51,3% и 48,7% соответственно)[1]. Это означает исторически значимые изменения в социальной структуре населения – перевернута страница, когда деревня занимала преобладающее место в обществе, начинается новое время с доминирующей ролью городов в социальном пространстве. По прогнозам, к 2025 г. число городских жителей в Китае достигнет 915 млн человек, а в дальнейшем, к 2030 г. составит 1020 млн человек, 70% общей численности населения КНР. В ряде регионов – дельте реки Янцзы, дельте реки Чжухай, зоне Бохайского залива появятся мегаполисы с населением 80–100 млн человек. В этой связи в Китае создается передовая инфраструктура, в основе которой заложена сеть высокоскоростных железных и автомобильных дорог, связывающих между собой различные мегаполисы с севера на юг и с востока на запад «по двум вертикалям и трем горизонталям». Пополнение городского населения происходило в основном за счет миграции, которая за годы реформ достигла беспрецедентных масштабов. Число мигрантов к 2010 г. возросло до 261,4 млн человек (более полугода проживают не по месту прописки), что на 117 млн человек или 81,03% больше показателя 2000 г. В этой связи в материалах XVIII съезда КПК отмечалось, что в новое время необходимо придавать большее значение научно обоснованному развитию городов, всесторонне повышать качественные стороны городов и урбанизации, стимулировать процветание городской экономики и экологии[2]. В основном докладе на XVIII съезде КПК особое внимание уделялось необходимости научного планирования масштабов и размещения мегаполисов *(чэншицюнь)*, усилению развития средних и малых городов и поселков. Поднимались такие важные вопросы как реформа системы прописки *(хуцзи)*, упорядочение миграции сельского населения в города, как можно более полное обеспе-

чение услугами постоянного городского населения. Развитие единого планирования города и деревни будет способствовать уменьшению разрыва между ними, позволит крестьянам участвовать в распределении доходов от модернизации.

В докладе о работе правительства за 2010 г. премьер-министр КНР Вэнь Цзябао наметил новый курс в области урбанизации: довести до конца реформу системы регистрации по месту жительства и неуклонно проводить в жизнь идею превращения сельских мигрантов в городских жителей; обеспечить мигрантам равный доступ к образованию детей, здравоохранению, обеспечению жильем; поддерживать экономику городов, значительно улучшив инфраструктуру и состояние окружающей среды, ввести принцип координированного развития больших, средних и малых городов, придавая равное значение как мега-городам, так и малым городам[3].

Источники

1. Чжунхуа жэньминь гунхэго. 2011 нянь гоминь цзинцзи хэ шэхуэй фачжань тунцзи гунбао (Statistical communiquй of the People's Republic of China on the 2011 National economic and social development). National Bureau of Statistics of China. China Statistics Press. Beijing. 2012. P.51.
2. http://russian.news.cn/importnews/2012-08/14/c_131785157.htm
3. «China Population Today». Vol. 28. №4. 2010. P. 34.

Бони Л.Д.,
д.э.н., ИДВ РАН

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КИТАЯ

XVIII съезд КПК (2002 г.) впервые поставил долгосрочную задачу развития современного сельского хозяйства страны, XVII съезд КПК (2007 г.), подтвердив верность стратегическому курсу на модернизацию аграрной сферы, указал, что «развитие современного сельского хозяйства должно идти путем, отражающим китайскую специфику»; 3-й пленум ЦК КПК 17-го созыва (2008 г.) выдвинул уже концепцию модернизации

сельского хозяйства и смены модели развития в агросфере, учитывающую специфику страны.

Главной спецификой модернизации сельского хозяйства Китая 3-й пленум назвал осуществление перехода от традиционного к современному способу производства в аграрной сфере «***на основе сохранения и стабилизации подрядных отношений в сельском хозяйстве, сохранения и стабилизации двухступенчатой хозяйственной системы, основой которой является семейное подрядное хозяйство и которая увязывает "распыленное хозяйствование крестьянского двора»*** (1-я ступень) ***и «единое хозяйствование»*** (2-я ступень), поскольку «***эта основная хозяйственная система в деревне соответствует системе социалистической рыночной экономики, отвечает особенностям сельскохозяйственного производства и является краеугольным камнем политики партии в деревне»***. Иначе говоря, модернизацию сельского хозяйства предстоит осуществлять на основе мелкого крестьянского хозяйства, представленного более 200 млн крестьянских подрядных дворов.

Переход к новой модели развития в сельском хозяйстве предлагается осуществить путем ***инновационного преобразования механизма хозяйственной системы в сельском хозяйстве*** за счет переориентации функций каждой из двух ступеней коллективного хозяйства в направлении интенсификации производства. Суть этой переориентации 3-й пленум выразил следующим образом: «***подрядное семейное хозяйство должно повернуться в направлении использования передовой науки и техники и современных методов производства, энергично повышая уровень интенсификации производства, а единая ступень коллективного хозяйства должна повернуться в направлении развития объединений дворов и кооперации, формирования многоступенчатой системы хозяйственных услуг, развивать коллективную экономику, усиливать функцию обслуживания коллективной хозяйственной***

организации, формировать крестьянские кооперативные организации нового типа».

Одновременно 3-й пленум ЦК КПК 17-го созыва санкционировал обращение коллективной земли (т.е. права хозяйствования крестьян на подрядной земле) на основе принципа законности, добровольности и возмездности и соблюдения трех запретов: «не изменять характер коллективной собственности на землю, не изменять сельскохозяйственное назначение земли, не нарушать подрядное право крестьян». Обращение подрядной земли в деревне положило начало процессу постепенного формирования масштабного хозяйства в сельском хозяйстве, фактически в отсутствие свободного рынка земли (по закону купля-продажа коллективной земли в Китае запрещена). Однако схему преобразования механизма хозяйственной системы в сельском хозяйстве еще требовалось наполнить содержанием.

XVIII съезд КПК (2012 г.) поставил задачу создания хозяйственной системы в сельском хозяйстве «нового типа», способной обеспечить интенсификацию производства, специализацию, организацию, социализацию за счет инновационного преобразования механизма существующей хозяйственной системы отрасли. Характер этих преобразований частично раскрывает Документ № 1 ЦК КПК и Госсовета КНР, за 2013 г., в котором подчеркивается «***особая роль крестьянских специализированных кооперативов в развитии нового содержания 2-й ступени коллективного хозяйства***». Среди основных теоретических проблем, связанных с инновационным преобразованием механизма хозяйственной системы в сельском хозяйстве, которые предстоит глубоко исследовать, зам. министра сельского хозяйства Китая Чэнь Сяохуа называет следующие: 1) проблема, как в новых условиях широкомасштабной урбанизации сохранить стабильные подрядные земельные отношения и обеспечить требование «долго не менять» эти отношения; 2) стратегический курс на развитие масштабного хозяйства, как важной особенности современного сельского хозяйства,

сопровождается тенденциями «отказа от производства зерна» (*фэйлянхуа*), «отказа от сельскохозяйственного производства» (*фэйнунхуа*). Как развивать масштабное хозяйство на основе подрядного хозяйства, каким путем должно идти развитие масштабного хозяйства? 3) проблема формирования субъектов хозяйствования нового типа, соответствующих требованиям современного сельского хозяйства. Вопрос «кто будет заниматься сельским хозяйством?» требует особого внимания; 4) проблема развития эффективной системы хозяйственных услуг в сельском хозяйстве; 5) проблема совершенствования системы управления сельским социумом в новых условиях стоит остро. Ее также предстоит изучать и решать при преобразовании механизма хозяйственной системы.

Источники

1. Нунминь жибао.20.10.2008.
2. Caixin wang/pinglun(25)/2012/11/08.
3. http://cass.cn/show_News.asp?id. 33987.
4. http://cass.cn/show_News.asp?id.33725.
5. http/ dangguoying blog/caixin.com/ archives/54004/ 2013/03/12.
6. http://cass.cn/show_News.asp?id.34063.
7. Нунъе цзинцзи вэньти. 2012. №11. С.4-5.

Боревская Н.Е.,
д.и.н., ИДВ РАН

РОССИЯ И КИТАЙ НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ КНР: СОПЕРНИЧЕСТВО ИЛИ СОРАЗВИТИЕ?

1. Активная работа по формированию единого образовательного пространства АТР ведется в рамках ЮНЕСКО, ОЭСР, субрегиональных объединений (АСЕАН, ШОС). В рамках АТЭС действует Образовательный Фонд, регулярно проводятся конференции министров образования. Государства-члены ШОС заключили Соглашение о сотрудничестве в образовании (2006) проводят регулярные совещания министров образования и ежегодные Недели образования; с 2010 г. функционирует Университет ШОС – *единое сетевое пространство базовых вузов.*

КНР рассчитывает в перспективе 20–30 лет стать лидером АТР. Для российской геополитики характерен низкий уровень экономического и политического присутствия, так и участия в научных и образовательных проектах. Россия, являясь с 1983 г. стороной Региональной конвенции ЮНЕСКО о признании учебных курсов, дипломов о высшем образовании и ученых степенях в АТР, в отличие от КНР пока не подписала подобную *обновленную конвенцию (Токио, 2011*). Китай является активным участником подготовки нового международно-правового акта о взаимном признании образовательных квалификаций государствами-участниками АСЕМ. В отличие от КНР, представленной в «Ассоциации университетов АТР» (АПРУ) восемью университетами, от России участвует лишь Дальневосточный федеральный государственный университет; в программе «Университетская мобильность в АТР» (UMAP) РФ является лишь ассоциированным членом.

2. Серьезные вызовы, стоящие перед высшим образованием наших стран, включают в себя необходимость, помимо прочего, и увеличения оборота торговли услугами высшего образования, и более широкого взаимного признания квалификаций. Китай и Россия становятся важнейшими среди новых игроков на стремительно развивающемся глобальном рынке образовательных услуг, причем не только их импортерами, но все более активными экспортерами. В 2011 г. в КНР обучалось 292,6 тыс. иностранных студентов из 194 государств и регионов, а к 2020 г. планируется 500 тыс., в т.ч. в вузах – 150 тыс. человек. По статистике ЮНЕСКО, численность китайских студентов за рубежом составляет 14% от общемирового объема.

Доля РФ на международном рынке образовательных услуг за последние годы выросла почти до 4% (7-е место в мире). Однако около 75% всех иностранных студентов в вузах РФ – граждане бывшего СССР; доля китайских студентов составляет всего 3,4% китайцев, получающих образование за рубежом (в США – 48%), и 6% всех иностранных учащихся РФ (в США

– 25%); их численность с 2009–2010 учебного года не выросла.

3. XVIII съезд КПК указал на необходимость «…*уделять больше внимания созданию инноваций путем сотрудничества*». С этой целью будет реализовываться «стимулирование комплексных (инфраструктурных) связей с сопредельными странами», что открывает перед РФ более широкие перспективы взаимовыгодного сотрудничества, в том числе, в рамках ВТО. В связи с тем, что АТР – единственный регион мира, для которого основной формой трансграничного образования является получение степени на платной основе, особый интерес для него представляют положения важнейшего документа ВТО – Генерального соглашения о торговле услугами (ГАТС), включая и образовательные.

Китай и Россия, открывая свои сектора образования в рамках ВТО, использовали сходные тактики защиты от рисков. Максимальная защита отечественного потребителя и качества образования обеспечиваются взятыми Россией *специфическими обязательствами:* ограничениями по режиму доступа на рынок образовательных услуг и по национальному режиму для иностранных государственных организаций и услуг. В отличие от РФ, разрешившей коммерческое присутствие иностранных поставщиков для всех подсекторов образования, кроме высшего (но только *в форме юридического лица РФ)*, КНР не предоставляет им национальный режим. Есть разночтения и по предоставлению трансграничных образовательных услуг (дистанционное и подобные формы обучения): КНР сохраняет ограничения по всем подсекторам образования. Иными словами, расширение сотрудничества с КНР в рамках ВТО потребует от России определенной гибкости и адаптационных мер.

Несмотря на конкуренцию за лидерство в регионе, КНР явно рассчитывает на сотрудничество с Россией, давая понять, что именно эти две державы способны внести вклад в совершенствование модели современного университета и сохранение гуманистической традиции в сфере образования.

Источники
1. http://oncampus.ru/publicacii/kolichestvo-inostrannyh-studentov-v-mire-vyroslo-v-dva-raza#ixzz2LXqlxekS
2. Политический доклад Ху Цзиньтао на XVIII съезде КПК: «Жэньминь жибао» онлайн: http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html
3. International Briefs for Higher Education, Boston, 2012 # 1.

Вахрушин И.В.,
к.э.н., ИДВ РАН

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ КНР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Прогнозы роста фондового рынка КНР на фоне открытия XVIII съезда КПК не оправдались, несмотря на ожидавшиеся позитивные прогнозы по инфляции. С начала 2012 г. и до открытия съезда композитный индекс Шанхайской фондовой биржи (ШФБ) уже снизился на 9%, в то время как падение прибыли госкорпораций в тот же период составило 8,2%. В расчете на рост рынка после открытия съезда институциональные инвесторы с начала октября приобрели акции более чем на 4 млрд долл. Предыдущие четыре съезда КПК также сопровождались падением рынка. Так, в ходе XIV съезда композитный индекс ШФБ потерял 4,2%; в ходе XV съезда – 5,7%; XVI съезда – 6%; XVII съезда – 1,4%.

Снижение китайского индекса после открытия XVIII съезда КПК коррелировало с отрицательной динамикой ведущих мировых рынков и в первую очередь крупнейшим за год падением фондовых индексов США на фоне ожидавшегося «фискального обрыва» (одновременного повышения налогов и сокращения бюджетных расходов, оцениваемых в совокупности в сумме 607 млрд долл., с начала 2013 г.).

Как показывает практика предыдущих съездов, открытие съезда не оказывает существенного влияния на динамику фондовых индексов, так как значимые для рынка новости появляются уже во второй половине съезда в ходе пресс-конференций

официальных лиц.

Задачи и перспективы фондового рынка КНР в свете решений XVIII съезда КПК были озвучены председателем Комитета по контролю за ценными бумагами Китая (ККЦБ) Го Шуцином. Он отверг спекуляции о возможности полной отмены разрешительных процедур по IPO, однако заявил о необходимости существенной либерализации первичного рынка в части создания рыночно-ориентированного механизма принятия решений.

К разочарованию многих прозвучало заявление о том, что открытие международного рынка ШФБ для листинга иностранных компаний в среднесрочной перспективе не состоится. Требуется значительная подготовительная работа по совершенствованию регулятивной и торговой инфраструктур, стандартов отчетности. Определенные сроки завершения подготовительного этапа не установлены.

Среди ключевых задач развития фондового рынка необходимо выделить: 1) дальнейшее совершенствование системы регулирования и мониторинга, обеспечивающих равные права участников рынка, защиту прав инвесторов и эффективную борьбу с нарушениями (инсайдерская торговля, манипулирование рынком, фальсификация отчетности и пр.); 2) значительное увеличение возможностей инвестирования на РЦБ для Всекитайского фонда социального обеспечения; 3) расширение сектора институциональных инвесторов за счет создания новых управляющих компаний; 4) в рамках построения многоуровневого РЦБ стимулирование ускоренного развития рынка инновационных компаний Chi Next и рынка средних и малых компаний SME Board; разработка мер для прорыва в развитии внебиржевого рынка; 5) повышение роли срочного рынка в обслуживании реального сектора экономики за счет запуска новых фьючерсных контрактов, в частности по сырой нефти и казначейским облигациям.

Исходя из коэффициента P/E (отношение рыночной цены

акции к чистой прибыли компании в расчете на акцию) листинговые компании КНР по-прежнему переоценены, если из расчета P/E вычесть акции банковского сектора. Так, в первых трех кварталах 2012 г. 16 листинговых банков заработали 860 млрд юаней, что составляет почти 60% прибыли, полученной более чем 2000 листинговыми компаниями (1,5 трлн юаней).

По оценкам экспертов, в настоящее время из более чем 100 млн инвестиционных счетов акций типа «А» только 6 млн активных. С целью поддержания падающего рынка в начале октября ККЦБ приостановил первичные публичные размещения акций (IPO). Более 800 компаний ожидают утверждения заявок на проведение IPO.

В конце ноября 2012 г. композитный индекс ШФБ опустился ниже психологически важной отметки в 2000 пунктов и достиг минимального уровня за четырехлетний период. С одной стороны, падение рынка произошло на фоне наибольшего замедления роста экономики КНР (7,4% в третьем квартале); с другой стороны – на фоне укреплявшегося юаня и роста ключевых азиатских индексов. Композитный индекс ШФБ снизился на 9,5% с начала 2012 г. и на 42% с августа 2009 г. Дополнительным фактором давления стал предстоявший в декабре выход на фондовый рынок разблокированных пакетов акций на сумму 190 млрд юаней (что на 60% больше, чем в ноябре).

В результате рыночной рецессии 2012 г. резко сократилась прибыль сектора компаний по ценным бумагам. По данным неаудированной финансовой отчетности 114 компаний по ценным бумагам за 2012 г., совокупный доход сектора составил 129,5 млрд юаней. Доходы от андеррайтинга (деятельность по организации подписки на ценные бумаги с их последующим размещением) снизились на 58,2% до 5,4 млрд юаней, несмотря на повышение средней комиссии с 4,4% в 2010 г. до 6,6% в 2012 г. Из общего числа 77 компаний, имеющих лицензию андеррайтера, 36 не организовали ни одного размещения в 2012 г. Тем не менее андеррайтинг сохраняет третье место в струк-

туре доходов компаний по ценным бумагам (его доля выросла с 5% в 2009 г. до 10% в 2012 г.), уступая комиссии по брокерским сделкам и собственным сделкам компаний.

Величко В.В.,
к.э.н., ИМЭМО НАН, Украины

К ОЦЕНКЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ МОРСКОЙ ЭКОНОМИКИ КИТАЯ

Морская экономика Китая имеет большие пространственные масштабы: акватория – 3 млн кв. км, морская береговая линия –32 тыс. км, острова – 6500, приморская полоса в составе 11 провинций.

В ходе экономической реформы объектом государственного регулирования в морской экономике стала не сама отрасль, а пространственные формы ее экономики, прежде всего, макрорегионы дельт рек Янцзы и Чжуцзян, Бохайского залива, а также морские регионы, приморские и морские кластеры.

Разделяя определение морского региона, данное в Конвенции ООН по морскому праву, исследователи Китайской океанской администрации считают, что к морскому региону относятся прибрежные моря, шельфовая зона, дельты рек и выходящие к морям экономические районы.

Ученые Океанского университета Китая относят к пространственной структуре морской экономики морское (ближнее и дальнее) экономически освоенное пространство и «прилегающий сухопутный пояс», имея в виду 11 приморских провинций, инфрапровинциальные макро- и мезозоны и интразональные микрокластеры. В практике морской экономики к ее пространственной структуре относят морское дно и оба полюса. Наиболее развитые хозяйственные сферы включает энергетику, морские: добычу минералов, химбиофармкомплекс, перерабатывающую и логистическую (транспорт, хранение, упаковка, реализация) подотрасли, образовательный и другой сервис (наука, профобразование, информационно-маркетинговые

и финансовые услуги). Быстроразвивающиеся подотрасли – оффшорна газо- нефте-, приливная и ветроэнергетика, извлечение минералов из морской воды и морской туризм.

В центре научной дискуссии китайских экономистов-регионалистов находится вопрос отличия материкового от морского региона в правовом отношении. Они достигли консенсуса в том, что, в отличие от первого, статус второго обусловлен и национальным, и международным правом, а также возможным наличием «исторических прав».

Системный кризис морской экономики к концу 1970-х гг. привел к необходимости перехода от директивной региональной политики равномерного размещения ее производительных сил к реформе в направлении ориентированного на развитие товарного производства «точечного» развития в 1980–1990-х гг. и постепенного перехода от рыночной, регулируемой государством, модели регионального развития «центр-периферия» в 2000-х гг.

Однако ее региональная структура, в частности матрица производительных сил, остаются несбалансированными, ограничивая развитие морской экономики в целом. Оценка оптимальности региональной структуры (авторы оценок – Ян Кайчун, Вэй Хоукай, Чжан Пин, Ху Аньган, Линь Ифу и др.) во многом зиждилась на сравнении регионального ВВП (РВВП) структурных частей. Полагая, что различия РВВП имеют ограниченный характер, Ло Шоугуй предложил использовать показатель «ВВП на душу населения» приморских провинций, а Фань Шуайбан – взять его за основу при разработке региональных стратегий, принятии решений.

Изыскания проводятся также по видам выпускаемой продукции, использованию капиталовложений, росту основных фондов, объему трудовых ресурсов, качеству рабочей силы, объёмам и структуре экспорта, привлечения иностранного капитала и др.

Анализируя явления интрапровинциальной агломерации и

конвергенции, эконометристы Мао Цзюехуа и Ли Хун на примере четырех частей и 22 городов Гуандуна рассчитали индексы концентрации реального сектора экономики восточной, западной, гористой частей и дельты р. Чжуцзян и четыре показателя бета-конвергенции 22 городов соответственно. Сделаны выводы о разных темпах агломерации и конвергенции, о существовании вызовов устойчивому развитию морской экономики.

Несмотря на разницу используемых методов и инструментов научного поиска, предлагаются вариативные, но в целом схожие решения региональных проблем: обеспечение инновационного развития и «эффекта распространения» (инноваций, перелива капитала, ресурсов и рабочей силы из высокоразвитых в менее развитые части структуры), создание функциональных районов и приморских/морских кластеров, формирование сети опорных стратегических проектов, использование региональных резервов при поддержке Центра.

Источники

1. 徐志良.我国海洋区域发展特征分析//海洋开发与管理 (Сюй Чжилян. Вого хайян цюйюй фачжань тэчжэн фэньси (Анализ особенностей развития приморских районов нашей страны // Хайян кайфа юй гуаньли), 2006. С. 5.
2. 刘曙光. 我国海洋经济区产业布局模型及评价体系分析//产业经济研究 (Лю Шугуан. Вого хайян цзинцзицюй чанье буцзюй мосин цзи пинцзя тиси фэньси (Анализ и система оценки модели отраслевого размещения в приморских экономических районах нашей страны // Чанье цзинцзи яньцзю), 2008. С. 2.
3. 都晓岩。论海洋产业布局的影响因子与演化规律//太平洋学报 (Ду Сяоянь. Лунь яньхай чанье буцзюйды инсян иньцзы юй яньхуа гуйлюй (Закон перемен и факторы влияния на размещение отраслей в приморских районах // Тайпинъян сюэбао)，2007. С. 7.
4. 王爱香, 霍军. 试论海洋产业布局的含义、特点及演化规律 // 第十届产业集群与 区域发展国际学术研讨会论文集 (Ван Айсян, Хо Цзюнь. Шилунь хайян чанье буцзюйды ханьи, тэдянь цзи яньхуа гуйлюй (О содержании, особенностях и законе перемен при размещении отраслей в приморских районах) / Материалы X Международной научной конференции по отраслевой концентрации и региональному развитию), 2011. С. 2.

Веремейчик А.С.,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ: ТЕНДЕНЦИИ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ*

В Северо-Восточном Китае (СВК) в 2000–2010-е гг. наблюдался рост всех видов территориального перемещения населения – между городом и селом, между городами, между сёлами, между уездами, округами и провинциями. Число мигрантов в регионе в целом возросло к 2010 г. до 19,33 млн человек, что на 6,13 млн человек или 46,4% выше показателя 2000 г. Несмотря на то, что подавляющую часть перемещений мигранты по-прежнему осуществляли внутри провинций, отмечалось некоторое сокращение их доли по отношению к мигрирующим за пределы провинций. В целом рост миграционных процессов в регионе обусловлен увеличением численности лиц трудоспособных возрастов, наличием региональных диспропорций в развитии, политикой урбанизации с уклоном на строительство малых и средних городов, а также послаблениями в системе регистрации сельского населения в городских населённых пунктах.

Одновременно произошли некоторые изменения в мотивах миграционной активности жителей СВК. Во внутрипровинциальной миграции по-прежнему преобладают социальные мотивы, однако в 2005–2010 гг. наметилась тенденция к их сокращению с 64,9 до 52,7% при увеличении веса экономических причин – с 25,2 до 37,6%. В межпровинциальной миграции традиционно превалируют экономические мотивы, доля которых повысилась с 50,2 до 66,3%, при снижении роли социальных – с 47,3 до 29,3%. Рост влияния экономического фактора связан с увеличением разрыва в уровне социально-экономического развития между городами и сельской местностью, между провинциями, и, как следствие, неодинаковом

размере заработной платы, возможностях поиска работы и т.д.

Указанные процессы отражаются на направлении миграционных потоков внутри СВК – с севера на юг, в ходе которых происходит отток трудовых ресурсов из приграничных провинций Хэйлунцзян и Цзилинь и их концентрация в более экономически развитой пров. Ляонин. Кроме того, население активно выезжает за пределы региона, что в совокупности к 2010 г. дало беспрецедентную цифру отрицательного миграционного сальдо – 2,19 млн чел. (против 404,3 тыс. чел. – в 2000 г.). За пределами СВК наибольший интерес у мигрантов вызывают приморские провинции Хэбэй, Шаньдун, Гуандун, а также города центрального подчинения Пекин и Тяньцзинь. Миграционная притягательность указанных территорий обусловлена высоким уровнем экономического развития (высокий объём ВВП, доходы на душу населения), количеством вакантных мест (большое число предприятий негосударственного сектора, в том числе с участием иностранного капитала) и сравнительно высокой заработной платой.

Изменения также коснулись социальной и профессиональной структуры мигрантов. С 2000 по 2010 гг. в регионе увеличилась доля мигрантов с высшим образованием (включая специалитет и бакалавриат) – с 18,2 до 20%. Удельный вес лиц, имеющих неполное среднее и среднее образование и мигрирующих внутри провинций, возрос с 51,8 до 64,8%, за пределами своих провинций – с 46,6 до 59,3% соответственно. В то же время имеются изменения и в распределении мигрантов по профессиональному составу. При перемещении населения как внутри провинций, так и за их пределы увеличилась доля занятых на производстве и транспорте – в среднем с 27,4 до 38,3%; в торговле и сфере услуг с 27,7 до 31,7%. При этом заметно снизился удельный вес технических специалистов – с 15,6 до 5,3% и служащих – с 8,2 до 2,7% соответственно.

Отмечаются перемены и в сроках миграции. В 2000–2010 гг. доля населения СВК, проживающего не по месту прописки

– менее 1 года, увеличилась с 17 до 19%, свыше 6 лет, наоборот, уменьшилась с 33,5 до 23,5%. На первый взгляд цифры свидетельствуют о сокращении сроков миграции. Фактически же, в условиях быстрого прироста, каждый год большое число новых мигрантов прибавляется к уже имеющимся, увеличивая тем самым долю пребывающих сроком менее 1 года и сокращая долю проживающих более 6 лет. Тенденцию к увеличению сроков миграции подтверждают и результаты специальных исследований, проводимых китайскими экспертами в ряде мест.

Таким образом, среди основных тенденций в развитии миграционных процессов СВК можно выделить: рост объёма миграций с оттоком населения из приграничных районов в приморские, повышение роли экономического фактора в миграции, рост образовательного уровня мигрантов, увеличение сроков миграции.

* *Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН, проект № 13-III-B-11-213.*

Волкова Л.А.,
к.э.н., ИДВ РАН

ОПЫТ РЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ДЕРЕВНИ В КИТАЕ

По истечении почти 65-летнего периода развития и реформ китайская деревня меняет производственный, хозяйственный и социальный облик.

Преобразование деревни было одной из основных задач китайского руководства после образования КНР. Нечеткая социально-классовая структурированность деревни облегчила проведение аграрных преобразований в период земельной реформы 1950–1952 гг. и начального этапа кооперирования.

Деревня и крестьянство в первые как минимум три-четыре пятилетки выступали основным источником средств и фактическим донором развития промышленности и всей экономики страны: обязательные закупки основной сельскохозяйственной

продукции, ножницы цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, налогообложение и т.п.

Почти 35-летний период организации хозяйства в деревне на основе семейного подряда на землю при все более расширяющихся возможностях ведения крупного хозяйства в самых разнообразных формах: кооперативные объединения крестьян, масштабные семейные хозяйства, сотрудничество крестьянских хозяйств с так называемыми головными предприятиями и т.п. ознаменовался значительными успехами в развитии производства, в решении социальных проблем деревни.

Сельское хозяйство, как в организационном отношении, так и в использовании достижений научно-технического прогресса добивается заметных результатов. XVIII съезд КПК (2012 г.) поставил задачу осуществлять «синхронное развитие индустриализации, информатизации, урбанизации и модернизации сельского хозяйства», добиваясь стратегического урегулирования экономической структуры и ускоренной трансформации модели экономического развития. Иными словами, предполагается создать новый тип хозяйственной системы аграрного сектора, т.е. крупное современное хозяйство, трансформируя форму крестьянского землепользования подрядной землей.

Активно развивается процесс урбанизации аграрного сектора, выступая основой его модернизации и индустриализации. С этим процессом связываются надежды центрального и местного руководства на расширение потребительского и инвестиционного спроса, создание новых рабочих мест в сельских районах. В 2013 г. коэффициент урбанизации предполагается на уровне 53,4%. В 2012 г. доля сельского населения страны – 48,7% (его численность – 642,2 млн человек) оказалась меньше доли населения городов и поселков.

Ставится задача повышения качества урбанизации, продвижения ее «с разумной активностью», т.е. обеспечивать занятость населения в создаваемых поселках, соответствующую инфраструктуру в них, развитие, по возможности, современ-

ных видов производства. В первое десятилетие XXI в. принимаются меры по переносу центра тяжести государственного инфраструктурного строительства и развития социальной сферы в деревню.

Предпринимавшиеся меры по улучшению социальных условий в сельских районах приобрели ощутимые масштабы в 10-е годы XXI в., когда у государства появились и финансовые и материальные ресурсы в какой-то мере «отдать долги сельскому хозяйству и деревне», «меньше брать, больше отдавать». Однако политика руководства по улучшению социальных условий существования деревни не исключала возможности возникновения социальной нестабильности в тех или иных сельских районах.

Фактором, препятствующим формированию обстановки социальной гармонии в обществе, выступает рост имущественной дифференциации среди населения страны, в том числе и в сельских районах. При общей тенденции роста среднедушевых доходов крестьян – темпами 8–11% в год в течение 2008–2012 гг. – наиболее быстрыми темпами они увеличивались у более зажиточной части крестьянства, при этом возрастает разница в доходах крестьян не только между различными регионами страны, но и внутри каждого региона. Разрыв в уровне доходов крестьян, сгруппированных по имущественному положению, особенно вырос в 2010–2012 гг. Так, если в 2010 г. среднедушевой доход в группе семей с высоким его уровнем был выше, чем в семьях, имеющих низкий уровень дохода, в 3,5 раза, то в 2012 г. превышение составило уже в 8,2 раза.

В этих условиях, как было отмечено на XVIII съезде КПК, будут предприняты усилия, чтобы «...гарантировать в целом выравнивание основных общественных услуг, ...сокращать разрыв в распределении доходов, увеличивать категорию людей, со средними доходами, значительно сокращать численность получающих помощь по бедности». «Предстоит отлаживать систему распределения, – подчеркнуто в докладе, – с ее

многообразными формами при доминанте распределения по труду...».

Коваленко В.Н.,
к.э.н., Центр азиатских исследований экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КИТАЙСКОГО ЮАНЯ В КОНТЕКСТЕ ЯПОНСКОГО ОПЫТА

КНР одно из немногих государств на нашей планете, обладающее полным государственным суверенитетом. Важным атрибутом суверенитета является наличие национального эмиссионного центра. Возможность использования государственной эмиссионной монополии для стимулирования экономического роста считается одним из важнейших факторов, способствующих успешному развитию национальной экономики, а превращение национальной валюты в мировую резервную валюту позволяет государству – эмитенту – значительно усилить свое влияние в мире. В процессе реформ китайскому руководству удалось в полной мере использовать эмиссионный механизм на благо развития собственной экономики. Логика движения к глобальному лидерству диктует Китаю необходимость в следующем шаге — интернационализации юаня.

Кризис доверия к доллару США в конце 2000-х гг. сформировал глобальный запрос на новую резервную валюту. Руководство КНР смогло удачно воспользоваться открывшимися возможностями и начало осуществлять активные действия по интернационализации юаня. Формируя свое видение будущего, китайское руководство, безусловно, приняло во внимание позитивные и негативные аспекты опыта Японии по либерализации финансовой системы и интернационализации иены.

Послевоенное возрождение Японии началось в условиях военной оккупации страны. Главной целью оккупационной администрации в 1945–1948 гг. было ослабление совокупной мощи Японии. Однако удачная внешнеполитическая конъюнк-

тура— начало «холодной войны», образование КНР и война на Корейском полуострове в 1950–1953 гг. способствовали изменению политики Вашингтона в отношение Токио. В результате руководству Японии удалось заставить экономическую систему, созданную оккупационной администрацией, служить интересам страны. Зарубежная экспансия японского бизнеса в 1960–1980 гг. способствовала постепенной интернационализации японской иены. Тем не менее движение в сторону либерализации финансовой системы шло медленно вследствие значительной внутренней политической оппозиции этим процессам. Год 1984 стал для страны знаковым, поскольку именно тогда Япония и США подписали межправительственное соглашение о либерализации японских финансовых рынков. Внедрение мер, связанных с этим соглашением, оказало вначале позитивное, а затем негативное влияние на экономику страны. В итоге в 1990-х гг. Япония вступила в период нулевого роста, а доля иены в совокупных международных резервах значительно сократилась.

В настоящее время экономика КНР не только во многом повторяет успехи Японии 1980-х годов, но и сталкивается с теми же проблемами. Финансовая система Китая готова к полной либерализации не более чем японская в 1984 г. Тем не менее КНР в отличие от Японии удается не поддаваться внешнему давлению в отношении неоправданно быстрой либерализации финансовых рынков. Это стало возможно благодаря концептуальной самостоятельности пекинских реформаторов, а также наличию поддержки со стороны транснациональных банковских структур, имеющих долговременные интересы в Гонконге и континентальном Китае. Проблему недостаточной развитости финансовых рынков и отсутствия свободной конвертируемости юаня Китай решает оригинальным способом — путем создания рынка оффшорного юаня.

Интернационализируя свою валюту, Китай в отличие от Японии продолжает сохранять контроль за рынком капитала

внутри страны и делает все, чтобы не допустить повторения негативных аспектов японского опыта. Невозможное для Токио, оказалось технической проблемой для Пекина. Объяснение этому феномену находится в политической плоскости. Если Китай после разрыва отношений с СССР превратился в самостоятельный центр силы, то Япония до сих пор продолжает сохранять статус «непотопляемого авианосца США».

Учитывая вышеизложенное, можно с большой долей уверенности утверждать, что рост влияния юаня в мировых финансах будет напрямую зависеть от усиления совокупной мощи КНР в целом, а также от сохранения поддержки процесса интернационализации юаня со стороны международного банковского сообщества.

Коледенкова Н.Н.
к.э.н., ИДВ РАН

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА – ВАЖНОЕ ЗВЕНО В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ПОДЪЕМА ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ КИТАЯ

Развитие промышленного производства в центральных районах Китая в начале XXI в., когда он вошел в число районов приоритетного развития и ныне рассматривается в общекитайской стратегии регионального развития наравне с восточными, западными и северо-восточными регионами, является важной составной частью реализации стратегии подъема этого региона. Тем более что в программе подъема центральных районов предполагается не только создать базу производства зерна, электроэнергии и сырьевых отраслей, но и базу производства современного оборудования и высокотехнологичной продукции на экспорт.

В центральных районах Китая в настоящее время создана крупная промышленная база страны. Показатели валовой промышленной продукции сверхлимитных предприятий (сверхлимитные предприятия – предприятия с доходом от основной

деятельности в 5 млн юаней) отдельных провинций центральных районов Китая *(в состав входят 6 провинций – Шаньси, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй, Хунань)* позволяют оценить стоимость валовой промышленной продукции центральных районов в целом в 16115,4 млрд юаней или 19,1% всей стоимости промышленных предприятий страны в 2011 г., в том числе государственных и государственно-холдинговых предприятий – 4825,8 млрд юаней, 21,9% всей стоимости данных типов предприятий КНР.

По общему объему промышленного производства и выпуску основных видов промышленной продукции центральный регион занимает второе место в стране. Он относится к числу районов – крупных производителей такой важной продукции, как уголь, электроэнергия, в том числе гидроэнергия, сталь, прокат, алюминий, вольфрам, сурьма, олово, цемент, минеральные удобрения, горнорудное оборудование, тяжелые металлорежущие станки, тракторы, автомобили, холодильники, стиральные машины и др. В то же время он занимает небольшой удельный вес по производству многих видов современного оборудования и высокотехнологичной продукции.

Для промышленной системы рассматриваемого региона характерно: наличие всех основных отраслей индустрии в отраслевой структуре промышленного производства ведущее место принадлежит топливно-энергетической промышленности, металлургической, машиностроению, нефтехимии, легкой и пищевой промышленности; нерациональная структура промышленного производства; большое количество предприятий, в состав которых входят как немногочисленные крупные и средние предприятия современного типа, так и большое количество недостаточно оснащенных мелких и средних предприятий; техническая отсталость ряда крупных и средних предприятий, прежде всего, на предприятиях, построенных в 1950–1960-х гг. Недостаточное развитие отраслей промышленности по производству современного оборудования и выпуску высокотехнологичной продукции,

энергосберегающих и экоохранных производств, производств новых материалов. Инновационные возможности ограничены. На нынешнем этапе способность к новаторству у отечественных предприятий остается слабой.

Таким образом, перед промышленностью региона стоит задача по ее модернизации. Прежде всего, оптимизировать структуру производства, усилить проведение технической реконструкции предприятий при этом способствовать повышению уровня традиционных производств, упорядочения и реконструкции старых промышленных баз, стимулировать слияние и реструктуризацию предприятий в целях повышения концентрированности и масштабности производств. Выполнение поставленных целей, безусловно, будет способствовать развитию промышленности. Это является важной составной частью в выполнении программы по экономическому подъему региона, поскольку на XVIII съезде КПК была поставлена задача интенсивно стимулировать подъем центральных районов Китая в выполнении общей стратегической задачи регионального развития.

Кранина Е.И.,
к.э.н., ИДВ РАН

КИТАЙ УСКОРЯЕТ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Скорость и масштабы экономического роста привели Китай к беспрецедентной деградации окружающей среды. Стремясь смягчить критическую ситуацию, руководство страны поставило экологию на одно из самых важных, стратегических мест в государственной политике. Впервые в докладе Генерального секретаря КПК Ху Цзиньтао на XVIII Всекитайском съезде КПК (8–15 ноября 2012 г.) проблемам экологии посвящена отдельная восьмая глава: «Всемерно продвигать экокультурное строительство». В ней упомянута «концепция экологической цивилизации, основанная на уважении и защите природы». Особое внимание уделено «зеленому строительству, на-

ряду с экономическим, политическим, культурным и социальным. Поставлена задача усилиями всей страны во главе с коммунистической партией:

• Оптимизировать архитектонику освоения территориального пространства, охранять морскую экосферу.

• Всесторонне стимулировать экономию ресурсов. Ресурсоэкономия – коренная мера охраны экосреды. Значительно уменьшить интенсивность потребления энергоресурсов, воды и земли, повысив при этом коэффициент и эффективность их использования. Поддерживать развитие энергосберегающей и низкоуглеродной индустрии, освоение источников новых и возобновляемых энергоресурсов, обеспечивая энергетическую безопасность страны. Усиливать охрану источников воды и контроль над общим объемом ее затрат, стимулировать рециркуляционное водопользование, создавать водоэкономящее общество. Использовать земельные ресурсы строго в установленных целях. В рамках развития экономики замкнутого цикла стимулировать сокращение ресурсозатрат, повторное ресурсопользование и утилизацию отходов в процессе производства, обращения и потребления.

• Усиливать динамику охраны природной экологической системы и окружающей среды. Осуществлять важнейшие проекты восстановления экосферы, увеличивать свои возможности в производстве экологически чистой продукции, продвигать осуществление комплексных мер против опустынивания, петрификации и эрозии почвы, обеспечивать биологическое разнообразие. Увеличивать возможности предупреждения метеорологических, геологических бедствий и землетрясений. Интенсифицировать работу по предупреждению и ликвидации загрязнения воды, атмосферы и почвы из-за которых наносится серьезный вред здоровью населения.

• Вводить порядок платного пользования ресурсами и механизм компенсации за нанесение экологического ущерба, улучшать порядок привлечения к ответственности в сфере ох-

раны экосреды и порядок возмещения за нанесение ущерба.

Съезд принял решение внести в Устав КПК положение по экологии.

В качестве усилий, необходимых для улучшения экологической обстановки в своей стране и мире, КНР предстоит:

- сбалансировать свой политический курс, исходя из равнозначности приоритетов экономического развития и сохранения окружающей среды;
- стимулировать экологическое правоприменение внутри страны;
- способствовать взаимодействию ответственных за экологическую политику ведомств и институтов;
- расширить финансовую поддержку программ по защите окружающей среды;
- способствовать информационному обеспечению своей политики внутри страны;
- расширить диалог с международными партнерами посредством официальных и неофициальных каналов.

Первоочередными задачами в этой области остаются:

- регулирование структуры экономики, вывод на новый уровень процесса оптимизации отраслевой структуры;
- всемерное энергосбережение, повышение эффективности энергоносителей;
- развитие возобновляемых источников энергии;
- развитие экономики замкнутого цикла, снижение выбросов тепличных газов;
- снижение выбросов тепличных газов в сельском хозяйстве и деревнях;
- лесонасаждение и поглощение двуокиси углерода;
- наращивание и расширение исследований, научное противодействие климатическим изменениям.

Источники

Жэньминь жибао 18.11. 2012; 19.11.2012.

Кудрявцев Е.С.,
аспирант ИДВ РАН

ПЛАНЫ РУКОВОДСТВА КНР ПО ЗАВОЕВАНИЮ НОВОГО МИРОВОГО АВТОМОБИЛЬНОГО РЫНКА

Сегодня в рамках стратегии открытости по-прежнему поощряется привлечение иностранного капитала в экономику страны, в то же время скорректированы рекомендации для иностранных инвесторов в области развития высокотехнологичного транспортного комплекса КНР. В 2012 г. появились новые положения, касающиеся приоритетных инновационных разработок, позволяющих Китаю в течение ближайших 10 лет занять значительный сегмент мировых продаж конкурентоспособных высокотехнологичных транспортных средств и оборудования. При этом из списка приоритетных было исключено производство легковых автомобилей с традиционными двигателями внутреннего сгорания – в первую очередь, по причине переизбытка производственных мощностей и чрезвычайно сильной конкуренции на мировом рынке автомобилей со стороны ведущих западных и азиатских производителей. Китайское руководство стало осознавать, что разрыв в *традиционном технологическом уровне* между развитыми и развивающимися странами достаточно велик, и в ближайшее время его вряд ли можно сократить. Кроме того, внутренний рынок страны уже перенасыщен новыми отечественными автомобилями: если в 2009 и 2010 гг. темпы роста объемов продаж новых автомобилей в КНР составляли двузначную цифру (более 30%), то в 2011 г. на фоне замедления темпов роста экономики Китая и завершения программ стимулирования покупки автомобилей, эти показатели резко упали до уровня 2,45%, а в 2012 г. составили 4,33%. Замедление роста темпов производства традиционных автомобилей негативно отразилось на развитии смежных отраслей экономики КНР. Автомобильная промышленность традиционно является крупнейшим потребителем стали

в Китае: доля использования стали в производстве грузового автомобиля в 2012 г. составляла 85% от всего объема использованных материалов, а пассажирского – 64%. Как следствие, перепроизводство стали в КНР в последние годы в немалой степени было вызвано снижением объемов производства автомобильной промышленности Китая. Директор Департамента промышленной координации ГКРР Чэнь Бинь на состоявшемся в августе 2012 г. международном автосалоне в Тяньцзине заявил: «***И правительство, и руководство автомобильными компаниями КНР должны ясно осознать, что в течение еще долгого периода в стране не произойдет бурного роста рыночного спроса на традиционные бензиновые автомобили***». При определении на период 12-й пятилетки стратегического курса на развитие *инновационных технологий* Госсовет КНР определил семь приоритетных и стратегически важных отраслей промышленности (включая разработку и производство автомобилей, использующих альтернативные источники энергии) – той области, где стартовые условия мировых лидеров практически одинаковы. Как полагают китайские аналитики, в 2015 г. совокупные годовые мощности в автомобильной промышленности КНР будут составлять около 23–25 млн единиц при спросе со стороны внутреннего рынка приблизительно в 20 млн автомобилей. *В январе 2012 г. в КНР официально было объявлено о прекращении активной государственной поддержки привлечения ПИИ в автомобильную отрасль, поскольку правительство страны* ***намерено сделать основной упор на развитие производства нового поколения автомобилей, использующих альтернативные источники энергии.*** В рамках политики «выхода за рубеж» с целью абсорбции новейших западных технологий в этой области китайские автомобильные компании активно используют ПЗИ в форме M&As. В начале 2013 г. один из крупнейших автогигантов КНР Dongfeng Motor Corp. сделал предложение американскому производителю гибридных автомобилей – корпорации Fisker Automotive. В случае

одобрения американскими властями сделки, китайская компания за 350 млн долл. США приобретет 85% акций корпорации Fisker Automotive и сможет выходить на международные рынки с ее весьма популярной гибридной моделью Karma стоимостью 100 тыс. долл. США.

Ли Вэй,
АОН г. Циндао пров. Шаньдун, КНР

МИГРАНТЫ В КИТАЕ: КАЖДЫЙ НАХОДИТ СВОЕ МЕСТО (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦИНДАО В 2010–2011 гг.)

Мигранты (*людун жэнькоу*) в Китае – это население в рабочем возрасте, покинувшее место постоянной прописки и отправившееся на работу в другое место. За рубежом такое население называется «внутренние мигранты». По данным соответствующих ведомств, в КНР таких внутренних мигрантов всего насчитывается свыше 200 млн человек, и по этому показателю Китай занимает 1-е место в мире.

В КНР миграционные процессы ускоряются в результате быстрой индустриализации и урбанизации. В данном исследовании Циндао рассматривается как город, в котором развивается экономика открытого типа и он является центром регионального развития. В настоящее время в условиях бурного развития экономики приморских районов, расцвета внутренних районов и реализации политики развития западных районов происходят заметные изменения в масштабах, структуре и распределении миграционных потоков. В приморских районах в условиях быстрой урбанизации принимаются меры, способствующие перемещению мигрантов из деревни в города, рационально решаются вопросы мигрантов, в сельских районах создается большое количество рабочих мест вне сферы сельского хозяйства. Это помогает каждому мигранту найти свое место, свою социальную нишу в обществе, что способствует одновременному развитию и зажиточности города и деревни.

АОН г. Циндао и комитет по реформам и развитию г. Циндао в марте 2011 г. провели обследование большого количества мигрантов в городе и деревнях, которые нашли свое место в обществе. По итогам обследования были выработаны решения на уровне властей города в отношении проводимой миграционной политики.

По данным 6-й Всекитайской переписи населения в 2010 г. общая численность мигрантов в Циндао составила 2,477 млн чел., на 1,22 млн человек больше по сравнению с данными 5-й Всекитайской переписи 2000 г. – 1,257 млн чел. На 2,078 млн жителей Циндао с постоянной пропиской приходилось 0,893 млн мигрантов (43%). Доля мигрантов с каждым годом увеличивается.

По данным на конец 2011 г., большая часть мигрантов занята в промышленности и торговле – 58,8%, какая-то часть находится на учебе – 14,9%, переехали в город с семьей – 10%, сменили место жительство в связи с женитьбой (замужеством) – 2% и т.д. Так что главной причиной миграции стали экономические причины.

Большая часть – 58,6% совершили миграцию в город из уездов провинции Шаньдун, 41,4% – из уездов других провинций. Большая часть мигрантов, занятых в промышленности и торговле, быстро находит работу в городе и перевозит туда свои семьи. По данным социологических опросов, 59% из них становятся «постоянными» (*гудин*) рабочими на предприятиях, 41% становятся индивидуальными предпринимателями или незанятыми.

Кроме того, по материалам данного обследования (всего 1200 респондентов) были получены ответы на следующие вопросы: 1) ситуация с жильем; 2) уровень социальных льгот по сравнению с жителями города; 3) занятость; 4) квалификация; 5) уровень образования; 6) медицинское обслуживание; 7) занятость студентов; 8) культурный досуг и дотации на транспортные расходы.

В результате проведенного обследования мигрантов в Циндао было сделано три основных вывода. Первое. Изменения социально-экономической ситуации в стране привели к росту миграции рабочей силы из деревни в город в условиях борьбы городских предприятий приморских, центральных и западных районов страны за сельскую рабочую силу. В этих условиях Циндао не имеет преимуществ по заработной плате в борьбе за рабочую силу, и приток рабочей силы в город из деревни имеет свой предел, о чем свидетельствует ситуация весной 2012 г. в г. Циндао, когда возникла проблема нехватки рабочей силы в городской экономике (*миньгунхуан*).

Второе. Роль мигрантов в решении проблемы нехватки рабочей силы в Циндао невелика. Среди 20 крупных и средних городов Китая по доле мигрантов в отношении постоянно проживающих в городе Циндао занимает только 14 место, и абсолютная и относительная численность сельских мигрантов в городе невелика.

Третье. Средняя заработная плата на предприятиях Циндао – свыше 2000 юаней в месяц намного ниже зарплаты выпускников вузов – 3441 юань в месяц. Уровень зарплаты на предприятиях Циндао намного ниже, чем в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу. По располагаемым доходам Циндао находится на 12 месте среди 21 города, не только ниже Пекина, Шанхая, Гуанчжоу и Шэньчжэня, но и Уси, Сучжоу и других городов на юге Китая. Поэтому Циндао не является притягательным не только для сельских мигрантов, но и для выпускников вузов.

Перевод с китайского д.э.н. А.В. Островского.

Муромцева З.А.,
к.э.н., ИДВ РАН

ПРОБЛЕМЫ ВСТУПЛЕНИЯ КНР В НОВУЮ ГЛОБАЛЬНУЮ МОДЕЛЬ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

К началу XXI в. в Китае завершилась последняя стадия индустриального развития, относящаяся к промышленной эпохе «пара» и «электричества». Была сформирована мощная добывающая и перерабатывающая промышленность, поглощавшая аутсортинг развитых экономик мира. Доля КНР в мировом промышленном производстве в 2010 г. достигала 19,8%. В то же время удельный вес США, составлявший в 1950-х годах примерно 50% мировой промышленности, снизился до 19,4% в 2010 г.

«Деиндустриализация» в США и других промышленно развитых странах, содействовавшая становлению КНР в качестве мировой промышленной фабрики, стала преддверием начала в этих странах действия новой глобальной индустриальной модели, связанной с новым технологическим укладом. Формирование этого уклада основывается на экономике знаний, сопровождается обострением международной конкуренции и стремлением развитых экономик мира сбросить свои структурные проблемы на периферию – развивающиеся страны. «Реиндустриализация» на новом промышленном витке в США преследует цель превратить ряд промышленных отраслей (нанопроизводство, энергетика, биопроизводство, микроэлектроника, робототехника нового поколения) в сильные конкурентные отрасли с использованием новейших технологий и высокой добавленной стоимостью.

В материалах XVIII съезда КПК, проходившего в ноябре 2012 г., было отмечено, что «ситуация в мире, в стране и внутри партии продолжает претерпевать глубокие изменения». «Небывалые шансы на развитие» в то же время сопряжены с

«невиданными ранее опасностями и вызовами».

Будучи второй экономикой мира по объему промышленного производства, Китаю для использования шансов на развитие, прежде всего, необходимо сделать акцент на повышении качества и эффективности экономического роста, усилить работу по инновациям, совершенствовать меры макроконтроля и макрорегулирования, расширить спрос на внутреннем рынке, форсировать стратегическую перестройку экономической структуры.

Существующие опасности и риски для экономики Китая связаны с продолжением депрессии мировой экономики и сохранением неопределенной ситуации в развитии международного финансового кризиса. По оценке Центрального рабочего совещания по экономическим вопросам, проведенного в КНР (декабрь 2012 г.) кроме таких нерешенных проблем, как избыток производственных мощностей в ряде отраслей, слабый потенциал в самостоятельных научно-технических разработках и инновациях, узость ресурсной базы и охраны окружающей среды, возникли проблемы роста себестоимости рабочей силы и ее качественного состава.

Новая глобальная индустриальная модель распространяет свое воздействие не только на мировое производство и распределение, но и отражается на движении мирового капитала. В Китае растут опасения, что развитие нового технологического уклада усилит технологический протекционизм и рост монополизма развитых мировых экономик и прежде всего США. США постепенно направят потоки своего капитала и технологий в бульшей степени в собственный импорт, чем в экспорт. Переход КНР на новую модель экономического роста, совершенствование индустриального развития в традиционных отраслях увеличат китайский спрос на новое оборудование и материалы. Для защиты и усиления своих технологических преимуществ США могут предпринять меры по ограничению технологического экспорта в Китай, что может привести к обост-

рению в торгово-экономических отношениях и отношениях с правами интеллектуальной собственности.

Таким образом, для того, чтобы вскочить в экспресс новой мировой индустриальной революции Китаю, обремененному не только экономическими, но и многочисленными социальными и политико-этическими проблемами, необходимо при урегулировании индустриальной стратегии иметь преимущества в технологических прорывах мирового уровня.

Источники

1. Цзинцзи жибао. 18.11.2012.
2. Жэньминь жибао. 19.11.2012.
3. Агентство Синьхуа. 17.12.2012.
4. The China Business Review. vol. 36. Number 6.
5. China Daily. October 25. 2012.
6. Китай, № 12, декабрь 2012.
7. Beijing Review. vol. 55. № 37. September 13.

Новоселова Л.В.,
д.э.н., ИДВ РАН

ИНВЕСТИЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ КНР

Китайская экономика долгие годы демонстрирует весьма динамичное развитие, достигнутое, главным образом, благодаря мобилизации и использованию огромных внутренних и внешних инвестиционных ресурсов.

Доминирование инвестиций в качестве двигателя экономического роста со временем становится все более ярко выраженным. Доля инвестиций в ВВП повысилась до 72% в 2012 г. против 33% в 2000 г. Это характеризует чрезвычайно высокий уровень накопления при относительном ограничении масштабов потребления.

В последние пять лет среднегодовые темпы прироста валовых инвестиций в КНР более чем в два раза превышают динамику ВВП. При этом подавляющая часть капиталовложений представляет собой внутренние ресурсы. Они основываются на использовании двух

важнейших источников – собственных средств предприятий и заемных ресурсов, включая банковский кредит, корпоративные облигации и др. Оставшаяся часть приходится на прямые бюджетные ассигнования и иностранный капитал.

Главным субъектом инвестиционной деятельности являются государственные, а также контролируемые государством предприятия, на долю которых приходится до 45% общего объема инвестиций. Примерно 20% капиталовложений осуществляется частными предприятиями, остальное – так называемыми «прочими» предприятиями, а также сельскими домохозяйствами.

Государство из года в год проводит последовательный курс на стимулирование инвестиционной активности предприятий с использованием различных мер экономической политики. В их числе сохранение (полное или частичное) в фондах развития компаний дивидендов, начисляемых на госпакеты акций; поддержание низких цен на основные факторы производства; осуществление политики «дешевого юаня»; применение ускоренной амортизации основных фондов; ограничение уровня кредитных ставок. Таким образом, экономическая политика государства нацелена на высокие темпы роста производства и инвестиций, а также создание новых рабочих мест.

Китай, где роль государства в макроэкономическом регулировании традиционно велика, демонстрирует эффективность с точки зрения как контроля за инвестиционным процессом, так и в деле создания наиболее благоприятного климата для притока внешних и увеличения внутренних инвестиций.

Крупные государственные инвестиции подкрепляются разнообразными фискальными льготами, стимулирующими корпоративные инвестиции в развитие производства, а также дополнительными масштабными расходами госбюджета на усиление внутреннего потребительского спроса (субсидирование цен на зерно, увеличение финансовой помощи крестьянам, субсидирование продаж бытовой техники и др.).

Финансирование программ развития, ориентированных на поддержку национальной экономики, представляет основу деятельности банковской системы КНР, около 70% капитала которой по-прежнему находится в собственности либо под контролем государства. Отсюда сильное государственное влияние, испытываемое банковским сектором и реализуемое посредством нормативно-правового и административного регулирования, а также за счет участия представителей правительства в органах корпоративного управления крупнейших банков КНР.

Все более заметную роль в развитии инвестиционного процесса играет фондовый рынок КНР. При этом, несмотря на предпринимаемые в последнее время меры по либерализации деятельности на фондовом рынке страны, он по-прежнему находится под бдительным надзором государства.

В целом адекватное, последовательное и эффективное использование широкого арсенала инструментов регулирования национального инвестиционного процесса позволяет КНР с наименьшими издержками преодолевать последствия нынешнего мирового кризиса и поддерживать стабильное экономическое развитие, являющееся одной из важнейших задач, выдвинутых на XVIII съезде КПК.

Островский А.В.,
д.э.н., ИДВ РАН

ОПЫТ КНР В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

1. Управление народным хозяйством КНР определяется политикой КПК, которая в большинстве случаев не ограничивает свою деятельность выработкой стратегии развития, а принимает непосредственное участие в управлении. В Китае за годы реформы произошло разделение функций, обязанностей и прав между партийными и государственными законодательными и исполнительными органами. Одни осуществляют вы-

работку стратегии развития страны, другие отвечают за решение различных долговременных и текущих задач развития экономики.

2. В настоящее время основными законодательными актами в сфере государственного стратегического планирования и программирования социально-экономического развития являются принятые на сессиях ВСНП в 1996, 2001 и 2006 гг. пятилетние программы социально-экономического развития КНР, которые имеют силу закона.

3. Основным исполнительным органом, который отвечает за реализацию принимаемых раз в пять лет законов о пятилетних программах социально-экономического развития КНР, является **Государственный комитет по реформе и развитию**, разрабатывающий основные документы по дальнейшему развитию реформы.

4. В выработке долгосрочных и среднесрочных программ социально-экономического развития КНР **важную роль играет наука**. Ведущей научной организацией, которая осуществляет координацию всех работ по составлению прогнозов социально-экономического развития КНР, является **Центр развития Госсовета КНР.** Вместе с этим важную роль в подготовке прогнозов социально-экономического развития КНР выполняет **Исследовательская группа стратегии устойчивого развития Академии наук Китая**, которая с 1999 г. готовит развернутые прогнозные доклады в Госсовет КНР по основным проблемам социально-экономического развития страны. Значительное место в работе по прогнозированию социально-экономического развития Китая занимают различные институты Академии общественных наук Китая.

5. Основные изменения в системе планирования начались при составлении 10-го пятилетнего плана (2001–2005 гг.), который знаменовал собой полный переход от установления количественных показателей к качественным. Всего насчитывалось пять основных изменений при переходе к системе долго-

срочного и среднесрочного планирования в 1980–1990-е годы:

6. В последние годы руководство КНР всячески отходит от методов директивного планирования, и в документах съездов и пленумов КПК и сессий ВСНП дается крайне мало конкретных плановых показателей развития народного хозяйства КНР. В последнее время в качестве главного выступает **показатель роста ВВП в качестве среднегодовых темпов роста.**

7. Большая часть народнохозяйственных задач на 11-ю пятилетку (2006–2010 гг.), 12-ю пятилетку (2011–2015 гг.) и до 2020 г. была обнародована не в виде директивных показателей, которые необходимо выполнить любой ценой, а в виде абстрактных задач, которые поставлены перед обществом.

8. В настоящее время в процессе составления планов развития народного хозяйства КНР выделяют три вида планирования: 1) программное планирование; 2) планирование по основным объектам; 3) региональное и отраслевое планирование. Более того, во всех официальных китайских документах произошла замена понятия «план» (*цзихуа*) на понятие «программа» (*гуйхуа*).

9. Результатом программного планирования стало составление программы экономического развития по пятилеткам и долгосрочной программы развития до 2010 г., а в настоящее время и до 2015 г. Этот вид планирования предусматривает составление комплексной стратегической программы развития народного хозяйства в начале XXI в., которая должна играть направляющую роль для всех остальных планов, как для годовых, так и для макроэкономической политики.

10. Планирование по основным объектам должно осуществляться по тем видам хозяйственной деятельности, которые трудно осуществлять, используя возможности рыночной экономики, и требуется государственное вмешательство в отраслевое или региональное планирование для решения стоящих перед страной экономических задач.

11. Отраслевое планирование должно определить степень

маркетизации отраслей и тенденции изменений системы, воплощать в себе технико-экономические особенности отраслей, соблюдать принципы межотраслевой и внутриотраслевой конкуренции, бороться с монополизмом, анализировать основные тенденции развития внутреннего и мирового рынка. Региональное планирование состоит в составлении планов регионального экономического и социального развития местными властями на уровне уездов и выше.

12. Порядок составления всех видов долгосрочных и среднесрочных планов также должен исходить из требования «управлять государством на основе закона». Всего определено пять этапов при составлении планов 10-й пятилетки (2001–2005 гг.) и 11-й пятилетки (2006–2010 гг.): 1) составление программы; 2) составление плана по основным объектам; 3) составление отраслевых программ; 4) составление региональных программ; 5) исправления во всех видах программ.

13. Таким образом, за последние 20 с лишним лет после начала экономической реформы в конце 1970-х годов система стратегического планирования в Китае претерпела значительные изменения от централизованного директивного планирования с определением большого количества фиксированных натуральных показателей производства продукции промышленности и сельского хозяйства до направляющего планирования с составлением долгосрочных и среднесрочных экономических и социальных программ развития народного хозяйства.

Пашкевич Е.А.,
аспирантка ИДВ РАН

ЧТО СТАНЕТ С МИНИСТЕРСТВОМ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ КНР?

После проведения XVIII съезда КПК руководство страны с целью разделения административных и хозяйственных функций в железнодорожном секторе страны и «для сокращения бюрократии и повышения эффективности железнодорожных

услуг» приступило к реорганизации МЖД КНР, созданного в 1949 г. На состоявшемся 14 марта 2013 г. пленарном заседании в рамках первой сессии ВСНП 12-го созыва был одобрен план по реструктуризации МЖД КНР и изменению его функций – МЖД КНР будет разделено на административные и коммерческие единицы – Государственное управление железных дорог КНР (ГУЖД КНР) и Китайскую железнодорожную корпорацию (КЖК). Основной целью деятельности ГУЖД КНР станет мониторинг и определение технологических стандартов, обеспечение контроля безопасности на железнодорожном транспорте, повышение уровня сервиса, оценка качества и перспектив проектов нового инфраструктурного строительства. Предполагается, что КЖК (China Railway Corp.) с зарегистрированным капиталом в 1,04 трлн юаней (165,73 млрд долл. США) будет заниматься оперативной деятельностью реорганизованного МЖД КНР, определять уровень железнодорожных тарифов, заниматься трудоустройством 2,4 млн сотрудников бывшего министерства, постепенно сокращать сумму задолженности бывшего МЖД КНР, «сотрудничать со всеми заинтересованными сторонами с целью извлечения максимальной прибыли из переданных активов». Планируется, что в дальнейшем 18 железнодорожных управлений будут трансформированы в 7 региональных корпораций. По заявлению заместителя директора Народного банка Китая Лю Шиюя на пресс-конференции в рамках проходящей в марте 2013 г. в Пекине 1-й сессии ВСНП 12-го созыва, «после реорганизации коммерческие долги МЖД будут переданы создаваемой КЖК, которая будет отвечать за реализацию хозяйственных функций действующего министерства, а государство будет и впредь принимать комплексные меры по расширению финансовой поддержки железнодорожного строительства и поощрению инвестиций в железнодорожный сектор. В плане отмечается, что КЖК является предприятием, основанным исключительно на государственном капитале, а Министерство финансов КНР будет выполнять

обязанности инвестора от имени Госсовета КНР и «со всей ответственностью подходить к вопросу снижения уровня предыдущей задолженности МЖД КНР, следить за качеством и объемами эмиссии ценных бумаг КЖК». 22 марта 2013 г. руководство ГКРР объявило, что ставки грузовых и пассажирских железнодорожных тарифов, по-прежнему, будут определяться решением правительства КНР, которое будет «подходить к решению этого вопроса со всей серьезностью, принимая во внимание операционные, строительные расходы, рост доходов населения и координируя уровень железнодорожных тарифов со стоимостью транспортировки другими видами транспорта КНР». Эксперты ГКРР полагают, что проводимая реформа МЖД КНР позволит значительно сократить стоимость расходов по логистике и понизить на треть стоимость железнодорожных тарифов на грузовые перевозки. Следует отметить, что некоторые известные китайские экономисты высказывают сомнения об объеме стоимости основных фондов реорганизуемой МЖД КНР, оцениваемой аудиторами министерства в 4,3 трлн юаней. Они полагают, что учитывая только протяженность железнодорожных путей КНР в примерно 100 тыс. км при средней стоимости 1 км пути в 200 млн юаней, стоимость основных реорганизуемой МЖД КНР составляет не менее 20 трлн юаней. Многие китайские экономисты гадают, каким образом будет погашаться огромная финансовая задолженность перед центральными и местными банками КНР, образовавшаяся за счет предыдущего массированного инвестирования в новое инфраструктурное строительство. Некоторые аналитики бывшего МЖД КНР полагают, что «если государство откажется реструктурировать часть долга МЖД КНР, то у новой корпорации не останется иного выхода, как только повысить стоимость железнодорожных тарифов».

Пивоварова Э.П.,
д.э.н., ИДВ РАН

ПОЧЕМУ СЕГОДНЯ КИТАЙ «ГОРДО СТОИТ НА ВОСТОКЕ МИРА»

Первыми словами, произнесенными новым Председателем КНР Си Цзиньпином в заключительной речи на сессии ВСНП в марте 2013 г., были: «Сегодня наша Республика гордо стоит на Востоке мира». И действительно, Китай за годы необычайно сложных рыночных преобразований в странах с ранее централизованно-распределительной системой управления экономикой прошел путь, которым может гордиться.

Уже к началу 1990-х гг. в КНР по существу сформировался нашедший отражение в экономической политике государства подход, в котором идея эффективности рыночной экономики, взятая у капитализма, соединялась с идеей социальной защищенности трудящихся, сохраненной от социализма.

Практически все новые моменты в представлениях о строительстве социализма в КНР связывались с задачей ликвидации экономической отсталости страны и бедности нации. Поэтому предлагалось, исходя из реалий китайской действительности, наполненной и 30-летним опытом строительства, отвечающего традиционным «чисто социалистическим» нормам, и получаемым опытом ранее не вписываемых в социализм рыночных преобразований, вносить в долгосрочную программу социально-экономического развития китайского общества все то, что будет работать на преодоление бедности и отсталости и создание в конечном счете мощного и богатого государства.

Для этого в КНР в процессе реформы экономической системы, отказались от мышления категориями классового антагонизма и очень постепенно, но открыто и легально допустили в рамках социалистического государства формирование регулируемой на макроуровне рыночной экономики, плюральной структуры собственности и распределения, отведя на их суще-

ствование по сути неограниченный во времени срок.

Среди определенных автором особенностей китайских реформ, способствовавших значительному социально-экономическому прогрессу в стране, важнейшей явилось то, что, в отличие от России, в КНР «услышали Кейнса», а потому, стимулируя хозяйственную инициативу на микроуровне, не выпускали из поля зрения макроконтроль, действовали не по принципу «чем меньше государства, тем лучше для экономики», а по мере необходимости усиливали государственное участие в рыночных преобразованиях.

И, пожалуй, главным при этом было то, что создание субъектов рынка осуществлялось в Китае не путем разрушения существовавших государственных структур, а путем заполнения имеющихся брешей за счет развития многообразных по формам собственности типов хозяйств (коллективных, единоличных, частных, совместных китайско-иностранных), что не только обеспечивало быстрый рост числа субъектов рынка, но и, меняя структуру народного хозяйства по формам собственности, корректировало структуру инвестиций и производства в направлении приближения ее к реальным потребностям народа.

Практика экономических реформ в бывшем социалистическом мире дает разные примеры. Если в нашей стране были фактически разрушены все положительные социальные завоевания прошлого, то КНР, пойдя по пути постепенного внедрения рыночных начал в экономику, достигла того, что социальная плата оказалась посильной для населения и сопоставимой с тем действительным экономическим прогрессом, ради которого и вносилась.

Как отмечалось на XVIII съезде КПК, только за последние десять лет КНР по общим количественным показателям экономики с шестого места в мире передвинулась на второе, намного поднялся жизненный уровень народа и возросла совокупная мощь страны.

Поскольку возглавленное Си Цзиньпином пятое поколение

руководства КПК подтвердило свою приверженность прежнему курсу строительства «социализма с китайской спецификой», сочетающего положительные достижения как плановой, так и рыночной экономик, социально-экономический прогресс в КНР, скорее всего, продолжится.

Пиковер А.В.,
ИДВ РАН

РАЗВИТИЕ ИНТЕРНЕТА В КИТАЕ И КИТАЙСКАЯ ЭКОНОМИКА

В 1990-е годы Интернет стремительно распространился в Китае, проникнув практически во все сферы жизни и общественной деятельности.

По итогам 2012 г. в стране было зарегистрировано 564 млн человек, увеличившись за год на 50,9 млн (данные Центра интернет-информации Китая.

Коэффициент распространенности Интернета достиг 42,1%, поднявшись за полгода на 3,8%. Количество микроблогов в китайском интернете достигло 309 млн, увеличившись за год на 58,73 млн. Таким образом в общем числе пользователей Интернета в КНР 54,7% приходится на блогеров.

Стоит вспомнить, что лишь 14 сентября 1987 г. из НИИ применения компьютерной техники г. Пекина было отправлено первое электронное письмо с символичным текстом: «Юэго чанчэн, цзоусян шицзе» («Преодолеть Великую стену и выйти в мир»). Примерно через 7 лет 20 апреля 1994 г. было осуществлено полнофункциональное соединение Образцовой научно-исследовательской и образовательной информационной сети района Чжунгуанцунь (NCFC) с всемирной информационной сетью Интернет. С этого момента Китай стал 77-м государством, официально подключенным к глобальной информационной сети. 29 августа 1995 года Информационная сеть экономических услуг Государственного информационного центра (SICNET) запустила международный сервис информационных

услуг и стала первым информационным ресурсом, предоставляющим информационные услуги обществу.

В 2009 г. правительство КНР вложило 4 трлн юаней в базовую инфраструктуру информационных сетей. На декабрь 2009 г. объем инвестиций в основные фонды телекоммуникационного оборудования достиг 3724,9 млрд юаней, выросши за год на 26,1%.

По данным The Pew Internet & American Life Project 2010 года онлайн покупатели составили 64,3% от общего числа пользователей сети в США и 66% общего объема пользователей сети в Южной Корее, что явно превышало китайский показатель в 37,8%. С другой стороны, учитывая позиции, с которых начинал Китай и огромный процент сельского населения, охват которого тем не менее тоже растет, темпы роста вполне впечатляющие. А в экономически развитых городах, провинциях и районах вполне сопоставимые.

По данным iResearch Group на 2009 год объем интернет-экономики в КНР достиг 743 млрд юаней, выросши за год на 30,6%.

Объем онлайн закупок в КНР за первый квартал 2013 г. достиг 3520,8 млрд юаней, что на 17,1% ниже показателя 4 квартала 2012 г., но на 36,6% выше, чем результат 1 квартала 2012 г.

В области B2B объем сделок малых и средних предприятий в Китае составил за 1-й квартал 2013 года 4,62 млрд юаней, выросши по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 20,6%.

Онлайн экономика демонстрирует устойчивый рост, становясь все более распространенной, доступной и мобильной. Она давно уже перестала выполнять чисто утилитарную роль обслуживания традиционной экономики, снижая затраты на маркетинг, рекламу, управление и логистику.

Резко ускорился рост использования мобильных терминалов в электронной торговле. В трех сферах – закупках, онлайн пла-

тежах и онлайн банкинге более 8% пользователей воспользовались при совершении транзакций мобильными телефонами.

Развивающаяся по своим законам информационная экономика активно преобразует многие сферы экономической и общественной жизни, оказывая активное влияние и трансформируя политику, СМИ, социальные процессы и социальное управление, образование, телекоммуникации и, разумеется, экономику.

К концу декабря 2012 г. объем сделок в интернете в КНР достиг 242 млн юаней, увеличившись на 42,9%. За год количество пользователей сети, совершивших покупки в сети выросло на 48,07 млн человек или на 24,8%. На фоне замедления роста общего количества пользователей сети отчетливо проявилась тенденция быстрого роста сетевых закупок.

В оптовых закупках количество пользователей, совершивших покупки в сети достигло 83,27 млн человек, степень используемости поднявшись на 2,2% достигла 14,8%. При этом годовой прирост покупателей в оптовых закупках составил 28,8%, сохраняя тенденцию относительно высокого роста.

Согласно данным Центра исследования электронной коммерции Китая объем сделок в электронной коммерции за 2011 г. достиг 6 трлн (!) юаней, т.е. чуть менее 1 трлн долл. США, выросши за год на 33%. Эксперты Центра предсказывают в ближайшие годы «Золотой век» электронной коммерции в КНР.

Источники

1. Синьсихуа ланьпишу. Чжунго синьсихуа синши фэньси ю юцэ (2010) (Синяя книга информатизации. Информатизация в Китае: анализ тенденций и прогнозы. 2010). Пекин, Издательство КАОН, 2010.
2. Синьсихуа ланьпишу. Чжунго синьсихуа синши фэньси ю юцэ (2012) (Синяя книга информатизации. Информатизация в Китае: анализ тенденций и прогнозы. 2012). Пекин, Издательство КАОН, 2012.
3. Центр интернет-информации Китая (http://www.cnnic.net.cn/index.htm)
4. The Pew Internet & American Life Project (http://www.pewinternet.com/)
5. iResearch Group (http://www.iresearchchina.com/)
6. Центр исследования электронной коммерции Китая

(http://100ec.cn/)
7. Электронная база документов «Даокэбаба» (http://www.doc88.com/).

Понкратова Л.А.,
к.геогр.н., АмГУ, АФ ИДВ РАН

ТРАНСГРАНИЧНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ УСЛУГ: ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Международная торговля услугами является динамично развивающейся сферой мировой экономики. В последнее десятилетие активными ее участниками стали Россия и Китай. Во многом это связано с продолжающимися реформами в сфере внешнеторговой деятельности в этих странах, а также вступлением Китая в ВТО (2001 г.) и подготовкой к вступлению в ВТО России (принята в декабре 2011 г.).

Рассматривая позиции России и Китая на мировом рынке услуг, следует отметить, что по данным ВТО Россия в 2011 г. занимала 22 место в мире по экспорту услуг и 15 по их импорту, что соответствовало одиннадцатому и девятому месту, если не учитывать взаимную торговлю внутри стран Европейского союза[5]. За период с 2001 г. по 2011 г. экспорт услуг России вырос в 4,8 раза, а импорт в 4,4 раза, что свидетельствует о достаточно высокой динамике роста этого сектора внешней торговли РФ. В целом внешнеторговый оборот услуг России после спада в 2009 г., связанного с мировым финансовым кризисом, продолжил свой рост и составил в 2011 г. 144 млрд долл.[2].

Что касается Китая, то в настоящее время эта страна занимает 4-е место в мире по объему внешней торговли услугами после США, Германии и Великобритании. При этом Китай находится на 4 месте по экспорту услуг и на 3 месте по импорту[5]. Внешнеторговый оборот услуг Китая за двадцать лет вырос почти в 30 раз, с 10 млрд долл. в 1990 г. до 418,5 млрд долл. в 2011 г.[4], а за последнее десятилетие в 5,8 раза. Одна-

ко, несмотря на успехи в этой сфере, торговый баланс также как и в России сводится с дефицитом.

Внешняя торговля услугами Китая в 2011 г. занимала 10,3% от общего внешнеторгового оборота страны. В этой связи китайскими властями была разработана программа развития торговли услугами отечественных компаний на период 2011–2015 гг., в которой представлено 30 ведущих отраслей, включая – туристические, строительные, консультационные, компьютерные и информационные услуги. По прогнозам экспертов Министерства коммерции КНР к 2015 г. объем международных услуг должен достигнуть 600 млрд долл.[3].

Рассматривая взаимодействие в сфере услуг между нашими странами, следует отметить, что в 2010 г. Китай впервые стал первым торговым партнером России, обогнав традиционных лидеров – Германию и Нидерланды. Кроме того вырос внешнеторговый оборот услугами между Россией и Китаем, который составил в 2011 г. 3,29 млрд долл.[2].

Рассматривая трансграничную торговлю субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) с Китаем, следует отметить, что в 2010 г. доля ДФО в объеме международных услуг России была незначительной и составила 1,1%, однако в общем объеме внешнеторгового оборота услуг России с Китаем была выше – 4%[1]. В 2010 г. внешнеторговый оборот услуг региона с Китаем составил 136 млн долл., превысив уровень докризисного 2007 г.[1].

Главной отличительной особенностью трансграничной торговли ДФО является наличие положительного сальдо в торговле с Китаем (в отличие от торговли на межгосударственном уровне). Исключение составляет кризисный 2008 г. Второй отличительной особенностью является более высокая скорость реакции трансграничной торговли ДФО на экономический кризис, сокращение оборота произошло уже в 2008 г., т.е. в год начала кризиса. Третьей особенностью является высокая доля приграничных субъектов (Приморский и Хабаровский края,

ЕАО и Амурская область) в торговле с Китаем. В разные годы доля их колебалась и составляла от 98% до 76% общего объема торговли услугами ДФО с Китаем. И четвертая особенность, наличие различий в динамике и структуре трансграничной торговли услугами приграничных субъектов ДФО, что способствовало дифференциации субъектов по уровню покрытия импорта услуг экспортом.

Таким образом, для современной торговли услугами субъектов ДФО с Китаем характерен послекризисный период восстановления, идет поиск новых видов услуг, вовлекаемых в трансграничные обмены, приспособление торговых операций к условиям и обязательствам, взятым Россией при вступлении в ВТО.

Источники:

1. О приграничном сотрудничестве Амурской области с Китаем: Записка/ Амурстат. - Благовещенск, 2012. - 72
2. Центральный банк Российской федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт. - Режим доступа : http://cbr.ru. (дата обращения: 14.01.2013).
3. Чжунго шанъубу [Министерство коммерции КНР]. 2012. URL: http://www.mofcom.gov.cn/ (дата обращения: 12.02.2013).
4. China trade in services. URL: http://tradeinservices.mofcom.gov.cn. (дата обращения: 20.12.2012).
5. World Trade Report.2012. URL:http://www.wto.org/English/res_e/reser_e/wtr_e.htm.

Романова Г.Н.,
к.и.н., Институт истории, археологии и этнографии народов ДВ ДВО РАН

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КИТАЕ В 80–90-Е ГОДЫ XX В.

Стратегия развития Китая предусматривает заметное повышение наукоемких и высокотехнологических отраслей экономики, что и предопределяет активное развитие научно-технических связей страны с зарубежными странами. В 1980–1990-х гг. освоение высоких технологий в Китае происходило в рамках нацио-

нальных программ «863» и «Факел». Программой «863» определены семь приоритетных направлений научных исследований в области высоких технологий: биотехнология, космическая техника, энергетика, новые материалы, лазерная технология, технология автоматизации. Программа «Факел» направлена на коммерциализацию достижений в области новой техники и высокой технологии и их промышленное освоение. В развитии промышленности высоких технологий особое внимание сосредоточено в таких сферах, как новые материалы, биотехнология, информатика, электромашиностроение, новые виды энергии, высокоэффективная техника, энергосберегающие технологии, охрана окружающей среды, медицина и медикаменты, освоение и развитие морских ресурсов.

По всей стране насчитывалось несколько десятков крупных центров для проведения выставок и организации маркетинга. Одним из них, имевшим непосредственное отношение к России, являлся Всекитайский северный центр выставки и маркетинга новой техники и продукции в г. Харбине. Он занимался организацией выставок и реализацией новой техники и наукоемкой продукции, обменом технической и коммерческой информацией как внутри страны, так и за рубежом, способствовал усилению связи науки и техники с производством. В своей деятельности центр был ориентирован на торговлю главным образом с Россией и с восточноевропейскими государствами. Он организовывал ежегодные международные выставки новой техники и высокой технологии в Харбине, а также китайские выставки в городах России и восточноевропейских странах.

Центральное место в программе «Факел» отводилось созданию территориальных организационных структур, действовавших в условиях рынка и интегрировавших научные учреждения и высшую школу с производством. Такие структуры позволяли полнее использовать имевшийся научный потенциал высших учебных заведений, научно-исследовательских и конструктор-

ских организаций, ориентировать исследования и разработки на потребительский спрос, сокращать путь новым разработкам от лабораторий до производства. В мировой практике подобные территориальные образования называются научно-технологическими парками, технопарками, научными парками и т.п.

Основным направлением работы таких парков является инновационная деятельность, направленная на реализацию мелкими (венчурными) компаниями результатов исследований и разработок, выполненных коллективами вузов и других научных организаций, оказание широкого спектра научно-производственных услуг как в рамках парка, так и вне его. В конце 1980 – начале 1990-х годов районы развития новой техники и высокой технологии были созданы в ряде приморских городов (Далянь, Тяньцзинь, Шанхай, Гуанчжоу, Сямэнь, Циндао и др.), а также в городах внутренних районов страны, располагавших сравнительно большими научно-исследовательскими, конструкторскими и производственными возможностями, в том числе в Шэньяне, Чанчуне, Харбине и др.

Шэньянская зона новых высоких технологий должна стать одной из крупнейших в стране. Компьютерные парки Шэньяна и Даляня превращались в главные базы разработки и освоения компьютерных технологий, а также их экспорта. В Шэньяне действовали базы по обучению и подготовке хозяйственно-управленческих кадров для работы на международном рынке. В провинции Ляонин разработаны проекты по модернизации технических процессов в высокотехнологических отраслях: глубокой переработке этилена, производстве высококачественных сортов стали, автомобилей, деталей, используемых в авиастроении, производстве тонкого химического волокна и текстиля. В конце 1990-х гг. в Шэньяне была создана совместная китайско-тайваньская зона технико-экономического развития, куда привлекались инвестиции с о. Тайвань для организации высокотехнологичных предприятий.

Сазонов С.Л.,
к.э.н., ИДВ РАН

ТАК ЛИ СИЛЕН КИТАЙСКИЙ АВТОПРОМ?

По данным КААП, в 2012 г. в Китай было импортировано 1,2 млн автомобилей, в то время как страна отправила на экспорт лишь 1,05 млн штук – *вновь впервые после 2007 г. импорт зарубежных автомобилей стал превышать экспорт отечественных*, а доля экспорта в общем объеме производства составила в Китае лишь 3%**,** причем на долю стран Европы и США приходится менее 1% всего автомобильного экспорта КНР. К 2012 г. на китайском рынке производства автомобилей образовалось более 1200 предприятий, занимавшихся сборкой автомобилей и производством запчастей, что превышало общее количество автомобильных заводов в США, Японии и Европе. В 2012 г. лишь 25% производимых и продаваемых автомобилей были отечественными брендами, а 75% приходилось на марки зарубежных производителей, производимых на СП, включая почти все легковые автомобили среднего и высшего классов. На этих СП технологии, модели автомобилей и бренды принадлежат иностранным партнерам, а это означало, что из 19 млн автомобилей, произведенных в 2012 г., около 15 млн единиц представляли собой лишь механическую сборку зарубежных марок. Председатель КААП Дун Ян признает, что «иностранный капитал внес огромный вклад в развитие китайской автомобильной промышленности», однако призвал «закрыть внутренний рынок для СП, так как Китай уже в достаточном объеме привлек иностранные инвестиции в отрасль. Следует ограничить количество действующих СП, поскольку они могут убить отечественных производителей и даже угрожать национальной безопасности.

Сегодня в рамках стратегии открытости по-прежнему поощряется привлечение иностранного капитала в экономику страны, в то же время скорректированы рекомендации для

иностранных инвесторов в области развития высокотехнологичного транспортного комплекса КНР. В 2012 г. появились новые положения, касающиеся приоритетных инновационных разработок, позволяющих Китаю в течение ближайших 10 лет занять значительный сегмент мировых продаж конкурентоспособных высокотехнологичных транспортных средств и оборудования. При этом из списка приоритетных было исключено производство легковых автомобилей с традиционными двигателями внутреннего сгорания – в первую очередь, по причине переизбытка производственных мощностей и чрезвычайно сильной конкуренцией на мировом рынке автомобилей со стороны ведущих западных и азиатских производителей. Китайское руководство стало осознавать, что разрыв в *традиционном технологическом уровне* между развитыми и развивающимися странами достаточно велик, и в ближайшее время его вряд ли можно сократить. Кроме того, внутренний рынок страны уже перенасыщен новыми отечественными автомобилями: если в 2009–2010 гг. темпы роста объемов продаж новых автомобилей в КНР составляли двузначную цифру (более 30%), то в 2011–2012 гг. на фоне замедления темпов роста экономики Китая и завершения программ стимулирования покупки автомобилей, эти показатели резко упали до уровня 3%. Замедление роста темпов производства традиционных автомобилей негативно отразилось на развитии смежных отраслей экономики КНР. Директор Департамента промышленной координации ГКРР Чэнь Бинь заявил: «И правительство, и руководство автомобильными компаниями КНР должны ясно осознать, что в течение еще долгого периода в стране не произойдет бурного роста рыночного спроса на традиционные бензиновые автомобили». Как полагают китайские аналитики, в 2015 г. совокупные годовые мощности в автомобильной промышленности КНР будут составлять около 23–25 млн единиц при спросе со стороны внутреннего рынка приблизительно в 20 млн автомобилей. В январе 2012 г. в КНР официально было объявлено о

прекращении активной государственной поддержки привлечения ПИИ в автомобильную отрасль, поскольку правительство страны ***намерено сделать основной упор на развитие производства нового поколения автомобилей, использующих альтернативные источники энергии.***

Ставров И.В.,
Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

К ПРОБЛЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ЛЯОНИН)*

Проблема регионального неравенства неотделима от экономического развития. В мировом масштабе выделяются развитые и развивающиеся страны, на уровне государств – успешные и отстающие территории. Проблема неравенства обусловлена несколькими факторами: природно-географическими, наличием человеческого капитала, участием в межрегиональном и международном сотрудничестве и т.п. В любой стране мира можно наблюдать это явление, однако если такие различия становятся слишком большими, это может повлечь серьезные социально-экономические кризисы вплоть до распада государства.

КНР – страна с довольно серьезным дисбалансом регионального развития. Согласно высказыванию профессора Ху Аньгана «в одном Китае существуют четыре мира», соответственно с высокими, средневысокими, средненизкими и низкими доходами. Так, в 2010 г. доля восточного, центрального, западного и Северо-Восточного Китая (СВК) в ВВП страны составляла 53%, 19,7%, 18,7% и 8,6%. С течением времени доля приморских провинций постепенно сокращается (66% в 1995 г.), однако разрыв пока еще очень большой. Подобные явления приводят к росту миграции в развитые провинции, что усугубляет социальную ситуацию в них. Дифференциация между названными регионами составляет макроуровень территориального неравенства в Китае.

Мезоуровень составляют диспропорции внутри макрорегиона, такого как Северо-Восточный Китай. Как видно из материалов таблицы 1 разрыв между провинциями Хэйлунцзян и Цзилинь по отношению к Ляонину составил в 2012 г. 1,81 и 2,07 раза По показателю ВРП на душу населения за тот же период Ляонин лидирует (56547 юаней), затем следует Цзилинь (43412 юаней) и замыкает тройку провинция Хэйлунцзян (35711 юаней). В результате, в регионе усилилась миграция из менее развитых территорий в более развитую Ляонин (по данным А.С. Веремейчика,миграционный прирост составил здесь 772502 человек в 2010 г., тогда как в других провинциях СВК миграционное сальдо было отрицательным).

Таблица 1

Динамика ВРП Северо-Восточного Китая (1978–2012 гг.), в млрд юаней

Регион	1985	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2012
Ляонин	51,86	106,27	279,34	466,91	804,73	1827,83	2222,67	2480,13
Цзилинь	20,04	42,52	113,72	195,15	362,02	866,75	1056,88	1193,78
Хэйлунцзян	35,50	71,52	199,14	315,14	551,37	1036,86	1258,20	1369,16
СВК	107,4	220,31	592,2	977,2	1718,12	3731,44	4537,75	5043,07
Доля СВК в ВВП КНР, в %	11,91	11,80	9,74	9,83	9,28	9,32	9,59	9,71

На микроуровне также можно видеть подобные диспропорции. В провинции Ляонин, по аналогии с моделью страны, можно выделить высокоразвитый центр (Шэньянский экономический район), развитый восток (прибрежный пояс с центром в г. Даляне) и слаборазвитый северо-запад (гг. Фусинь, Чаоян, Телин).

Таблица 2

Основные показатели экономического развития трех эко-

номических районов провинции Ляонин (2005 – 2010 гг.), млрд юаней.

	Шэньянский экономический р-н		Прибрежный экономический пояс		Северо-Запад (СЗ)	
	2005	2010	2005	2010	2005	2010
ВРП	490,76	1173,7	391,53	925,99	62,0	175,74
Объем инвестиций в основные производственные фонды	247,92	913,05	182,27	734,92	26,62	180,95
Объем розничного товарооборота	176,2	394,1	128,0	29,19	22,66	59,28
Объем прямых накопленных иностранных инвестиций, *млрд долл.*	2,41	8,27	1,25	13,23	0,03	0,48
Объем экспорта, *млрд долл.*	6,12	11,26	18,07	33,54	0,34	0,99
Доходы бюджета	28,96	108,8	23,18	89,88	3,99	17,64

Как видно из материалов таблицы 2, в 2005 г. разрыв в ВРП между Шэньяном и СЗ составлял 7,91 раз. В 2008 г. провинциальное правительство приняло решение по ускоренному развитию СЗ, что привело к сокращению разрыва до 6,67 раз (на 1,24%).

Таким образом, проблема неравенства в КНР имеет макро-, мезо- и микроуровни. Значительная дифференциация приводит к межрегиональной, межпровинциальной и внутрипровинциальной миграции, которая усиливает социальную напряженность как на территории доноре, так и на принимающей мигрантов области.

* *Работа выполнена при поддержке гранта ДВО РАН, проект № 13-III-B-11-213.*

Источники

1. Чжунго тунцзи няньцзянь (Китайский статистический сборник, 2005-2010 гг.) Пекин.
2. Статистические коммюнике по КНР и провинциям за 2012 г.
3. Ляонин ланьпишу – 2012 (Синяя книга по пров. Ляонин). Пекин, 2012. С. 61.

Стукалина Н.Т.,
к.и.н., АСВ, Украина

Иващенко А.В.,
АСВ, Украина

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ГРАЖДАН КИТАЯ (ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ)

Создание правовой базы и принятие соответствующих решений для защиты экологических прав граждан является одним из основных направлений национальной политики Китая. С 2010 г. разработаны Национальный план по охране окружающей среды в период 12-го пятилетнего плана, Национальный план по законодательству об охране окружающей среды и разработка экологической и экономической политики на указанный период, план по профилактике и контролю загрязнения атмосферы в ключевых областях, Национальный план действий по защите морской среды Китая от загрязнения из наземных источников, развития лесного хозяйства, план национальной программы сохранения и использования лесов (2010–2020), план национального плана обеспечения (2011–2020), Комплексный план «Семь крупных речных бассейнов», план реализации Национального проекта по сохранению водно-болотных угодий в период 12-го пятилетнего плана, Стратегия и план действий по сохранению биоразнообразия в Китае (2011–2030), план по сохранению энергии, воды и сокращению выбросов и др.

Кроме того, были внесены поправки в Закон о водных и почвенных ресурсах и норму качества окружающего воздуха (AAQS), а также обнародованы административные регламенты. В период 11-го пятилетнего плана (2006–2010) инвестировано в охрану окружающей среды в 3,71 раза больше, чем в ходе 10-го пятилетнего плана (2001–2005). В 2012 г. средства

из центрального и местного бюджета на охрану окружающей среды составили 293200 млн юаней, то есть увеличились на 51,6% по сравнению с 2009 г.

Для ознакомления международного сообщества с новыми результатами, достигнутыми Китаем в последние годы в области защиты прав человека, Пресс-канцелярия Госсовета КНР 14 мая опубликовала Белую книгу «Прогресс Китая в области защиты прав человека в 2012 г.» Все данные охватывают 6 основных сфер жизни: экономику, политику, культуру, общественную жизнь, экологическую культуру, международные контакты и сотрудничество. Построена система раннего предупреждения и экологического мониторинга, система контроля экологического реагирования на чрезвычайные ситуации. К концу 2011 г. в Китае насчитывалось 144 агентства экологической оценки. С 2008 по 2012 гг. в Китае закрыты многие из его устаревших производственных мощностей: металлургические заводы с общей мощностью 117 млн т продукции, сталелитейные – 78 млн т и цементные – 775 млн т. С 2010 г. Китай выбрал 25 городов, в качестве «пионеров» на реализацию проекта «электрических транспортных средств в городах». Разработан проект «Городское светодиодное освещение». Морская экологическая защита окружающей среды также была усилена. Китай приступил к осуществлению плана создания красной линии в экосистеме моря Бохай, чтобы разграничить зоны, где строительство запрещено или ограничено.

Однако в ближайшие годы в приоритете экономический прорыв, а не экология. Это иллюстрирует доклад мирового института ресурсов, согласно которому новые предприятия будут работать на угле, а не на экологически чистых видах энергии, и в ближайшие годы они будут возведены в 59 странах, 76% из них будут построены именно в Китае и в Индии, поэтому право здесь явно расходится с тем, что происходит на самом деле. На 2013 г. задекларировано сокращение выбросов различных вредных веществ, на 3,7% и в то же время продолжение эко-

номического роста на 7,5%. Но эти цели взаимоисключающие друг друга. В ходе следующей пятилетки руководство Китая собирается добиться роста экономики, в стране должны быть превзойдены показатели всех их крупнейших торговых партнеров, а в ближайшие двадцать лет поставлена задача догнать и перегнать США.

Источники

1. http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2013/14/content 28819107. htm.
2. http://egerex.blogspot.com/2013/05/blog-post_9364.html.
3. http://newsradio.com.ua/2013_03_05/Kitaj-ekonomika-chi-ekologija.

Терентьева Т.Г.,
ИДВ РАН

РОЛЬ КИТАЙСКИХ ТНК В ВЫВОЗЕ КАПИТАЛА

Инвестиционная активность Китая за рубежом особенно стала проявляться после принятия в 2002 г. на XVI съезде КПК стратегии «выхода за рубеж», что отразилось, прежде всего, на возросших объемах прямых инвестиций. Внешние инвестиции расцениваются руководством Китая как важное средство интеграции страны в мировую экономику, устойчивого импорта сырья, улучшения возможностей экспорта, а также как доступ к освоению передовых иностранных технологий.

Государство проводит целенаправленную политику увеличения вывоза капитала за рубеж, определяя основные параметры и направления инвестиционных потоков. За период с 2002 по 2012 гг. объем прямых инвестиций в нефинансовый сектор вырос с 2,7 млрд до 77,2 млрд долл., увеличившись за 11 лет почти в 30 раз. Среднегодовые темпы прироста прямых зарубежных инвестиций составили в среднем 49,9%.

1. Одним из важных рычагов воздействия Государства на процесс внешнего инвестирования являются вносимые изменения в нормативную и законодательную базы. Последнее, наиболее значимое изменение «О контроле за инвестиционной

деятельностью за рубежом», вступившее в силу в мае 2009 г., упростило процедуру утверждения инвестиционных проектов китайских предприятий за границей. Новые правила, прежде всего, облегчили порядок регистрации инвестиционных проектов в размере до 100 млн долл., которые теперь утверждаются Управлениями коммерции провинциального уровня (с введением новых правил около 85% всех заявок об инвестиционной деятельности стало утверждаться на провинциальном уровне).

2. Особенностью китайских инвестиций за рубежом является тот факт, что значительная их часть осуществляется крупными государственными компаниями (в объеме накопленных прямых инвестиций на долю государства приходится примерно 70%). В качестве основных субъектов внешнего инвестирования выступают крупные государственные компании. Поэтому одной из важнейших и наиболее актуальных задач экономического развития Китая является формирование компаний мирового класса. В условиях глобализации положение Китая в мировой экономике в значительной степени зависит от позиций китайских транснациональных компаний. Власти КНР оказывают крупным корпорациям при инвестировании за рубеж всяческую поддержку, включая предоставление налоговых льгот, льготное финансирование через государственные банки, оказание маркетинговой и иной поддержки. Все это способствует ускоренному росту китайских транснациональных корпораций. В Китае уже существует ряд крупных компаний, соответствующих критериям мировых корпораций.

Китайские ТНК значительно улучшили свои позиции в мировых рейтингах, о чем свидетельствуют наиболее авторитетные публикации в журналах Fortune и Forbes. В списке 500 крупнейших транснациональных корпораций мира по версии журнала «Fortune Global», где главным критерием деятельности компаний являются их доходы за год, в 2012 г. были представлены 73 китайские компании (в 2011 в список входила 61 компания). Крупнейшие китайские ТНК за 2012 г. – Sinopec

Group (5 место) – объем выручки 375,2 млрд долл.; China National Petrolium Corp. (6 место) – 352,3 млрд долл.; State Grid Corporation (7 место) – 259,1 млрд долл.

По рейтингу другого влиятельного журнала Forbes Global, который оценивает деятельность 2000 крупнейших и наиболее влиятельных компаний мира (рейтинг базируется на сравнении корпораций по четырем показателям: объем продаж, прибыль, активы и рыночная капитализация), число китайских компаний за 2012 г. достигло 136 (15 компаний попали в список впервые), что вывело КНР на третье место в мире по количеству ТНК, после США и Японии. Крупнейшими китайскими компаниями по критериям Forbes Global стали: Petro China (добыча и переработка нефти и газа) – 6 место; ICBC (банковское дело) – 7 место; China Construction Bank (банковское дело) – 17 место.

Однако по суммарному доходу китайские ТНК пока значительно уступают уровню мировых корпораций.

Троекурова И.С.,
д.э.н., доцент Саратовской государственной юридической академии

Люй Бо,
аспирант Саратовского государственного социально-экономического университета

КИТАЙ НА РЫНКЕ РЕДКОЗЕМЕЛЬНЫХ МЕТАЛЛОВ

В последние годы словосочетание «редкоземельные металлы» часто появляется на страницах экономических изданий. Причина – конфликт основного мирового поставщика этого сырья Китая с крупнейшими его потребителями – США, Японией и ЕС. В настоящее время Китай, на территории которого располагается около 1/3 разведанных мировых запасов редкоземельных металлов, производит 93,6% всего потребляемого глобальным рынком объема данного стратегического сырья.

Данная группа металлов играет большую роль в самых разных отраслях промышленности, особенно в тех, которые

производят высокотехнологическую продукцию: при создании сверхпрочных керамических изделий, сложных оптических приборов, гибридных автомобилей, в радиоэлектронике, атомной технике, химической промышленности, машиностроении, нефтепереработке, авиационной промышленности, ракетостроении и многих других отраслях.

По оценкам экспертов, к 2015 г. спрос на редкоземельные металлы вырастет на треть до 200 тыс. т в год – более 20 млрд долл.

Китай впервые установил экспортную квоту на редкоземельные металлы в 2006 г., но шаги по резкому ее сокращению сделал в 2009 г. – разрешенный уровень экспорта был установлен в 50,145 тыс. т, в 2010 г. квоты понизили до 30,258 тыс. т, а в 2011 г. – до 30,184 тыс. т. Это привело к значительному росту цен на мировом рынке данного сырья. Так, оксид диспрозия за один месяц (с мая по июнь) подорожал более чем вдвое с 720 долл. до 1470 долл. за кг, а за год (с июня 2010 г. по июнь 2011 г.) – в 10 раз.

Ограничение экспорта КНР объясняет необходимостью снизить ущерб для экологии, навести порядок в отрасли, где серьезной проблемой остается нелегальная разработка месторождений, а также обеспечить потребности собственных высокотехнологичных производств.

В марте 2012 г. США, ЕС и Япония подали совместную жалобу в ВТО на Китай, обвинив его в применении системы экспортных пошлин на редкоземельные металлы, создающей значительные преимущества для национальных потребителей данного сырья и ущемляющей интересы зарубежных компаний. От этого страдают предприятия высокотехнологичных отраслей за пределами Китая.

Однако введение квот Китаем учит другие страны обходиться собственными силами. Например, австралийская Lynas Corp. уже в 2013 г. сможет добывать 22 тыс. т редкоземельных металлов в год, что составляет почти 40% от объема китайско-

го экспорта в 2011 г. На Аляске добычу ведет Ucore Rare Metals, в Калифорнии — Molycorp. В январе 2013 г. 12 крупнейших немецких концернов, включая Daimler и Bosch, объявили о создании альянса, призванного обеспечить поставки ключевых элементов.

Возможный способ увеличить количество редкоземельных металлов на мировом рынке – переработка электронных отходов и извлечение из них этих металлов. Сегодня выполнять подобную переработку могут лишь три японские компании: Hitachi, Mitsubishi Materials и Showa Denko KK. Ни SIMS Recycling Solutions, ни Electronics Recyclers International – крупнейшие американские переработчики электронных отходов – подобными технологиями не обладают. Кроме того, переработка всегда дороже производства. Следовательно, в ближайшие годы Китай останется монополистом на рынке редкоземельных металлов.

Запасы редкоземельных металлов в России вторые в мире после Китая – 20% мировых резервов. Однако добыча сырья составляет всего около 2% от мировой, причем ею занимается всего одна российская компания – Соликамский магниевый завод. Эти показатели могут существенно возрасти после недавнего открытия новых месторождений в Мурманской области, на Кольском полуострове и на Курильских островах.

Производство изделий с редкоземельными металлами в России занимает менее 1%. Ранее при обсуждении проекта ФЦП «Редкоземельные металлы» Россия ставила перед собой цель – занять 10% в мировом производстве редкоземельных металлов к 2020 г.

Однако, чтобы перейти от планов к делу, нужны значительные инвестиции. В России уже проводит изыскания японская Национальная компания по нефти, газу и металлам. Есть своя редкоземельная инвестпрограмма и у российских компаний.

Госкорпорация «Ростехнологии» и «Росатом» в 2013–2015 гг. инвестируют в проекты по развитию промышленно-

производственной базы редкоземельных металлов 110,4–163,5 млрд руб. (заемный капитал – 17,1–49,1 млрд руб.). Срок окупаемости проектов – от 8 до 20 лет. Компании надеются на дополнительную господдержку в размере 3,5 млрд руб.

Правда, инвесторы в разработку редкоземельных металлов вкладывают инвестиции с неохотой. Китай вполне может совершить демпинговый маневр: отменить квоты и пошлины, значительно снизить цены на металл и разорить инвесторов.

Между тем редкоземельные металлы нужны для инновационного развития нашей страны, т.к. их используют в высокотехнологических отраслях, в том числе в оборонной и атомной промышленности. Если Россия будет активно развиваться инновационным путем, то без доступа к такого рода металлам добиться успеха будет сложно и дорого. Придется закупать эти металлы на мировом рынке по высоким ценам.

Источники

1. Пекин развязывает редкоземельную войну
URL: http://www.vestifinance.ru/articles/9929
2. США, ЕС и Япония оспаривают в ВТО квоты на экспорт редкоземельных металлов из Китая... URL: http://blog.kp.ru/users/adpilot/post211112507/
3. Пекин развязывает редкоземельную войну
URL: http://www.vestifinance.ru/articles/9929
4. Китай взял за горло иностранные hi-tech компании
URL: http://www.vestifinance.ru/articles/10824
5. «Ростехнологии» займутся редкоземельными металлами
URL: http://www.vestifinance.ru/articles/21456
6. Вспоминая о запасах URL: http://vz.ru/economy/2012/10/17/602851.html.

Тянь Чуньшэн,
проф., Китайский молодежный университет политологии, КНР

ВОЗМОЖНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕВРАЩЕНИЯ КИТАЙСКОЙ ЖЭНЬМИНЬБИ В ОБЩЕАЗИАТСКУЮ ВАЛЮТУ

В связи с экономической глобализацией и развитием но-

вых экономических систем вопрос интернационализации жэньминьби становится горячей темой для обсуждения в Китае и за рубежом. Изучение литературы дает основание полагать, что все больше ученых рассматривают тенденции развития жэньминьби под углом интернационализации, и лишь немногие поднимают вопрос о превращении жэньминьби в азиатскую валюту. Автор полагает, что жэньминьби должна стать международной валютой, и первым шагом должно стать превращение ее в общеазиатскую. Процесс превращения жэньминьби в одну из ведущих региональных валют путем системного сотрудничества в азиатской региональной валютной сфере является выражением китайской финансовой стабильности. Это необходимо для дальнейшего наращивания экономической мощи и усиления контроля за международными ресурсами.

Путем качественного и количественного анализа, с учетом экономических связей с китайскими торговыми партнерами и возрастающей роли китайской экономики в Азии, автор пришел к выводу, что жэньминьби может стать одной из расчетных валют в азиатской торговле.

Чтобы говорить о возможности превращения жэньминьби в азиатскую валюту необходимо рассмотреть основные условия для региональной валюты. Данная работа основана на условии свободного обмена валюты, в качестве критерия для анализа использованы модели Чинна и Франкеля.

Для превращения жэньминьби в общеазиатскую валюту необходимы 4 условия:

– стабильность экономики и экономической мощи;

– стабильность жэньминьби;

– степень открытости экономики;

– степень приемлемости валюты для соседних стран.

Функция использования валюты за рубежом является валютным проявлением экономической мощи и способности управления экономикой. Использованная в данной работе модель тяготения является стандартной моделью для проверки

пограничного эффекта. После вступления в АТЭС и ВТО степень экономической открытости Китая возросла. Данные о внешней торговле с основными странами Азии в период 2001–2010 гг. позволяют сделать вывод о возможности использования жэньминьби для расчетов в Азии.

Используя скорректированную формулу Хэда (2010 г.) объем торговли Xijt между i и j за период t можно представить как:

X ijt = Фijt (GDPit x GDPjt) DISTij

DISTij – расстояние между двумя странами, а также расстояние по прямой между административными центрами двух стран. При логарифмировании получим следующую формулу:

InXijt=β0+β1InGDPit+β2InGDPjt+β3InDISTij+ β4CONTIGij+εijt

К формуле добавлена переменная величина наличия общей границы CONTIGij. В случае наличия общей границы CONTIGij =1, при отсутствии CONTIGij=0.

Если величина β4 положительная, объем торговли между соседними странами выше, чем между странами, не имеющими общей границы, имеет место граничный эффект, жэньминьби не имеет шансов стать общеазиатской валютой.

Если величина β4 не выражена, между странами имеет место высокая степень интеграции, граничный эффект отсутствует, у жэньминьби есть шанс превратиться в общеазиатскую валюту.

Страны, у которых большой объем торговли с Китаем, обладают высокой степенью взаимной интеграции и заинтересованы в превращении жэньминьби в общую валюту. Общие параметры объема торговли 10 стран: Китай, Сингапур, Япония, Южная Корея, Таиланд, Индонезия, Филиппины, Малайзия, Индия, Вьетнам составляют: С10 =45, 450 за 10 лет. Данные получены из комиссии ООН по торговле.

Из-за различного подхода к статистике, транспортных потерь, контрабанды и пр. факторов данные по странам могут не совпадать. Автор брал за основу статистику стран с высоким уровнем ВВП.

Страны, ведущие с Китаем активную торговлю, обладают высокой степенью интеграции между собой, влияние общей границы незначительно. Поэтому использование общей валюты предоставляет жэньминьби шансы стать общеазиатской валютой.

Однако в настоящее время имеется и ряд препятствий: капитал недостаточно открытый, пути вывоза капитала не свободны, нет механизмов возврата капитала, нет эффективных здоровых отношений на валютном рынке.

Перевод с китайского Б.Я. Надточенко.

У Цзы,
аспирантка ИДВ РАН, КНР

СКОРОСТНОЙ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ И ГРАЖДАНСКАЯ АВИАЦИЯ КНР

С начала 2010 г. китайские высокоскоростные железные дороги превратились в серьёзного конкурента для национальных авиалиний на расстояниях до 1 тыс. км. 6 февраля 2010 г. официально открылось движение по ВСЖД Чжэнчжоу–Сиань и время поездки между двумя городами сократилось с 6 до менее 2 часов. С мая 2010 г. авиакомпаниям пришлось отменить почти все авиарейсы внутри провинции Хубэй. Согласно данным Уханьского аэропорта Тяньхэ, более 70% авиарейсов протяженностью от 600 до 1000 км были отменены вследствие сокращения количества пассажиров. В 2011 г. в период праздника Весны количество перевезённых ВСЖД пассажиров провинции Хубэй возросло на 60%, в то же время пассажиропоток аэропорта Тяньхэ составил 677 тыс. человек, сократившись на 8,52% – первое снижение за последние 23 года. После пуска в эксплуатацию ВСЖД Ухань–Гуанчжоу (через Чанша), интервалы движения поездов которой составляют всего несколько минут, магистраль только за 2012 г. перевезла более 25 млн пассажиров. С начала 2012 г. авиакомпания China Southern Airlines пошла на сокращение количества ежедневных рейсов ме-

жду Чанша и Гуанчжоу с 12 до 3 и на 15% уменьшение цены авиабилета. Однако даже эти меры не смогли спасти China Southern Airlines от падения объёмов пассажирооборота на 48% до 400 тыс. человек. В начале 2013 г. вступила в строй 2372 км ВСЖД Шэньчжэнь–Пекин (проходящая через города Гуанчжоу, Чанша, Ухань, Чжэнчжоу и Шицзячжуан), которая сокращает время поездки между двумя городами до 8 часов вместо прежних 24–29 часов и в дальнейшем будет продолжена до Сянгана. Билет на ВСЖД стоит 2727 юаней в СВ, 840 и 540 юаней – 1-й и 2-й класс соответственно, тогда как билет на трехчасовой авиаперелет Пекин–Шэньчжэнь аэробусом А380 авиакомпании China Southern Airlines обходится в 1750 юаней, а стоимость обычного поезда составляет от 257 до 720 юаней. В декабре 2012 г. ведущие китайские авиакомпании объявили о снижении пассажирских тарифов: China Southern Airlines объявила о введении скидок до 73%, а Air China снизила цены на 57% на авиаперелет по маршруту Пекин–Ухань. Генеральный директор China Eastern Airlines Лю Шаоюн полагает, «что в недалеком будущем сеть ВЖД Китая будет охватывать практически все экономически развитые и многонаселенные районы страны, что окажет прямое и длительное давление на 60% рынка гражданской авиации КНР».

Острая конкурентная борьба между двумя видами транспорта КНР вынудила их руководство приступить к разработке путей сотрудничества и выработке компромиссов в борьбе за привлечение пассажиров. 1 декабря 2012 г. авиакомпания Air China заключила партнерское соглашение с Шанхайским управлением дорог МЖД КНР, согласно которому пассажиры при заказе авиационного билета в любом из двух Шанхайских аэропортов одновременно смогут приобрести билеты на ВСЖД, совершающие поездки между Шанхаем и четырьмя ближайшими городами – Сучжоу, Ханчжоу, Чанчжоу и Уси. Авиакомпания Air China также разрабатывает возможность стыковки своих международных авиарейсов с расписанием по-

ездок высокоскоростных поездов. Air China не является единственным примером – другие китайские авиационные компании прибегают к более радикальным мерам: China Eastern Airlines с января 2013 г. заказывает и оплачивает билеты на ВСЖД тем пассажирам авиакомпании, которые пользуются услугами China Eastern Airlines и совершают перелеты в соседние с Шанхаем или Уханем города, а с апреля 2013 г. одобрила расширение поездок по схеме «авиа-ВСЖД» между двумя аэропортами Шанхая (Hongqiao и Pudong) и четырмя крупными городами – Сучжоу, Уси, Чанчжоу и Нинбо). Авиакомпания Hainan Airlines с мая 2012 г. скорректировала расписание своих полетов с графиком движения высокоскоростных поездов в провинции Хайнань.

Фомина М.Н.,
д.филос.н., ФГБОУ ВПО «ЗабГУ»

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ПО-КИТАЙСКИ И МОДЕРНИЗАЦИЯ*

Современные глобализационные процессы вносят свои «коррективы» в устоявшееся восприятие различных сфер деятельности и отношений человека и общества, в том числе и на уровне международных отношений в Китае. Стратегия развития Китая, отражая идею Дэн Сяопина «ждать своего времени и развивать свой потенциал», определила в последующем идею двадцати четырех иероглифов: «спокойно наблюдать; обеспечивать наши интересы; хладнокровно справляться с трудностями; скрывать наши возможности и ждать прихода нашего времени; не выпячивать достоинства; никогда не стремиться к лидирующему положению»[1], которая, можно предположить, вступив в противоречие с реальной картиной позиционирования Китая в мире, сформировала восприятие глобализации в Китае, как «глобализация с китайским лицом» или «глобализация по-китайски».

В сентябре 2003 г. на международной научной конференции «Китай, Россия и глобализация» в ИДВ РАН в речи Вре-

менного Поверенного в делах КНР в РФ г-на Чжоу Ли[2] была озвучена мысль, что государства должны выбирать путь развития в связи со своей спецификой, «последовательно и постепенно проводить политику реформ и открытости, принимать меры предосторожности и повышать возможность противостояния рискам, поддерживать стабильное, здоровое развитие экономики страны». Поэтому Китай и придерживается «позиции активного участия в процессе глобализации», стремится к получению «выгод и избежание вреда», что, по сути, созвучно содержанию вышеназванных иероглифов.

Здесь стоит заметить, что, в отличие от европейских стран, Китай воспринимает глобализацию с позиций экономической составляющей, поэтому неслучайно звучит понятие «экономическая глобализация», которая и подтверждает политику Китая, направленную на развитие новых технологий, которые должны способствовать модернизации китайской промышленности. Можно предположить, что понятия глобализация и модернизация созвучны для Китая, так как в последнюю они вкладывают тенденцию развития вперед[3]. Не олицетворяет ли это положение китайской философии «следовать жизни»?

Традиционная китайская философия предполагает, что мудрый должен следовать тому импульсу, который он получил и поэтому может управлять миром. Следовательно, традиционно сложившийся импульс жизни в условиях глобализации и модернизации способствует тому, что экономика Китая станет управлять миром. Не об этом ли говорит турецкий ученый Ремзи Дурмуш: «Сегодня неизбежен тот факт, что Китай, который в течение последних 30 лет тихо и застенчиво развивался и рос, будет представлять собой важнейшую силу мировой экономики в рамках капиталистической системы»[4]?

Философия Китая всегда адекватно отражала не только прошлое, но и настоящее Поднебесной. Поэтому «отделять» традиционализм от глобализации и модернизации бессмысленно, так как ядро китайской культуры – традиционализм в усло-

виях глобализации и модернизации и есть та мудрость, которая следует импульсу жизни.

Как замечает М.Леонард[5], для Китая неприемлема ситуация, где он «оказался бы под катком глобализации», поэтому они готовы строить свою философскую концепцию глобализации через принципы «Капитализм на берегах Желтой реки», «Коллегиальная диктатура» и «Всеобъемлющая национальная мощь», которые и будут ориентированы на возможность контроля за экономикой со стороны национального государства, что, по-сути, и отражается в строительстве нового миропорядка – «Китайского мира за Великой стеной», т.е. – в модернизации. Но данные принципы только внешне ориентируют на восприятие китайской глобализации как глобализации для Китая. У нее есть и оборотная сторона медали – китаизация. Стремясь стать мощным экономическим мировым двигателем, Китай создает и прецедент китаизации мира. Поэтому неслучайно, что на XVII съезде КПК (2007 г.) было заявлено о превращении Китая в глобальную культурную державу, следствием чего должно стать повышение уровня привлекательности китайской культуры.

** Статья подготовлена в рамках Соглашения 14.B37.21.0031 Федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.*

Источники

1. *Марк Леонард*. О чем думают в Китае? – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009 – с. 139.
2. Китай, Россия и глобализация: [электрон. ресурс] – заглавие с экрана: http://russian.china.org.cn/russian/86346.htm.
3. Обзорный доклад 2011 – Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010). Гл. ред. Хэ Чуаньци. Отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир. 2011 – С. 137.
4. Глобализация и Китай ("TUIC Akademi", Турция) Ремзи Дурмуш (Remzi DURMUЄ): [электрон. ресурс] – заглавие с экрана: http://www.inosmi.ru/world/20130116/ 204692516.html.
5. *Марк Леонард*. О чем думают в Китае? – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009 – с. 187.

Хабибуллин Р.И.,
аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова

НАРОДНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ В КНР В КОНТЕКСТЕ НЕОКОНВЕРГЕНЦИИ

Одним из результатов современных трансформационных процессов является формирование новой конвергентной системы хозяйствования, ядром которой выступают предприятия с собственностью работников (так называемые народные или коллективные предприятия). Неоконвергенция проявляется в том, что на уровне коллективных хозяйствующих субъектов происходит процесс соединения труда и капитала, с одной стороны, включающий наделение работников собственностью на средства производства, и с другой – привлечение работников к управлению производством. Тем самым обеспечивается механизм согласования интересов работников и предприятия в целом на основе заинтересованности всех работников в эффективном использовании ресурсов. Теоретическое обоснование такой возможности представлено в работе Элинор Остром «Управляя общим» – Лауреата Нобелевской премии по экономике за 2009 г.

Как показывает опыт зарубежных стран, народные предприятия (НП) начинают играют важную роль в обеспечении экономического роста и институциональных преобразований. Нельзя недооценивать тот факт, что экономический успех Китайской Народной Республики достигается в том числе и за счет эффективного функционирования НП. Статья 6 Конституции КНР гласит: «Основа социалистической экономической системы Китайской Народной Республики – социалистическая общественная собственность на средства производства, то есть общенародная собственность и коллективная собственность трудящихся масс». Не случайно на XV съезде КПК Цзян Цзэминь призывал особо поощрять создание коллективных структур на основе объединения труда и капитала трудящихся. С

1992 г. в КНР действует Закон «О коллективных предприятиях в городе и коллективных предприятиях на селе», по которому государственные фабрики и заводы перешли в полное владение трудовых коллективов.

Значительная часть промышленной продукции КНР производится на НП (39%), на государственных – 29%, индивидуальных – 16% и прочих – 17% [1]. За прошедшие годы производительность труда на НП выросла в несколько раз, повышаясь на 40–45% ежегодно. Возрастает роль китайских НП и на мировой экономической арене. В рейтинге сильнейших компаний мира по итогам 2012 г. по данным журнала «Fortune» Китай по общему числу успешных предприятий впервые обогнал Японию и вышел на 2-е место по количеству компаний в рейтинге, уступая лишь США. Особо следует отметить, что в данный рейтинг впервые попали китайские НП, которые в последнее время показывают блестящие результаты. Среди них Ping an insurance (group) company of China (242-е место в рейтинге), Shagang group Inc. (346-е место), Huawei Technologies Co., Ltd. (352-е место), Shandong Weiqiao Pioneering Group Co., Ltd., Zhejiang Geely Holding Group [2]. Данный факт свидетельствует о том, что НП могут успешно конкурировать с «традиционными» компаниями в плане экономической эффективности, социальной устойчивости и инновационного развития.

Народность, коллективность, социальная сплоченность и солидарность, приверженность принципам социальной справедливости и эффективности являются квинтэссенцией социально-экономической конструкции социализма с «китайской спецификой» – «конфуцианского рыночного социализма». Это проявляется как на уровне всей Китайской Народной Республики в виде блестящих достижений китайского народа в спорте, в науке, в экономике и в других сферах общественной жизни, так и на уровне коллективных хозяйствующих субъектов, на которых наблюдаются более высокая мотивация труда и, соответственно, его производительность и качество, справед-

ливое распределение доходов, благоприятный морально-психологический климат на производстве. На наш взгляд, данные явления хозяйственной жизни современного Китая вписываются в понятие неоконвергенции, когда китайские НП, выступая полноправным субъектом рыночных отношений, органично сочетают в себе социалистические начала на базе принципов «социального контроля над производством», социальной и экономической справедливости, партисипативного менеджмента и хозяйственной демократии.

Источники

1. *Broadman H.G*. A limits test for China's accession to the WTO: Reform of its state- owned enterprises // China and the Long March to Global Trade. London & NY. 2002. P. 49.
2. Обнародован рейтинг 500 сильнейших компаний в мире. – Электронный ресурс: http://russian.people.com.cn/31516/7870423.html.

Цзун Пин,
аспирант ИДВ РАН

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ЭКСПОРТА ЛЕСОПРОДУКЦИИ КИТАЯ

Китай становился центром обработки и изготовления продукции из древесины. Внешняя торговля лесопродукций стала основной точкой роста лесной экономики и внесла значительный вклад в развитие лесного хозяйства.

В целом, за исключением 2001 и 2009 гг., когда объем торговли снизился, торговля лесопродукцией была на подъеме. В основном импорт доминирует в торговле, и из статических данных 2011 г. видно, что в Китае наблюдается тенденция к росту чистого импорта лесопродукции.

В 2008 г. по общей стоимости торговли лесопродукцией Китай занимал четвертое (после США, Германии и Канады) место в мире. В 2011 г. общий её объём достиг исторического максимума и составил 120,45 млрд долл., что на 28% больше, чем за аналогичный период предыдущего года.

Из показателя торгового сальдо видно, что в 2008 г. абсолютная величина отрицательного сальдо выросла до наивысшего значения в истории – 4,951 млрд долл., в целом по внешнеторговому обороту лесного комплекса Китай был самым большим нетто-импортером. Большое торговое положительное сальдо было в 2009 г., ввиду большого количества импорта сырья, из которого произвели повышенное количество лесопродукции в 2008 г. В 2010 г. положительное сальдо сократилось. А в 2011 г. появилось большое отрицательное сальдо – 10,390 млрд долл. Очевидно, снизились темпы роста экспорта мебели, бумаги, картона и бумажных изделий, которые составляют большую часть экспорта лесопродукции, поэтому валовой объём экспорта снизился в целом [1].

В настоящее время мебель, бумага и картон, изделия из древесины, панельные материалы (клееная фанера, ДСП и ДВП) являются основной экспортной лесопродукцией Китая.

(1) Доля экспорта клееной фанеры росла и заняла первое место, она превышала 70% от экспорта всех видов искусственных древесных плит. Её средняя цена колебалась в незначительных пределах.

(2) Доля экспорта ДВП постепенно увеличивалась, достигнув 24,51% от экспорта всех видов искусственных древесных плит в 2011 г. Средняя экспортная цена ДВП медленно поднималась [2].

(3) Доля экспорта ДСП варьирована на уровне ниже 2%. Но в последние годы общий объем и общая стоимость экспорта и цена за единицу экспорта ДСП непрерывно росла на протяжении нескольких лет, что отразилось на росте международной конкурентоспособности китайских ДСП.

(4) Бумага, картон и изделия из бумаги с высокой добавленной стоимостью уже стали вторым экспортным продуктом после мебели [3]. Средняя экспортная цена бумаги и бумажных изделий была относительно стабильной.

(5) В настоящее время изделия из дерева занимают третье

место в экспорте лесопродукции после деревянной мебели, бумаги и бумажных изделий. Средняя экспортная цена изделий из дерева поддерживает устойчивый рост [1].

(6) Относительно ряда других отраслей лесной промышленности, масштаб экспорта мебели самый большой и темпы его роста самые высокие. В июне 2009 г. Китай увеличил ставку возврата экспортной пошлины мебели до 15%, в результате, объем экспорта в количественном и стоимостном выражении рос одинаково. [4; 5].

Все приведенные выше данные позволяют считать в значительной мере справедливым утверждение, что основной массив конечных потребителей древесины, импортируемой в Китай, находится вне Китая, в других странах, куда изделия из этой древесины реэкспортируются после их изготовления в Китае [6]. Из-за дефицита лесных ресурсов в Китае в общем стоимость импорта лесопродукции больше, чем стоимость экспорта.

Источники:

1. Гоцзя линье цзюй, Чжунго линье фачжань баогао, чжуго линье чубань шэ, (Государственное управление лесного хозяйства Китая, Доклад о развитии лесного хозяйства Китая, Издательство лесного хозяйства Китая), 2009-2013.
2. *Цзинь Бо*, Чжунго Жэньцзао бань чанье фачжань пинцзя цзи чжэнцэ яньцзюй, цзинцзи кэсюе чубань шэ (Оценка развития и политическое исследование китайской промышленности искусственных древесных плит, Издательство экономики и науки, 2012，Ст. 47-49.
3. Чжунго муцай ван, 2011 нянь цюаньго линь чаньпинь цзиньчу коу цзунчжи 1204.5 и мэйюань (Сайт Китайской древесины, Общая импорта и экспорта в стоимостном выражении лесопродукции составила 120,45 млрд долл. в 2011 г.).
http://www.chinatimber.org/news/46443.html.
4. *Мю Дунлин*, Чжунго мучжи линь чаньпинь маои юй хуаньцзин яньцзюй, чжунго линье чубань шэ (Исследование торговли и окружающей среды Китайской лесопродукцией), Издательство лесного хозяйства Китая, 2004, Ст. 95-255.
5. *Юань Динси, Неин, Ян Хунцян*, Вого цзяцзюй чукоу цзинчжэн ли тишэн дэ чжиюе иньсу фэньси, Линье цзинцзи (Анализ лимитирующих факторов для повышения конкурентоспособности экс-

порта китайской мебели, «Экономика лесного хозяйства»), №7 2010, Ст. 69-72.
6. *А.С Шейнгаус*. Новый феномен восточно-азиатской экономики – китайский лесной комплекс (обзор состояния и перспектив), Пространственная экономика, 2007. № 1. Ст. 63.

Чуванкова В.В.,
к.э.н., ИДВ РАН

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В КНР: НОВЫЙ ЭТАП

Курс на особую поддержку мелкого и среднего предпринимательства, а в последующий период – акцент на приоритетное развитие мелких и микропредприятиятий, простимулировал глобальный финансово-экономический кризис. Начиная с 2009 г. на фоне неблагоприятной экономической ситуации в мире и наличия внутренних трудностей и проблем в Китае (замедление экономического роста, обострение ситуации с трудоустройством и усиливающейся дифференциацией общества) руководство страны особое значение придает активизации предпринимательской деятельности граждан и привлечению в экономику частного национального капитала, делая упор на поддержку среднего, малого и микробизнеса.

В этот период ЦК КПК и Госсовет КНР разработали и опубликовали целый ряд документов, политических установок и конкретных экономических мер, направленных на поддержку здорового развития мелкого и среднего предпринимательства, выработали инструкции по поощрению и ориентированию негосударственного инвестирования в такие ключевые области, как энергетика, транспорт, финансовая сфера, сервисная индустрия, научно-техническое развитие и другие важные для страны отрасли, а с 2011 г. активизировались усилия государства по поддержке микропредприятий.

Методы поддержки и стимулирования развития средних, мелких и микропредприятий в новых условиях, трудности и проблемы, с которым они сталкиваются, обсуждались на целом

ряде правительственных совещаний, представительных форумах и симпозиумах, а также на XVIII съезде КПК и очередных сессиях ВСНП.

На них подчеркивалась необходимость активно реализовывать обнародованные и введенные в действие предложения по дальнейшей поддержке здорового развития малого и микробизнеса, создающего большое количество новых рабочих мест; отлаживать политику налоговых льгот с целью облегчения налогового бремени малых и микропредприятий, включая дальнейшее повышение необлагаемого минимума в отношении налога на добавленную стоимость и налога с оборота, развертывать эксперимент с заменой налога с оборота налогом на добавленную стоимость; упорядочить и отменить часть административных сборов, касающихся этих типов предприятий; стимулировать увеличение финансовой поддержки малых и микропредприятий, отвечающих требованиям производственной политики и имеющих рыночный спрос; оздоровить механизмы их кредитной поддержки, кредитных гарантий, погашения процентов по банковским кредитам и компенсации кредитных рисков; развивать инвестирование в акционерный капитал, венчурное инвестирование и другие финансовые инструменты.

Таким образом, усилия китайского руководства были направлены на то, чтобы показать национальным предпринимателям на какую конкретную поддержку могут рассчитывать средние, малые и микропредприятия, чтобы стимулировать их наиболее активно осваивать новые виды продукции, экономические ниши, необходимые стране на данном этапе, развиваться в не привлекательных для крупного бизнеса и государства отраслях.

В настоящее время к малому и среднему бизнесу в Китае относятся 99,7% от общего количества предприятий, имеющихся в стране, причем подавляющая их часть (99%) – это мелкие и микропредприятия с численностью занятых менее 100 человек. На их долю приходится около 60% ВВП, они

обеспечивают свыше 50% налоговых поступлений в бюджет. Они создали более 80% от общего числа рабочих мест и свыше 90% новых рабочих мест в городах и поселках страны и обеспечили занятость почти 200 млн человек.

Мелкие и микропредприятия признаются важным каналом трудоустройства, основной платформой роста предпринимательства и увеличения потока частных национальных инвестиций в экономику страны, важной силой в продвижении технологических инноваций, смягчении макроэкономических проблем, решении целого ряда социальных проблем. Подчеркивается, что для их развития на данном этапе имеются широкие перспективы с учетом непрерывно увеличивающейся поддержки со стороны правительства, огромного внутреннего рынка и значительного потенциала спроса, а также достаточно мощной конкурентоспособности китайских товаров на международном рынке. Содействие развитию средних, малых и микропредприятий является не только важной, но и долгосрочной задачей. Эта категория предприятий, по мнению китайского руководства, должна сыграть ключевую роль в поддержании высоких темпов роста в Китае и выполнении задач, поставленных 12-м пятилетним планом, XVIII съездом КПК и 1-й сессией ВСНП 12-го созыва.

Шиганова Ю.М.,
аспирант ИДВ РАН

ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРОВИНЦИИ ГУАНДУН

Провинция Гуандун – наиболее развитая из провинций КНР, основной производственный и экспортный центр, она обеспечивает интеграцию страны в мировую экономику.

Гуандун, занимая 1,9% площади территории с 7,8% населения всего КНР, производит 11,3% национального ВВП. Доля провинции в совокупном объеме экспорта Китая равна 28%, импорта – 21,9%, на провинцию приходится 9,7% общего объ-

ема иностранных инвестиций в страну. Стремительное экономическое развитие в Гуандуне началось с проведения с 1978 г. политики реформ и открытости.

За годы реформ с 1978 по 2008 гг. среднегодовой темп экономического роста провинции равнялся 13,6%, в то время как средний показатель по стране составил в 1979–2007 гг. 9,8%. Также провинция лидирует по доле добавленной стоимости промышленности. В настоящее время основу промышленности провинции составляют отрасли, связанные с электронной информацией, электрооборудование и нефтехимия, получили развитие новые высокотехнологичные отрасли – информационные технологии, биотехнологии, производство оптико-электронного оборудования и новых материалов. Однако текстильная промышленность, производство продуктов питания и напитков, строительных материалов, электроприборов, бумаги, а также цветная металлургия – традиционные базовые отрасли, давшие толчок быстрому экономическому росту, требуют реформирования и модернизации.

Наибольшее число производств, выпускающих продукцию с высокой добавленной стоимостью, сконцентрировано в г. Гуанчжоу (автомобилестроение, транспортное оборудование, нефтехимическая отрасль, электроника) и г. Шэньчжэнь (электроника, компьютеры, телекоммуникационное оборудование, производство чипов). Происходит срастание промышленных баз и образование межотраслевых производственных кластеров. Однако следует заметить, что способность региона к инновационной деятельности пока мала.

Центром промышленного производства и лидером экономического роста является район дельты реки Чжуцзян (79,3% ВРП провинции). Развитие региона началось после создания здесь первых СЭЗ. Остальные районы провинции отстают по уровню развития, здесь создается лишь 6,9% ВРП провинции. Темпы их роста невысоки, основу экономики составляет сельское хозяйство.

Доля сельскохозяйственного производства в общем объеме ВРП продолжает снижаться (с 29,8% в 1978 г. до 5% в 2011 г.). Провинция не занимает лидирующих позиций по производству сельскохозяйственной продукции в Китае, несмотря на благоприятные природные условия, и уступает другим регионам страны.

Продолжается развитие объектов инфраструктуры, начатое с целью улучшения инвестиционной среды: расширение сети железных дорог, портов, проведение трубопроводов, электросетей, расширение аэропортов, строительство мостов.

Происходит создание региональных интеграционных объединений (СЕРА, Пан-дельта реки Чжуцзян) с целью достижения максимальной эффективности хозяйственной деятельности.

Мировой экономический кризис 2008 г. привел к сокращению внешнего спроса, что стало причиной закрытия многих производств, ориентированных на экспорт, роста безработицы, увеличению социальных издержек вследствие неэффективности используемой экономической модели, высокой степени зависимости региональной экономики от мирового рынка, кризисов, скачков цен, неустойчивости спроса и т.д.

В последнее время провинция столкнулась с резким ростом заработной платы, изменениями требований правительства к условиям безопасности труда, социального обеспечения, дефицитом как дешевой, так и квалифицированной рабочей силы, изменением схем возврата экспортного налога, ростом цен на аренду земли, стоимости материалов, сырья, обострением социальных противоречий, вызванных увеличением разрыва в доходах разных слоев населения, новыми требованиями правительства к расходу электроэнергии, охране окружающей среды, снижением объемов импорта, укреплением курса юаня и, следовательно, удорожанием китайской продукции, недостаточным вниманием к НИОКР, отсутствием защиты прав собственности и т.д.

Несмотря на имеющиеся проблемы и негативные факторы,

в плане развития провинции на 12-ю пятилетку предполагаются темпы прироста ВРП на уровне более 8%, среднедушевого показателя – более 7%.

Относительное замедление темпов экономического роста связано с отказом от стратегии повышения только экономических показателей, дефицитом ресурсов, переходом на интенсивные методы хозяйствования, учетом экологического фактора, изменением модели экономического развития.

Дальнейшее стабильное и устойчивое развитие провинции обеспечат повышение инновационного потенциала, оптимизация структуры экспорта, расширение внешних и внутреннего рынков сбыта, устранение внутрирегиональной дифференциации, развитие сферы услуг.

Юдина Т.Н.,
д.э.н., МГУ имени М.В. Ломоносова

КИТАЙСКАЯ ПАРАДИГМА УСТОЙЧИВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В КОНТЕКСТЕ НЕОКОНВЕРГЕНЦИИ

На фоне глобального системного финансово-экономического кризиса, несостоятельности модели неолиберального рыночного фундаментализма, политической нестабильности в мире финансово-хозяйственные инновационные инициативы и устойчивое развитие как поиск новой парадигмы экономического развития и теории хозяйства трансформировались в актуальную стратегическую задачу во всемирном масштабе. В настоящее время мировыми тенденциями являются социализация и инноватизация вопреки другой метатенденции – глобализации и появления глобального класса финансовой олигархии со своими хрематистическими интересами; формирование и развитие новых моделей социально-ориентированных экономик и даже развитие социалистической рыночной экономики в Китайской Народной Республике; использование стратегиче-

ского планирования как метаинструмента и метаинститута в контексте устойчивого хозяйственного развития. Эти тенденции находят свое проявление в феномене «следующей конвергенции», открытом лауреатом Нобелевской премии Майклом Спенсом, – неоконвергенции, проявляющейся, например, в социализации отдельных сторон рыночной системы.

На конвергенцию в свое время обратили внимание известный американский социолог Питирим Сорокин в своей работе «Россия и Соединенные Штаты», а также другой ученый – экономист – представитель т.н. «старого институционализма» Дж. Гэлбрейт (США), считавший, что капитализм и социализм представляют собой две модели «нового индустриального общества». В современной Российской Федерации внимание лишь немногих ученых приковано к проблеме неоконвергенции наряду с неомодернизацией (Э.П. Пивоварова, В.В. Радаев, Г.Н. Цаголов и др.).

В условиях великой трансформации хозяйственных систем новая конвергенция возможна не только в теории, но и на практике. Неоконвергенция – это путь, модель, механизм, процесс, система вынужденного подтягивания теоретически любой экономики в соответствии с критериями эффективности, справедливости. Новая конвергенция – это вынужденная мера в эпоху глобализации, нового империализма с его пятью признаками, открытыми еще В.И. Лениным в его работе «Империализм, как высшая стадия развития капитализма», когда экономическим, а точнее хрематистическим миром правят около полутора сотен крупнейших ТНК, связанных с глобальными финансовыми центрами. Неоконвергенция – это также способ подтягивания всех видов жизнедеятельности человечества до уровня эффективно работающих экономик.

Уникальным примером относительно устойчивого государственного финансово-хозяйственного развития с конца 1970-х гг. по настоящее время в контексте неоконвергенции представляет собой социалистическая рыночная экономика

Китайской Народной Республики – модель конфуцианского социализма. Это касается особенного хозяйственного механизма в китайской экономике, когда план и рынок работают на Великий Китай, китайскую мечту, инновационное государство. В Китае функционирует своя школа стратегирования – сверхдолгосрочного планирования. Примером его можно назвать строительство «социализма с китайской спецификой» – конфуцианский социализм до 2050 г. – в контексте Пекинского, а не Вашингтонского консенсуса. Хозяйственный механизм китайской экономики включает как индикативное планирование, а точнее стратегическое планирование (на уровне государства), так и директивное планирование (на уровне государственных предприятий, число которых сокращается); а также стратегическое планирование как метаинструмент и метаинститут относительно устойчивого хозяйственного развития.

Однако следует разобраться с главными понятиями – хозяйство, экономика. Эти понятия приобретают целостное значение лишь в рамках концепции геотриона. Геотрион – это целостная система, элементами которой являются: народонаселение – хозяйство – территория. Более того, еще в IV в. до н.э. Аристотель Стагирит в своем знаменитом труде «Политика» создал учение об ойкономикос-домострое как общественно полезном хозяйстве и хрематистике как науке о делании денег, т.е. о двух путях в экономике: устойчивом, гармоничном и неустойчивом, негармоничном, проанализированных Т.Н. Юдиной в ее монографии «Домостроительство как экономическая система: история, методология, теория» (2010).

Таким образом, устойчивое экономическое развитие в Китае, включающее этапы устойчивого инновационного развития, возможно на пути неоконвергенции с использованием метаинститута стратегического планирования в государственном финансово-хозяйственном инновационном организме, т.е. «великой китайской конвергенции».

Элоян М.Р.,
д.филос.н., Азовский технологический институт Донского государственного технического университета

ОЦЕНКА ОПЫТА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Для многих в XXI в. Китай воспринимается как «азиатское чудо», во многом необъяснимое и неожиданное. Правда, некоторые ученые считают, что современный Китай есть «проект Запада», но в то же время признают, что реализация этого проекта пошла не по правилам и сейчас Европа оказалась в тисках китайской экономической колонизации. Теоретические прогнозы столкнулись с жизнью, сотканной из настоящего и прошлого, в котором хозяйственные традиции Китая кристаллизовались тысячелетиями, чтобы сегодня ответить на вызовы мировой экономики наиболее эффективным образом. И прежде всего речь идет о существовании в течение тысячелетий китайской системы земледелия, которая обеспечила Китаю рост народонаселения, способного сегодня обеспечить все мировое производство.

Первым, кто в европейской экономической мысли дал позитивную оценку опыта социально-экономического развития Китая, был Ф. Кенэ. Ведь не надо забывать, что великим источником вдохновения физиократической доктрины Кенэ была китайская система земледелия, положения которой он хотел перенести на европейскую почву. А именно идею о государственном протекционизме земледелия, о признании земледельческого класса единственным производительным классом общества, о признании земледелия в качестве основы национального благосостояния территориально больших государств. Показателен в этом отношении первый догматический спор в политической экономии, который состоялся между меркантилиста-

ми и физиократами, и был мировоззренческим спором: что является ценностью – население или деньги. Меркантилисты ответили – деньги, источником которых является торговля; физиократы – население, благосостояние которого обеспечивает земледелие. В конечном итоге переключение европейской экономической мысли со сферы обращения (торговли) на сферу производства (земледелия) позволило Марксу именно физиократов назвать родоначальниками науки политической экономии, под которой он понимал науку о производстве материальных благ.

Физиократическая система, будучи единственной европейской земледельческой теорией (и через 150 лет после ее возникновения С.Н. Булгаков будет решать проблему «капитализм и земледелие» с ее точки зрения), строилась в духе производительного земледелия Китая, где основными источниками сельскохозяйственного производства были «труд» и «земля». И если еще у Кенэ земля и только земля считалась единственным источником богатства, а «чистый продукт» – «даром Божьим», то уже у Тюрго производительным фактором сельскохозяйственного производства помимо земли называется и труд. Под «трудом» он понимал не только физический труд, потребность в котором будет возрастать в результате действия закона убывающего плодородия, но и капиталовложения в науку и технику земледелия. Тюрго первым предложил науку и технику в качестве способов поддержания плодородия почвы, собственно то, что было выработано китайской агрономической наукой и китайской техникой земледелия еще тысячи лет назад, и к чему европейская практика земледелия пришла только в XIX в. – в эпоху агрохимической революции Ю. Либиха. Тюрго поставил заключительную точку в мировоззренческом споре, заявив, что рост народонаселения способствует преодолению закона убывающего плодородия – чем больше населения, тем больше труда, тем больше богатства.

Первым, кто дал негативную оценку опыта социально-

экономического развития Китая, был английский экономист Т. Мальтус, который был, по сути, оппонентом Тюрго, потому что из закона убывающего плодородия, который он понимал не как увеличение количества труда, требующегося в земледелии, а как истощение природных ресурсов мира, вывел свою теорию сокращения народонаселения. В XX–XXI вв. мальтузианство в виде доктрины «золотого миллиарда» выступило идеологией тэтчеризма, монетаризма и милитаризма. И логика здесь простая – лучше вести войны, как внутренние, так и внешние, сокращающие население планеты, чем развивать производство. Такая политика приведет к перемещению производства из Европы в Китай. И к началу конца Европы, потому что выведение производства за ее пределы это не только экономический фактор, но и культурный – нации, которые ничего не производят, обречены на то, что они будут выброшены в мусорную корзину истории. Все происходит по Марксу, и марксизм опять способен объяснить процессы современной мировой экономики лучше других экономических теорий. Ведь как бы ни развивался финансовый капитализм, новую стоимость создает живой непосредственный человеческий труд, который в необходимом количестве взрастило производительное земледелие Китая. Получается, что Китай в мировой экономике восполняет недостаток рабочих рук Европы и России – вот такая «хитрость истории». Поэтому никакой Китай не «проект Запада», а закономерный процесс развития современной мировой экономики, которая решает проблему производства материальных благ, необходимых для существования человечества, там, где для этого созданы необходимые условия, главными из которых являются рынок высококвалифицированной рабочей силы и заимствованные из Европы, России и США достижения фундаментальной науки.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Афонина Л.В.,
м.н.с., ИДВ РАН

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЗГЛЯДОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА КНР В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИЙ В ПЕРИОД РЕФОРМ

После окончания «культурной революции» стало меняться отношение властей к установке на быстрое искоренение религии. Наступил период реформ, когда руководители КНР начали постепенно переосмысливать место религии в общественной жизни, наметилась тенденция к политико-правовому регулированию религиозной сферы.

Регулирование религиозной сферы в начальный период реформ продолжало исходить из представлений секуляризационной концепции, подразумевающей необратимое сокращение влияния религии, прогрессирующий упадок или исчезновение институционализированной религии. Марксистская теория отмирания религии остается идеологической установкой китайских властей, однако по сравнению с периодом «культурной революции» изменился временной интервал достижения этой цели. Религии, по мнению партийного руководства, не останется места в социалистическом обществе, но до времени ее неминуемого исчезновения религия должна быть управляема в соответствии с задачами государства и партии.

Для достижения этой цели китайские руководители формулировали модели существования религии в китайском обществе.

Большой теоретический вклад в религиозную политику внес Цзян Цзэминь, объявив на Всекитайском совещании по религиозной работе в 1993 г., что главной целью реализации политики свободы вероисповедания является адаптация религии в социалистическом обществе (принцип взаимосоответствия – «*сяншиин*»). Несмотря на то, что термин «сяншиин» пе-

реводится как взаимное соответствие, и предполагает взаимное соответствие религий и социалистического общества, но не паритетное. В действительности происходит подстраивание религии к определенным общественным и политическим условиям.

По словам Цзян Цзэминя религия может быть адаптирована в социалистическом обществе, только когда она регулируется законами. Для регулирования религиозной сферы в КНР существует большой пласт нормативных правовых актов общегосударственного и местного уровней, а также подзаконных правил и директив, носящих ведомственный и/или закрытый характер.

Теория гармонии с религией – теория религиозного присутствия в социалистическом обществе с китайской спецификой возникла как ответ на провозглашение концепции построения социалистического гармоничного общества, выдвинутой Ху Цзиньтао и утвержденной на 6-м пленуме ЦК КПК в октябре 2006 г.

На современном этапе китайские руководители были вынуждены признать, что религиозный вопрос не так прост, как изначально предполагалось. Возглавляющий Государственное управление по делам религий КНР Ван Цзоань признает: «Мы ранее думали, что после вступления в социалистическое общество с повышением уровня жизни и материальной культуры людей религиозное сознание очень быстро ослабнет. А что сейчас? Через 60 лет после основания нового Китая и 30 лет реформ и открытости, материальная жизнь народа обогатилась, повысился уровень образования, а религиозное сознание совсем не ослабло, наоборот проявилось его возрождение».

Ван Цзоань, анализируя ошибочные суждения теоретиков религиозной политики прошлых лет, делает вывод: «Религия – длительное явление, если мы будем излишне торопиться, захотим моментально "освободить" верующие массы от влияния религии, результат может быть обратный ожидаемому, оттолк-

нет религиозные массы на позиции противостояния».

На современном этапе концепция ведения работы в религиозной сфере корректируется исходя из реальной ситуации. Одной из первостепенных задач, стоящих перед китайским руководством, является сплочение народа и объединение страны. Для этих целей используется и религиозный фактор. Правительство осознает недопустимость разделения общества по религиозному признаку, призывает не подчеркивать религиозных различий между гражданами страны, а напротив, направлять массы как верующих, так и не верующих граждан по пути совместного построения «китайской мечты». В настоящее время отправной точкой политики свободы вероисповедания является объединение верующих и неверующих масс для совместных усилий в деле строительства социалистической модернизации.

Баум Дж.,
д.э.н., Институт географии и региональных исследований Университета Вены, Австрия

КИТАЙ НА ДЛИННОМ МАРШЕ К «ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»: СТАНЕТ ЛИ КИТАЙ ПЕРВЫМ РЕГИОНОМ, ДОСТИГШИМ НОВОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ?

В научных дискуссиях на Западе излюбленными темами являются вопросы о том, сможет ли Китай догнать в экономическом отношении страны ОЭСР (Организации экономического сотрудничества и развития), прежде всего расположенные в Европе, как и когда это может произойти. В этой связи необходим более комплексный анализ данной проблемы. Исходным пунктом здесь является логическое обоснование конференции «Китай в эпицентре глобальных проблем АТР». Известно, что Китай намного раньше Европы стал относительно ближе к периоду прото-индустриализации, откуда можно было бы совершить старт или прорыв к индустриализации. Но это не было реализовано вследствие многих факторов, что в частности ис-

следовано китаеведом, проф. Марком Элвиным в формате парадигмы «ловушки равновесия высокого уровня» с объяснениями причин, почему системная социальная инновация не происходила в Китае в течение длительного периода времени. Позднее в XIX в. промышленное развитие Китая было блокировано из-за действий империалистических держав.

В последние 35 лет «упущенное время» было навёрстано, и этот процесс, возможно, в основном продолжится. Но промышленная модернизация Китая развивается в совершенно отличной ситуации по сравнению с индустриализацией Европы: Китай не может обеспечить получение ресурсов на «колониальных условиях». Напротив, стало ясно, что век исчерпаемых ресурсов подразумевает тенденцию высоких цен на сырьё и особенно на энергетические ресурсы. Далее, век беспрецедентых вызовов в плане изменений климата и других проблем окружающей среды поставил на повестку дня вопрос о выживании не только человечества в целом, но и особенно Китая (в частности, с учётом особой плотности его населения). Все эти вопросы ресурсов и окружающей среды в среднесрочной и долгосрочной перспективе являются самыми опасными факторами, определяющими возможности модернизации Китая, и могли бы даже блокировать этот процесс.

Но, с другой стороны, весьма вероятно (на уровне гипотезы), что Китай не только так или иначе решит эти проблемы, но и реализует на практике совершенно новую парадигму развития. Будучи обратно пропорционально проблеме «дефицита ресурсов», давление в пользу движения в этом направлении – как единственный способ решить данные проблемы – будет всё более усиливаться. Ограниченные ресурсы, высокие цены на них, опустынивание, качество воздуха, последствия загрязнения окружающей среды для продовольственной безопасности, здоровья и т.д. – всё это диктует необходимость принятия комплекса мер по повышению эффективности использования ресурсов и энергии и использованию возобновляемых источ-

ников энергии. Но это будет очень трудный путь.

В таких областях, как использование высокоскоростных поездов, энергии ветра и солнца и др., Китай уже прошёл такой путь, поворот назад стал бы реальной угрозой для страны.

Если же рассмотреть аналогичную ситуацию на Западе (на примере США), то налицо свидетельства того, что промышленно развитые страны попали в «ловушку равновесия высокого уровня»: меньшее давление со стороны факторов ресурсов и окружающей среды, культ финансов, высокомерная презумпция «эффективной рыночной гипотезы» (согласно которой нерегулируемые корпоративные финансы обеспечивают оптимальное выделение средств – вопреки урокам глобального финансово-экономического кризиса), растущее неравенство в распределительной системе и преступное измерение военного фактора – всё это блокирует прорыв стран Запада к новой парадигме развития.

В отличие от меньших по размерам стран, Китай может использовать экономию на масштабах экономики и выгоды от величины объектов для совершения возможной трансформации. «Социальный капитал», накопленный в течение беспрецедентно долгого развития китайской цивилизации, и исторически сложившиеся социальные ценности достоинства и справедливости – всё этот будет способствовать успеху в таком начинании. А капиталистические структуры придётся трансформировать, т.к. капиталистические принципы подразумевают внешний характер ущерба и затрат. В таких сложных системах, как наши общества, это может быть адекватно обеспечено на основе «социально-экологического планирования», которое сейчас обсуждается во Франции.

Перевод с английского к.и.н. К.К. Меркулова.

Бородич В.Ф.,
к.ю.н., ИДВ РАН

КАК И КУДА ДВИЖЕМСЯ: ВЕКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ КИТАЯ И РОССИИ

Россия и Китай реализуют различные концепции политической модернизации, в ходе которых трансформируются их субъекты политики. Трансформация распространяется, в т.ч. на институциональную сферу жизнедеятельности общества.

Политическая система России, не имея института правящей партии, согласно теории партологии, должна была бы развивать институт партийного плюрализма. Партийный плюрализм обнаружил, однако, симулятивный характер, а политическая практика привела к формированию разновидности моноцентричного института, получившего название «вертикаль власти».

В политической системе КНР центральный политический институт – правящая компартия – не только не лишается своего статуса, но и постоянно укрепляется. Демократизации власть не позволила стать автономным процессом, а встроила ее в процесс реформирования и правящей компартии, и института собраний народных представителей, и института исполнительных органов власти, и института многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК – НПКСК.

Результатом происшедшей трансформации институтов политической системы России и Китая стали: в России: а) гипертрофированное усиление института государства относительно гражданского общества, б) в самом институте государства – низкая эффективность института разделения властей вследствие особого статуса Президента РФ, стоящего, согласно Конституции РФ, над всеми ветвями власти, а также вследствие отсутствия эффективного контроля над государством со стороны гражданского общества. Налицо смена институциональной

модели политического управления: из модели «суверенной демократии», главным отличием которой была симуляция демократии как института народовластия при фактическом управлении всеми политическими процессами из центра, политическое управление трансформируется в модель просвещенного национально ориентированного авторитаризма. Симуляция демократии, возникшая как инструмент трансформации «семейной» модели политического управления в модель политического управления В.В. Путина, себя исчерпала, породив несколько негативных для политического управления России эффектов. Среди них: эффект руководства внутренней государственной политикой чиновниками Администрации Президента, что лишало инициативы как высший законодательный орган – Федеральное Собрание, так и самого Президента; эффект зависимости российских властей от западного влияния на принимаемые политические решения, воплощенной в унаследованном от режима правления Б.Н. Ельцина праве западных политиков на преимущественное толкование того, что есть демократия; в Китае: а) функционирование действующих политических институтов продолжает обеспечивать условия для сохранения высоких экономических показателей и относительной социально-политической стабильности, несмотря на наличие значительных проблем, вызванных экономической реформой; б) усилия партийно-государственного руководства КНР в области повышения способности партийных и государственных структур всех уровней по решению проблем, порождаемых масштабными изменениями в китайском обществе, и Китая в мировой экономике и политике, продолжают носить преимущественно традиционный, стереотипный характер. Это не устраивает часть высшего политического руководства страны, опасающегося разрыва между социально-экономическими изменениями и способностью органов государственной власти к таким изменениям адаптироваться. В этом плане обращают на себя внимание неоднократные публичные призывы бывшего

Премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао продолжить проведение политической реформы.

На международной арене динамичное развитие позволяет Китаю повышать свой авторитет и увеличивать возможность по оказанию влияния на ход мировых событий, вплоть до расширения своей территории за счет сопредельных проблемных государств (пример – уступка Таджикистаном Китаю части Горно-Бадахшанской автономной области).

Сравнение векторов политической динамики Китая и России позволяет заключить, что китайское руководство продолжает инновационный поиск, четко придерживаясь подтвердивших свою эффективность национальных основ, в то время как политическое руководство России начало, с третьего срока президентства В.В. Путина, формулировать новую, национально ориентированную, модель политического управления, достоинством которой может стать приоритет национальной специфики при проведении политической модернизации. Россия сближается с Китаем в отказе от космополитизма и подражательства в своем политическом развитии.

Бронников А.А.,
аспирант ИДВ РАН

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ КНР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Центральная Азия, включающая Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, в настоящее время превратилась в регион, в котором пересекаются интересы ряда мировых – РФ, США, КНР, а также региональных держав – Турции, Ирана, Пакистана, Индии, ЕС. Центральная Азия, находясь в центре евразийского континента, располагает существенным геополитическим и геоэкономическим потенциалом. В первую очередь в сфере энергетики – страны региона обладают значимым ресурсным и транспортным потенциалом.

Интересы Китайской Народной Республики в центральноа-

зиатском регионе в сфере энергетики носят масштабный стратегический характер, хотя Китай, в присущей ему манере, стремится не демонстрировать их открыто. Сегодня, когда зависимость Китая от импортных поставок энергоносителей переходит все мыслимые границы, достигая 60%, проблемы энергетической безопасности все более остро встают на повестке дня. Объявленная Китаем стратегическая цель диверсификации поставщиков и коридоров поставки энергоносителей подталкивает страну к активизации своих связей со странами центральноазиатского региона, обладающими значимыми запасами углеводородов и высоким транспортным потенциалом. Причиной успеха китайских инициатив является также и стремление стран региона к диверсификации рынков сбыта своих энергоносителей и внешнеполитических ориентиров. Китай последовательно осваивает энергетические богатства Центральной Азии, тесня здесь российские, американские, европейские и национальные компании. Сегодня идет процесс активного внедрения Китая в Центральную Азию с целью получения доступа к имеющимся там запасам нефти и газа. Одновременно китайцы осуществляют транспортную привязку этих ресурсов к своим западным границам.

Центральная Азия представляет интерес для КНР как одна из нескольких резервных сырьевых баз, поскольку возможности региона в масштабах китайского импорта достаточно ограничены. Главную ценность представляют континентальные наземные маршруты доставки углеводородов, особенно на фоне опасений Китая об уязвимости и нестабильности морских каналов поставки. Внешне амбиции Китая проявляются несущественно, однако если оценивать успехи, достигнутые Пекином за последнее десятилетие, – китайское присутствие в экономике и энергетике стран региона более чем существенно. Так, Китай уже стал монополистом в ведущих отраслях энергетики Казахстана, Узбекистана и Туркменистана. Речь идет не только о торговле энергоресурсами, но и о транспортной ин-

фраструктуре (в частности – системе газо- и нефтепроводов). Китай активно включается в электроэнергетические проекты в странах региона, уже став монополистом в области возведения ТЭЦ, активно проникает в атомный сектор энергетики Казахстана. Системное усиление КНР в энергетике Казахстана уже вызвало серьезное беспокойство в стране. Китай контролирует львиную долю казахстанского нефтяного экспорта. Совместно с Казахстаном, Туркменистаном и Узбекистаном Китай образовал систему добычи нефти и газа и наземную сеть нефте- и газопроводов, которые имеют огромное значение для обеспечения энергетической безопасности КНР. В целом подход Китая к Центральной Азии является по своей сути стратегическим долгосрочным, не сориентированным ни сиюминутные приоритеты.

КНР предоставляет странам Центральной Азии кредиты и инвестиции, налаживает разработку и транспортировку полезных ископаемых, прокладывает новые транспортные магистрали. Китайское присутствие позитивно сказывается на международных связях стран региона, расширяя их объемы и увеличивая круг партнеров в международном сообществе. При всех масштабах китайского присутствия, сотрудничество носит исключительно экономический характер и подчеркнуто не имеет никакого политического контекста.

К очевидным недостаткам китайского присутствия в регионе стоит отнести тот факт, что, стимулируя модернизацию экономик центральноазиатских государств, Пекин превращает регион в свой сырьевой придаток, базу для собственного экономического развития и транспортный коридор для нужд собственной экономики. В совокупности все эти факторы способны поставить страны региона в зависимость от Китая, что уже вызывает серьезные опасения в высших политических кругах государств Центральной Азии. Однако общий сырьевой вектор развития взаимоотношений центральноазиатских стран с КНР продолжает сохраняться вопреки всем опасениям, поскольку

результаты такого сотрудничества пока приносят ощутимую выгоду экономикам государств региона.

Бирюлин Е.В.,
к.э.н., ИДВ РАН

ЛЕСООХРАННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КИТАЯ И РОССИИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ СБЛИЖЕНИЯ

Леса российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая представляют из себя единый массив, и его охрана является задачей для обоих государств. Несовершенство российского законодательства об охране лесов приводит к потерям только по Дальнему Востоку примерно в 1 млрд руб. ежегодно. С началом перехода на рыночные формы хозяйствования началась активизация использования лесных ресурсов. Предполагалось, что этот процесс будет урегулирован принятием 04.12.2006 Лесного кодекса РФ. Однако чрезмерный упор в этом документе на частную инициативу привел к дальнейшему ухудшению ситуации. Проблемой российского лесоохранного законодательства является и двухуровневая система лесного права, предусматривающая автономное функционирование регионального лесного законодательства.

Велик масштаб хищений российского леса, но при этом факт хищения признается только в момент незаконной рубки. Полномочия сотрудников надзорных и правоохранительных органов урезаны до минимума. Погруженная на трейлер древесина не проходит по статье хищения, тем более это не относится к древесине, обнаруженной на лесопильных предприятиях.

В последние годы принимаются меры для исправления такого рода правовых недочетов.

Лесоохранное законодательство КНР очень строго. Даже при самых ординарных нарушениях правил рубок лесохозяйственные органы вправе наложить очень крупный штраф. При выявлении рубок редких и ценных пород деревьев, осуществ-

ляемых в нарушение положений принятого Лесного кодекса, либо если любые нарушения условий рубки или условий транспортировки сочетаются с наличием состава преступления, равно как и при массовых чрезмерных рубках, а также при подделке разрешения на рубку, транспортной или экспортной лицензии, виновные привлекаются к уголовной ответственности. Суровые наказания, вплоть до конфискации, предусмотрены при незаконных или ненадлежаще оформленных перевозках лесоматериалов.

Согласно 3-й редакции Лесного кодекса КНР от 29.04.1998 подтверждается, что лесные ресурсы являются преимущественно государственной собственностью. Таким образом частная инициатива в лесохозяйственной области была существенно ограничена. Вскоре выявилось, что это не соответствует потребностям отрасли. В январе 2000 г. были приняты «Правила применения Лесного кодекса», имеющие силу государственного закона. В документе подчеркнуто защищены законные интересы частных компаний и отдельных граждан, занятых в сфере лесного бизнеса. Никакие организации или лица не имеют права вторгаться в сферу собственности, производства и коммерческих отношений лесного оператора, если он ведет дело в соответствии с требованиями закона.

По новому решаются проблемы форм собственности сельских жителей на лесные угодья. Летом 2009 г. премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао потребовал провести повсеместную работу по содействию реформе системы коллективной собственности на лесные угодья через внедрение семейного подряда на лесоразведение и лесопользование. Арендаторы могут использовать свои права на лесные угодья для получения банковских кредитов и даже использовать очень сложные современные схемы хозяйственного и финансового сотрудничества. По этому поводу газета «Чайна Дейли» опубликовала статью под заголовком «Фермеры заслужили улучшенное законодательство на лесные угодья».

Таким образом, тенденция к усилению государственного регулирования лесоохранного законодательства России и его демократизация в Китае создает возможности сближения этой важной отрасли правовых систем обеих стран.

Источники

1. Чжунго Жэньминь Гунхэго Гоуюань гунбао (Вестник Госсовета КНР), 1998, № 11, С. 490-499.
2. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ. http://english.mep.gov.cn/Policies_Regulations/laws/envir_elatedlaws/200710/t20071009_109960.htm – Декрет № 278 Госсовета КНР от 02.01.2000.
3. China Daily. 17.12.2008, 22.06.2009.
4. Синьхуа. 22.06.2009.

Виноградов А.В.,
д.полит.н., ИДВ РАН

НОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕФОРМ

Главной целью реформ, начатых КПК в конце 1970-х гг., было экономическое развитие, а основным направлением на начальном этапе – удаление от маоистской версии социализма, что обеспечивало всеобъемлющие и достаточно равномерные преобразования, которые прямо затрагивали экономику, политику, культуру, идеологию и социальные отношения. Отсутствие готовой, теоретически проработанной модели не позволяло заранее предсказывать критические точки в эволюции преобразований. К XIII съезду (1987 г.) КПК пришла с идеей политической реформы, т.е. параллельного, синхронного проведения экономических и социально-политических изменений. Эти представления соответствовали марксистскому принципу экономического детерминизма и общему направлению реформ, проводившихся в то время в СССР и других социалистических странах. События 1989 г. на площади Тяньаньмэнь и в социалистических странах Восточной Европы указали на возможность принципиально иного продолжения реформ и напугали КПК. Сохранявшееся влияние идеологических и экономиче-

ских концепций недавнего прошлого не позволило руководству КПК критически воспринять идеи политической либерализации. Политические преобразования были законсервированы, а вместе с этим и в полном соответствии с принципами экономического детерминизма были подвергнуты пересмотру направления и темпы экономических преобразований, снижавшие рост ВВП. Однако вопреки преобладавшему в руководстве КПК мнению зимой 1992 г. Дэн Сяопин принял другое решение – ускорить рыночные реформы и, таким образом, усилить асинхронность экономического и политического развития, а экономические результаты реформ направить на поддержание социально-политической стабильности и повышение авторитета власти.

Новый курс на внедрение рыночных механизмов и экономические успехи постепенно трансформировали социальные отношения, бизнес занимал все более важное место в решении главной общенациональной задачи по возрождению Китая. Изменения происходили и в социально-политической сфере. Компартии удалось построить механизм собственного обновления, создав более совершенный механизм управления традиционным обществом, при котором она сохраняла способность оперативно реагировать на возникающие вызовы и обеспечивать стабильность внутри партии. Идея «тройного представительства», политически легализовав предпринимательский класс, не наделила его политической субъектностью, поставила его под контроль КПК, не дав права на самостоятельную политическую деятельность. Бизнес, не имея возможности эффективно бороться за свои интересы внутри КПК, был вынужден это делать, расширяя сферу коррупционных отношений. На XVIII съезде вопрос о представительстве бизнес-сообщества в высшем политическом руководстве также не был решен, что сохранило асинхронный тип развития модернизированной экономики и реформированной, институализированной авторитарной власти.

На протяжении предыдущих почти четырех десятилетий Китай создавал успешную экономическую модель, потенциал которой сейчас близится к истощению. Следуя логике развития, в ближайшее десятилетие Китай должен создать эффективную политическую модель, которая будет в состоянии обеспечить устойчивость его развития на более отдаленную перспективу. Правление пятого поколения, вероятно, будет не только периодом адаптации китайской экономической модели к изменившейся мировой конъюнктуре, но и важных изменений во внутренней политике. Вновь актуальным станет вопрос о синхронизации реформ или, наоборот, о сохранении их асинхронности, но уже на новых основаниях.

«Золотой век» китайских реформ закончился, началась эпоха «великого возрождения». Вместе с этим завершается и цикл новейшей китайской истории, в ходе которого Китай, отказавшись синхронизировать реформы, сохранил свою цивилизационную идентичность. Приняв экономические методы и технические стандарты внешнего мира, ему было чрезвычайно важно сохранить ее, прежде всего, в политической системе и культуре, поскольку возрождение – это не только размер ВВП, но и ощущение культурной самобытности.

Воскресенский А.Д.,
д.полит.н., МГИМО (У) МИД России

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПОСТРОЕНИЯ «НЕЗАПАДНОЙ» И/ИЛИ «КИТАИЗИРОВАННОЙ» ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

В теоретических и практических исследованиях международных отношений и мирового развития научная мысль Запада долгое время удерживала и ведущие эпистемологические позиции, рассматривая другие страны и регионы мира в качестве объекта своих концептуальных построений. Даже альтернативные мейнстримовские подходы также были изначально разработаны в западоцентричной традиции. Примеры подобных

подходов подробно проанализированы в исследовании Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока», рассматривавшего понятие «Восток» как конструкт, созданный западной мыслью в общественных и гуманитарных науках, в том числе с целью достижения собственных политических целей в рамках «культурного гегемонизма» как продолжения колониальной политики. Нельзя не отметить целенаправленные попытки в 1970–1980-е гг. учесть незападные реалии в рамках западных международных и политологических исследований. К этому тематическому блоку относятся классические работы Дж. Фэрбэнка, Л. Пая, Ф. Риггза, К. Гирца, О. Уолтерса и ряда других авторов. Благодаря этим работам исследования постепенно начали приобретать новый ракурс, высвечивающий более глубокое и объективизированное отношение к взаимодействию государств разного типа, принадлежащих также и к цивилизациям разных типов. Исследования Дж. Фэрбэнка, а в отечественной традиции Л.И. Думана, В.С. Мясникова, Л.С. Переломова, С.Н. Гончарова, ввели в научный оборот такое понятие как «китайский мировой порядок», обозначающее сложный конгломерат традиционных и традиционалистских представлений о системе иерархизированных и договорных отношений Китая с окружающими государствами и территориями, а в работах О. Уолтерса, посвященных Юго-Восточной Азии, впервые появился термин «государство-мандала», характеризующий модель распространения государственной власти политических центров региона по аналогии с расходящимися концентрическими кругами, структурно похожий, но содержательно отличный от понятия «китайский мировой порядок». В российской традиции оригинальную мироустроительную концепцию буддийского мира предложил В.И. Корнев. Эти работы заложили основу объективистского восприятия полицентрического мира и его объяснений с точки зрения новых концепций и/или концептуальных подходов.

Политические и социально-экономические трансформации

конца XX – начала XXI вв. привели к тому, что современный мир вступил в такой этап эволюции, когда уже отнюдь не исключительно западные страны стали определять не только сами параметры этой эволюции, но и научные рамки ее осмысления. Несмотря на крайне болезненное восприятие таких попыток на Западе, этот факт быстро получил отражение в современной западной академической мысли. Следует отметить работы К. Бейли, Б. Бузана и Р. Литтла, которые приходят к выводу, что на данном этапе необходима не переориентация теории и истории международных отношений с Запада на Восток, а ее децентрализация. Упомянутые исследования позволяют прийти к выводу о том, что с течением времени все более весомыми становятся голоса тех, кто настаивает не просто на включении незападной проблематики в политический и политэкономический анализ международных отношений, а на необходимости децентрализации теоретических подходов и их «девестернизации». Это привело к обсуждению возможности построения незападной теории международных отношений, а в случае Китая (точнее «Большого Китая»), о «китаизации» теории, что шире и глубже, чем попытка создания «востокоцентричного» объяснения мирового развития в противовес «западоцентричному».

Незападоцентричное видение мировых процессов предполагает три направления эволюции теоретических подходов к международным отношениям. *Первое* представляет собой дальнейшее совершенствование, эволюцию и расширение существующего основного корпуса теории международных отношений, базой для которого послужило более чем столетнее развитие англо-саксонской традиции теоретизирования. В китайской школе международных отношений обобщение своего собственного национального видения теоретических проблем мировой политики началось путем создания коллективных обобщающих научных трудов на основе перевода всех основных западных трудов по теории международных отношений.

Второе предполагает теоретическую возможность *появления незападных концепций* международных отношений, разрабатываемых, в том числе, самими исследователями стран Востока/Незапада. Подходы к полностью автохтонному теоретизированию в области осмысления взаимоотношений с внешним миром намечались в древности в индийской и китайской, а специфика национальной политической мысли и ее влияние на международные отношения и в некоторых других страновых традициях (включая русскую).

Третье акцентирует внимание на *расширении незападных (незападоцентричных) объективизированных подходов* в рамках теоретических построений промежуточного (регионального) уровня. Теоретизирование на этом уровне находится в самом начале и даже в самых продвинутых школах международных исследований концептуально только начинает оформляться. Международно-региональная реальность допускает достаточно высокую степень конструктивизма, ограниченного в свою очередь, как универсальными/мировыми закономерностями, так и суверенностью политики государств, составляющих эту региональную реальность. Реальная практика развития международных отношений и мирополитического взаимодействия покажет в период следующих десяти лет адекватность избранных на основе разных теорий, помогающих адекватно осмыслять и прогнозировать мировую реальность, конкурирующих стратегий развития.

Голиков А.П.,
ШРМИ ДВФУ

ПАДЕНИЕ БО СИЛАЯ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Отставка и арест главы партийной организации г. Чунцин, члена ПБ ЦК КПК Бо Силая на фоне вполне рутинного процесса передачи власти от поколения Ху Цзиньтао-Вэнь Цзябао поколению Си Цзиньпина-Ли Кэцяна, стали политической сен-

сацией. Подобные «всплески» борьбы за власть в Китае имели место и в сравнительно недавнем прошлом (дела Чэнь Ситуна и Чэнь Лянъюя). Однако падение Бо происходило в принципиально изменившейся коммуникационной среде, сформировавшейся в результате бурного развития internet-сообщества в КНР, а также постепенного формирования modus operandi государства и общества в информационном виртуальном пространстве.

В настоящее время вряд ли возможно выявить источник(и) волны информационных сообщений, захлестнувшей Китай в 2012–2013 гг. Столь же трудно определить степень их достоверности. Вместе с тем информационный фон дела Бо Силая позволяет разглядеть некоторые культурные аспекты внутриполитической борьбы в КНР:

– роль, место и общественное восприятие «красной аристократии» (потомков видных деятелей ранней КНР);

– традицию (в т.ч. этику и эстетику) массовой политической активности периода «культурной революции»;

– специфику отношения китайского социума к публичному проявлению сексуальности.

Бо Силай, родившийся в семье одного из основателей коммунистического режима Бо Ибо, обратившийся в ходе политической борьбы к ценностям и образам маоизма, и, уже в ходе расследования, обвинённый в многочисленных сексуальных проступках и преступлениях, представляет собой достойный пример для исследования историко-культурных аспектов современной внутренней политики Китая.

Гудошников Л.М.,
д.ю.н., ИДВ РАН

АДМИНИСТРАТИВНАЯ РЕФОРМА В КНР

В течение десятилетий, прошедших после исторического пленума ЦК КПК в конце 1978 г., система административных органов КНР претерпела различные организационные измене-

ния, которые продолжают развиваться и в настоящее время. Наиболее значительными датами в этом процессе называются обычно 1982, 1988, 1998, 2003 и 2013 гг. В 1982–1984 гг. произошла ликвидация высокой концентрации властных полномочий и чрезмерной громоздкости правительственных органов, произошло и омоложение аппарата и его образованности. Однако в те годы поставленные задачи не были выполнены, только сокращенный аппарат начал снова расти. Новый подход к реформе аппарата проявился на следующем ее этапе в 1998 г. Стержневым ее направлением стало упорядочение связей между различными министерствами, ведомствами и учреждениями центрального правительства, перераспределение и изменение их функций. Более радикальная реформа аппарата Госсовета началась в 1993 г. после принятия 1-й сессией ВСНП 11-го созыва своего рода программы перестройки Госсовета. Прежняя модель административного управления должна была уйти в прошлое в связи с поставленной XVI съездом КПК целью построения социалистической рыночной экономики. Задачи правительства должны были свестись главным образом к общему планированию, проведению в жизнь единых политических установок, координации, осуществлению надзора и контроля.

Как и административная реформа 1988 г., реформа правительственного аппарата 1993 г. способствовала ликвидации дублирования функции ряда министерств и ведомств в структуре Госсовета, позволила сократить штат аппарата правительств различных уровней. Вместе с тем в ходе реформы 1993 г. не прошло радикального изменения функций в структуре правительства, что объяснялось слабостью рыночных отношений и сохранением серьезной роли плановой экономической системы. Попытки правительства сдержать и ограничить разрастание аппарата сводились на нет из-за того, что оставались неизменными функции самого правительства. В связи с этим на XV съезде КПК (1997 г.) был поставлен вопрос о новом этапе административной реформы. В качестве конкретных

мероприятий этого этапа на съезде было названо преобразование комплексных экономических министерств и ведомств в органы, осуществляющие макроэкономическое регулирование, упорядочение комплексных министерств и ведомств и сокращение их численности; укрепление министерств, осуществляющих функции исполнения законов и надзора за исполнением законов; создание и развитие посреднических организаций между правительством и обществом, способных брать на себя проблемы общественных отношений, не входящих в функции правительства.

Концепция изменения функций правительства в ходе реформы 1998 г. стала особенностью проведения реформы аппарата правительства. Она реализовывалась в соответствии с выдвинутой еще Дэн Сяопином идеей о чередовании партийно-правительственными организациями или общественными организациями тех своих полномочий, которые им не следует выполнять вообще, либо тех, которые они выполнять не в состоянии или не могут выполнять качественно. Наглядным итогом изменения функций правительства в ходе реформы 1998 г. стало сокращение самих министерств и комитетов с 43 до 29. Число их управлений в структуре самих министерств сократилось более чем на 200, или на четверть. На этом этапе реформы структурные подразделения Госсовета не только перераспределяли функции между собой, но и передавали их местным народным правительствам и другим структурам на местах. В общей сложности учреждения Госсовета передали местным организациями более 200 своих функций.

Дальнейшей реорганизацией аппарат Госсовета был подвергнут изменениям решениями 1-й сессией ВСНП 11 созыва (март 2003 г.). В частности был создан комитет Госсовета по контролю и управлению государственной собственностью. Были созданы госкомитеты по развитию реформы и комитет по контролю и регулированию банковской деятельности. Еще одним из результатов реорганизации Госсовета 2003 г. было соз-

дание министерства коммерции – единого органа ведующего как внутренней, так и внешней торговлей. Наконец, на базе специального органа Госсовета, ведавшего безопасностью фармацевтических средств, было создано государственное управление по контролю за пищевыми продуктами и лекарствами.

14 марта 2013 г. ВСНП приняло проект реформы Государственного совета КНР, в соответствии с которым количество министерств и ведомств сокращено на четыре. В общей сложности в Государственном совете будет 26 министерств и ведомств министерского уровня (включая Канцелярию Государственного совета КНР). Изменения не затронули структуру рабочих аппаратов и учреждений прямого подчинения, впрочем, изменения в структуре данных аппаратов и учреждений не требуют утверждения со стороны ВСНП и могут быть приняты Государственным советом КНР самостоятельно. Реформа административного аппарата продолжается с учетом особенностей государственно-политического и социально-экономического развития Китая.

Демидо Н.Ю.,
ИДВ РАН

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ КИТАЯ В ГЛОБАЛЬНОМ ЭФИРЕ

Расширение присутствия китайских СМИ в глобальном информационном пространстве является одной из составляющих стратегии усиления культурного влияния Китая в мире. Основным ресурсом для достижения поставленной цели служит развитая система контролируемых государством прессы, радио, телевидения и информационных интернет-сайтов на иностранных языках. Пекин стремится использовать все возможности традиционных и новых иноязычных СМИ для повышения своей роли в международных процессах, улучшения имиджа страны за рубежом и противодействия антикитайской

пропаганде в западных масс-медиа.

Центральное телевидение Китая (CCTV) наряду с информационным агентством «Синьхуа» и англоязычной газетой «Чайна дэйли» входит в тройку главных каналов продвижения за рубеж государственной идеологии и политических инициатив китайского руководства. К настоящему моменту телекомпания запустила 7 международных каналов, которые оснащены передовыми аппаратно-студийными комплексами. Трансляция некодированного сигнала осуществляется через 18 спутников (кодированного – более чем через 20), что позволяет обеспечить его стабильный прием практически по всему миру. Одновременно CCTV продвигает свои сюжеты и в международные вещательные сети (соответствующая договоренность достигнута с крупнейшими мировыми дистрибьютерами новостного видеоконтента Thomson Reuters и APTN). Согласно данным «Синей книги о развитии радиовещания, кинематографии и телевидения КНР» (2012 г.), в 2011 г. семь международных каналов CCTV (на китайском, английском, испанском, французском, арабском и русском языках и документальный канал на китайском и английском) вещали на 156 стран и регионов мира, общая численность аудитории достигла 182 млн человек.

Новой громкой заявкой телекомпании стало преобразование англоязычного канала CCTV-9 в круглосуточный международный новостной канал CCTV-News в апреле 2010 г. Канал позиционирует себя как альтернативный CNN и BBC источник информации о важнейших региональных и глобальных событиях. Планируется, что новый канал будут снабжать эксклюзивными материалами 70 зарубежных корпунктов CCTV, кроме того, телекомпания расширяет сеть бюро. С 2012 г. на базе канала CCTV-News уже действуют два новых подразделения – CCTV Africa (бюро в кенийской столице Найроби) и CCTB America (бюро в Вашингтоне), в дальнейшем к ним должны присоединиться бюро в Лондоне, Дубае, нескольких городах Латинской Америки и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. По

сообщению российской газеты «Коммерсант», к сентябрю 2012 г. число зрителей CCTV-News составило 85 млн человек.

Планы CCTV в отношении других четырех иноязычных каналов менее амбициозные, хотя по предварительным оценкам телекомпании, зона вещания, к примеру, CCTV-Русский должна была охватить около 300 млн зрителей в России, странах СНГ, государствах Прибалтики и Восточной Европы. В целом иноязычные каналы наглядно отражают векторы геополитических интересов Китая. Французский и испанский ориентированы, соответственно, на франкофонные и испаноговорящие страны Африки и Латинской Америки, CCTV-Русский – на российский Дальний Восток и страны СНГ (в первую очередь центрально-азиатские республики). Главный телересурс иноязычных каналов – это переводные сюжеты других каналов CCTV и незначительная часть собственных репортажей. В отличие от англоязычного канала, в программной сетке остальных каналов есть телесериалы на китайском языке с субтитрами.

Общая направленность иновещания CCTV характеризуется изображением КНР в позитивном ключе, подчеркивается открытость и дружелюбие страны; важнейшие международные проблемы интерпретируются с позиции китайского руководства, упор делается на активную роль Китая в глобальных делах, стремление к сотрудничеству с международным сообществом и миролюбивый характер его политики. Большое внимание уделяется популяризации китайской культуры и ценностных воззрений китайской нации.

Дессейн Б.,
проф, Гентский университет, Бельгия

ПОСТИГАЯ МИР: КИТАЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

До вторжения западных колониальных держав в XIX в. Китай, по некоторым оценкам, был экономическим и полити-

ческим центром Восточной и Юго-Восточной Азии. Падение конфуцианской империи после её конфронтации с Западом вдохновило китайских интеллектуалов XIX и начала XX вв. разработать план государственного устройства Китая, альтернативный конфуцианской модели. Эта альтернатива была сначала сформулирована как модель нации-государства националистического типа. После неудачи националистов сохранить территориальное единство страны и после победы Коммунистической партии Китая в гражданской войне между националистами и коммунистами образование в 1949 г. Китайской Народной Республики означало появление новой территориальной целостности под руководством КПК.

Начавшиеся в КНР в конце 1970-х гг. экономические реформы, которые привели к беспрецедентному в мировой истории экономическому росту одной отдельно взятой страны наряду с экономическим кризисом на Западе, стимулировали резкий подъём самоуверенности китайцев: Китай снова является одним из главных игроков на мировой арене, и международное сообщество стоит перед лицом растущего китайского национализма.

В настоящем материале рассматривается вопрос о китайском национализме и создании китайской модели «нация-государство», начиная с падения Цинской империи и до настоящего времени. Точнее, в данном материале обсуждается вопрос, каким образом современный китайский национализм может рассматриваться как продолжение раннего националистического движения в Китае в конце XIX – начале XX вв.

Перевод с английского к.и.н К.К. Меркулова.

Диченко А.А.,
ФКУ «Научно-исследовательский центр Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков»

ИЗУЧЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ АСПЕКТОВ БЕЗОПАСНОСТИ В КНР

В последние два десятилетия происходит значительное расширение и усложнение понятия безопасность посредством включения новых типов угроз, передачи статуса субъекта или провайдера безопасности от государственных акторов акторам суб- и надгосударственного уровня, а также мультиплицирования объектов безопасности. Такое расширенное понимание безопасности обозначается термином «нетрадиционная безопасность».

Нетрадиционная безопасность стала объектом исследования научных кругов Китая в конце XX в. Данный термин также активно используется в официальных государственных документах КНР.

Так, китайская стратегия национальной безопасности носит «всеобъемлющий» характер, то есть включает вопросы как военного, так и нетрадиционного плана. В Меморандуме по вопросам укрепления сотрудничества в сфере нетрадиционной безопасности перечисляются многочисленные нетрадиционные угрозы безопасности, отмечается их влияние на международную и региональную обстановку безопасности, их транснациональный и трансрегиональный характер, а также необходимость полагаться на внутренние силы страны, задействовать механизмы региональных и международных организаций и ресурсы международного права в вопросах противодействия обозначенным угрозам.

Собственно термин «нетрадиционная безопасность» в Китае впервые был введён в официальный оборот учёным Пекинского университета Ван Юном в 1994 г. в статье «О влиянии

взаимообусловленности на национальную безопасность Китая», которая вышла в третьем номере журнала «Мировая экономика и политика» («Shijie jingji yu zhengzhi»). В 1998 г. этот же журнал включил вопросы «нетрадиционной безопасности» в список приоритетных тем. Китайские университеты стали присваивать учёные степени в сфере изучения нетрадиционной безопасности, что подтвердило институционализацию данной отрасли исследований в Китае.

В 2012 г. в Китае вышла Синяя книга по вопросам нетрадиционной безопасности, в которой содержатся самые последние исследования китайских учёных по данной проблематике как в международном, так и внутрикитайском масштабе. Основной отличительной чертой нетрадиционных угроз безопасности китайские исследователи считают их комплексный характер, обусловленный наложением разнородных факторов природного и техногенного, экономического и политического, религиозного и культурного, международного и внутригосударственного, военного и невоенного плана.

В данной работе также делается попытка построить ряд моделей угроз нетрадиционной безопасности. К первой модели исследователи относят угрозы, вызванные процессом глобализации. Вторая модель представлена угрозами нетрадиционной безопасности, обусловленными отсутствием развития. Третья модель характеризуется использованием традиционных средств для обеспечения потребностей нетрадиционной безопасности. Последняя модель является своего рода «переплетением» традиционных и нетрадиционных угроз безопасности.

Китайские исследователи также справедливо отмечают тот факт, что вопросы нетрадиционной безопасности являются не только предметом научных исследований, но и предметом обсуждения дипломатов, деятельности государственных органов власти, а также одной из сфер общественных интересов. По этой причине китайскими учёными отмечается нарастающее значение секьюритизации в повестке дня нетрадиционной

безопасности. Они также указывают на то, что чрезмерная секьюритизация вовсе не благоприятствует достижению целей безопасности, так как она приводит к чрезмерному вмешательству политических сил, а также захвату обширных ресурсных запасов.

В современном мире происходит постоянное расширение поля нетрадиционной безопасности, при котором в сферу высшей политики включаются вопросы, далёкие от обеспечения суверенитета и мирного существования отдельных государств. Китайские исследователи, понимая актуальность и практическую значимость изучения данного феномена, проводят активные исследования в данной сфере, создавая своё видение проблемы.

Источники

1. *Сюн Г.* Всеобъемлющая концепция национальной безопасности Китая// Россия в глобальной политике. – №3, май-июнь 2009. – http://www.globalaffairs.ru/number/n_13205.
2. China's Position Paper on Enhanced Cooperation in the Field of Non-Traditional Security Issues. 2002. – http://ch.china-embassy.org/eng/ xwss/t138223.htm.
3. Policy Roundtable On Asian Non-Traditional Security. Beijing, 2012. – http://www.rsis.edu.sg/nts/html newsletter/report/pdf/ RSIS_NTS_Asian%20 Policy%20Roundtable_091112.pdf.
4. Zhongguo feichuantong anquan yanjiu baogao (2011–2012). – Китайский доклад об исследованиях в сфере нетрадиционной безопасности. – Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2012.

Зуенко И.Ю.,
ДВФУ, ИИАЭ ДВО РАН

ЭВОЛЮЦИЯ СИСТЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ КИТАЯ (НА ПРИМЕРЕ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН)

Административно-территориальное деление (АТД) – важный элемент региональной системы управления, анализ которого позволяет выделить и систематизировать связи между властными и административными институтами различных

уровней.

Система АТД в Китае начала складываться с древности (первое деление Китая на «девять чжоу», согласно традиционной историографии, совершил легендарный правитель древности Юй). Основы нынешнего АТД были сформированы в период правления династии Юань.

АТД в Китае характеризуется наличием нескольких уровней, высшим из которых, начиная с Юань, неизменно является «*шэн*» (провинция).

Развитие системы АТД с позднеимперского периода до сегодняшнего дня предлагается рассмотреть на примере провинции Хэйлунцзян.

Территория нынешнего Хэйлунцзяна вошла в состав многонациональной Дайцинской империи, будучи регионом расселения маньчжуров. Статус «генерал-губернаторства» получен в 1683 г., с 1907 г. – шэн.

Развитие АТД Хэйлунцзяна имеет ряд особенностей по сравнению с провинциями «внутреннего Китая». Во-первых, в силу приграничного положения, начиная с XVII в., неоднократно менялись ее границы провинции. Во-вторых, в период 1932–1945 гг. территория провинции входила в марионеточное государство Маньчжоу-го, обладавшее собственной системой АТД. В-третьих, в период 1945–1949 гг. Хэйлунцзян был поделен на четыре отдельные провинции (Хэйлунцзян, Хэцзян, Нунцзян, Сунцзян). В остальном провинция является репрезентативной с точки зрения иллюстрирования процессов, общих для всего Китая.

К 1911 г. система АТД включала в себя четыре уровня: *шэн – дао* (область) – *чжоу*, *фу* или *тин* (округ) – *сянь* (уезд).

Основными вехами развития АТД в последующий период являются:

1) упразднение «*чжоу*» и «*дао*» после образования Китайской республики и установление двухступенчатой системы АТД (*шэн – сянь*);

2) введение «округов» (*цюй*) и «волостей» (*сян*), увеличение числа провинций и городов центрального подчинения (ГЦП) в республиканский период;

3) создание на территории всей страны шести административных краев (*дасинчжэнцюй*), выделение районов нацавтономии, определение новых границ для всех провинций Маньчжурии после образования КНР;

4) административная реформа 1954 г. (на практике – до 1957 г.): упразднение дасинчжэнцюй, укрупнение провинций, ликвидация большинства ГЦП, установление трехступенчатой системы АТД (*шэн – сянь – сян*);

5) начиная с 1950-х гг., создание отдельных административных единиц – цюй (округа), объединявших несколько уездов; крупные города приравниваются к округам и получают статус «городов, имеющих районное деление»;

6) закрепление в конституции 1982 г. основных принципов «административной реформы» 1954 г., в т.ч. трехступенчатого устройства АТД (без упоминания де-факто сложившегося окружного уровня!);

За 1980–2000-е гг. реальная ситуация в сфере АТД претерпела значительные изменения, не отраженные в конституции. Так, на практике с 1983 года увеличивается число единиц окружного уровня – прежде всего, городов, имеющих районное деление (*дицзиши*). На данный момент все провинциальные единицы поделены на окружные образования (города, округа или автономные округа). Данная политика связана с установками Пекина по превращению городов в «локомотивы экономики» и оформлена конкретными решениями Госсовета.

Ниже волостного уровня (волости, поселки, квартальные канцелярии) сложился уровень, на котором осуществляется местное самоуправление: в виде комитетов сельских и городских жителей.

Начиная с 1994 г., в КНР образуются города субпровинциального значения (*фушэнцзиши*), включающие в себя также

категорию городов, отдельно указываемых в госплане (*цзихуаданьлеши*). Функционально административные органы таких городов находятся в ведении Госсовета, не подчиняясь провинциям. Также существует несколько примеров единиц субокружного значения.

Иванов С.А.,
ИИАЭ ДВО РАН

БЮРОКРАТИЯ И СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН С РОССИЕЙ

Власти провинции Хэйлунцзян, управляя территорией, на которую приходилось три четверти российско-китайской границы, являлись безусловным лидером в КНР в формировании дискурса о развитии приграничных связей с Россией со второй половины 1980-х гг. На основе анализа этого дискурса российские исследователи обычно высоко оценивали деятельность провинциальной бюрократии по налаживанию торгово-экономических связей с российскими регионами, отмечая ее инициативность. Цель моего исследования заключалась в определении причин такой активности и особенностей репрезентации хэйлунцзянскими властями проблем и перспектив приграничного сотрудничества. В качестве теоретической основы в настоящей работе использованы идеи французского социолога П. Бурдье о символическом капитале, бюрократии, бюрократическом и политическом полях. Власть и интеллектуальная элита Хэйлунцзяна стремились донести до внешнего потребителя следующие тезисы о приграничном сотрудничестве: 1) провинция активно использует высокий потенциал ресурсного и товарного рынков России, добилась значительного проникновения на них хэйлунцзянского капитала и ускоренного развития ориентированных на них отраслей народного хозяйства в провинции; 2) регион имеет высокий потенциал развития транспортного сообщения с Россией; 3) провинция активно

использует и имеет доступ к российским технологиям; 4) между приграничными территориями двух стран существует определенная культурно-историческая общность. Аргументация, доказывающая вышеуказанные тезисы, содержала системные искажения в сторону преувеличения достижений в торгово-экономических связях. В реальности с конца 1980-х – до начала 2010-х гг. успехи провинции в развитии отраслей экономики, ориентированных на сотрудничество с Россией, были более скромными. Приграничные города и уезды провинции, на которые в 2000-е гг. приходилось 80–90% всей торговли провинции с Россией, занимались в основном посреднической торговлей между восточными районами Китая и Россией. Преференциальные режимы на российско-китайской границе, созданные центральным и провинциальным правительствами в 1990-е гг., не оправдали возлагаемых на них ожиданий по привлечению капитала. Крайне ограниченными были успехи властей в развитии экспортоориентированных производств на территории провинции. Схожие проблемы наблюдалась и при реализации планов формирования промышленности, специализирующейся на глубокой переработке вывозимого из России сырья. Можно выделить две основных причины несоответствия дискурса хэйлунцзянской бюрократии объективной реальности. Во-первых, в условиях авторитарной политической системы власти провинции были вынуждены воспроизводить на местном уровне ту либеральную идеологию, которую проповедовало китайское руководство с началом политики реформ и открытости. Во-вторых, через преувеличение потенциала сотрудничества с российскими регионами хэйлунцзянская бюрократия пыталась повысить значимость подведомственной территории в рамках внешнеэкономической стратегии государства, чтобы вклиниться в процесс распределения центральным правительством преференций и экономического капитала в государстве. В данном случае дискурс выступал в качестве важнейшего средства формирования символического капитала, который в

дальнейшем мог быть трансформирован в материальные ресурсы или политические дивиденды в рамках бюрократического поля государства.

Источники

1. *Бурдье П.* Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
2. *Ларин В.Л.* В тени проснувшегося дракона: российско-китайские отношения на рубеже XX-XXI вв. Владивосток: Дальнаука, 2006. 424 с.
3. Безопасность и сотрудничество в зоне новых пограничных территорий России / Под ред. С.В. Голунова, Л.Б. Вардомского. М.: НОФМО, 2002. 572 с.

Ионова А.О.,
студентка МПГУ

АНАЛИЗ КИТАЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА ПРИМЕРЕ ИНТЕРВЬЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КНР СИ ЦЗИНЬПИНА ИНОСТРАННЫМ СМИ ПЕРЕД САММИТОМ БРИКС

Объект данного исследования – политический язык, предмет – политический язык КНР. Цель исследования – выявить некоторые особенности и закономерности китайского политического языка на примере анализа интервью Председателя КНР Си Цзиньпина, данного 19 марта 2013 г. корреспондентам из стран, входящих в БРИКС и агентству Синьхуа, перед государственным визитом в эти страны и участием в 5-й встрече лидеров стран БРИКС. Материал выбран с учетом того обстоятельства, что он является первым официальным интервью Си Цзиньпина в качестве руководителя китайского государства иностранным агентам. Контент-анализ интервью может быть полезен для прогнозирования внешней и внутренней политики Китая, понимания основных задач и вызовов, которые видит Си Цзиньпин перед своей страной.

В тезисах изложены предварительные результаты исследо-

вания интервью Си Цзиньпиня, полученные методом содержательного контент-анализа.

Для этого разработан словарь и дана оценка употреблению слов. Интервью Си Цзиньпина содержательно можно разделить на три блока: внешняя политика КНР; внутренняя политика КНР; рассказ о себе. Составленный для проведения контент-анализа словарь включает 7 наиболее часто встречающихся слов: развитие, сотрудничество, стратегия, мир, народ, реформы и открытость.

Основной акцент в китайском политическом языке делается на слове развитие. Из 73 раз 16 раз оно относилось к развитию отношений, 1 раз к развитию экономики. В тексте интервью 9 раз встретилось словосочетание *развивающаяся страна (развивающиеся страны)*. В этом проявляется специфика китайского политического языка, стремлению занижать своё положение и отражает традиционные представления китайцев о скромности.

В частоте употребления слова «*народ*» (40 раз) отражается коммунистическая риторика власти, проявляется одна из традиций китайского политического языка: заменять термин «государство» как нечто неодушевлённое на термин «народ». Частое употребление словосочетания *китайский народ* (12 раз) подчёркивает стремление китайцев к самобытности и желание вернуть господствующие позиции в регионе и мире. «Китайский народ» выступает в качестве термина, сплачивающего нацию.

Сотрудничество встретилось в интервью 38 раз. «*Сотрудничество*» часто сопровождалось такими определениями, как *двустороннее* (5 раз), *взаимовыгодное* (3 раза), *экономическое* (4 раза), *инновационное* (1 раз) и *стратегическое* (1 раз). Такое употребление слова показывает, с одной стороны, в каких именно сферах Китаю важно сотрудничество со странами БРИКС. С другой, желание привлечь новых инвесторов, расширить сферу экономического влияния.

Слово *мир* встречается в речи китайского политика 19 раз,

чаще всего в качестве устойчивого выражения «*мир во всём мире*» (5 раз). Это дает основание предположить, что «мягкой силе» и мирной дипломатической политике Си Цзиньпин уделяет большое внимание. Слово *стратегия* 9 раз из 15 использовалось по отношению к России. Си Цзиньпин подчёркивал «*стратегическую важность сотрудничества и партнёрства*» двух стран. *Стратегия* часто употреблялась в словосочетаниях «стратегическое сотрудничество и партнёрство» (6 раз), *стратегические отношения* (6 раз) и *стратегическое сотрудничество* (1 раз).

Во внутренней политике, как и прежде, преобладает словосочетание «*реформы и открытость*» (6 раз) Председатель КНР активно использует саундбайты: «Реформа и открытость – яркий знак и источник силы, энергии современного Китая»; «Для реформ и открытости существует только глагол настоящего времени. Здесь не может быть перфекта». Они дают чёткое определение внутриполитической стратегии: будет продолжен курс, начатый ранее, при этом в него постепенно будут вноситься всё новые и новые изменения.

Источники

1. *Афонасенко Е.* Особенности этнического самосознания современных китайцев/ Развитие личности, №4, 2004, с. 131-143
2. 习近平接受金砖国家媒体联合采访/ news.xinhuanet.com

Кожин П.М.,
д.и.н., ИДВ РАН

«КИТАЙСКАЯ СПЕЦИФИКА» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Документы XVIII съезда КПК в очередной раз подтвердили то значение, которое придает руководство КНР и КПК при выработке и проведении своего политического, социально-экономического и идеологического курса понятию и определению «китайская специфика». По сути, в современных текстах понятие *чжунго тэсэ шэхуэйчжуи*. означает «китайский осо-

бенный социализм». Оно имеет не просто историческое, но скорее историко-культурное и этнокультурное значение в Китае.

Обычно, в связи тем, что на первый план в «чужеземном» (*и*) учении выдвигается национальный элемент, такую ситуацию можно было бы ассоциировать с представлениями о национализме. Однако рассматривая ее в исторической ретроспективе, приходится признать, что такая трактовка является резким упрощением реальной историко-культурной ситуации.

Достаточно вспомнить, что седьмой афоризм второго маньчжурского императора Канси в его «Священном эдикте» (Шэнъюй, 1671) гласит: «Искореняйте чужеземные порядки (крайности), чтобы возвышать правильное (справедливое) учение» (*Чу и дуань и чуань чжэн сюэ*). А его сын, Юнчжэн, в комментарии к этому положению вполне в стиле китайской этнической традиции отмечает основополагающую роль *жу цзя* («конфуцианства») и «школ» буддизма и даосизма как ведущих религиозных объединяющих сил страны, восходящих к добродетелям далеких предков. Характерно, что, в принципе, такое отношение к духовному наследию древности устойчиво сохранялось в течение всего более чем двух тысячелетнего периода имперского прошлого. Но объяснение этой позиции восходит к еще более глубокой древности.

В последнюю книгу *Шуцзин* (Канон истории) включена глава *Люй ао* (Злобные псы из Люй) (по ранним европейским оглавлениям: книга V, глава 5). Она представлена лишь в одной изначальной версии *Шуцзина*. Б. Карлгрен не стал ее переводить. Однако, даже если она не аутентична, т.е. не была включена в первоначальный сборник документов (*Шаншу*), ни текстовые особенности, ни идеологические установки, не дают оснований для ее исключения из сводной версии данного источника.

Вот краткое содержание главы. После того, как Чжоуские ваны завоевали царство Инь западные «варвары» стали прино-

сить им дань. Так, из удела *Люй* прислали злобных собак. Чиновники попросили *вана* решить вопрос о том, как быть с такой данью. Ответ был серьезный, взвешенный, дипломатичный. Прежде правители выставляли дань на обозрение, гордились, раздавали по уделам мелким владетелям. Те, в свою очередь, ее распределяли среди подчиненных, соответственно их заслугам и своему желанию поощрить их к лучшему служению. Однако они не понимали, что от таких действий ослабевают добродетели (*дэ*), их собственные и одариваемых.

Для рассматриваемого здесь древнего периода *дэ* является не абстрактной формой *добродетели*, а составляющей определенного набора положительных качеств человеческого ума и характера, выражающихся в распорядительных и исполнительских возможностях определенной личности. В отношении **государства** и **олицетворяющего его высшего мудрого правителя** (*вана*), *дэ* – это уровень престижа, уважения, признания его справедливости, правомочности, праведности со стороны Неба как высшей властной силы.

Оказывается, чужие дары вообще, а такие *фамильярные* тем более, унижают получателя, его народ, и возвышают дарителя – данника в его собственных глазах.

Только равнодушие к чужому, стремление им пренебречь, повышают добродетели народа и *вана*. Позже формула переменилась: чужое принимали, признав его своим.

Источники

1. Китайско-русский словарь под редакцией проф. И.М. Ошанина. М., 1952.
2. От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. М., Изд. фирма «Восточная литература»,1998. 422 с.

Колпакова Т.В.,
к.филос.н., Забайкальский государственный университет

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КНР

В контексте коренных глобальных изменений условий существования и развития человечества, усиления динамизма социального и экономического развития отдельных государств, стремительного преобразования природной и социальной действительности вполне закономерным представляется устойчивый интерес к проблемам социального управления.

Для современного Китая вопрос эффективной теории и практики социального управления стоит особенно остро. За годы реформ в Китае произошли масштабные структурные и социальные изменения, которые создают серьезные вызовы развитию и стабильности китайского общества – резко возросла безработица в городах, увеличилась разница в доходах, усилилось неравенство, возрос масштаб миграции населения из деревни в города. Все это наносит серьезный удар по порядку в обществе, а также представляет вызов управлению обществом со стороны правительства.

Особенность социального управления в Китае состоит в том, что его основным субъектом выступает народ под руководством правительства и партии. При этом целью социального управления в Китае является его эффективность. Социальное управление призвано защищать коренные интересы самых широких народных масс посредством усовершенствования механизма защиты законных интересов народа, улучшения материальных условий жизни людей, а также посредством развития всех сфер жизнедеятельности. В то же время не менее значимым для социального управления является осуществление деятельности по координированию общественных отношений, смягчению социальных противоречий и конфликтов, сохранению социальной стабильности.

Несмотря на достаточно высокую эффективность меха-

низмов социального управления, которая позволяет сохранять стабильную обстановку в обществе, руководство КНР все большее внимание уделяет теории и практике инновационной модели социального управления. На современном этапе разработки теории инновационного социального управления китайские исследователи выделяют следующие ее характеристики:

– оценка рисков социальной стабильности, согласно которой темпы экономического развития, разработка и принятие политических стандартов, а также динамика реформ должны в полной мере соответствовать степени социальной терпимости;

– устранение институциональных барьеров на пути социальной интеграции и соблюдение принципов социальной справедливости;

– усиление управленческих функций в информационных сетях, что в свою очередь призвано повысить качество управления виртуальным обществом;

– усиление участия в социальном управлении негосударственных коммерческих и общественных организаций, что в свою очередь будет содействовать диверсификации и повышению качества социального управления;

– повышение эффективности профилактики и борьбы с преступностью, своевременное разрешение социальных конфликтов;

– создание надежной системы социального доверия и благоприятной психологической обстановки в обществе;

– усиление среднего класса как основы социальной гармонии и стабильности;

–ориентация на массы трудящихся, основательность и постоянство;

– создание такой структуры социального управления, в которой ядром будет всеобщая социальная справедливость. При этом основными моментами являются: во-первых, переход от «правительства, ориентированного на развитие» (*фачжаньсин чжэнфу*) к «правительству, ориентированному на социальное

обеспечение» (*фувусин чжэнфу*); во-вторых, переход от «большого правительства» (*да чжэнфу*) к «большому обществу» (*да шэхуэй*); в-третьих, переход от «справедливого правления» (*шань чжэн*) к «благому управлению» (*мэй чжи*).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что инновационная модель теории социального управления КНР в полной мере соответствует целям и задачам концепции построения «гармоничного общества», которые включают в себя достижение всеобщей социальной справедливости, решение социальных проблем, развитие информационных технологий.

Кондрашова Л.И.,
д.э.н., ИДВ РАН

КИТАЙ: ПЕРСПЕКТИВА СМЕНЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

1. Что не так с механизмом функционирования мировой экономики?

Поскольку Китай входит в число мировых лидеров по темпам экономического роста и его устойчивости, механизм, обеспечивший такой рост, стоит в целом оценить положительно. Но в то же время приходится признать, что этот беспрецедентный экономический подъем достался высокой ценой, сопровождался целой серией серьезных диспропорций, обернулся слишком высокой зависимостью от конъюнктуры мирового рынка. На данный момент мобилизационная модель экстенсивного экономического роста в основном себя исчерпала. Требуется ее значительная корректировка в плане подтягивания социальной и экологической составляющей, серьезных структурных преобразований. Значительная имущественная дифференциация, отставание доходов трудящихся от роста ВВП ограничивают величину совокупного спроса, что может стать тормозом дальнейшего экономического роста. Истощение природной среды при нехватке целого ряда природных ресурсов создают опасность чрезмерной зависимости Китая от импорта сырья и

топлива. Переход к новому технологическому укладу сопряжен с важными структурными перестройками в пользу инновационных отраслей и сферы услуг, с повышением качества рабочей силы. Необходимость политической реформы диктуется не столько требованиями демократизации общественной жизни, сколько возросшими интересами региональных элит. Опыт СССР учит тому, что сохранение территориальной целостности государства должно оставаться приоритетной задачей.

2. Что нужно сделать, чтобы улучшить ситуацию?

Улучшить ситуацию может только переход к новой экономической модели, которая должна сохранить преемственность рыночному курсу и обеспечить поддержание достаточно высоких темпов роста, но одновременно изменить приоритеты и ликвидировать возникшие диспропорции. Первоочередные задачи:

Переход на интенсивный путь развития с повышенным вниманием к эффективности производства и его ресурсоемкости.

Реструктуризация промышленности с акцентом на развитие отраслей, генерирующих интеллектуальную ренту, и на сокращение избыточных мощностей в базовых отраслях.

Изменение налоговой системы с целью снижения социальной дифференциации, увеличение налоговой нагрузки на богатых.

Повышение внутреннего спроса через рост доходов работников и расширение сферы образования и здравоохранения.

Ускорение урбанизации при соблюдении принципа «скоординированного развития города и деревни» и легализации городского статуса деревенских - мигрантов.

Укрепление государственного макрорегулирования экономики, борьба с «рыночным фундаментализмом», увеличение доли ВВП, распределяемой по нерыночным критериям.

Улучшение работы административного аппарата, борьба с коррупцией.

Активизация политической реформы с особым акцентом на демократизацию внутрипартийной деятельности, активиза-

цию профсоюзов и кооперативного движения.

Легитимизация земельных отношений при соблюдении интересов крестьянства во всех операциях с землей.

Повышение внимания к экологическим проблемам.

Ослабление зависимости экономики от внешнего фактора.

3. Какая философия может быть положена в основу экономической политики?

В основе китайской идеологии лежит теория китаизированного марксизма и концепция «социализма с китайской спецификой». Заложенный в реформу принцип многоукладной и рыночной экономики рассматривается китайскими философами как углубление и дополнение марксистской теории. В концепции «социализма с китайской спецификой» просматривается немалое сходство с ленинской политикой НЭПа. Зарубежные философы проводят параллели между «китаизированным марксизмом», с одной стороны, меркантилизмом, теорией «рыночного социализма» и «государственного капитализма», с другой. Существует трактовка китайских реалий как «гибрида», сочетающего в себе неолиберальный режим в рамках партократического государства.

Концепции «научного развития», «человек – основа», «гармоничного развития» хорошо вписываются в обоснование новой экономической модели и постепенно наполняются реальным содержанием – переход к новому информационному обществу, развитие человеческого потенциала, нацеленность на сбалансированное развитие. Важная роль отводится концепции общества «сяокан», которая выглядит альтернативой потребительского общества.

Формальная идеологическая жесткость сочетается в Китае с явной толерантностью в отношении разных философских взглядов. Этические начала, заложенные в теории социализма, перекликаются с установками традиционной китайской философии.

Избегая жестких философских дефиниций, китайская об-

щественная наука уделяет все большее внимание поискам модели, альтернативной и капиталистическому, и социалистическому. Китайское «гармоничное общество» может сыграть роль той «полезной утопии», которая не гарантирует успеха в обозримой перспективе, но настраивает на ограничение дисфункций современной экономики.

4. Каковы шансы на успех и как его достичь?

Переход к новой экономической модели не может пройти бесконфликтно, поскольку уже сформировались социальные слои, заинтересованные в сохранении «статус кво». При наличии огромных финансовых ресурсов их все же недостаточно для решения накопившихся социальных и экологических проблем. Трудно также рассчитывать на бесконечное сохранение благоприятной международной обстановки. Для продолжения успешного китайского «марафона» необходимо: сохранение авторитарного режима и государственного макрорегулирования, высокое качество и антикоррупционность элиты, поддержание рациональной занятости и повышение доходов населения.

Королёв А.Н.,
PhD, Отделение Востоковедения НИУ-ВШЭ

ОТЗЫВЧИВОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА КНР НА НУЖДЫ НАСЕЛЕНИЯ

Отзывчивость руководства страны на потребности граждан является одной из главных характеристик демократии. При этом отзывчивость в различной степени присуща практически всем типам политических режимов. То, как государство удовлетворяет нужды населения в области здравоохранения, образования, жилья, пенсионного обеспечения и других социальных нужд является одним из главных критериев оценки легитимности любого политического режима.

С конца 1990-х гг., как следствие падения дореформенной системы социальных гарантий, у большей части населения КНР резко возросла потребность в государственной социаль-

ной политике. Целесообразно выделить 4 критических сферы обострения нужд населения, а именно: 1) бедность в городах и деревнях, возникшая из-за выброса крупных контингентов рабочей силы из предприятий государственной и коллективной собственности; 2) недоступность базовых медицинских услуг для бедных слоев населения и возникновение феномена «бедность из-за болезни»; 3) старение населения и проблема пенсионного обеспечения; 4) рост стоимости и снижение доступности жилья. Анализ социальной политики, проводимой руководством КНР в этих областях, позволяет судить об отзывчивости китайского политического режима на нужды населения.

1) Бедность в городах и деревнях и введение системы минимального дохода

В 2001 г. руководство КНР запустило программы гарантий минимального дохода для городских и деревенских жителей. В период 2001–2011 гг. общее число жителей, покрываемых системой минимального дохода, возросло с 17 до 82 млн человек. В 2011 г. программой гарантии минимального дохода было затронуто 22 млн городских жителей и 60 млн жителей деревень. Данные меры позволили значительно облегчить социальные последствия реформирования предприятий.

2) Недоступность медицинских услуг и «новая реформа здравоохранения»

В ответ на недовольства стоимостью медицинских услуг и возникшую в 1990-е гг. проблему «бедность из-за болезни», когда вынужденные траты на медобслуживание приводили к обнищанию многих китайских семей, руководство КНР в 2002 г. начало реализацию амбициозной реформы здравоохранения, состоящей из базовой медицинской страховки для городских работников, новой кооперационной схемы медицинского страхования сельских жителей, системы страхования городских жителей и базовой схемы медицинского страхования трудовых мигрантов. В результате реформы удалось повысить страховое покрытие с 14,7% населения в 2001 г. до 96,5% населения в

2011 г.

3) Старение населения и пенсионная реформа

Изменения возрастной структуры населения в результате демографической политики сделали Китай стареющей страной. Остро встал вопрос пенсионной реформы для жителей городов и деревень. В период 2006–2010 гг. руководство КНР осуществляет целый ряд мер в области реформирования пенсионной системы. В 2010 г. вводится пенсия по старости для всех жителей, в результате чего количество получающих пенсию возросло с 300 млн человек. в 2009 г. до 610 млн человек в 2011 г.

4) Жилищный вопрос и социальное жилье

Начиная с 2006 г. руководство КНР начинает реализовывать программы жилищного обеспечения, согласно которым граждане со средними и низкими доходами, а также наиболее бедные группы, могут претендовать на программы приобретения доступного жилья, а также съема социального жилья по низкой цене. Согласно данным Министерства жилья, городского и сельского строительства КНР, в 2006 г. было введено 5 млн единиц социального жилья. Эту цифру планируется увеличить до 8 млн к 2015 г.

Несмотря на ограниченный характер механизмов процессуальной демократии в КНР, китайской руководство демонстрирует достаточно высокий уровень отзывчивости на базовые нужды населения, что позволяет предположить о существовании альтернативных мотивирующих механизмов.

Источники

1. National People's Congress, Ministry of Housing and Urban-Rural Development, Xinhua, Credit Suisse.
2. Wang, Shaoguang (2004). China's Health System: From Crisis to Opportunity. Yale-China Health Journal (3): 5-49.
3. Democracy: Chinese Style. Лекция в Институте Конфуция при Университете Аделаиды. Аделаида, Автстралия, 18 сентября 2012 г.

Лазарева Т.В.,
к.и.н., ИДВ РАН

ТИБЕТСКИЕ ШКОЛЫ КАК ФОРМА ПОДГОТОВКИ КАДРОВЫХ РАБОТНИКОВ ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ КИТАЯ

В целях повышения образовательного уровня тибетского населения в 1980-е гг. руководство ЦК приняло решение о создании национальных тибетских групп в учебных заведениях внутренних районов Китая. На протяжении 20 лет с 1985 г. в 20 провинциях и городах центрального подчинения страны стали открываться тибетские классы в средних школах и вузах.

В Китае насчитывается 33 учебных заведения, где открыты такие классы, среди которых 19 средних школ первой степени, 12 средних школ второй ступени и 2 средних педагогических учебных заведения. Число учащихся составляет более 20 тыс. человек. За время их существования было подготовлено более 14,3 тыс. кадровых работников, включая 3900 выпускников специализированных курсов при вузах. Благодаря такой форме обучения у учащихся появилась возможность поступить в вузы Китая, по окончании которых они, вернувшись в Тибет, должны пополнить отряд специалистов и кадровых работников.

Среди созданных школ особое место занимает Тибетская средняя школа в Пекине, открытие которой состоялось в 1987 г. Школа создавалась с целью подготовки грамотных многопрофильных научно-технических, преподавательских и административных кадров различных ступеней, лояльных политике китайского руководства. Школа подчиняется комитету КПК г. Пекина.

В школе 18 классов. Дети, зачисленные в нее, предварительно сдав вступительные экзамены, постоянно проживают на охраняемой и закрытой для посещения территории. Для учеников средней ступени предусмотрено бесплатное обучение, проживание, питание, обеспечение учебными пособиями и

канцтоварами. Ученики высшей ступени оплачивают обучение частично.

Дети, обучающиеся в ней, в основном выходцы из бедных сельскохозяйственных и скотоводческих районов Тибета. Посещение их родителями и поездка самих учеников на родину связаны с большими материальными затратами и практически не представляются возможными. Формирование личности и так называемое «семейное воспитание» полностью лежит на преподавательском составе. Как отмечается, все преподаватели очень доброжелательны, готовы в любую минуту прийти на помощь тибетским школьникам.

Помещения для проживания учеников оборудованы жизненно важными предметами обихода, которые, на наш взгляд, ограничивают мировоззрение учащихся и не позволяют им полностью раскрыть свои потребности и способности. Девиз школы «дух каждого ребенка как своего собственного», воспитание идеологических принципов сильно влияют на мировоззрение учащихся, которые воспитываются в духе преданных проводников курса партии и китайского руководства.

Школа оборудована по последнему слову техники. Преподавание ведется на высоком профессиональном уровне. Уровень школьного образования постоянно улучшается, что повышает процент поступления учеников в вузы страны. В школе имеется своя библиотека, специализированные классы: класс физической подготовки, химические и биологические лаборатории, компьютерные классы, лингафонные кабинеты и мультимедийные кабинеты и классы трудового обучения. Среди предметов, изучающихся в школе – китайский и тибетский языки, математика, физика, химия, английский язык, биология, художественное воспитание, этнография и др. День учащихся расписан по минутам.

Школу с 1991 по 2010 гг. окончили около 150 тыс. человек. Почти 3 тыс. тибетцев окончили колледж и вернулись для работы в Тибет. За время функционирования школа много-

кратно была удостоена различных почетных званий.

Данная форма первичной подготовки национальных кадров, включая будущих кадровых работников, в долгосрочной перспективе может оказать существенное воздействие на общую атмосферу в Китае, способствуя постепенному затуханию сепаратистских настроений, тем более в условиях высоких темпов социально-экономического развития ТАР.

Ли Цайхуа,
доктор права, Институт политологии и права Северо-восточного педагогического университета, КНР

НА ЧЕМ ОСНОВЫВАЕТСЯ НАША ВЕРА В «КИТАЙСКИЙ ПУТЬ»?

«Китайский путь» – это путь социализма с китайской спецификой, который является результатом долгой борьбы КПК и китайского народа. В докладе на XVIII съезде подчеркивалось, что этот «путь касается существа партии, будущего страны, судьбы нации и благополучия людей», а также прозвучал призыв к партии «всемерно и неуклонно укреплять веру в этот путь». На чем основывается наша вера в путь социализма с китайской спецификой?

1. На активном изучении перспектив развития человеческого общества

Вера в путь социализма с китайской спецификой опирается на марксизм, на разум, рациональность. Современный Китай смог обнаружить тип модернизации, отличный от капиталистической, и сумел превзойти капиталистический путь модернизации; Китай обладает своей, отличающейся от традиционной, моделью социалистического развития, и неуклонно следует по пути своего, специфического социализма.

2. На правильном понимании основных национальных особенностей современного Китая

Вера в путь социализма с китайской спецификой основывается на четком осознании основных особенностей современ-

ного Китая. До III пленума 11-го созыва КПК не осознавала подлинных особенностей Китая и потому смутно представляла проблемы, существовавшие на данной стадии развития социализма в Китае, в результате чего возникали серьезные недоработки и трудности. Однако после пленума партия, основываясь на глубоком понимании особенностей современного Китая, определила, что Китай находится и еще довольно долго будет находиться на начальной стадии социализма, решив тем самым проблему пути социализма с китайской спецификой. Лишь четко понимая специфику современного Китая, в частности, решив вопрос об его историческом месте и главном противоречии, можно добиться того, что неуклонная вера в путь социализма с китайской спецификой не будет, с одной стороны, самоуничижением, а с другой – самовозвеличиванием.

3. На научном осмыслении современного мира и эпохи

Современный мир – мир открытый, поэтому модернизация любой страны невозможна вне рамок нынешней эпохи и открытого мира.

В начале периода «реформ и открытости» партия отказалась от теории «вооруженной борьбы и революции». Дэн Сяопин первым оценил современную обстановку с научной точки зрения. По его мнению, в мире существует две основные проблемы: проблема мира и проблема Севера и Юга. Из них последняя является ключевой.

Последующие руководители КПК, твердо придерживающиеся идеи «мирного развития», отмечали, что, хотя в мире все еще неспокойно, международная обстановка продолжает смягчаться, все более явной делается тенденция к экономической глобализации, политической многополярности и культурному многообразию. Эти наблюдения подтверждают правильность пути социализма с китайской спецификой в современной обстановке рисков и возможностей и укрепляют веру и мужество идти дальше, избегая потерь и стремясь к выгоде.

4. На глубоком осмыслении накопленного опыта истории

социалистического строительства

Вера в путь социализма с китайской спецификой основывается на глубоком анализе исторического опыта предшествующих строителей социализма. После образования Нового Китая Мао Цзэдун, «взяв за образец Советский Союз», предпринял попытку «вторичного сочетания» общих законов марксизма со специфическими особенностями страны. Эта попытка привела к серьезным проблемам, и хотя она принесла немало полезных результатов, но и ошибок было совершено тоже немало. Формирование и развитие пути социализма с китайской спецификой дали важный исторический опыт, поэтому мы должны идти этим путем, нельзя с него сворачивать и возвращаться к прошлому, мертвому и тупиковому пути.

5. На успешной реализации развития реформ и открытости

Правильность идеи пути социализма с китайской спецификой, в конечном счете, коренится в его возможности способствовать развитию современного Китая. Китай от идеи «классовая борьба – ключевое звено» перешел к экономическому строительству и за 30 с лишним лет добился грандиозных успехов.

6. На стратегии прогнозирования, понимания и разрешения возникающих в процессе развития проблем

КПК всегда считала, что возникающие в процессе развития проблемы следует решать путем опоры на постоянное развитие и углубление реформ и что развитие общества осуществляется в непрерывном разрешении возникающих противоречий. XVIII съезд дал конструктивный ответ на нерешенные проблемы и ключевые вопросы в экономическом и социальном развитии и кадровом строительстве.

Перевод с китайского к.филос.н. А.Г. Алексаняна.

Линь Гуаньчунь,
докторант, Институт социологии
Фрайбургского университета, Германия

СОЦИАЛЬНАЯ ОБСТАНОВКА, НАСТРОЕНИЯ И ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ В ПЕРИОД УРБАНИЗАЦИИ МАТЕРИКОВОГО КИТАЯ

С момента проведения политики реформ и открытости в конце 1970-х годов, экономическая структура Китая совершила поворот от сельского хозяйства к тяжелой промышленности и современному бизнесу. Как следствие данного пути экономического развития и социальных преобразований, многие крупнейшие китайские мегаполисы приняли сегодня самый современный городской облик. Многие крупные города в восточной части Китая называют «китайским Манхеттеном», отражая в этом названии все великолепие китайской модернизации и урбанизации.

Однако в этих городах-гигантах можно увидеть не только величие человеческой мечты. В районах каждого мегаполиса – или на его дорогах – мы без труда можем наблюдать, как несколько миллионов человек ежедневно сталкиваются с множеством серьезных проблем. Таких, как дорожные пробки, плохие условия жизни, перенаселенность, а также сомнение и недоверие в отношении инфраструктуры и даже промышленных товаров – такова в действительности реальная повседневная жизнь людей в современных китайских городах.

Сорок лет назад правительство и народ Китая попытались «перейти реку вброд, постепенно нащупывая путь». Их достижения и результаты, полученные в ходе этих десятилетий, поразительны и поистине изумили весь мир. Но сегодня они подходят к стремительному потоку с 250 млн рабочих из сельских районов и бесчисленным «племенем муравьев». Какие социальные проблемы несет с собой урбанизация? Как люди оценивают текущие обстоятельства в том, что касается социаль-

ных вопросов, транспорта, жизненной ситуации, веры в свои (национальные) силы, отсутствия безопасности и определенности в повседневной жизни? Чем обусловлено каждодневное поведение людей – рациональным знанием или своими собственными соображениями?

Изучая литературу, посвященную преобразованию китайских городов, и анализируя микроблоги жителей китайских городов-гигантов, мы можем понять, что все эти проблемы являются не только побудительными мотивами повседневного поведения человека, но и порождениями социальной структуры. Очень многие городские жители в Китае чувствуют себя незащищенными в повседневной жизни, беспомощными перед лицом своей жизненной ситуации и неопределившимися в отношении своего собственного будущего. Тем не менее процесс централизации людей и ресурсов в крупнейших городах продолжается. Вследствие неизменяемой социальной структуры, а также сегодняшней реальности, созданных классом капиталистов, большинство людей может жить и реагировать, исходя только из своего «пренатального капитала» – точно в соответствии с наблюдениями и тезисами Бурдье.

В XXI в. человечество уже располагает самыми передовыми и прогрессивными знаниями и технологиями. Опираясь на эти знания, люди осознали, что чрезмерное развитие может оказаться неблагоприятным и даже губительным для них самих. Несмотря на это, (персональные) действия многих людей в Китае не всегда основаны на рациональном и логическом мышлении. Их повседневные поступки часто в большей степени обусловлены желаниями и надеждами других людей. Говоря точнее, сегодня большинство китайцев в действительности живут не в соответствии со своими собственными взглядами, но под влиянием желаний и убеждений других людей, владеющих большей частью капиталов и контролирующих социальное развитие.

Перевод с английского А.В. Курбатовой.

Ломанов А.В.,
д.и.н., ИДВ РАН

«КИТАЙСКАЯ МЕЧТА» И ПОЛИТИКА НОВОГО РУКОВОДСТВА

Лозунг «мечты о великом возрождении нации» появился в ноябре 2012 г. сразу после обновления партийного руководства на XVIII съезде КПК, в течение полугода он занял ведущее место в идейно-пропагандистской работе. Си Цзиньпин соединил содержание «китайской мечты» (*чжунго мэн*) с осуществлением двух «столетних целей», провозглашенных на XVIII съезде – к столетию создания КПК «завершить строительство общества малой зажиточности», в середине века к столетию образования КНР построить «богатое, сильное, демократическое, цивилизованное и гармоничное модернизированное социалистическое государство». Срок реализации первой цели (2021 г.) совпадает с завершением периода пребывания у власти нынешнего руководства. Это дает основания предполагать, что лозунг «китайской мечты» может сохранить ведущее положение в течение ближайшего десятилетия.

После XVIII съезда Си Цзиньпин неоднократно обращался к теме «китайской мечты». В ноябре 2012 г. он заявил, что «осуществление великого возрождения китайской нации – это величайшая мечта китайской нации начиная с нового времени». «Мечта» отражает чаяния нескольких поколений китайцев и способна служить основой для сплочения современного общества, ее реализация опирается на принципы коллективизма: «История говорит нам, что перспектива и судьба каждого человека тесно соединены с перспективой и судьбой государства и нации. Государству хорошо, нации хорошо, тогда и всем хорошо».

Более подробную трактовку «китайской мечты» Си Цзиньпин представил 17 марта 2013 г. на первом заседании ВСНП нового созыва вскоре после избрания на пост председателя КНР. Он перечислил три компонента «китайской мечты» –

сильное и богатое государство (*гоцзя фуцян*), национальный подъем (*миньцзу чжэнсин*), народное счастье (*жэньминь синфу*). Си Цзиньпин также назвал три условия, необходимые для осуществления «китайской мечты» – нужно двигаться по «китайскому пути» социализма с китайской спецификой, «развивать китайский дух», «сплотить силы Китая». Си Цзиньпин подчеркнул связь индивида и нации в целом: «Китайская мечта – это национальная мечта, это также мечта каждого китайца».

О международном значении «китайской мечты» Си Цзиньпин рассказал в выступлении в МГИМО 23 марта 2013 г. «Когда Китай становится развитым и сильным, это несет миру еще больше шансов, а не какую-то угрозу. Мы хотим осуществить китайскую мечту, которая принесет счастье не только китайскому народу, но и народам всех стран».

О «китайской мечте» было сказано и в выступлении Си Цзиньпина 4 мая 2013 г. на встрече с представителями молодежи, принимавшими участие в мероприятии КСМК под названием «Осуществление китайской мечты, молодежь смело берется за дело». Китайский лидер пояснил, что «китайская мечта» была провозглашена на основании духа XVIII съезда. Он также отметил, что новый лозунг уже занял заметное место в жизни общества: «Теперь все обсуждают китайскую мечту, все думают о том, как китайская мечта связана с ними, о своей ответственности за исполнение китайской мечты». В том же выступлении прозвучали три широкие характеристики «китайской мечты» – она принадлежит «прошлому, настоящему и будущему», «государству, нации и также каждому китайцу», «китайская мечта наша, но еще более она принадлежит молодому поколению».

В первой половине 2013 г. тема «мечты» заняла важное место в китайских СМИ, для молодежи была организована широкомасштабная учебно-пропагандистская кампания «Моя китайская мечта». На эту тему высказывались многие эксперты, они сопоставляли идейно-теоретические и культурные основы

«китайской мечты» с «мечтами» других стран, прослеживали историческую эволюцию «мечты» от трудных поисков направления развития Китая в новое время до выхода на путь социализма. Известный исследователь проблем современного Китая Ху Аньган опубликовал весной 2013 г. книгу «Китайский путь и китайская мечта», в которой заявил, что «китайская мечта» состоит в том, чтобы занять первое место в мире (*Чжунго мэнсян: шицзе ди и*).

Люй Шупэн,
д.н., доцент, Институт Административного управления при Нанкинском университете, КНР

«ИЕРАРХИЯ ДОВЕРИЯ» К ОРГАНАМ ВЛАСТИ В КНР

В целом ряде исследований китайских и зарубежных ученых отмечается, что доверие населения к органам исполнительной власти в КНР характеризуется признаком «иерархического соподчинения». Под этим подразумевается, что уровень доверия китайского населения к центральному правительству намного выше, чем к местным администрациям. В условиях «иерархии политического доверия», обычные люди, как правило, оценивают центральное правительство как открытое и выступающее на их стороне, в то же время считают, что местные администрации не выражают интересов народа и выступают против граждан. Профессор Китайского университета Гонконга Ли Лянцзян одним из первых четко поставил проблему иерархического соподчинения как признака доверия населения к институтам исполнительной власти в материковом Китае и проанализировал этот феномен. Ученый указал на два фактора: 1) влияние традиционной конфуцианской культуры; 2) конструирование в СМИ положительного имиджа центрального правительства и массированная пропаганда социальной направленности политики, проводимой центром. По мнению ученого, взаимозависимость доверия к центральному правительству и недоверия к местным администрациям, с одной сто-

роны, дает центру время и пространство для передышки, поскольку недоверие крестьян к местным органам власти не может немедленно перерасти в требование коренных политических преобразований. С другой стороны, данная модель отношений может привести к тому, что крестьяне от имени центрального правительства вступят в открытую конфронтацию с местными чиновниками.

Анализ первичных данных социологического исследования Научно-исследовательского центра Гонконгского университета науки и технологий, проведенного в 2008 г. в 73 уездах/районах Китая, показывает, что не во всех уездах/районах доверие населения к органам исполнительной власти характеризуется признаком «иерархического соподчинения». По сути, в каждом уезде/районе этот признак проявляется с большой долей отличия. Целью исследования ставилось подтвердить правильность вышеуказанного наблюдения, после чего сформулировать гипотезу о возможных причинах явления. На первом этапе анализа, на базе первичных социологических данных, была построена диаграмма с нормированной шкалой с минимальным и максимальным значениями от –100 до +100 (на горизонтальной оси отражены 73 уезда/района, на вертикальной оси – средние значения разницы уровня доверия к центральному и местному правительствам). Дополнительно был проведен однофакторный дисперсионный анализ (исследуемый фактор – уезд/район, доверительная вероятность – $P < 0{,}001$). Результатом первого этапа стали две оценки: 1) если рассматривать в среднем, «иерархическое соподчинение» является основным признаком социального доверия к власти, т.е. население абсолютного большинства уездов/районов оценивает свое доверие к центральному правительству выше доверия к местной администрации; 2) если рассматривать собственно «иерархическое соподчинение» доверия к власти, то между уездами/районами существуют значительные отличия.

Вторая оценка позволила выдвинуть научную проблему,

какой фактор обусловил столь существенные отличия между уездами/районами? Большинство территорий с низкой разницей значений уровней доверия к центральному и местному правительствам относятся к экономически развитым, большинство территорий с высокой разницей значений уровней доверия к центральному и местному правительствам – экономически отсталые регионы. Это позволяет предположить, что чем выше уровень экономического развития региона, тем ниже разница значений уровней социального доверия к центральному и местному правительствам, и наоборот.

С помощью методов математической статистики было получено первоначальное подтверждение наличия взаимосвязи между уровнем экономического развития и признаком «иерархического соподчинения» доверия к правительствам разного уровня. В дальнейшем предстоит решить следующие задачи. Во-первых, для более высокого уровня обобщения необходимо построить «иерархическую регрессионную модель». Во-вторых, путем логического подтверждения вышеуказанной взаимосвязи, проанализировать и другие факторы: политическая структура, экономическое развитие, политическая культура, политическое образование и политическая пропаганда, политическое сознание и политическая психология, опыт участия в политике.

Перевод с китайского Н.Ю. Демидо.

Переломов Л.С.,
д.и.н., ИДВ РАН

РОЛЬ КОНФУЦИАНСТВА В ИСТОРИИ КПК

В политической культуре Китая уже в период Чжаньго-Цинь-Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.) сформировалось две контрмодели взаимоотношения власти и народа: «народ для государства» (легистская) или «государство для народа» (конфуцианская).

Если анализировать проблему соучастия конфуцианства в

истории КПК, то сугубо условно можно выделить несколько этапов.

I. Воспитанный уже с восьми лет на конфуцианских канонах, пройдя полный традиционный курс обучения, Лю Шаоци, дабы сделать интерпретацию конфуцианских ценностей в теорию марксизма более доступной малограмотным (прежде всего крестьянам, воспитанным, как и он, на конфуцианских текстах), ориентировался в своих лекциях «О самовоспитании коммуниста» не на элитное, а на народное конфуцианство. В этих лекциях, прочитанных впервые в июле 1939 г., Лю Шаоци в основном строил теорию на конфуцианской концепции личности. Десятки, сотни тысяч китайских коммунистов воспитывались на образе цзюньцзы и концепции «гуманного правления» Мэн цзы. То была первая масштабная плодотворная попытка китаизации марксизма на теоретическом уровне. Почти через двадцать лет после учебника Лю Шаоци именно благодаря умелой инкорпорации народного конфуцианства в свои реформы Ли Куаню сумел за относительно короткий срок провести модернизацию Сингапура.

II. Второй этап – это временные события предшествующие большому скачку, коммуны, а затем вся «культурная революция», особенно кампания «критика Линь Бяо и Конфуция», когда была реализована вторая модель (народ для государства). Тогда «четверка» официально объявила, что именно легизм является теоретическим и историческим источником КПК. Второй этап нанес колоссальный урон не только всей интеллигенции КНР, но и извратил идеалы КПК.

III. Третий этап – благодаря «сяо кан» Дэн Сяопина, Китай вернулся в конфуцианский культурный регион, где Дэн сумел провести модернизацию страны.

В заключение своего исследования «Конфуций и конфуцианство с древности до настоящего времени (V в. до н.э. – XXI в.) автор тезисов писал: «История Китая XX–XXI вв. на примере жизнедеятельности двух соперничавших политических партий –

Гоминьдана и КПК наглядно продемонстрировала сколь значимо конфуцианство в судьбе нации, осмелившись на какой-то промежуток времени нарушить традиционный баланс интересов власти и народа, запечатленный в конфуцианских канонах, обе эти партии оказались в затруднительном положении.

В поисках выхода из кризиса их лидеры были вынуждены обратиться к истокам духовной и политической традиции нации. Если первые, потерпев поражение на материке, нашли спасение в модернизации «сяо кан», то вторые, одержав в 1949 г. победу, но не сумев обеспечить благосостояние народа, были также вынуждены реанимировать первую социальную утопию Конфуция. Решения VI пленума 16-го съезда КПК в 2006 г. наглядно демонстрируют, насколько влиятельна в памяти народа первая социальная утопия Конфуция, в ходе модернизации которой лидеры страны вынуждены были корректировать направления и суть реформ».

IV. Четвертый этап – соучастие конфуцианства в качестве «мягкой силы» в построении «социализма с китайской спецификой». Стремясь реализовать вторую модель «государство для народа», XVIII съезд КПК обратил особое внимание на реализацию Конституции КНР: «Никакая организация или отдельный человек не должны обладать привилегиями, выходящими за пределы Конституции и законов. Все действия, нарушающие Конституцию и законы, должны расследоваться». Именно на этом этапе была зафиксирована стратегия развития Китая, в которой было намечено завершить строительство общества «сяо кан» к 100-летию КПК.

В своей практической деятельности по руководству Китаем («государство для народа») Си Цзиньпин претворяет основную заповедь «Да сюэ» – о «породнении с народом». Он как бы завершает этап интеграции конфуцианства в китаезированный марксизм, начатый Лю Шаоци.

Источники

1. *Л.С. Переломов*. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в. н.э.). М., 2009. С. 593.

Перепелкин Ю.Ю.,
ИДВ РАН

НОВОЕ ПОКОЛЕНИЕ КИТАЙСКИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ: ПЕРВЫЙ ГОД У ВЛАСТИ

В ноябре 2013 г. новое поколение руководителей Китая будет отмечать первую годовщину своего пребывания на вершине партийно-государственной номенклатуры. Очевидно, что это событие привлечет самое пристальное внимание исследователей и комментаторов во всем мире.

Необходимо напомнить о том внутриполитическом фоне, на котором пришло к власти «пятое поколение» руководителей Китая. XVIII съезд КПК состоялся в период, когда необходимость смены модели макроэкономического развития Китая стала абсолютно очевидной. Предшествующие десятилетия бурного роста экономики, ориентированной на экспорт, вывели страну на 2-е место в мире по объему ВВП. Однако сейчас темпы этого роста замедляются, в то же время сопутствующие ускоренному развитию проблемы становятся все более острыми.

В отчетном докладе Ху Цзиньтао основными проблемами были названы:

– неравномерность, несбалансированность и неустойчивость развития;

– ограниченный потенциал научно-технической инновации;

– нерациональная структура производства;

– слабая база сельского хозяйства:

– дефицит ресурсов;

– ухудшение состояние окружающей среды;

– институционально-структурные преграды;

– различия в развитии города и села, отдельных регионов;

– диспропорции в распределении доходов;

– обострение социальных проблем (доступность образования, трудоустройство, социальное обеспечение, медобслуживание, обеспечение жильем, экологическая безопасность и т.д.).

В качестве стратегической задачи в докладе было обозначено требование к 2020 г. «путем эффективной трансформации модели экономического роста… поднять объем ВВП и среднедушевые доходы городского и сельского населения вдвое по сравнению с показателями 2010 г.».

Преодолевать обозначившиеся проблемы и решать поставленную задачу развития страны предстоит новому 5-му поколению руководителей КНР.

Подготовка XVIII съезда КПК проходила в условиях весьма напряженной социально-политической ситуации в стране. По уровню ВВП на душу населения вторая экономическая держава мира занимает место во второй сотне стран – по соседству с бедными государствами Африки и Центральной Америки. При этом за последние пять лет число легальных долларовых миллиардеров в Китае возросло в 2,5 раза. Растущие разрывы в доходах населения сопровождаются нарастающими социальными волнениями. Количество т.н. массовых чрезвычайных происшествий – забастовок, акций протеста и беспорядков – удвоилось по всей стране за период с 2006 по 2010 гг. и достигло уровня 180 тыс. в год. Причиной социальной напряженности являются также процессы реквизиции крестьянских земель для государственных нужд. Средний класс Китая все активнее участвует в акциях протеста экологического характера, пытаясь воспрепятствовать строительству новых потенциально опасных производств. Однако наиболее раздражающим фактором в современном китайском обществе выступает коррупция партийно-государственного аппарата, о чем немало говорилось на XVIII съезде КПК.

Растущая социальная напряженность в стране стала той основой, на которой в предсъездовский период активно развивалась т.н. «чунцинская модель» политики, связанная с именем Бо Силая. «Дело Бо Силая» стало центральным вопросом для руководства партии в предсъездовский период, что подтверждается, в частности, тем фактом, что решение о привлечении

Бо к уголовной ответственности и объявление даты открытия съезда были опубликованы в один и тот же день 28 сентября 2012 г. В итоге китайским руководством был взят курс на продолжение центристской политики: леворадикальная «чунцинская модель» была отброшена, а ее создатель Бо Силай должен стать примером того, что в борьбе с коррупцией партия не остановится и перед наказанием членов правящей элиты. С другой стороны, в состав нового Постоянного комитета ЦК не вошли приверженцы политических реформ праволиберального толка.

Среди нового руководства Китая нет сторонников резких изменений политического курса. Однако оно твердо нацелено на реализацию тех мер по эволюционному совершенствованию внутриполитической системы Китая, которые были намечены XVIII съездом КПК. В частности, речь шла о постепенном расширении площадок как для внутрипартийных дискуссийё так и для диалога партии с народом. В материалах съезда говорилось о «введении в опытном порядке режима годовых партсъездов на уровне поселков и волостей, углублении эксперимента по переходу на режим постоянного функционирования партийных съездов уездов, а также городов и районов уездного значения».

Объектом анализа и исследования являются:

– действия нового руководства страны по решению поставленных задач государственного развития;

– персональные и структурные изменения в системе партийно-государственного управления Китая;

– баланс сил внутри правящей элиты страны (взаимоотношения в тандеме Си Цзиньпин – Ли Кэцян, между группировками Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао).

Семенов А.А.,
аспирант ИДВ РАН

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И НГО В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Повышение жизненного уровня населения и развитие экономики способствует формированию в Китае новых социальных слоев, групп, страт общества, начинающих осознавать свои корпоративные интересы, соотносить их с существующими институтами власти, действующим законодательством, традициями и культурой. В силу развития в Китае элементов рыночной экономики, изменение политической и правовой обстановки неизбежно стимулирует формирование различных общественных и негосударственных организаций. В последние годы в китайском обществе появились признаки роста гражданского сознания. Идущая «снизу» инициативность общественных организаций может стимулировать социальный прогресс и процесс разработки правительственной политики.

Несмотря на то, что уровень самостоятельности, независимости и добровольности общественных организаций Китая в настоящее время в целом все еще довольно низок, тенденция развития общественных институтов уже обозначила направление своего развития.

Ряд китайских ученых-обществоведов и политологов полагают, что важная роль в преодолении негативных явлений, коренящихся в повседневной жизни общества, принадлежит именно общественным организациям. Такой прагматичный подход к гармонизации взаимоотношений между властью и обществом в значительной степени основывается на некоторых положениях теории Юргена Хабермаса об оздоровлении социального организма путем развития автономных и неполитизированных социальных организмов в современных государствах. С одной стороны, государство должно минимизировать свое участие в экономике и общественной жизни, сосредото-

чив усилия на продвижении вперед идеи модернизации. С другой – общественным акторам следует проникнуться ответственностью за проведение реформ, создание неправительственных организаций и возглавить процесс строительства гражданского общества «снизу».

Система негосударственных организаций, учреждений, ассоциаций, фондов, профессиональных и общественных объединений должна выполнять функцию обратной связи между субъектом и объектом государственного менеджмента, между теми, кто принимает решения, от которых зависит жизнь и благополучие большинства граждан, и этим большинством, тем самым корректируя экономическую политику в целях повышения ее социальной эффективности. При этом общественные организации могут оказывать влияние и на экономические процессы в целом как социальная система, и в частности – с помощью специфических организаций, непосредственно связанных с экономической жизнью общества (например, профсоюзов, профессиональных ассоциаций и т.п.). Исходя из этого, исследование становления негосударственных организаций в КНР, их влияние, в том числе на экономическую политику, приобретают особую значимость для постижения сути и изучения перспектив социального развития Китая.

В КНР появляются зачатки демократических процессов с китайской спецификой. Это может наложить как конструктивную, так и деструктивную роль на китайское общество, которое в исторической ретроспективе весьма чувствительно к подобным явлениям.

Ввиду произошедшего в КНР прихода к власти пятого поколения руководителей, можно ожидать реструктуризации по многим параметрам, которая, в том числе, может затронуть т.н. третий сектор и отразиться на общественных организациях и их роли в дальнейшем развитии.

Сергеева А.А.,
к.полит.н., ИСАА МГУ

РОЛЬ И МЕСТО ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ДИАСПОРЫ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА КНР

С приходом к власти пятого поколения китайских руководителей в политическом лексиконе все чаще можно встретить призыв к реализации «китайской мечты» – «великого возрождения китайской нации». В течение последних месяцев расшифровка данного термина продолжает вызывать горячее обсуждение как в Китае, так и за рубежом. Одним из составляющих термина «фусин» (возрождение) является «усиление чувства гордости и сцементированности китайского народа и китайской нации», а также «…реализация и индивидуальное развитие и процветание каждого китайца, где бы он ни находился». Председатель КНР Си Цзиньпин призывает к «реализации идеи сильной страны, национального подъема и народного счастья». Программные тексты выступлений высшего руководства КНР, являясь квинтэссенцией соответствующих направлений развития страны, помогут выявить усиление значения политики в отношении зарубежной китайской диаспоры. На данном этапе политика проводится по следующим основным направлениям. Это привлечение к делу модернизации страны: до сих пор около 60% зарубежных инвестиций приходится на китайских соотечественников за рубежом. Также зарубежные китайцы не остаются в стороне в рамках политики «выхода вовне» китайского капитала: оказывают поддержку в создании филиалов китайских компаний, формировании транснациональных корпораций. Продолжается усиление влияния Пекина на хуацяо хуажэнь с целью добиться их поддержки позиции КНР в отношении «мирного воссоединения страны» и использовать связи с ними в качестве своего рода «моста» в контактах между КНР и Тайванем. При НПКСК создана рабочая

группа, деятельностью которой стало установление контактов с Тайванем через зарубежных китайцев.

Продолжается эффективная реализация государственных программ по привлечению высокообразованных специалистов из-за рубежа, речь идет, прежде всего, о привлечении высококвалифицированных этнических китайцев. Количество хайгуй (возвращающихся китайских специалистов) год от года продолжает расти в рамках политики «поддерживать обучение за рубежом, поощрять возвращение на родину, свобода выезда и въезда». Можно утверждать, что Китаю удалось трансформировать тенденцию «утечки мозгов» сначала в более оптимистическую «циркуляцию мозгов» и, наконец, в «возвращение мозгов». Этому способствовала как активная политика и реальные меры, предпринятые для привлечения специалистов из-за рубежа, так и ухудшение обстановки для предпринимательства и открытия своего дела за рубежом в связи с всеобщим экономическим кризисом. По линии стимулирования выхода китайской культурной продукции на зарубежный рынок происходит наращивание потенциала диаспоры как проводника «мягкой силы» Китая и китайской культуры в широком смысле слова, включая историю, знания о современном Китае и китайский язык. Зарубежные китайцы называются «драгоценным источником» и призываются к воплощению «китайской мечты» взамен «американской».

Безусловно, подобная особенная лояльность исторической родине возникла не на одной только почве патриотизма, но, прежде всего, на волне того экономического подъема, который помог многим зарубежным китайцам преуспеть в принимающих странах, ставших для многих второй родиной. До тех пор, пока эта политика будет взаимовыгодна, КНР и диаспора продолжат тесное взаимодействие и сотрудничество, а роль и место данной политики во внешнеполитической стратегии КНР будет только повышаться.

Источники

1. «Жэньминь жибао», 08.03.2012.

2. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в национальном музее КНР, http://opinion.people.com.cn/n/2013/0401/c1003-20979482.html
3. Выступление председателя КНР Си Цзиньпина на закрытии 1-й сессии ВСНП 12-го созыва, http://russian.people.com.cn/95181/8213694.html
4. Доклад о работе правительства на 1-й сессии ВСНП 12-го созыва, http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2013-03/18/content_28281081.htm.

Сивинцева О.В.,
Пермский государственный национальный исследовательский университет

ИМПОРТИРОВАНИЕ РЫНОЧНЫХ МЕХАНИЗМОВ В ПРАКТИКУ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КИТАЯ

На сегодняшний день институциональные условия в Китае далеки от тех, которые способствовали внедрению рыночных механизмов в государственное управление в англо-саксонских странах. В результате иная институциональная среда порождает селективное импортирование рыночных элементов и наличие побочных эффектов, вызванных не вполне адекватными институциональными условиями. Заметным шагом вперед в сфере программно-целевого управления как одного из импортируемых механизмов явилась разработка институционализированной методологии по мониторингу и оценке достижения будущих планов, получившей название M&E (monitoring & evaluation), которая реализуется, начиная с 11-го пятилетнего плана КНР. Однако до сих пор наиболее серьезной проблемой остается обеспечение координации между различными государственными ведомствами, в особенности региональными правительствами, и отсутствие согласованности между действующим пятилетним планом стратегического развития и государственным бюджетом.

Одним из элементов концепции нового государственного менеджмента является передача части государственных полномочий автономным организациям. В Китае аналогом по-

следних являются полуправительственные обслуживающие организации. В ближайшем будущем не исключено длительное сотрудничество административных ведомств и общественных организаций с различными организационными формами и степенью автономии. В основном это обусловлено отсутствием нормативно-правовой базы, регулирующей статус обслуживающих организаций.

Далеко не последнее место в сокращении трансакционных издержек путем привлечения менее затратной рабочей силы и использования высокотехнологичного производства занимает механизм государственных закупок. В Китае действие этого механизма осложняется тем, что явное преимущество отдается подрядчикам, в роли которых выступают крупные государственные предприятия. Другая проблема связана с предоставлением значительных преференций внутренним поставщикам. Импортные товары могут быть закуплены, но только в исключительных случаях, когда их внутренний эквивалент на 20% дороже предоставляемого зарубежными компаниями.

Констатируем, что импортируемые элементы «нового государственного менеджмента» вполне могут быть использованы для оптимизации административного управления даже в иной институциональной среде, как это происходит в Китае. При этом каждый из элементов «китаизируется», наполняется неформальными институциональными практиками, характерными для принимающего государства и осложняющими получение запланированного эффекта. Однако основную цель, связанную, хотя и с ограниченным снижением государственной нагрузки, они выполняют.

Источники

1. Budget Law of the People's Republic of China – 1994 // http://www.lehmanlaw.com/resource-centre/laws-and-regulations/banking/budget-law-of-the-peoples-republic-of-china-1994.html.
2. *Kusek J., Rist R*. Ten Steps to a Results-Based Monitoring and Evaluation System. Washington, 2004. Report about Import Limitation in Government Procurement //

http://trade.ec.europa.eu/reports/908734.
3. *Tang S.Y., C. Wing-Hung Lo*. The Political Economy of Service Organization Reform in China: An Institutional Choice Analysis // Journal of Public Administration and Theory. November 4, 2008. P. 2.
4. The Government Procurement Law of the People's Republic of China. January 1, 2003 // http://www.gov.cn/english/laws/2005-10/08/content_75023.htm.
5. The Tendering And Bidding Law Of The People's Republic Of China. August 30, 1999 // http://www.chinabidding.org/law/860522.
6. *Wang M., Lin X*. China: Towards Results-Based Strategic Planning // Emerging Good Practice in Managing for Development Results. Washington. 2007. P. 21–35.
7. *Wang P., Zhang X*. Chinese Public Procurement Law: an introductory textbook. AsianLink, 2010.

Скрипкарь М.В.,
к.социол.н.,
Забайкальский государственный университет

«КИТАЙСКАЯ МЕЧТА» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Международный статус Китая в последние годы повышается, а сама страна становится одним из ведущих игроков на международной арене. В этих условиях на свет появилась «китайская мечта», в которой представители американской политической элиты тут же увидели конкурента «американской мечте», занимающей лидерскую позицию в большей части земного шара. «Американская мечта» довольно проста: квартира, машина, стабильная работа, счастливая семья, успех и благополучие, которые достижимы путем труда и стараний любого человека независимо от его происхождения. Какой же является «китайская мечта», становящаяся постепенно серьезной альтернативой «американской мечте», и чем она может быть более привлекательнее, чем последняя?

Согласно некоторым западным источникам китайская мечта – это квартира, машина, семья, стабильная работа и один ребенок мужского пола. Согласно официальной точке зрения, представленной китайским политическим истеблишментом,

китайская мечта воплощается в двух ипостасях. Первая включает самореализацию, вклад в гармоничное развитие всего общества. Эта мечта может быть воплощена в жизнь путем максимизации возможностей и условий, которые будут созданы для каждого китайца для достижения им достойных социальных статуса и роли, и может обеспечить свободное и полное развитие каждого человека, общества.

Китайскую мечту о гармоничном мире могут воплотить иностранцы, которые приезжают в Китай, в той же мере в какой ее могут воплотить уезжающие из КНР китайцы. Китайские лидеры неоднократно подчеркивали, что путь к китайской мечте долог и тернист, чтобы достигнуть общемировой гармонии нужно преодолеть множество препятствий. По словам профессора Пекинского университета Чжан Иу «мечту о всеобщей гармонии, о самореализации каждого человека не так легко реализовать, невозможно достигнуть китайской мечты не преодолев множество неудач и трудностей. Но в процессе борьбы и тяжелой работы, мечта дает сил для ее достижения. Особенность китайской мечты в том, что она дает оптимистичный и позитивный настрой, учить не бояться бросить вызов миру, помогает пережить трудные времена».

В китайских СМИ периодически появляется намек на то, что китайская мечта более древняя нежели мечта американская, только известность за пределами Китая она обрела лишь с повышением роли страны на мировой арене.

В декабре 2012 г. в газете «Жэньминь жибао» Чжоу Жэньцзе отметил: «Более 70 лет назад Фан Чжимэй в книге «Любимый Китай» предрекал: «У Китая обязательно будет прекрасный светлый путь, …к тому времени везде будут активно вводиться новшества, повсюду будет непрерывный прогресс, …унылые пустыри будут заменены солнечными садами!» Спустя более 70 лет «новшества» уже давно переросли мечтания павших героев, «непрерывный прогресс» восхищает весь мир. Сила «китайской мечты» наполнена мечтами каждого че-

ловека в Китае».

В своей второй ипостаси, китайская мечта состоит в достижении великого возрождения китайской нации. В ноябре 2012 г. генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин сказал: «Мы сейчас больше, чем когда-либо ближе к цели великого возрождения китайской нации, мы сейчас больше, чем когда-либо в истории, имеем возможности для достижения этой цели».

На протяжении столетий китайская нация переживала не лучшие времена. В речах китайских лидеров неоднократно звучало, что перед лицом тяжелых страданий население Китая никогда не переставало бороться, никогда не предавало мечту о возрождении, и это помогало легче сносить все трудности выпавшие на его долю. И, наконец, под руководством КПК был создан Новый Китай и началось возрождение китайской нации. Среди достижений китайской мечты называются военные и космические достижения, проведение Олимпийских игр, стремительный экономический рост. Для продолжения пути к китайской мечте правительство пропагандирует население усердно работать, надеяться на достижение сяокана.

Степанова Г.А.,
к.и.н., ИДВ РАН

СИСТЕМА МНОГОПАРТИЙНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНСУЛЬТАЦИЙ – ОСОБЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КНР

Начальным периодом складывания официального сотрудничества КПК с демократическими партиями является конец 1940-х гг., хотя они сотрудничали и в период антияпонской войны. По призыву ЦК КПК в 1948 г. деятели демократических партий принимали участие во всех подготовительных мероприятиях к созыву и проведению 1-й сессии НПКСК, состоявшейся в конце сентября 1949 г. Среди 662 участников этой сессии 44% были членами КПК, 30% – деятелями демократических партий.

В состав Центрального народного правительства и Всекитайского комитета НПКСК, избранных на 1-й сессии НПКСК, наряду с членами КПК вошли и деятели демократических партий.

В 1949–1950 гг. на всекитайских съездах демократических партий или на заседаниях их центральных комитетов были приняты решения о признании ими руководства со стороны КПК, а также о принятии Общей программы НПКСК в качестве своей политической программы.

Процесс складывания сотрудничества КПК и демократических партий в 1950-е гг. не был гладким с обеих сторон. На VIII съезде КПК в отношении демократических партий была принята установка на «длительное сосуществование и взаимный контроль».

Трудным периодом для осуществления сотрудничества КПК и демократических партий были 1957–1958 гг. и 1962 г. Еще более тяжелым периодом – «культурная революция», когда их деятельность была практически парализована. Хотя благодаря мерам, предпринятым Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, они были выведены из-под ударов хунвэйбинов, однако о сотрудничестве в тот период не было и речи.

Решающую роль в восстановлении деятельности демократических партий сыграл Дэн Сяопин, в выступлении которого в октябре 1979 г. говорилось, что демократические партии имеют длительную историю сотрудничества с КПК, являются «близкими друзьями партии», что «осуществление многопартийного сотрудничества под руководством КПК определено конкретными историческими условиями и реалиями нашей страны, это также особенность и преимущество политической системы нашей страны». На XII съезде КПК формулировка о «длительном сосуществовании и взаимном контроле» была дополнена словами: «искренний обмен мнениями, совместное переживание радостей и невзгод». В дальнейшем эта формулировка стала применяться во всех официальных документах.

В начале 1990 г. был опубликован документ «Мнения ЦК КПК об отстаивании и совершенствовании системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК», в котором официально закреплялись формы взаимодействия КПК и демократических партий, впервые система многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК была определена как «один из основных политических механизмов Китая».

Формулировка о системе многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК была включена в текст Конституции в 1993 г. и в проект Устава КПК на XIV съезде КПК в 1992 г.

Важным документом, еще раз подтвердившим позицию КПК в отношении демократических партий, стал документ под названием «Мнение ЦК КПК о дальнейшем усилении строительства системы многопартийного сотрудничества и политических консультаций под руководством КПК», опубликованный в 2005 г. Предпосылкой и гарантией многопартийного сотрудничества указывалось руководство КПК, говорилось о необходимости полностью развернуть роль демократических партий в политической жизни страны.

Многопартийное сотрудничество и политические консультации осуществляются в различных формах: политических консультаций КПК с демократическими партиями на высшем уровне в виде различных совещаний, совместных заседаний и встреч перед принятием важных решений государственного масштаба, перед принятием планов развития народного хозяйства, перед сессиями ВСНП и всекитайскими съездами КПК; политических консультаций в рамках ВК НПКСК; участия деятелей демократических партий в законодательных, правительственных и правоохранительных органах на различных уровнях – от государственного до низового.

Меры, принятые в КНР со времени начала проведения политики реформ и открытости в отношении демократических

партий, привели к значительному количественному росту этих организаций. Если в 1979 г. в рядах насчитывалось всего 65 тыс. человек, то в конце 2012 г. количество этих организаций достигло 894 тыс. человек.

Нет сомнений, что пройдя тяжелые периоды разлада и отчуждения, КПК в настоящее время проводит и в дальнейшем будет проводить курс на сотрудничество с демократическими партиями.

Сухомлинов В.А.,
ИДВ РАН

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Успешное проведение политики реформ и открытости в КНР в течение продолжительного периода времени повлекло за собой коренные изменения китайского общества и общественных отношений. Наряду с положительными эффектами от долговременного экономического развития КНР выявились и негативные моменты, такие как меркантилизация всех сфер китайского общества, усиление социального неравенства, отказ от традиционных китайских морально-этических ценностей и подмена их пришедшей с Запада системой ценностей – «общества потребления». В таких условиях обострилась исторически свойственная Китаю, как восточной деспотии, проблема высокого уровня коррумпированности управленческого аппарата.

В последние годы руководством КНР уделяется особое внимание борьбе с коррупцией во всех её проявлениях. Периодически проводятся кампании, направленные на борьбу с коррупцией, например, новый руководитель КНР Си Цзиньпин, как только возглавил КПК (осенью 2012 г.), инициировал антикоррупционную кампанию под девизом: «бить и тигров, и мух». В стране проведено большое количество «показательных» антикоррупционных процессов, показавших что в Китае

нет «неприкасаемых» коррупционеров. Борьба строится как в направлении реализации комплекса профилактических мер, направленных на выявление и пресечение причин и условий, способствующих появлению и/или развитию коррупции как социального явления, так и в форме уголовно-правового пресечения («войны») с такими острыми проявлениями коррупции как взятка, подкуп, откат, кумовство и др. Первое направление борьбы реализуется путём проведения единой в масштабах всей страны политики, включающей в себя, например, такие профилактические мероприятия, как постоянная ротация кадров, воспитание общества в духе нетерпимости к коррупционным явлениям, система ответственности руководителей за неоднократные выявления фактов коррупции в вверенных им учреждениях и др. Управление и координацию данного направления работы осуществляют в масштабах страны: Центральная комиссия ЦК КПК по проверке дисциплины (действует с 1978 г.), Министерство контроля и Государственное управление по предупреждению коррупции (создано в 2007 г.). Второе направление борьбы с коррупцией представляет собой ежедневную работу правоохранительных и судебных органов КНР, направленную на выявление, пресечение и расследование уже конкретных событий, квалифицируемых как коррупция в уголовно правовом смысле (как преступления).

В своем сообщении автор проанализирует как само понятие коррупции, введенное китайским законодателем в ст. 382 УК КНР, частные составы коррупционных преступлений, содержащихся в главах 8 и 9 Уголовного кодекса КНР; рассмотрит правоприменительную практику, обобщенную в разъяснениях ВНС и ВНП КНР по данной категории дел. Особое внимание будет уделено анализу и прогнозу направлений развития антикоррупционного законодательства КНР, как с учетом национальной специфики, так и с учетом унификации национального законодательства КНР с международными нормами, направленными на борьбу с коррупцией.

Трощинский П.В.,
к.ю.н., ИДВ РАН

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Современная правовая система КНР представляет собой уникальное в мировом правовом пространстве явление, воплотившее характерные для стран социализма правовые институты, особенности присущих древнекитайскому (традиционному) праву воззрений, а также некоторые нормы и принципы международного права. Через призму исследования китайского права синологической науке открываются скрытые внутренние механизмы, лежащие в основе беспрецедентных по масштабу и успешности государственно-политических и социально-экономических реформ, которые проводятся руководством страны с конца 1978 г. Осуществляемая в Китае модернизация с самого начала подкреплялась принятием целого ряда нормативных правовых актов, уникальность которых заключается в особом подходе китайского законодателя к разрешению насущных для общества проблем. Большинство принимаемых ВСНП и его Постоянным комитетом законов носит социально-экономический характер.

Принимая во внимание практическую работу китайского правотворца в сфере принятия законодательных актов за последние пять лет и разработанного властями плана правотворческой работы на ближайшие годы, можно определить несколько основных тенденций развития правовой системы КНР:

Усиление правовой регламентации социальной и экономической сфер страны, выражающееся в ежегодном принятии законодателем необходимых актов правотворчества для укрепления стабильности в обществе, повышения уровня жизни населения, социально-экономической защищенности гражданина. Так, китайским законодателем в 2008 г. был принят Закон КНР «О стимулировании экономического оборота» и внесены изменения в Закон КНР «О защите инвалидов», в 2009 г. принят

Закон КНР «Об арбитражном урегулировании хозяйственных споров по земельным подрядам в деревнях», в 2010 г. появился Закон КНР «О социальном страховании», в 2011 г. внесены серьезные поправки в Закон КНР «О личном подоходном налоге». В 2012 г. внесены изменения в Закон КНР «О трудовом договоре», Закон КНР «О защите прав и интересов пожилых людей». В плане пятилетней правотворческой работы на 2013–2017 гг. стоит принятие Закона КНР «О социальной помощи» и Закона КНР «О благотворительности».

Ужесточение мер юридической ответственности в природоохранительной сфере, повышение уровня правового сознания у китайских граждан и бизнеса, предусматривающее обязательное добровольно-инициативное соблюдение устанавливаемых государством экологических предписаний. Так, в 2008 г. были внесены поправки в Закон КНР «О предотвращении загрязнения воды», в 2009 г. принят уникальный Закон КНР «О безопасности пищевых продуктов», в 2010 г. изменен Закон КНР «О сохранении воды и земли», в 2012 г. внесены изменения в Закон КНР «О стимулировании чистых производств». В ближайшее время будет изменено содержание Закона КНР «Об охране окружающей среды», предполагающее повышение уровня контроля и ответственности в природоохранительной сфере, включение экологической работы в планы модернизационного строительства, дополнен Закон КНР «О возобновляемых источниках энергии».

Упорядочение административно-правовой сферы, предполагающее принятие новых законов, более подробно регламентирующих некоторые важные сферы жизнедеятельности китайского общества. Так, в 2011 появился Закон КНР «О порядке въезда в страну и выезда из страны», который после своего вступления в силу 01.07.2013 прекратит действие Закона КНР «О порядке въезда в страну и выезда из страны иностранных граждан» и Закона «О порядке въезда в страну и выезда из страны граждан КНР». В апреле 2013 г. ПК ВСНП принял За-

кон КНР «О туризме», положения которого прописывают порядок осуществления хозяйственной деятельности в туристической сфере, защищают интересы потребителя туристических услуг от недобросовестных гидов и операторов. В ближайшие годы будут внесены изменения в Закон КНР «О защите прав и интересов потребителей», в Закон КНР «О пересмотре административных действий», готовится к принятию Закон КНР «О безопасности специального оборудования».

Сказанное выше подтверждает решимость китайских властей к продолжению совершенствования нормативно-правовой базы для более успешного продвижения осуществляемых в стране реформ. Правовая система КНР будет развиваться в направлении повышения качества правовой регламентации существующих общественных отношений, усиления роли Права и Закона в жизни китайского общества.

Фомичева Е.Ф.,
ИДВ РАН

«КРУГЛЫЙ СНАРУЖИ, УГЛОВАТЫЙ ВНУТРИ». ОБРАЗ НОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА КНР ИЛИ «ОТКРЫТОСТЬ ВАМ К ЛИЦУ»

Китайская Народная Республика – государство, в основе которого лежат многовековые традиции политического лидерства. Это отражается на политическом имидже и поведенческих особенностях представителей всех поколений лидеров КПК. Однако имидж нового главы КНР даже внешне заметно отличается от имиджа его предшественников. Попробуем оценить, что лежит в основе новой для Китая манеры самопрезентации Си.

Во-первых, Си Цзиньпин – это не просто политик пятого поколения, это лидер нового для Китая типа. Процесс политической социализации Си отличался от того процесса, который прошли прежние лидеры КПК и китайского государства. Он родился уже в Новом Китае, после установления власти КПК,

начал свою партийную карьеру незадолго до начала проведения политики реформ и открытости. Его отец, Си Чжунсюнь, принадлежавший к первому поколению лидеров китайских коммунистов, названный Мао Цзэдуном «лидером, вышедшим из народа», после «культурной революции» активно занимался процессом либерализации экономики, занимая ряд высоких постов в Секретариате и Политбюро ЦК. Следовательно, у Си Цзиньпина в процессе его политической социализации могли сформироваться личностные качества, свойственные политикам с менее традиционным и более открытым политическим имиджем. Подобный образ, нетипичный для председателей КНР, может ассоциироваться с эпохой перемен. Но Си Цзиньпин все же является последователем определенных политических традиций и идет уже проторенной тропой. Его концепция «китайской мечты» не вызывает сомнений относительно плавного продвижения китайской политики по направлению, давно выверенному партийным руководством. Но само название, так напоминающее на слух «американскую мечту», уже привлекает внимание, делает ее вполне доступной для понимания простых людей. То есть данная концепция во многом специально используется для создания нового образа китайского лидера.

Отсюда следует **второй** вывод: имидж нового председателя является отчасти производным грамотной пиар-кампании. Доказательством этому служат приемы, которые применяются в китайских СМИ для популяризации образа Си, и тот факт, что «молва» о кардинально новом имидже Си Цзиньпина на Западе активно поддерживается в средствах массовой информации Поднебесной. Во время своего «демонстрационного визита» в США и Ирландию в 2012 г. Си Цзиньпин посетил матч NBA, успел побыть «трактористом», поиграть в футбол на общественной площадке. Это первый лидер КНР, который обладает собственным фан-клубом в просторах китайского интернета.

Однако анализ речей Си Цзиньпина и материалов СМИ,

рассказывающих в китайском интернете об особенностях нового председателя, позволяет сделать **еще один вывод**: в образе Си ощущается сильное влияние китайских традиций. У него, как и у предыдущих лидеров КНР, насыщенная традиционными китайскими идиомами речь. Фразеологизмы, используемые для описания личности нового председателя, также создают образ близкого к китайским традициям политического лидера. В китайских СМИ также появился термин относительно стиля принятия решения, свойственного новому председателю, который как нельзя лучше, характеризует и имидж нового лидера КНР – «waiyuan neifang», что в переводе означает «круглый снаружи, угловатый внутри». «Ноу-хау» в имидже Си Цзиньпина никоим образом не противоречат определённым чертам китайского политического менталитета, которые также прослеживаются в образе нового главы КНР.

Источники

1. Ни бу чжидао дэ Си Цзиньпин (Си Цзинпинь, которого вы не знаете)
http://news.163.com/12/1225/20/8JJLNV9300014AED.html
2. Си Цзиньпин «лянсян чжи люй» гэжэнь фэнгэ тусянь (Как проявились личные качества Си Цзиньпина во время его «демонстрационной поездки»). http://news.sina.com.cn/c/2012-02-23/055923977573.shtml
3. Шуньин шидай цяньцзинь чаолю цуцзинь шицзе хэпин фачжань (Вслед за тенденциями эпохи способствовать мирному развитию. Речь Си Цзиньпина в МГИМО). http://news.qq.com/a/20130324/000010.htm
4. *Егорова-Гантман Е.В*. Имидж лидера. – М.: Знание. 1994.
5. Profile: Xi Jinping. – Профиль : Си Цзиньпин.
http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-pacific-11551399.
6. Си Цзиньпин чжичжэн фэнгэ тэдянь «вайюань нэйфан», Особенности стиля управления Си Цзиньпина – «круглый снаружи, угловатый внутри» http://finance.ifeng.com/roll/20130503/7987676.shtml7.
7. Mystery of Xi Jinping's 'fan club' blogger, Загадка фан-клуба Си Цзиньпина http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-china-21363886.

Хуан Лифу, Лю Фань,
Институт Мировой истории АОН КНР

КОНЦЕПЦИЯ КИТАЙСКОЙ «НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ» В СРАВНЕНИИ С НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ РОССИИ

1. **Нужно ли Китаю совершенствовать национальную политику**

После создания нового Китая национальностям не было предоставлено право на самоопределение, и не была создана федерация национальных республик, однако была принята ленинская теория национальной автономии. В 1954 г. положение о национальных автономных районах было включено в Конституцию КНР. В 2011 г. заведующий Центром исследований обстановки в Китае Университета Цинхуа и АН КНР Ху Аньган, внештатный сотрудник вышеуказанного центра Ху Ляньхэ и профессор факультета социологии Пекинского университета Ма Жун выдвинули концепцию «Второго поколения национальной политики». По их мнению, прошедшие в январе и мае 2010 г. конференции по Тибету и Синьцзяну провозгласили курс «на знакомство, общение и слияние наций». Это ознаменовало переход от первого поколения национальной политики ко второму. Эта политика предлагает ослабление концепции 56 национальностей и усиление концепции самоидентификации китайской нации. Для усиления идентификации в области политики, экономики и культуры необходимо:

1. Равноправие перед законом, в том числе законом о планировании рождаемости;

2. Экономические обмены между народностями, смешанное проживание народностей;

3. Культурные реформы, распространение путунхуа, предотвращение религиозного экстремизма.

Это предложение вызвало огромный интерес в научных кругах.

В разное время были опубликованы статьи: «Ошибки теории практики национальной политики второго поколения», «Могут ли США быть примером решения национального вопроса в Китае?», «Какой опыт могут дать в национальном вопросе Китаю Бразилия и Индия». «Советская модель» в теории и на практике предполагает «деполитизацию», что также противоречит действительности.

Были и положительные отклики. Профессор Синьцзянского университета Пань Чжипин в статье «Китай может улучшить национальную политику» заметил: «Цель политики – дать возможность гражданину оторваться от своей нации, политика национальных льгот не может продолжаться вечно». Профессор Центрального университета национальностей У Чукэ отметил, что «Перенос советской модели национальной политики привел к отходу от первоначального замысла». Профессор Института социологии и этнографии Пекинского университета Ма Жун заявил, что следует придерживаться понятия «китайская нация», а 56 национальных меньшинств считать «этносами». Бывший член Постоянного совета Единого национального фронта Чжу Вэйцзюнь отметил: «Следует уважать различия и многообразие, но основным вектором национальной работы считать слияние наций, из удостоверения личности следует исключить графу «национальность».

Различие мнений можно свести к двум главным проблемам: следует ли деполитизировать проблему национальных отношений? Нужно ли улучшать ныне действующую политику, с тем, чтобы льготы способствовали усилению национального самосознания и самоидентификации?

В данной статье дана оценка национальной политике второго поколения и рассматривается упорядочение в России национальной политики советского периода.

2. **Упорядочение в России национальной политики советского периода**

Право наций на самоопределение предоставило юридиче-

скую основу для распада страны. Учтя ошибочный опыт СССР, новая Россия внесла в национальную политику важные изменения.

1. В Конституции 1993 г. подчеркивается, что Россия является суверенной, единой и целостной страной, субъекты федерации не имеют права выхода из России. В документах 1996 г. говорится о праве на «культурную автономию», автономия «деполитизирована».

2. Изменились акценты: права человека и гражданина ставятся выше национальных прав.

3. Используется западная терминология различения нации и этноса.

4. Усилена защита малочисленных народов севера.

3. **Сходства и различия китайской и российской национальной политики**

Сходства: в теории – четкое различие нации и этноса, подчеркивается деполитизация, усиление национальной самоидентификации. Различия: разные пути деполитизации. В России деполитизация осуществляется на основе Конституции и федерального устройства. Китайская автономия не предполагает самоопределения, для национального раскола нет юридической базы. Поэтому деполитизация осуществляется в практической плоскости в предоставлении равных политических, экономических и социальных прав. В основе китайской и российской национальной политики лежит ленинская теория национальной автономии, которая позволила достичь больших успехов в развитии и национальной самобытности. Последнее время в некоторых районах Китая появились силы раскола. Китаю необходимо усилить бдительность относительно внутренней и внешней угрозы, повысить чувство гражданской идентичности, для чего необходимо совершенствовать нынешнюю национальную политику.

Перевод с китайского Б.Я. Надточенко.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПУТИ КИТАЯ, РОССИИ И СТРАН АТР

Анисимцев Н.В.,
к.и.н., ИДВ РАН

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КНР НА ПОРОГЕ XVIII СЪЕЗДА КПК

Отчётный доклад XVIII съезду КПК, состоявшемуся в ноябре 2012 г., зафиксировал важный рубеж в развитии КНР: «Сложилась социалистическая правовая система с китайской спецификой, заметные результаты дало строительство правового социалистического государства», – говорится в докладе Ху Цзиньтао.

Подтверждением постоянного и глубокого внимания руководства КПК и КНР к данному аспекту государственного и общественного строительства служит и выпуск в последние годы Службой информации при Государственном Совете КНР двух «Белых книг», специально освещающих проблематику и достижения правового строительства в КНР за период «реформ и открытости», – «Правовое строительство в Китае» (август 2008 г.) и «Правовая система социализма с китайской спецификой» (октябрь 2011 г.), подытоживших результаты истёкших 30 лет развития.

Китай – страна континентальной правовой системы (хотя и прецеденты в ней постепенно набирают значение). По данным на август 2011 г., в КНР действует 240 законов (включая Конституцию), 706 административных указов, свыше 8600 местных правил.

Юридическая мысль КНР, освещая законодательное регулирование гражданских и экономических отношений в обществе, разделяет весь правовой массив в этой области на две (по меньшей мере) крупных правовых ветви. Во-первых, это «гражданское и коммерческое право» (*миньшан фалюй)*, и во-вторых, – «экономическое право» (*цзинцзи фалюй)*.

«Гражданское и коммерческое право» Китая регулирует личные и собственнические отношения граждан, юридических лиц, связанных отношениями взаимной независимости и равенства. На август 2011 г. в КНР уже было принято и введено 33 закона гражданского и коммерческого права.

В системе правовых инструментов регулирования гражданского общества и рыночной экономики важную роль исполняет так называемое «экономическое право». Этот набор законов посвящен регулированию экономических отношений, возникающих из практики государственного экономического управления, из вмешательства государства в экономическую жизнь. Они обеспечивают правовые механизмы и институциональные рамки, необходимые государству для макроконтроля за рыночной экономикой с целью предотвращения негативных последствий стихийных и слепых операций в рыночной экономике. На конец 2011 г. Китай сформулировал свыше 60 «экономических законов» и множество связанных с ними административных и региональных правил.

Как видно, «гражданское и коммерческое право» КНР и «экономическое право» являют собой два полюса правового регулирования личных и имущественных отношений участников гражданского общества. Будучи формально противоположностями, полюсами, они тем не менее в рамках единой политики государства и общества, целостной правовой системы обеспечивают богатство возможностей, путей гармоничного развития общества, взаимодействия и сотрудничества субъектов общественной жизни и экономической жизнедеятельности ради общего блага.

Сформированная ныне в КНР «Правовая система социализма с китайской спецификой» призвана быть отражением и инструментарием «социалистической рыночной» экономики и «гармоничного общества», обеспечивающих гражданам «средний уровень зажиточности», в совокупности с ними она образует фундамент «социализма с китайской спецификой». Идео-

логически «социализм с китайской спецификой» развивается в русле основной идейной традиции марксистского и ленинского учения – идей и практического опыта многоукладности общественной формации, при которой параллельно и долгосрочно развиваются государственно-плановый и предпринимательско-рыночный уклады. Сосуществование таких укладов рассматривается как долговременная историческая данность, имеющая объективную природу, в том числе абстрактно-рациональную, надысторическую детерминированность. Подобные идейные подходы и закреплены в правовой системе СКС, где они выступают в оболочке сложного баланса частно-правовых и публично-правовых институтов и норм.

Бармин В.А.,
д.и.н., Алтайская государственная педагогическая академия

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КИТАЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1940-Х ГОДОВ

После вступления в декабре 1941 г. в войну против Японии руководство США существенно изменило своё отношение к вопросу предоставления помощи Китаю. Теперь сюда стали направляться крупные партии оружия, расходуемых материалов и медикаментов.

С этого же времени стал более заметным интерес американцев к экономике Китая и, в частности, к перспективам установления своей экономической и политической доминанты в северо-западных провинциях страны. Это обстоятельство начало серьёзно беспокоить советское руководство, которое имело свои планы относительно экономического сотрудничества с Китаем. При этом отдельный интерес у советской стороны также вызывали северо-западные провинции Ганьсу и Синьцзян, где были разведаны крупные запасы природных, в том числе, редкоземельных ископаемых.

Поступающие из посольства СССР в Китае и от действующей в этой стране агентуры сведения свидетельствовали об обоснованности возникшего у советского руководства беспокойства. Так, по информации посольства от 7 декабря 1942 г., «…в беседе с сотрудником посольства СССР второй секретарь американского посольства Оливер Эдмунд Клабб заявил, что американские промышленники уделяют большое внимание послевоенному строительству Синьцзяна».

Относительно проникновения американцев в Ганьсу сотрудник советского посольства Константинов сообщал: «В разных учреждениях провинции Ганьсу имеется свыше 100 работников, получивших образование в Америке. Это значительно облегчает американцам возможность проникать в толщу политической и экономической жизни Северо-Запада».

О работе американцев по проникновению в северо-западные районы Китая постоянно информировал Москву посол СССР в Китае А.С. Панюшкин. В декабре 1942 г. он сообщал: «Обстановка в Китае в целом характеризуется активным проникновением США с целью усиления своего влияния на Китай… Намерения американцев открыть консульства в Ланьчжоу, Урумчи и Кульдже, а также неоднократные поездки работников американского посольства… и других специалистов в Ганьсу, Синьцзян и другие северо-западные провинции Китая, говорят о том, что правительство США… преследует цель дальнейшего проникновения и усиления своего влияния на северо-западе Китая, способствуя тем самым Центральному правительству Китая в деле ослабления нашего влияния на Северо-Западе и выталкивания нас из Синьцзяна».

В апреле 1943 г. США открыли консульство в Урумчи. Консулом в Синьцзян был назначен уже упоминавшийся выше Оливер Эдмунд Клабб. Вслед за этим американцы начали строительство ряда военных объектов в районах: Хами, Урумчи, Кульджи, Кэши. О серьёзном отношении руководства США к северо-западным регионам Китая говорит тот факт, что в

июне 1944 г. в провинции пролётом из Москвы в Чунцин на два дня останавливался для ознакомления с ситуацией вице-президент США Г. Уоллес.

Отмечая явные успехи американской дипломатии в Китае и пытаясь объяснить очевидные неудачи советских дипломатических работников, первый секретарь посольства СССР в Китае А. Петров сообщал в Москву: «Успехам американцев в смысле усиления своих позиций в Китае способствовала и способствует проамериканская ориентация руководителей китайского правительства, в первую очередь, Чан Кайши и Сун Цзывэня, назначенного на пост министра иностранных дел главным образом из-за его близости к влиятельным кругам США».

Однако, как показали дальнейшие события, успехи США в вопросах усиления своего экономического и политического влияния в Китае, в том числе и в северо-западных провинциях, оказались кратковременными. Победа и приход к власти в 1949 г. Коммунистической партии Китая сняли с повестки дня вопрос о каком-либо влиянии США в этой стране.

Источники

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. Референтура по Китаю; Ф. Литвинова.
2. Документы внешней политики СССР. 1942. Т. XXV. В 2-х кн. Кн. 2 . (Июль-декабрь). Тула, 2010. С. 277.

Борох О.Н.,
к.э.н., ИДВ РАН

«КИТАЙСКАЯ МЕЧТА» 1933 г.: ОБРАЗ БУДУЩЕГО НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ДУНФАН ЦЗАЧЖИ»

Сформулированный Си Цзиньпином лозунг «китайской мечты» о «великом возрождении нации» занял в 2013 г. ведущее место в информационном пространстве КНР. Однако эта тема волновала китайскую интеллигенцию и в прошлом. 80 лет назад в январе 1933 г. влиятельный шанхайский журнал «Дун-

фан цзачжи» опубликовал тематическую подборку материалов на тему «Новогодние мечты» (*Синь нянь дэ мэнсян*). Подготовка номера началась в ноябре 1932 г., когда редакция обратилась к известным представителям различных социальных кругов с просьбой ответить на вопросы: «Каким вы представляете будущий Китай в своих мечтах? Какие у вас мечты в личной жизни?»

На 400 разосланных писем было получено 160 ответов, напечатаны были 142. В опросе приняли участие профессора ведущих учебных заведений, писатели, сотрудники газет и издательств, предприниматели и банкиры. Более половины ответов (78) поступили из Шанхая, 17 - из Нанкина, 12 – из Пекина. 107 ответивших относились к интеллигенции. О своих мечтах рассказали Ба Цзинь, Мао Дунь, Чжэн Чжэньдо, Чжан Шэньфу, Чэнь Ханьшэн, Чжан Цзюньмай, Му Оучу, Тао Мэнхэ, У Юйгань, Гу Цзеган, Чжан Найци, Ма Сянбо, Линь Юйтан и др.

Многие ответы осветили мечту о достойном месте Китая в новом мире без наций и границ, о наступлении эпохи «великого единения» (*датун*), истолкованной в духе официальной гоминьдановской доктрины «трех народных принципов». Идеальный образ «великой и счастливой страны» нередко перерастал в утопические рассуждения о будущем мире свободы и равенства, где не будет денег, семьи, тюрем и религии. Некоторые авторы представляли себе общество, построенное по образцу кооператива или акционерной компании, где акционером будет каждый совершеннолетний член общества.

Другие участники опирались на концепцию научного социализма марксистского образца, мечтая об обществе без классов, угнетения и частной собственности, о «новом социалистическом Китае» и «федеративном социалистическом государстве». Экономист Чэнь Ханьшэн заявил, что мечтает о независимости и о прекращении порабощения Китая империалистами. Участвовавший в создании КПК философ Чжан Шэньфу из Университета Цинхуа хотел видеть Китай, где будут осущест-

влены «идеал гуманности Конфуция, идеал научности Рассела и идеал коммунизма Ленина».

Некоторые авторы говорили о том, что впереди у Китая много жертв и страданий, а путь в будущее пролегает через революцию. Участники опроса предрекали повторение в Китае «российской драмы октября 1917 г.», они думали о «молодом Китае», которому предстоит пройти через великое разрушение и великое строительство, способные превзойти по своему масштабу события в Советской России.

Католический мыслитель Ма Сянбо (тогда ему было 94 года) мечтал о том, чтобы Китай стал демократическим правовым государством, где не было бы ни однопартийной диктатуры советского образца, ни смены двух партий, как в Америке. Писатель Ба Цзинь заявил, что «у Китая нет будущего», поделившись мечтой жить в условиях творческой свободы. Серьезные размышления перемежались краткими ответами людей, избегавших высоких рассуждений и мечтавших об улучшении бытовых условий.

Посвященная «китайской мечте» редакционная статья «Жэньминь жибао» (1 апреля 2013 г.) упомянула об опыте «Дунфан цзачжи»: «Конечно, в такую эпоху, когда государство потеряло уважение, нация подвергалась унижению, как человек мог решиться говорить о мечтах?» Можно согласиться с тем, что массовый характер участия в «конкурсах мечты», проводимых ныне китайскими СМИ, указывает на огромный прогресс китайского общества. Однако это не лишает ценности публикацию «Дунфан цзачжи», ставшую уникальным материалом по истории китайской мысли республиканского периода.

Источники

1. Жэнь Чжунпин. Чжуцзю миньцзу фусин дэ «Чжунго мэн» (Построенная на возрождении нации «китайская мечта») // Жэньминь жибао. 01.04.2013 г.

2. Синь нянь дэ мэнсян. 1933 (Новогодние мечты. 1933) // Дунфан цзачжи. 1933. № 1. Т. 33. С.1-83.

Верченко А.Л.,
ИДВ РАН

ПОЛОЖЕНИЕ ПО ОБЕ СТОРОНЫ ТАЙВАНЬСКОГО ПРОЛИВА И РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДЕСЯТИЛЕТИЕ ХУ ЦЗИНЬТАО

Ху Цзиньтао получил от представителя предыдущего поколения китайских руководителей Цзян Цзэминя сформулированные в «Восьми пунктах» основные направления политики в отношении Тайваня, ориентированной на скорейшее завершение объединения Китая, которое отвечает интересам мира и стабильности в АТР и в мире. В связи с 30-летием «Обращения к тайваньским соотечественникам», Ху Цзиньтао накануне нового 2009 г. изложил свои «Шесть предложений» по Тайваню, которые явились последовательным продолжением прежней линии КПК: твердое отстаивание принципа «одного Китая»; развитие экономических связей в интересах общего развития; укрепление духовной общности на основе китайской культуры; расширение народных контактов; защита государственного суверенитета; прекращение враждебности, достижение мирного соглашения. Эти принципы легли в основу линии китайского руководства в отношении Тайваня. После возвращения Сянгана и Аомэня «в лоно родины» осталось вернуть лишь Тайвань, чтобы завершить процесс консолидации китайской нации. Позиция Ху Цзиньтао, как и всех других лидеров КНР, в этом вопросе тверда и непоколебима.

Россия признает правительство КНР единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань – неотъемлемой частью территории Китая. Эта позиция была обозначена во время первого визита Ху Цзиньтао в Москву в мае 2003 г. и подтверждена во время последующих встреч на высшем уровне.

Главной проблемой остается вопрос суверенитета. Обе стороны Тайваньского пролива признают себя тем самым «од-

ним Китаем», в котором должны объединиться материк и остров. Таким образом, на данном этапе политические переговоры не представляются реально возможными и вопрос о каких-либо политических договоренностях и мирном договоре не стоит в повестке дня.

Руководство КПК негативно воспринимает риторику о независимости Тайваня. В ответ на заявления бывшего президента Тайваня Чэнь Шуйбяня о том, что по обе стороны Тайваньского пролива существуют отдельные государства, и его попытку провести референдум о независимости Тайваня, был принят в марте 2005 г. Закон КНР «О противодействии действиям по расколу страны», предусматривающий использование силовых методов. Россия проявила в тот момент солидарность с Китаем, однако отметила безусловный приоритет мирных методов «объединения родины». На XVII и XVIII съездах КПК Ху Цзиньтао выступил с требованием противодействовать попыткам провозгласить «независимость Тайваня», в то же время содействовать мирному развитию отношений двух берегов, которые значительно активизировались при Ху Цзиньтао.

В 2005 г. состоялась первая после образовании КНР встреча председателя ЦК КПК Ху Цзиньтао с делегацией ГМД во главе с Лянь Чжанем, закончившаяся подписанием документа «Общие намерения по мирному развитию берегов Тайваньского пролива». На первой встрече председателей КПК и ГМД в 2008 г. Ху Цзиньтао и У Босюна была выражена надежда на установление доверия, поиск общего при сохранении различий, решение проблем мирными методами. Историки и политологи заговорили о «третьем едином фронте» КПК и ГМД.

После возвращения ГМД к власти в 2008 г. контакты материка с Тайванем оживились по многим направлениям. В июне того же года возобновились переговоры между Ассоциацией по развитию отношений между двумя берегами Тайваньского пролива и Тайваньским фондом обменов через пролив, прерванные до этого на 9 лет. Подписано 15 соглашений, касаю-

щихся почтового, грузового, авиационного сообщения, туристических обменов, сотрудничества в области образования, банковского дела, защиты прав интеллектуальной собственности и т.д. В 2010 г. было подписано «Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между двумя берегами Тайваньского пролива» (ECFA).

Реальные шаги по развитию отношений между континентом и островом в последнее десятилетие свидетельствуют об активном использовании китайским руководством «мягкой силы», обеспечившей прорыв в торгово-экономических и гуманитарных связях при сохранении твердой позиции по принципиальным вопросам.

Герасимова Т.Г.,
ИДВ РАН

ИЗУЧЕНИЕ В СССР И РОССИИ ПЕРСОНАЛИЙ ВИДНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ИСТОРИИ КПК 1920-Х ГОДОВ

Сегодня в мировой синологии уделяется большое внимание изучению деятельности выдающихся личностей в истории Китая. В рамках актуальности темы интересны исследования историков-китаеведов СССР и России, освещающие роль политических деятелей в истории КПК 1920-х годов.

В жизни каждой страны бывают периоды великого духовного пробуждения, колоссальной интенсификации политической жизни, подъема революционной борьбы. Именно таким периодом было в Китае первое десятилетие новейшей истории – время предреволюционного подъема (1919–1924 гг.) и революции (1925–1927 гг.) Оно породило целую плеяду выдающихся деятелей, аккумулировавших лучшие качества своего народа.

Изучение темы персоналий в истории КПК российскими учеными началось с 1960-х годов. Самыми первыми стали советские ***исследования трансформации марксистских идей Ли Дачжао и Чэнь Дусю***. Напр.: Ветров Б.В. Начало распро-

странения марксизма в Шанхае (1917–1920 гг.) // Научный журнал Харьковского государственного университета. 1962, № 128; Асланова М.А. Журнал «Новая молодёжь» и его роль в идейно-политическом развитии китайского общества (1915–1921 гг.) (М., 1970); Шевелёв К.В. Формирование классовых взглядов и взглядов на диктатуру пролетариата у Ли Дачжао (1918 – начало 1920 гг.) (М., 1972); Кривцов В.А., Краснова В.А. Ли Дачжао – от революционной демократии к марксизму-ленинизму (М., 1978); Сенин Н.Г. Собрание сочинений Ли Дачжао (М., 1989) и др.

К 100-летию Ли Дачжао вышла статья Н.Г. Сенина «Борец, мыслитель, гуманист» (ПДВ. 1989. № 6). Огромная теоретическая, преподавательская и пропагандистская работа, которую Ли Дачжао вел в цитадели китайского милитаризма, была направлена к одной главной цели – подготовке кадров для будущей коммунистической партии. Он был зачинатель коммунистического движения в Китае. Вместе с другими коммунистами был исключен из Гоминьдана. Ли Дачжао оставил в качестве политического наследия веру в необходимость союза и дружбы с народом СССР.

Политическая деятельность Ли Дачжао и первых китайских коммунистов, в частности Чэнь Дусю – основателя и первого генерального секретаря КПК, изучалась известным синологом *Ю.М. Гарушянцем*. Напр.: «Борьба китайских марксистов за создание Коммунистической партии Китая: к 40-летию I съезда КПК» (Народы Азии и Африки. 1961. № 3); «Глашатай большевизма в Китае: к 80-летию Ли Да-чжао» (Известия. 1968); «Чэнь Дусю: от реформаторства к революции» (XVII науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 1986) и др. В его работе «Идейно-политическая эволюция взглядов Чэнь Дусю (1927–1942 гг.)» (Вест. Моск. ун-та. Сер. 13. 2004. № 3) рассматривались вопросы изучения творческого наследия Чэнь Дусю.

Советские историки всесторонне исследовали также ***жизнь и деятельность Цюй Цюбо***. Напр., брошюра М.Е. Шнейдера

«Цюй Цюбо – революционер, писатель, боец» (М., 1960). Видный руководитель КПК, отдавший жизнь за революцию, он же талантливый публицист, переводчик на английский язык русской классической и советской литературы, оставил богатое литературное наследие. Его взгляды формировались под влиянием одного из первых китайских марксистов – Ли Дачжао. Мысль об укреплении советско-китайской дружбы красной нитью проходит через всю его многогранную деятельность.

Цюй Цюбо посвящены и другие исследования советских китаеведов: Ковалёв Е.Ф. Коммунист-интернационалист Цюй Цюбо (Проблемы Дальнего Востока. 1974. № 2); Петров В.В. Лу Синь и Цюй Цюбо (ПДВ. 1975. № 4); Шпринцин А.Г. Цюй Цюбо и китайское алфавитное письмо (ПДВ. 1979. № 4); Шевелёв К.В. К 50-летию гибели Цюй Цюбо (ПДВ. 1985. № 4).

С середины 1960-х – до первой половины 1980-х годов советские историки исследовали жизнь и революционную деятельность более 20 других известных людей, игравших важную роль в истории КПК. Среди ярких политических деятелей – ***Чжан Тайлэй, Дэн Чжунся, Су Чжаочжэн, Цай Хэсэнь, Пэн Бай, Фан Чжиминь, Пэн Дэхуай, Линь Боцюй***. По теме опубликовано около 100 работ. Напр.: Юрьев М.Ф. Пламенный интернационалист, вождь Кантонской коммуны (к 80-летию со дня рождения Чжан Тайлэя) (ПДВ. 1978. № 3); Титов А.С. Су Чжаочжэн – талантливый вождь китайских рабочих (ПДВ. 1979. № 4); Акатова Т.Н. Дэн Чжунся – видный деятель китайского рабочего движения (ПДВ. 1982. № 3). В исследовании Т.Н. Акатовой Дэн Чжунся характеризуется как деятель нового типа в Китае, воспринявший новые идеи того времени. Его гибель в годы белого террора Гоминьдана была невосполнимой потерей для КПК.

Тема персоналий видных деятелей истории КПК 1920-х годов, детально разработанная в бывшем СССР и России, актуальна и сегодня для выработки современных характеристик новейшей истории Китая. Эта область таит большие возмож-

ности в плане комплексного подхода к изучению российскими, китайскими и западными историографами образа Китая на основе ярких страниц жизни отдельных исторических личностей, чей путь неотделим от судеб Китая, судеб китайской революции и современной истории страны.

Горбачев Б.Н.,
д.и.н., Академия военных наук

К ВОПРОСУ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПОСОЛЬСКОГО КОМПЛЕКСА СССР В КНР В 1950-Е ГОДЫ

Советско-китайские отношения в начале 1950-х гг. развивались чрезвычайно динамично. Взаимное сотрудничество требовало и соответствующего дипломатического обеспечения, в том числе по линии посольства СССР в КНР. В то время оно находилось в бывшем Посольском квартале Пекина на ул. Дунцзяоминьсян, 37, в зданиях диппредставительства царской России, которые были возвращены советским дипломатам китайскими властями в 1924 г. и уже не отвечали растущим потребностям.

Идея расширения посольства появилась в мае 1953 г. в бытность послом в Китае В.В. Кузнецова. Постановление о проектировании и строительстве нового посольства вышло в сентябре 1953 г. Программное задание на проектирование нового здания закладывалось с учетом размещения его в прежнем посольском квартале.

Однако впоследствии руководству МИД СССР было предложено другое, как считалось тогда, более удачное место для строительства: обширная территория Русской Православной миссии в районе Бэйгуань. Посол П.Ф. Юдин заверил, что этот участок можно получить в короткое время, что и было им сделано.

Управление по делам строительства Народного правительства г. Пекина в декабре 1954 г. согласилось на использование участка в Восточном 4-м районе Пекина для строительства

здания посольства СССР. Совет Министров СССР постановлением правительства от 18 апреля 1955 г. принял предложение правительства КНР о строительстве здания Посольства КНР в Москве за счет средств Правительства СССР и здания Посольства СССР в Пекине за счет средств Правительства КНР с осуществлением взаимных расчетов по этим строительствам после их окончания.

Авторами проекта, утвержденного руководством МИД СССР 26 мая 1955 г., являлись руководитель мастерской № 3 архитектор Л.В. Руднев и главный архитектор проекта Г.П. Яковлев.

Проектная документация и чертежи, выполненные в СССР, были переданы китайской стороне, которая вела непосредственные строительные работы в соответствии с состоявшимся в октябре 1956 г. обменом нотами между посольствами СССР и КНР по вопросу о взаимном строительстве в Пекине и Москве зданий посольств.

На площади в 16,8 га было построено 15 новых зданий и сооружений общей площадью свыше 34 тыс. кв. м. При этом были разрушены многие постройки бывшей Российской духовной миссии. Бесследно исчезла 14-метровая надвратная колокольня у южных ворот. Был уничтожен и символ Миссии – двухэтажный белокаменный храм в честь Всех Святых Мучеников.

В целях экономии средств четыре объекта Миссии были реконструированы и приспособлены под нужды посольства. Так, здание ризницы и библиотеки Миссии переоборудовали под консульство. Корпус Успенского монастыря (бывшее общежитие монахов) превратили в хозблок, в котором в разное время размещались комнаты гостиницы, медпункт, библиотека и др. хозслужбы. Что касается здания Успенской церкви, то оно было переоборудовано в 1957 г. под гараж посольства.

Строительные работы по сооружению посольского комплекса в полном объеме велись с 1957 г. и в основном были завершены к середине 1959 г. Право собственности на выше-

указанные здания и сооружения было передано правительству СССР по акту в июле 1959 г.

Решение о переводе посольства СССР с улицы Дунцзяоминьсян в Бэйгуань хотя и привело к разрушению церковных построек Российской духовной миссии в Китае, но в то же время закрепило за Россией эту благословленную землю, а вместе с ней и ряд исторических ценных построек миссии, в том числе архиерейский дом (Красную Фанзу), Успенский храм, ряд других. Пусть они были перестроены и приспособлены для других, светских, нужд, но все-таки сохранились, что создало в наши дни возможность возрождения храма во имя Успения Пресвятой Богородицы в современном виде.

Земля, обретенная в свое время первыми русскими людьми в Пекине – албазинцами и Российской духовной миссией, осталась за нашей страной и служит ей ныне, украшенная восстановленным в 2009 г. Успенским храмом.

Горбунова С.А.,
д.и.н., ИДВ РАН

60-ЛЕТИЕ БУДДИЙСКОЙ АССОЦИАЦИИ КИТАЯ – ПЕРЕХОД НА НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ

В мае 2013 г. исполнилось 60 лет со дня создания Буддийской ассоциации Китая (БАК). Ее Председатель, мастер дхармы Чуань Инь, в соответствии с китайской традицией определяет эту рубежную дату как переход от первого полного цикла к новому современному циклу развития.

Созданная в мае 1953 г. БАК, по сути дела, стала преемницей гоминьдановского Китайского буддийского союза, однако в отличие от него получила статус патриотической организации.

БАК с момента своего образования на государственном уровне в идеологическом и политическом плане воспринималась как один из инструментов внутренней и внешней политики. Вместе с тем ее появление свидетельствовало об определенной лояльности руководства нового государства, Китай-

ской Народной Республики, по отношению к буддизму. В силу отсутствия верхушечных иерархических структур в китайском буддизме БАК фактически взяла на себя эту функцию, превратившись в буфер между государством и буддийской общиной (*сангхой*), благодаря чему удалось сделать более определенным положение последней в системе новых общественных отношений.

Конец 1950-х гг. – тяжелый период в жизни сангхи, которая в условиях постепенного вытеснения религий из общественной жизни была сконцентрирована на выживании. В то же время и внутри самой БАК начались деструктивные процессы: ряд ее руководителей, радикально-реформаторского толка, ратовал за сужение религиозных служб, ограничение принятия обетов, притеснение неугодных настоятелей храмов и монастырей. Одновременно стала реализовываться одна из задач деятельности БАК: с помощью сети местных отделений взять под свой контроль монастырскую жизнь.

Во времена «культурной революции», весьма драматичные для религий, была приостановлена деятельность БАК, а ее руководство подверглось репрессиям.

Качественно новый период в истории ассоциации наступил, когда в 1980-е гг. реформа экономической системы охватила все сферы жизни страны. Стараясь не упустить благоприятное время, ее руководство, выражая поддержку нового государственного курса в религиозной сфере, направило свои усилия на восстановление жизнедеятельности храмов и монастырей, а также отделений БАК на местах, буддийского образования, контактов с религиозными зарубежными деятелями.

На основе накопленного в первое реформенное десятилетие опыта были сформулированы новые задачи и цели деятельности БАК. В 1990-е гг. она все более направляется на активизацию жизни сангхи, что в результате привело к усилению позиций и авторитета БАК в общинах различных направлений буддизма (китайского, тибетского, палийского), среди зару-

бежных буддистов, а также в китайском обществе. Происходило упорядочение важнейших сфер жизнедеятельности храмов и монастырей, главным образом ханьской традиции. Постепенно сложилась жизнеспособная структура: БАК – ее местные отделения – монастыри, храмы. Фактически официально закрепился ее контроль над управлением храмами и монастырями, а также над принятием обетов. В процессе возрождения храмовой и монастырской жизни успешно проводилась инициированная БАК политика их самовзращивания (*сы ян сы*), что в свою очередь создало возможности для финансового стимулирования ее местных отделений.

Высшим органом БАК, определяющим направление ее деятельности, является всекитайская конференция. За шестидесятилетний период было созвано восемь таких конференций. Нынешний Устав БАК в новой редакции был принят в феврале 2010 г. на 8-й Всекитайской конференции. В нем, например, вновь акцентировалось внимание на названии «Буддийская ассоциация Китая», что отвечает главному содержанию ее деятельности – объединению всех буддистов страны. Руководство БАК (во главе ее в различные периоды ее шестидесятилетней истории были монахи Юань Ин и Сижао Джалтцо, затем мирянин Чжао Пучу и вновь монахи И Чэн и Чуань Инь) несмотря на компромиссы, а зачастую благодаря им, сыграло в целом позитивную роль в выживании буддизма, а затем в период открытости и реформ в его новом возрождении.

Наиболее заметной в XXI столетии, набирающей силу тенденцией в деятельности БАК стало проведение трех Всемирных буддийских форумов: в 2006 г., 2009 г. и 2012 г. Девиз и лейтмотив проведения Первого Всемирного форума буддистов «Гармоничный мир начинается в сердце» (*хэсе шицзе цун синь кайши*) частично повторялся на Втором Всемирном форуме как «Гармоничный мир – синергия условий» (*хэсе шицзе чун юань хэхэ*) и на Третьем – как «Гармоничный мир: взаимная доброта и совместные действия» (*хэсе шицзе, тунъюань, тунсин*).

Гулева М.А.,
аспирант ИМОП СПбГПУ

ВЭН ВЭНЬХАО: ГЛАВА ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЮАНЯ

Конституция Китайской Республики, вступившая в силу 25 декабря 1947 г., закрепила существование пяти ветвей власти в форме пяти палат, или юаней: Законодательного, Исполнительного, Судебного, Экзаменационного и Контрольного. Избрание президента и вице-президента страны Национальным собранием в апреле 1948 г. стало первым шагом на пути формирования конституционных органов власти; вслед за ним нужно было распределять должности глав юаней. Согласно новой Конституции, депутаты Законодательного Юаня избирались в ходе многостепенных выборов и самостоятельно определяли главу своего юаня. Кандидатуру же главы Исполнительного юаня выдвигал президент страны, Чан Кайши на рассмотрение Законодательному Юаню, с одобрения которого и происходило назначение. В Законодательном юане первого созыва оказались сильны позиции группировки Си-Си – братьев Чэнь Лифу и Чэнь Гофу. Возглавил Законодательную палату Сунь Фо, сын Сунь Ятсена. Такая расстановка сил сыграла заметную роль при формировании исполнительной ветви власти.

Вэн Вэньхао был утвержден на посту главы Исполнительного юаня 25 мая 1948 г. Это назначение стало результатом внутрипартийного конфликта. Глубина раскола в правящей партии Гоминьдан проявилась еще на выборах вице-президента, когда произошло столкновение Чан Кайши и гуансийской клики во главе с Ли Цзунжэнем. Из этой схватки победителем вышел Ли Цзунжэнь. Теперь же, при назначении главы Исполнительного Юаня, в противоборство вступили Чан Кайши и группировка Си-Си. Не желая усиления этой части партии, Чан стремился сохранить пост главы Исполнительного юаня за Чжан Цюнем, исполнявшим обязанности премьера до вступления новой Конституции в силу. Законодатели настаи-

вали на выдвижении генерала Хэ Инциня. Помня о неудачных для себя выборах вице-президента, Чан Кайши попросту выдвинул другого кандидата, который не вызывал столь многих противоречий – Вэн Вэньхао.

Задачей первого состава правительства было решение самых насущных проблем: инфляции, экономической нестабильности, военных поражений. 19 августа 1948 г., когда Законодательный юань находился в отпуске, был принят указ об эмиссии новой денежной единицы *цзиньюаньцюаня*, а также об изъятии у населения иностранной валюты, золота и серебра. Чтобы предотвратить новый виток инфляционной спирали, правительство Вэн Вэньхао установило жесткий порог на эмиссию юаня, заморозило на августовском уровне цены и зарплаты. Однако проблему было невозможно решить административными методами. Очевидным проявлением этого стало недовольство банкиров, финансистов и предпринимателей, вынудившее партию применить военную силу, – Чан Кайши терял поддержку этого слоя общества. Через два месяца после запуска реформы, в октябре того же года, в Шанхае было сорвано замораживание цен и заработных выплат, а эмиссия юаня превысила заявленный максимум в 8 раз. Реформы первого состава правительства потерпели поражение, и 26 ноября 1948 г. кабинет Вэн Вэньхао ушел в отставку в полном составе. 22 декабря был сформирован кабинет под руководством Сунь Фо.

Оказавшись изначально компромиссной фигурой в новом правительстве, Вэн Вэньхао был не более чем проводником реформ, инициированных президентом. Августовская финансовая реформа, с помощью «Временных положений о мобилизации» проведенная в обход законодательной ветви власти, потерпела поражение, а Вэн Вэньхао пришлось нести ответственность за эту неудачу. Кратковременное пребывание Вэна на посту главы Исполнительного юаня подтвердило, что эта должность не давала фактической власти, оставаясь в подчинении президента. Премьеру Вэн Вэньхао в 1948 г. досталась

роль «громоотвода» в условиях распадающейся гоминьдановской системы.

Источники

1. Чжунъян жибао [中央日報] (07.04; 20.04; 23.04; 27.04; 30.04; 23.05; 25.05.1948.)
2. Меликсетов А.В. Социально-экономическая политика гоминьдана. 1927 – 1949 гг. М., 1977.
3. Финансовая история Китая [中国金融通史]. Т. 4 / Хун Цзягуань [洪葭管著]. Пекин, 2008.
4. Чжан Хао. Борьба за власть между Чан Кайши и группировкой Си-си при «Конституции Китайской Республики» [张皓. 蒋介石与CC系在"中华民国宪法"下的权力之争] // Исторические архивы [历史档案]. 2008. № 2.

Доронин Б.Г.,
д.и.н., проф., Восточный факультет СПбГУ

УЧЕБНИК ТРАДИЦИОННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ДЛЯ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ

В 2011 г. на прилавках книжных магазинов КНР появился труд Лю Даньчэня «Чтобы управлять государством и заниматься административной деятельностью, необходимо знать историю». Он опубликован Литературным издательством ЦК КПК, которое специализируется на публикации собраний сочинений руководителей партии и страны и других официальных материалов, адресован ганьбу и представляет собой своеобразный учебник, автор которого убеждает читателя в необходимости знания и изучения прошлого страны как источника накопленного многими поколениями китайской элиты управленческого опыта.

Апеллируя к истории, Лю Даньчэнь прежде всего имеет в виду созданную придворными историками императорского Китая ее официальную версию и исходит из сложившегося там представления об истории как неотъемлемой и очень важной части дел правления существовавшей в Китае монархии, организованной на конфуцианских принципах. Важнейшей обязан-

ностью придворных историков была аккумуляция политического опыта правителей и государственных деятелей прошлого, его осмысление и сохранение для потомков. За многие века непрерывной и целеустремленной работы они собрали в своих трудах огромный материал, характеризующий принципы решения стоявших перед конфуцианской монархией самых различных проблем. Он и стал первоосновой сложившейся в императорском Китае весьма совершенной политической культуры, которая и до наших дней не утратила своего созидательного потенциала. Именно ее и стремится преподать руководящим кадрам Лю Даньчэнь, показывая одновременно, сколь эффективно использует ее в своей политической практике руководство страны.

Приобщение ганьбу к традиционной политической культуре не единственная задача, решению которой посвятил свой труд Лю Даньчэнь. Тщательно собранный и умело организованный им конкретный фактический материал демонстрирует мощь и величие сложившейся в недрах китайской цивилизации государственности и накопленного ею огромного политического и управленческого опыта, который, как настойчиво подчеркивает автор, всегда был востребован руководством партии и страны, перед читателями его книги оно предстает как хранитель и гарант этого опыта.

Как известно, решая комплекс сложнейших проблем, стоящих на пути модернизации, китайское руководство в своей политической практике следует курсу «поставить древность на службу современности» и постоянно обращается к историко-культурному прошлому страны. На протяжении последних десятилетий этот курс реализуется весьма последовательно и труд Лю Даньчэня, демонстрирующий высокую эффективность опыта прошлого при решении сложнейших управленческих и политико-административных проблем стал еще одним значимым шагом на этом пути. Представляется не случайным, что появился этот труд в период подготовки XVIII съезда КПК.

Думкова И.,
д. фил.н., Федерация болгаро-китайской дружбы, Болгария

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ НРБ И КНР В 60-Е ГОДЫ XX В.

В статье рассматриваются болгаро-китайские отношения в 1960–1970-х годах. Исследование базируется на материалах архива Центрального комитета Болгарской коммунистической партии (ЦК БКП).

Рассматриваемое десятилетие является самым сложным для двусторонних отношений, поскольку они переходят от дружественных связей к острой конфронтации.

Перемена в политике Болгарии по отношению к Китаю начинается с двух пленумов ЦК БКП, проходивших в 1960 г. Всего с 1960 г. по 1970 г. состоялись 13 пленумов ЦК БКП, посвященных Китаю. С докладами в большинстве случаев выступал Тодор Живков – первый секретарь БКП, что должно было подчеркнуть важность этой темы для партийного руководства. Критика по отношению к Коммунистической партии Китая (КПК) была направлена в основном на «создаваемые КПК серьезные разногласия в Международном коммунистическом и рабочем движении (МРКД)».

В первой половине исследуемого десятилетия руководство БКП довольно сдержанно критикует КПК. Тон выступлений не острый, нет резких нападок. Оставляется открытой возможность для улучшения отношений. Предложение о глушении радиопередач из Пекина в Болгарии отвергается Политбюро. Т. Живков подчеркивает, что «нужно оказать китайским товарищам братскую помощь». Надо отметить, что словосочетание «китайские товарищи» часто звучит в докладах Т. Живкова. К примеру, на десяти страницах одного из докладов словосочетание «китайские товарищи» упоминается 16 раз, в начале другого доклада – 5 раз на одной странице.

Со второй половины 1960-х гг. двусторонние отношения

начинают резко ухудшаться. По оценкам Политбюро ЦК БКП, причиной послужила исключительно недружественная, агрессивная политика Китая по отношению к Болгарии. Нарушаются даже элементарные правила дипломатических взаимоотношений, например, осуществляются меры китайского правительства по ограничению деятельности посольства НРБ в Пекине. Отмечается агрессивная пропагандисткая кампания КНР в Болгарии – в одном только 1966 г. в Болгарии было распространено около 22 тыс. экземпляров китайских пропагандистских материалов. Обострение политических отношений отражается и на внешнеэкономических связях, которые сворачиваются до минимума.

Необходимо указать и внутриполитические причины. В 1964–1965 гг. сформировалась группа противников политики Т.Живкова, в которую вошли высшие офицеры и государственные служащие, члены ЦК БКП. Группа, насчитывающая не менее двухсот человек, планировала снять Т. Живкова с его постов. Считается, что члены этой группы принимали политику КПК как модель развития. Заговор был раскрыт и классифицирован как «попытка государственного переворота». Такой факт не мог не сказаться на болгаро- китайских отношениях. До этого в Болгарии была раскрыта деятельность двух-трех промаоистских, по определению официальных структур, групп, но их влияние и охват были небольшими. Главным мотивом для создания таких групп являлось недовольство политикой, проводимой Т. Живковым, а политика КПК казалась оптимальной альтернативой. Это обуславливалось как восхвалением успехов КНР в 1950-х годах, так и отсутствием информации о действительном положении в Китае в тот период.

Среди факторов, повлиявших на руководство БКП при выборе позиции по отношению к Китаю в этот период, можно выделить следующие:

– гарантии Болгарии как члена СЭВ и Варшавского договора;

– традиционная исключительная привязанность Болгарии к России, а отсюда и к СССР;

– Болгария видела в лице СССР единственную надежную опору для модернизации страны, рассматривала Советский Союз как источник инвестиций. В тот период Китай не смог бы оказать подобную поддержку Болгарии;

– горький исторический опыт БКП, полученный в результате разъединения левых сил.

Дьякова О.В.,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ БОХАЙ–ТАН*

Первое тунгусо-маньчжурское государство Бохай (698–926 гг.), занимавшее северо-восточные территории Азии (КНР, КНДР, РФ) и позиционировавшее себя на политической арене в качестве самостоятельного государства, установило дипломатические связи со всеми соседними государствами, но особенно тесные контакты были с Китаем.

Китайский император, чтобы контролировать ситуацию в регионе, в 705 г. сам прислал посла в Бохай, что означало принятие в сюзеренитет. При Да Цзожуне – первом ване Бохая – отношения с Китаем были уравновешенными. Согласно «Синь Тан шу» Бохай отправлял посольства в империю Тан: Да Цзожун – 1 раз, Да Уи – 1 раз, Да Циньмао – 54 раза, Да Сунлинь – 4 раза, Да Жэньсю – 22 раза, Да Ичжэнь – 16 раз, Да Сюаньси – 3 раза. Всего – 101 по одной версии и 130 – по другой.

В 712 г. после нормализации отношений с Танским Китаем Да Цзожун получил от Китая титул вана префектуры Бохай, генерал-губернатора округа Хуань и автоматически утратил свое «мохэское» название Чжэнь. По оценке М.В.Воробьева, этот акт преследовал двойную цель: с одной стороны, титул вана повышал статус правителя до независимого; с другой стороны, в соединении с префектурой, генерал-губернаторством,

воскрешением топонима ханьского вассального владения (Бохай), вытеснением мохэского звания Чжэнь придавал правителю вассальные функции. Да Цзожун как вассальный правитель был обязан присылать в качестве заложника к танскому двору одного из своих сыновей и отправлять с «данью» своих послов к танскому императору.

В 719 г. Да Цзожун умер. Его сын Да Уи при вступлении на престол ввел свой девиз правления. Это означало, что Бохай независим и претендует на расширение своей территории за счет ближайшего окружения, в частности, за счет родственных племен мохэ, не вошедших в состав Бохая, а также за счет возвращения когурёских земель, которые в это время находились под властью Силла. Это резко осложнило ситуацию, т.к. Китай сам стремился подчинить племена хэйшуй мохэ, а Силла стремилась овладеть территорией Бохая. Конкретный повод не замедлил появиться. Бохайский ван Да Уи начал конфронтацию с империей Тан из-за того, что хэйшуй мохэ в 716 г. отправили в Тан посольство в обход Бохая. Более того, когда в 720 г. империя Тан обратилась к Бохаю за помощью, чтобы подчинить киданей и си, ранее подчинявшихся тюркам, Да Уи ответил отказом. В ответ в 726 г. хэйшуй мохэ отправили в империю Тан посольство с данью и просьбой о покровительстве и империя Тан объявила о создании административно-территориальной единицы Хэйшуйчжоу (с 725 г. область Хэйшуйфу), взяв хэйшуй мохэ под защиту. Да Уи (У-ван) считал хэйшуй мохэ своими вассалами и пошел на них войной. Но тут случились коллизии в собственной семье Да Уи. Мэньи, младший брат Да Уи, бежал в Китай, поскольку не хотел войны с Китаем из-за хэйшуй мохэ. Да Уи потребовал его выдачи от Китая, получил отказ и в 732 г. организовал набег на порт Дэнчжоу (полуостров Шаньдун).

Отношения с Китаем были нормализованы только при Вэнь-ване, вступившем в правление в 738 г. и правившем 58 лет. Бохайцы стали ездить на учебу в Китай. В 762 г. Китай официально утвердил Бохай в статусе княжества. К тому же

Китаю нужно было решать свои внутренние осложнения, связанные с мятежом Ань Лушаня.

Пришедший к власти в 818 г. внук Вэнь-вана – Сюань-ван – значительно расширил границы Бохая за счет мохэских племён и частично территории Силла (818–820 гг.). Но падение династии Тан в 907 г. заставило бохайцев переориентировать внешнюю политику. В 901 г. на севере Корейского полуострова возникло Позднее Когурё, а в 918 г. пришло к власти государство Корё. Положение Бохая стало критическим. История первого на Дальнем Востоке России тунгусо-маньчжурского государства Бохай завершилась печально. В 926 г., несмотря на активное более чем 20-летнее сопротивление, Бохай пал от рук своих юго-западных соседей – давних заклятых врагов, кочевых монгольских племен – киданей.

** Работа выполнена по гранту РГНФ № 12-31-09008 «Бохай: археология, история, политика».*

Ершов А.В.,
ИДВ РАН

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ БЮДЖЕТНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ КНР: СТРУКТУРНЫЕ И КАДРОВЫЕ ВОПРОСЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ

Государственные бюджетные учреждения («шие даньвэй») – это особый вид специализированных учреждений Китая, охватывающий целый ряд важных областей: образование, культуру, науку, здравоохранение. В 2010 г. в Китае насчитывалось более 1 млн 260 тыс. бюджетных учреждений всех административных уровней – от центрального до волостного, причем за последние несколько лет это количество значительно не изменилось. Учреждений центрального уровня насчитывается 4%, провинциального – 16%, окружного – 20%, уездного – 30%, поселково-волостного – 30%. На содержание учреждений из государственного бюджета направляется 80%, остальные 20% покрываются организациями за счет собственных средств.

Кроме государственных бюджетных учреждений в КНР также существует определенное количество учреждений с коллективной формой собственности.

Согласно данным на конец 2007 г., численность сотрудников бюджетных учреждений составляла 30 млн. 350 тыс. человек, 85% работников приходится на окружной, уездный и поселково-волостной уровни. В образовательной сфере занято 50%, в здравоохранении – 15%, в сельском хозяйстве – 10%, в научно-исследовательской – 3%, доля остальных отраслей составляет 22%. Система бюджетных учреждений включает в себя значительные кадровые ресурсы различных отраслей народного хозяйства страны.

Ряд учреждений выполняет административные функции (около 5%), поскольку они были преобразованы из партийных и правительственных органов, при этом формально не входя в категорию госорганов. Занимающихся хозяйственной деятельностью и полностью перешедших на принцип самоокупаемости учреждений около 10%. В то же время учреждения такого рода используют средства, предназначенные для бюджетных организаций. Около 85% учреждений выполняют социально-культурные функции, не преследуя целей коммерческого характера.

Китайские исследователи выделяют три этапа реформ кадровой системы бюджетных учреждений с момента начала политики реформ и открытости. На первом этапе (1978–1987 гг.) основная цель реформирования была направлена на экономическое строительство и модернизацию. На втором этапе (1988–1999 гг.) началось всестороннее реформирование кадровой системы бюджетных организаций. В ходе третьего этапа (2000–2008 гг.) проводилось углубление достигнутых за истекших период преобразований. Несмотря на проведенные реформы сохранялись прежние проблемы системы, сформированной в предыдущую эпоху: неопределенность должностных полномочий, функций, раздутость штатов, низкая эффектив-

ность работы, существование бюджетной системы дотирования и др.

В 2013 г. реформа системы бюджетных учреждений будет идти по следующим четырем направлениям: дальнейшее увеличение использования правовых норм, совершенствование практики найма по договору, усовершенствование механизмов контроля за исполнением служебных обязанностей проведение экспериментов по внедрению системы должностного контроля, дальнейшее продвижение и стандартизация системы найма по договору, разделение учреждений по специализации. Поставлена задача до 2020 г. создать дееспособную систему управления учреждениями, усовершенствовать механизмы использования персонала и закончить подготовку соответствующих нормативных документов. Один из важных аспектов грядущего реформирования системы бюджетных учреждений заключается в уточнении характера функций учреждения (административный, хозяйственный, социально-культурный), после чего учреждение переводится в категорию административного (государственного) органа, хозяйственное преобразуются в коммерческое предприятие, учреждение, выполняющее социально-культурные функции, сохраняет статус бюджетного учреждения.

Реформа системы бюджетных учреждений необходима Китаю, который сделал ставку на высокотехнологическое развитие, что невозможно без обновления в системе учреждений, занимающихся научно-технической работой, образованием и здравоохранением. Необходимость этой реформы вполне очевидна, но для ее успешного проведения необходимо будет предпринять ряд непопулярных и болезненных шагов.

Источники

1. Чжунго жэньши чжиду гайгэ саньши нянь (30 лет реформы кадровой системы Китая) / Под. ред. Сюй Сунтао, Сунь Цзяньли. Пекин: «Чжунго жэньши чубаньшэ», 2009.
2. Ван Юйкай и др. Чжунго синчжэн тичжи гайгэ саньши нянь хуэйгу юй чжаньван (Обзор тридцати лет реформы администра-

тивной системы в Китае и взгляд в будущее). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2008.
3. Чжоу Тяньюн и др. Чжунго синчжэн тичжи гайгэ саньши нянь (Тридцать лет реформы административной системы Китая). Шанхай: Шицзе чубань цзитуань, 2008.
4. Бао Цзиншэн Дандай Чжунго сянчжэн гайгэ яньцзю (Исследование реформирования уездного правительства в современном Китае). Тяньцзинь: Тяньцзинь жэньминь чубаньшэ, 2007.
http://news.xinhuanet.com/politics/2006-02/09/content_4157069.htm.
http://www.yjbys.com/Gongwuyuan/show-88610.html.
http://news.cqnews.net/html/2012-09/01/content_19237212.htm.
http://baike.baidu.com/view/105106.htm.

Ипатова А.С.,
к.и.н., ИДВ РАН

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВВ. ФРАГМЕНТЫ ИСТОРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ СЕРИИ «РУССКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII–XX ВВ.»)

В ИДВ РАН со времени его основания силами группы сотрудников-энтузиастов во главе с акад. С.Л. Тихвинским ведется работа по созданию этой документальной серии. В настоящее время издано 10 т. (2 – в 2-х кн.) и 5 находятся в стадии подготовки.

История отношений России с Китаем, двух равновеликих государств, принадлежащих к разным мировым цивилизациям, насчитывает почти 400 лет, являя собою уникальный пример долговременного мирного развития отношений между государствами-соседями, имеющими протяженную сухопутную границу, которая была установлена мирным путем, путем заключения договоров. В XVII и XVIII вв. – это Нерчинский (1689) и Кяхтинский (1728) договоры.

Такой исторический опыт заслуживает углубленного изучения, основанного на тщательной проработке и анализе мощного пласта документальных источников, в первую очередь архивных материалов для воссоздания объективной истории

развития российско-китайских отношений. Именно такая задача стоит перед создателями данной серии.

Для документальной базы изучения русско-китайских отношений в период их зарождения и становления наиболее ценными являются Статейные списки (отчеты) глав посольств, направлявшихся русским государством в Китай в XVII – первой трети XVIII вв. В России это были первые письменные памятники по истории начального этапа отношений с Срединным государством, содержащие самые ранние описания русскими Китая, Пекина и ведущих к ним северных сухопутных маршрутов, проложенных русскими людьми.

Сближение сторон, инициативу в котором всегда проявляла Россия, происходило трудно и сложно в силу отказа Цинов устанавливать отношения на принципе равенства сторон, несовпадения представлений о миропорядке, месте и роли Китая в нем, в дипломатическом церемониале, которому в Срединном государстве придавали чрезвычайно важное значение и исполнение которого служило камнем преткновения при приеме послов. Несовпадение проявилось и в определении ценностных приоритетов: для России главным было установление дипломатических отношений и развитие торговых связей, для Цинского Китая – решение территориально-пограничных проблем.

Важным фактором, серьезно затруднявшим контакты с Китаем был языковой барьер: в Китае не знали русского языка, в России ни одного из официальных языков Цинского Китая. И как следствие – незнание тщательно соблюдавшихся китайцами традиций, прежде всего дипломатических, и обычаев, что неоднократно служило причиной непонимания русскими послами истинных намерений и двойного смысла тех или иных приемов и действий цинских дипломатов. Статейные списки посольств содержат яркие и поучительные факты, курьезы, случавшиеся во время пребывания в Китае наших послов. Не обходилось и без драматических ситуаций, провоцировавшихся цинскими чиновниками.

В исправлении такого положения определенную роль сыграли ученики Российской духовной миссии (1715 г.). Со второй половины XVIII в. они стали первыми отечественными переводчиками дипломатической переписки с Китаем, выступали и переводчиками на дипломатических переговорах.

Уже посольство С.Л. Владиславича-Рагузинского (1725–1728 гг.) было значительно лучше осведомлено об особенностях политической культуры китайской элиты, ее дипломатических приемах, чем его предшественники, что позволило русскому послу избегать неприятных и унизительных для него ситуаций. Он был первым из иностранцев, кто вскрыл стратагемный характер цинской дипломатии, что в значительной степени способствовало успешному для России заключению Кяхтинского договора (1728 г.), который до середины XIX в. позволил сохранять мирные отношения с Цинской империей.

Все сказанное выше нашло свое отражение в документах и материалах данной серии. Аналогов ей в мировой исторической науке нет.

Киселёв Д.В.,
независимый исследователь, Москва

ЦИНСКАЯ ПОЛИТИКА САМОУСИЛЕНИЯ В МАНЬЧЖУРИИ В КОНЦЕ XIX В.: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Политика «самоусиления и усвоения заморских дел» (*цзыцян янъу*) в 1860–1870-х гг. была нацелена на укрепление обороны восточных и южных районов империи, а также района Дагу−Тяньцзинь как наиболее уязвимых для флотов Великобритании и Франции. В конце 1870-х гг. Илийский кризис поставил Китай на грань войны с Россией, заставив цинский двор сделать объектом политики самоусиления западные и северо-восточные окраины. Реализации данного курса в Восточных провинциях (Маньчжурия) присущ ряд особенностей:

1. В отличие от центральных и южных районов империи, в

Маньчжурии инициатором модернизации стал цинский двор, а главным двигателем – столичный эмиссар У Дачэн (1836–1902 гг.).

2. Исключение составлял Ляодунский полуостров, оказавшийся в сфере интересов Ли Хунчжана в качестве одной из баз создаваемого им Бэйянского флота.

3. Самоусиление в Маньчжурии было частью комплексной программы, направленной на укрепление ее границ, заселение и колонизацию. Целью этих процессов было создание базы для противостояния России и защиты Кореи от посягательств Японии.

4. Реализация политики самоусиления в Маньчжурии сопровождалась территориальными спорами и демонстрацией цинских ВМС в портах России, Кореи и Японии.

В период 1877–1894 гг. были решены многие важные задачи:

С выгодой для Цинской империи осуществлена первая с 1860 г. демаркация русско-китайской границы от Японского моря до устья р.Уссури.

Построен ряд военных предприятий и укреплений в стратегически важных пунктах Маньчжурии.

Установлен государственный контроль над золотоносным районом Мохэ («Желтуга»).

Создана система телеграфной связи Маньчжурии с метрополией, поставлен вопрос о строительстве железной дороги Пекин-Мукден.

Несмотря на определенные успехи модернизации, Цинская империя не смогла противостоять японской агрессии в 1894–1895 гг. Результатом этого было уничтожение цинских ВМС в бассейне Желтого моря, потеря контроля над Кореей и широкое иностранное проникновение в Маньчжурию.

Источники

1. Сборники географических, топографических и статистических материалов по Азии, СПб: Изд.Военно-ученого комитета Главного штаба, вып. 1882-1895.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 400, 447 – разн. дела.

Козлов А.А.,
к.и.н., ИДВ РАН

ФЕНОМЕН ЧАЯ В РУССКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1800–1917 гг.

Начиная с XVII в., чай, продукт китайского сельского хозяйства, оказывал большое влияние на мировую экономику, торговлю, отношения между государствами, культуру многих стран. В XIX в. сформировался мировой рынок чая, который стал самым популярным напитком в мире. Чай стал причиной сложных отношений стран Европы, прежде всего Англии, с Китаем, приведших к превращению Китая в полуколониальную страну, к развертыванию национально-освободительной борьбы китайского народа, увенчавшейся созданием Китайской Народной Республики. С ним связан один из эпизодов борьбы американских колонистов против английского господства. 16 декабря 1773 г. жители Бостона в знак протеста против повышения налогов утопили в прибрежных водах доставленную на кораблях английской Ост-Индской компании партию чая стоимостью 10 тыс. фунтов стерлингов («Бостонское чаепитие»).

Чай играл большую роль и в российско-китайских отношениях. В XIX – начале XX вв. только чайная торговля между Китаем и Россией была основой, на которой строились мирные, дружественные отношения между двумя странами. Китайские власти доброжелательно относились к русским бизнесменам, развивавшим производство чая в Китае в конце XIX – начале XX вв. Свою роль играл тот факт, что Россия в отличие от Англии и других стран никогда не использовала опиум для финансирования чайной торговли.

Рост закупок чая Россией с 1800 г., когда правительство издало указ о правилах чайной торговли в Кяхте, был феноменальным. Если в 1798 г. было ввезено 21 тыс. пудов листового и 26 тыс. пудов кирпичного чая (пользовался большим спро-

сом в Сибири и у калмыков и татар Европейской части России), то через два десятилетия ежегодно доставлялось 100 тыс. пудов листового и 35 тыс. кирпичного чая. Популярность напитка из Китая росла и в середине XIX в. объем импорта увеличился до 300 тыс. пудов. К тому времени более 95% стоимости товаров, поступавших в Россию через Кяхту, приходилось на чай, поставки которого продолжали расти. К 1901 г. объем импорта листового чая исчислялся в 1,7 млн пудов, а кирпичного — в 1,5 млн пудов. К 1915 г. Россия импортировала 67% чая, поставляемого Китаем на внешние рынки.

Благодаря чаю, в середине XIX в. Китай стал четвертым важным торговым партнером России после Англии, Германии, Франции. Для Китая важность российского рынка становилась все более очевидной по мере того, как Англия с 1886 г. сокращала закупки чая, расширяя его производство в Ассаме и на Цейлоне. Инвестиции русских чаеторговцев в производство чая, в основном кирпичного, в Ханькоу и в провинции Фуцзянь по объему уступали только иностранным капиталовложениям в Китае в судостроение и ремонт судов.

Торговля с Китаем имела положительное влияние на экономику России. Она была одним из главнейших каналов сбыта изделий мануфактурной промышленности. 47% всего российского экспорта промышленных изделий приходилось на Китай. Через Кяхту в обмен на чай вывозилось 62% русской пушнины. Эта торговля способствовала развитию многих отраслей промышленности, оживляла коммерческую жизнь Сибири, давала работу многим тысячам перевозчиков чая по Московско-Сибирскому тракту до Нижнего Новгорода и Москвы. До 60-х гг. китайский чай на Нижегородской и Ирбитской ярмарках определял успех торгов.

Чайная торговля с 60-х гг. стимулировала развитие русского торгового флота. До 80-х гг. у России на Тихом океане такого флота не было. В период своего расцвета в 40-е гг. Русско-Американская компания имела только два парохода и 5 парус-

ников, которые плавали только в северной части Тихого океана между Охотским морем и Аляской. Созданный в 1878 г. Добровольный флот на закупленных за границей судах начал участвовать в торговле с Китаем. В 1878–1983 гг. по морю было перевезено 31 тыс. т чая из Ханькоу и Шанхая в Одессу, Владивосток, Николаевск на Амуре.

Чай был важным источником доходов для государства. Таможенный сбор составлял более j всех таможенных доходов.

Благодаря своим свойствам чай стал одной из главных потребностей в России, национальным напитком.

В истории российско-китайских отношений чай играл уникальную положительную роль, содействуя укреплению взаимопонимания между народами двух стран.

Кузнецов В.С.,
д.и.н. ИДВ РАН

КИТАЙ И ИНДИЯ В ПОИСКАХ РЕШЕНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ (ПОСЛЕДНЯЯ ЧЕТВЕРТЬ XX в.)

В 1962 г. между Китаем и Индией имело место вооруженное противостояние в Гималаях. В основе его были обоюдные территориальные претензии. Война не решила пограничного спора.

Сойдя с тропы войны, стороны вступают в переговоры с целью решить проблему спорных территорий. С конкретными предложениями выступает Пекин.

В феврале 1979 г., принимая министра иностранных дел Индии А.Ваджпаи, тогдашний зампремьера КНР Дэн Сяопин сказал ему: «Мы должны стремиться к единству при сохранении различий, пограничный вопрос можно решить посредством дружеских консультаций, комплексным методом, проявляя при этом взаимопонимание и делая взаимные уступки, держась справедливого и разумного подхода».

Сказанное Дэн Сяопином Ваджпаи о необходимости кон-

сультаций как предпосылки решения пограничной проблемы находит отклик в Нью Дели, хотя и не мгновенно. Спустя два с лишним года после вышеупомянутого визита Ваджпаи, министр иностранных дел Китая Хуан Хуа в июне 1981 г. прибыл в Нью Дели. Согласно договоренности глав внешнеполитических ведомств КНР и Индии заместители министров иностранных дел обоих государств являются главными представителями на переговорах по пограничному вопросу, которые начинаются с декабря 1981 г.

Высшее китайское руководство демонстрирует Индии свою заинтересованность в продолжении переговорного процесса.

В ноябре 1987 г. прекращаются переговоры на уровне зам.министров иностранных дел. Из-за различия в позициях сторон они не дали положительных результатов.

На китайско-индийской границе складывается чреватая взрывом обстановка. Западные средства информации сообщают о вероятности войны.

Визит индийского премьер-министра Раджива Ганди в Пекин в декабре 1988 г. способствовал смягчению напряженности и дал импульс возобновлению переговорного процесса. Премьер-министры Китая и Индии, соответственно Ли Пэн и Р. Ганди, согласились решить пограничный вопрос «посредством мирных и дружеских консультаций». Для этой цели создается совместная рабочая группа.

Возобновлению переговорного процесса по урегулированию территориальной проблемы во многом способствовала пограничная «разрядка». Она наступила в начале 1990-х годов. В ходе встречи премьер-министра Ли Пэна и премьер-министра Индии П.Л. Нарамсимха Рао в Пекине 7 сентября 1993 г. подписали «Соглашение о поддержании мира и спокойствия вдоль линии фактического контроля», де-факто границы.

11 ноября 1996 г. во время визита председателя КНР Цзян Цзэминя в Индию Китай и Индия подписали соглашение о ме-

рах доверия в военной области вдоль этой линии.

Согласно этим двум соглашениям обе стороны считают, что вопрос о границе между Китаем и Индией нужно решить посредством мирных дружеских консультаций. Ни одна из сторон не прибегает к использованию вооруженной силы или к угрозе применить ее. До окончательного решения пограничного вопроса строго уважают и сохраняют миссию фактического контроля.

Это в свою очередь способствовало углублению и диверсификации процесса поисков решения китайско-индийской пограничной проблемы. На начало XXI в. она остается кардинальным фактором, определяющим отношения Китая и Индии.

Источники

1. *Zhao Yancheng*. China-India ties: simultaneous rising and Peaceful coexistence //International review. Summer 2004. vol. 35.
2. *Чэн Жуйшэн*. Чжун Инь бяньцзе танпань цзи цзянь цяньцзин. // Гоцзи вэньти яньцзю. 2004. №3.
3. 20 шицзи 80 няньдай Дэн Сяопин гоцзя аньцюань сысян лунь-чжэ // Дандай Чжунго ши яньцзю. 2001. №1.

Мамаева Н.Л.,
д.и.н., ИДВ РАН

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ПОБЕДЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КИТАЕ В 1949 г.

Провозглашением КНР завершился трудный путь борьбы за свободный единый, сильный и независимый Китай.

То, что не удалось сделать гоминьдановской власти – перестроить по своим политическим планам низовые органы власти, вытеснить клановую систему и подорвать традиционные отношения крестьянина с деревенской чиновничьей верхушкой, мешавшие внедрению новых экономических, политических и административных отношений – получилось у Компартии Китая. Близость к населению, к крестьянину, была результатом работы Компартии с массами, начиная с 1920-х гг. В течение последующего времени партия набиралась опыта в аг-

рарной области, в сфере управления опорными базами, выстраивала свою правовую систему, что очень помогло ей на заключительном этапе гражданской войны с Гоминьданом (ГМД) в конце 1940-х гг. В отличие от ГМД, КПК изучала потребности населения изнутри, находясь рядом с народом, методом проб и ошибок развивала теорию и «нащупывала» правильную тактику практических действий.

КПК и в послевоенный период не упускала возможности решить проблему власти мирным путем. Однако, как показывает история, способов мирного развития политической ситуации у ГМД как у правящей партии было несравненно больше, чем у КПК. Собственно, даже представители США в Китае, которых трудно заподозрить в прокоммунистических настроениях, не раз выражали досаду «недемократичностью» и неуступчивостью ГМД в отношении к КПК.

Между тем Китайская республика (КР) имела определенные основания для поступательного развития страны. Очевидно, что по основным направлениям она старалась следовать программе Сунь Ятсена. Наибольшие успехи демонстрировало «нанкинское десятилетие» в экономике, в банковском и военном деле, в правовой сфере; были достигнуты положительные результаты на пути отмены неравноправных договоров с иностранными державами.

Война с Японией подрывала не только экономику, но и разжигала внутрипартийную борьбу в ГМД, ослабляя его. Воздействуя на рост национального самосознания в целом, война одновременно продемонстрировала нежелание консервативной части Гоминьдана кардинально менять внутриполитическую ситуацию даже в случае достижения договоренностей с коммунистами. В комплексе идейно-политических направлений и стремления обеих партий к власти в стране КПК демонстрировала большую гибкость, чем ГМД, руководящие круги которого чем дальше, тем больше забывали о первоначальных планах создания сильного единого Китая и проявляли единственную

страсть – боязнь не только потерять власть при конкурентных выборах, но даже делиться властью с сильным конкурентом.

В послевоенный период, когда КПК двигалась в направлении отказа от радикальных построений в теории и практике и выстраивала теорию новой демократии, ГМД четко обозначил свое неприятие сотрудничества с КПК в деле построения новой государственности. Обострившаяся гражданская война и поворот Гоминьдана против демократического движения в стране, сопровождавшиеся понижением жизненного уровня населения, в том числе промежуточных слоев, ростом коррупции чиновников сверху донизу, сузили социальную базу гоминьдановского режима, создали в стране антигоминьдановский настрой. Рост национального самосознания обеспечил поддержку народом Китая демократических лозунгов КПК, которая демонстрировала в освобожденных районах поддержку бедных и развитие производства, в том числе и частнокапиталистического.

Судьба КР, связанной с иностранными державами многими нитями, временами, обострявшими ситуацию, временами, помогавшими удерживать внутриполитическое относительное равновесие, решалась главным образом внутри страны. КР сохранила свою государственность в тяжелые годы войны Сопротивления, и политические институты, созданные в ее структуре, смогли выполнить роль легитимных инструментов при переходе власти к коммунистам. По многим параметрам КР выполнила функцию переходного периода от традиционного Китая к Новому Китаю.

Сизова А.А.,
к.и.н., ИДВ РАН

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА В ПОГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ КИТАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX вв.: КОНТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Деятельность дипломатических учреждений в районах Китая, граничивших с Россией (в частности, в Синьцзяне, Монголии и Маньчжурии) во второй половине XIX – начале XX вв. имела большую значимость не только для продвижения экономических интересов России и содействия ее подданным в Китае, но и с точки зрения реализации политико-стратегических интересов Российской империи.

Система дипломатических учреждений России в Китае (консульств, подчинявшихся Дипломатической миссии в Пекине) формировалась в 1850–1910-е гг. с целью институционализации защиты многосторонних российских интересов в Поднебесной. Помимо этого, консульства должны были содействовать реализации ключевых положений дальневосточной политики государства – поддержанию добрососедских отношений со Срединной империей, сохранению status quo в региональной подсистеме посредством сдерживания экспансии великих держав в Китае, укреплению позиций в сферах российских интересов в данной стране и стимулированию торгово-экономических контактов с ней. Так как основные стратегические интересы России в Китае были сосредоточены в пограничных регионах за пределами Великой стены, именно в них консульства наиболее активно привлекались к решению политических вопросов и агентурной работе, а их главы обладали наиболее широкими полномочиями.

Консульства зарекомендовали себя как эффективный инструмент разрешения проблем, возникавших в отношениях России с Китаем внутри консульских округов и на границе. Ди-

пломаты в Синьцзяне (Кульдже, Чугучаке, Кашгаре) сыграли важную роль в проведении переговоров и процедур по разграничению с Китаем и создании режима пограничного контроля, участвовали в урегулировании последствий мусульманского восстания 1864–1878 гг. Им принадлежит немалая заслуга в ограничении доступа Великобритании и Японии в Западный Китай и на Памир, а также выявлении и устранении из региона агентов Японии и Турции в начале XX в. Консульства в Монголии, преодолевая препятствия со стороны маньчжурских властей, сумели привести российско-монгольско-китайские экономические и прочие контакты в жизнеспособную систему. Наряду с этим, установив дружественные отношения с монгольской элитой, они глубоко интегрировались во внутриполитическую жизнь Монголии и завоевали симпатии населения, что позволило им сыграть важную роль в разрешении внутриполитических противоречий на «окраинах» Китая и существенным образом повлиять на исход движения за национальное освобождение монголов в 1911–1915 гг. Значимой являлась работа дипломатов по противодействию ханьской колонизации и распространению японского влияния в Монголии в начале XX в. В Северо-Восточном Китае важным для российского закрепления было установление доброжелательных отношений консулов с местными властями и сбор сведений о мероприятиях китайской администрации, состоянии войск, о работе дипломатов, агентов и предпринимателей Японии, Европы и США в регионе.

Защита политико-стратегических интересов России являлась неотъемлемой частью деятельности российских консульств в пограничных округах Китая во второй половине XIX – начале XX вв., наряду с их традиционной сферой деятельности – защитой интересов торгово-экономических и содействия соотечественникам за рубежом. Более того, активная работа в широком спектре политических вопросов и глубокая вовлеченность в регулирование международных взаимодействий на

территории Китая позволила дипломатам, проходившим службу в указанных районах, внести заметный вклад в упорядочение российско-китайских и российско-монгольских контактов, обеспечение региональной безопасности в Северо-Восточной и Центральной Азии, а также поддержание равновесия сил в отношениях держав, имевших особые интересы в Китае.

Смирнов Д.А.,
к.и.н., ИДВ РАН

ВЫДВИЖЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ «ОДНО ГОСУДАРСТВО – ДВА СТРОЯ»

Со времени образования КНР и эвакуации на Тайвань гоминьдановского правительства воссоединение обеих частей Китая остается для КПК важнейшей политической задачей (поначалу – и для Чан Кайши).

В 1950–1960-х гг. решение этой задачи связывалось с применением военной силы вследствие проведения в КНР левацкого курса, исключавшего мирную интеграцию существовавших на материке и на острове двух общественно-экономических систем, а также вследствие наличия военно-политического союза США с властями Тайваня и обстановки «холодной войны» между двумя мировыми системами.

В 1970-х гг. в связи со сближением с Западом в противостоянии с СССР руководству КНР удалось прорвать внешнеполитическую блокаду, что повлекло за собой утрату Тайванем дипломатических отношений с большинством государств, а также возможности представлять Китай в ООН.

На рубеже 1970–1980-х гг. Дэн Сяопин выдвигает в качестве общенациональных целей проведение четырех модернизаций и воссоединение родины, что требовало обеспечения благоприятных мирных условий для ускоренного развития экономики и повлекло за собой пересмотр прежней конфронтационной концепции внешней политики.

Окончательный прорыв внешнеполитической изоляции

КНР, ознаменовавшийся установлением в 1979 г. дипломатических отношений с США, сопровождался отказом от прежнего лозунга «освобождения Тайваня» и переходом к политике «мирного воссоединения».

В 1981 г. Е Цзяньин выдвинул программу воссоединения Китая, предусматривавшую сохранение на Тайване существующей общественно-экономической системы, включая вооружённые силы, неприкосновенность права собственности и сохранение торгово-экономических связей острова с внешним миром на правах особого административного района в составе единого китайского государства. Переговоры о воссоединении предлагалось проводить на равноправной основе между двумя правящими партиями – КПК и Гоминьданом, представлявшими две части разделённой китайской нации.

В 1982 г. Дэн Сяопин разъяснил, что эта программа представляет собой воплощение идеи «одно государство – два строя», а в 1983 г. выдвинул программу из шести пунктов, предусматривавшую сохранение на острове собственной общественно-экономической системы, независимого правосудия, вооружённых сил (при условии отсутствия угрозы для материка), партийно-политического механизма, отсутствие войск и административного персонала из материкового Китая, право иметь своих представителей в центральных органах власти КНР.

В 1984 г. Дэн Сяопин окончательно сформулировал концепцию «одно государство – два строя» на основе признания принципа «одного Китая», сохранения в едином китайском государстве двух общественно-экономических систем, высокой степени автономии для Тайваня и проведения с ним мирных переговоров (что, однако, не исключало и «немирный путь объединения с Тайванем»).

Эта концепция была реализована в конце 1990-х годов с воссоединением Гонконга и Макао, подтвердившим на практике соблюдение основных провозглашенных в ней принципов.

В 1990–2000-е гг. эволюция политической системы Тайва-

ня вышла на уровень смены конкурирующих партий у власти в обстановке острого политического противоборства противников и сторонников независимости острова. Все это происходит на фоне усиливающегося глобального противостояния между КНР и США. В этих условиях концепция «одно государство – два строя» в 2005 г. была дополнена принятием в КНР «Закона против сецессии», составившего юридическую основу для использования вооруженных сил при угрозе провозглашения независимости Тайваня и/или внешнего вмешательства во внутрикитайские дела и послужившего предостережением соответствующим силам внутри Тайваня и за рубежом.

В то же время быстро развивается процесс экономической интеграции двух берегов, ведущий к их всестороннему сближению, на что, по существу, нацелено подписанное в 2010 г. в Чунцине «Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между берегами Тайваньского пролива».

Сотникова И.Н.,
к.и.н., ИДВ РАН

КОМИНТЕРН И ФИНАНСИРОВАНИЕ КПК

После 1917 г. большевики решили приблизить мировую революцию, придав «революционному штурму» дополнительный стимул в виде материальной помощи революционерам. Коминтерн был призван обеспечить и упорядочить направление средств на зарубежную революционную работу. К моменту создания Коминтерна источники его финансирования не были определены. По замыслу учредителей, он должен был финансироваться за счет средств компартий, входивших в него. Но денег у молодых партий не было, а «поднятие угнетенных масс на пролетарскую революцию» требовало немалых средств.

С момента создания и до роспуска Коминтерна вопросы, связанные с финансовыми расходами ИККИ, решались в руководстве РКП/ВКП(б). Первоначально на зарубежную работу были направлены ценности, национализированные большеви-

ками после 1917 г. Позже бюджет Коминтерна стал определяться отдельной строкой в бюджете страны, а также формироваться из различных секретных фондов Советской России. Львиная доля средств выделялась Коминтерном на поддержку революционных движений и партий.

Финансовая помощь Советской России стала важной составляющей в создании КПК. Ассигнования для КПК выделялись не только на содержание аппарата КПК, но и на все виды ее деятельности, включая проведение I-VII съездов. Особенностью финансирования КПК было то, что оно всегда проходило по нескольким каналам: Коминтерна, его аффилированных организаций, НКИД, Разведупра и т.д. – и осуществлялось через представителей ОМС ИККИ в Шанхае.

Субсидирование КПК возрастало год от года, несмотря ни на какие трудности внутри СССР. Если, по сведениям китайских исследователей, в период с I по II съезд КПК Коминтерн ежемесячно выделял КПК 740 юаней, то к середине 1930-х гг. сумма возросла до 30 тыс. долл. в месяц. Китайская компартия, бюджет которой был расписан тщательнейшим образом, могла существовать, только опираясь на помощь Москвы. Но денег не хватало: численность коммунистов неуклонно возрастала, а скудные членские взносы не могли покрыть даже содержание партаппарата. Всякий раз при сбоях в финансировании руководители компартии сообщали в Москву о катастрофическом положении партии и просили выделить им денежные средства. Так продолжалось до 1935 г., когда по указанию И.В.Сталина ИКК Коминтерна провела за рубежом ряд ревизий. Можно предположить, что результаты проверок оказались плачевными, т.к. регулярное субсидирование зарубежных компартий официально было прекращено. КПК лишилась всеохватывающей и детализированной до мелочей советской финансовой поддержки, продолжавшейся чуть менее 15 лет.

В дальнейшем финансирование КПК не прекратилось. Москва продолжала выделять деньги, но не ежемесячно, а целе-

выми ассигнованиями в ответ на конкретные просьбы компартии. С 1936 г. и до роспуска Коминтерна Москва переправляла в советские районы значительные суммы в валюте, которые менялись в соответствии с внешнеполитическими обстоятельствами СССР. Примечательно, что 3 июля 1941 г. СССР выделил китайским коммунистам 1 млн долл. После роспуска Коминтерна в 1943 г. вплоть до 1949 г. КПК не раз обращалась к советскому правительству с настоятельными просьбами оказать ей помощь. В архиве сохранилась расписка Чжоу Эньлая в получении 500 долл. в Коминтерне в апреле 1949 г.

Таким образом, Коминтерн не только создал, но и содержал китайскую компартию на протяжении 1920–1940-х гг. Без этой поддержки КПК не стала бы той политической силой, которая пришла к власти в 1949 г. С другой стороны, постоянное финансирование КПК в определенной мере предопределило идеологическую зависимость партии от Коминтерна и СССР.

Источники

1. ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы. Т.: I-V. М., 1994-2007.
2. *Ян Куйсун*. И цзю эрши – и цзю сы ши няньдай мосыкэ вэй чжунгун тигун цайчжэн юаньчжу тинкуан гайшу (Краткий обзор финансовой помощи, предоставленной Москвой Компартии Китая)//Эрши и шицзи вань лубань. Июнь 2004, № 27 (30 июня 2004).
3. *В.Н. Усов*. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. М., 2011.

Степанова Е.Н.,
ИДВ РАН

ГЕНДЕРНЫЙ ФАКТОР ЭЛИТ ТАЙВАНЯ И ЯПОНИИ

Фокусом данной работы является гендерный многофакторный анализ женского сегмента политических топ-элит как важнейшего канала выражения интересов женской половины населения Тайваня и Японии.

Существующее ресурсное гендерное неравенство оценивается по нескольким факторам. Кроме этого учитываются факторы политической социализации, происхождение субъекта политики, лояльность к государству, социуму и др., с помо-

щью которых можно прогнозировать дальнейший карьерный рост субъектов политики или моделировать их поведение. На Тайване необходимо также учитывать сильное влияние конфессионального фактора.

Женщины попадают в политику по системе *«гильдий»*, которая, по оценкам автора, существует как на Тайване, так и в Японии, с тенденцией к воспроизводству существующего типа лидерства. Согласно принятым политическим технологиям и особенностям одного концептуального полиса, *в антрепренерскую* (на первый взгляд) систему рекрутирования топ-элит органически встроена система «гильдий». Так, внутри женского сегмента политической элиты Японии образуется «ядро», состоящее, в свою очередь, из двух кругов: представителей бизнеса – более 50% и политики.

Закрытый тип (в течение долгого времени) обоих обществ – Тайваня и Японии – не создавал автоматически закрытый тип рекрутирования элит. Гендерное неравенство в уровне образования (или его типе, что также важно), доходах, опыте работы приводит к тому, что женщины менее представлены в тех слоях, из которых происходит рекрутирование в политику, поэтому их шансы на политическое участие значительно меньше.

Отношения элит на Тайване в эпоху постколониализма можно охарактеризовать как тройственные: местные - национальные – материковые элиты. Конфликты между элитами остаются фактором, способным изнутри серьезно повлиять на стабильность политического режима на острове. Внутри самих элит прослеживается четкое деление на два основных лагеря – «синих» и «зеленых».

В женский сегмент элиты в Законодательном юане встроенное «гильдийное ядро» из представителей привилегированной верхушки составляет примерно 50% (18 человек), назначение этого «ядра» определяется специфическими политическими и геополитическими условиями существования данного социума. Остальные 50% обладают опытом политической и ад-

министративной работы в высших эшелонах власти, являясь советниками, председателями различных ассоциаций и т.п. Женщины в политических элитах Тайваня являются в основном выпускницами Национального Тайваньского Университета («визитная карточка» элит), университетов Чжэнчжи, Тамканского, а также университетов США, Японии, Англии и др.

Как и в Японии, на Тайване на региональном уровне ситуация складывается не в пользу женщин. Борьба за представительство в местных органах власти на Тайване более ожесточенная, чем в крупных городах, женщине-кандидату необходимо обладать более высоким уровнем образования или исключительными *экспертными* способностями. Региональная элита является важным каналом рекрутирования общенациональных элит (и может «продвигаться» последними), поэтому возрастание числа женщин в местных органах власти может отразиться и на женском представительстве в парламенте.

Можно сделать предварительный вывод о том, что как и в других парламентских демократиях, доступ в процесс принятия политических решений в Японии возможен только через политические партии, играющие ключевую роль в продвижении женщин в структуры власти. Нельзя не отметить, что увеличение представительства женщин в Японии – *процесс медленный, но устойчивый*. Партии прибегают к различным методам для привлечения женского электората на свою сторону, передвигая женщин-кандидатов на первые позиции по партийным спискам, так же, как и лидирующие партии на Тайване – Гоминьдан и ДПП.

Очевидно, что история женского движения на Тайване, его постепенное превращение в серьезную политическую силу и его «прорывы» ярко отражены в общем характере женской политической топ-элиты, что также дает основание признать исключительность феномена женского движения на Тайване среди стран конфуцианского ареала.

У Линьчунь,
д.н., Национальный тайваньский университет Дун Хуа

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНЖЕНЕРЫ В КИТАЕ И ИХ БИЗНЕС: «ОБЩЕСТВО ИНЖЕНЕРОВ КИТАЯ», 1901–1941 гг.

До сих пор не проводилось серьёзных исследований обществ зарубежных инженеров и их деловых предприятий в современном Китае. Настоящая разработка нацелена на заполнение данного пробела, фокусируя внимание на данной группе – Обществе инженеров Китая. Эта международная ассоциация была основана 15 января 1901 г. в Шанхае английским инженером Габриэлем Джеймсом Моррисоном в период после подъёма «Боксёрского» восстания («восстания ихэтуаней» – *прим. переводчика*), в тот самый год, когда скончалась королева Виктория. Викторианская эпоха в британской истории была тесно связана с расширением сфер свободной торговли, и с начала нового XX в. для зарубежных инженеров в Китае появились многообещающие возможности бизнеса, поскольку так называемый «Боксёрский протокол», навязанный Китаю внешними державами, обеспечил движущие мотивы, доступные возможности и финансы для развития их (инженеров) предпринимательства в Китае. Зарубежные инженеры явно выиграли от этой новой ситуации. Потребность в развитии железных дорог, водопроводных станций и систем, газовой инфраструктуры, гражданских инженерных проектов, гавани и порта в Шанхае и имущества и инфраструктуры международных поселений в Китае – всё это привлекло многих европейских инженеров в Китай. При этом Британия была самой влиятельной державой в Китае на рубеже веков. «Общество инженеров Китая» по своей модели и структуре копировало аналогичную организацию в Лондоне. Это общество было основано группой английских инженеров, включая прежде всего ведущих инженеров и архитекторов в Шанхае, по сути и по форме напоминая

его материнскую организацию в Лондоне.

Шанхайскому местному отделению института гражданского, механического и электрического инженерного дела было разрешено стать филиалом лондонского института. «Общество инженеров Китая» функционировало в Китае более 40 лет и являлось в реальности международной организацией с участием инженеров из Китая и ряда других стран. Оно стало многонациональной организацией после 1910-х гг. Это общество играло важную роль в экономических, научных и культурных обменах между Китаем и зарубежными странами и обеспечило возможности для создания инженерных социальных сетей в Китае.

Несмотря на попытки Общества быть профессиональной и неполитической организацией, этот институт был тем не менее втянут в дипломатические и политические споры в Китае, в т.ч. в проект модернизации Шанхайской международной гавани. Хорошо сохранился и очень ценен для данного исследования профессиональный журнал Общества, выпуск которого был приостановлен после начала войны на Тихом океане. Этот официальный журнал редко исследуется, и целью настоящей разработки является анализ деятельности европейских инженеров и их отношения к развитию современного Китая на основе исследования данного официального журнала – этого редко используемого замечательного документального источника.

Перевод с английского к.и.н. К.К. Меркулова.

Хохлов А.Н.,
к.и.н., ИВ РАН

КИТАЙСКИЙ МАРШАЛ ФЭН ЮЙСЯН В ОЦЕНКЕ Л.М. КАРАХАНА

Об известном китайском военном лидере Фэн Юйсяне существует большая литература на европейских и восточных языках, особенно в КНР, где только в 1980–1990-е гг. XX в. было опубликовано более двадцати различного рода датированных книг, не считая исследовательских статей в научной периодике. При всем

значительном объеме публикаций и многообразии сюжетов, получивших освещение в печатной продукции КНР, наименее изученными остаются вопросы, касающиеся контактов Фэн Юйсяна с советскими дипломатами в различные периоды его военно-политической деятельности задолго до антияпонской войны 1937–1945 гг. Среди этих вопросов в 1920-е гг. наиболее остро обсуждалась проблема материальной и финансовой помощи СССР воинским формированиям Фэн Юйсяна, боровшихся с засильем наиболее крупных китайских милитаристов и их пособников. Разумеется, ее практическое решение во многом зависело от характера советско-китайских отношений, получивших официальный статус после подписания в мае 1924 г. в Пекине договора об установлении нормальных дипломатических отношений. Примечательно, что личное знакомство Фэн Юйсяна с Л.М. Караханом состоялось еще 6 сентября 1923 г. в китайской столице во время приема, устроенного китайским лидером в честь приехавшего сюда советского дипломата. Приветствуя гостя как важного представителя соседнего государства, граница которого с Китаем протянулась на тысячи ли (протяжением в 10 тысяч верст), Фэн Юйсян не без гордости сообщил, что ее охрана поручена ему. На это Карахан ответил китайскому военачальнику, что границам Китая не грозит опасность, так как со стороны России не может произойти нападение на своего соседа, при этом приветствовал китайского генерала как организатора национальной китайской армии, способной защитить интересы и честь китайского народа.

В указанном смысле выдержана оценка Фэн Юйсяна и в цитируемом ниже письме российского посла Л.М. Карахана от 1 марта 1925 г. из Пекина на имя наркома иностранных дел Г.В. Чичерина: «Мы должны всеми силами поддерживать античжан-цзо-линевские группировки и в первую очередь Фэн Юйсяна. Это чисто практическое соображение, вытекающее из того, что КВЖД находится в Маньчжурии и что здесь сосредоточены чрезвычайно важные наши вопросы».

Особенно интересным представляется письмо Карахана от 26 июля 1926 г., где он, в частности, сообщал Чичерину: «Ваша телеграмма, что Фэн может превратиться в нашего врага, очень меня встревожила, ибо *хороши мы были бы, если в результате нашей политики одну из основных сил здесь на севере [Китая], силу прогрессивно-национальную, превратили бы в фигуру, враждебную нам*.

Я уверен в том, что если мы и не удовлетворим полностью всех просьб Фэна, это не сделает его нашим врагом. Это может принести ему много огорчений, если хотите, до известной степени, и разочарования, но это будет далеко от того, чтобы третировать его как врага. Но я должен привлечь Ваше серьезное внимание к тому, что *нужно проявить очень много заботливости в отношении Фэна, чтобы не разочаровать его и не настроить пессимистически в отношении нас*. Задача эта – трудная и деликатная. И я очень рад, что с этим непосредственно в Москве уже столкнулись, ибо на практике Вы можете убедиться, как трудно иметь дело с китайским генералом и как трудно отказывать ему, когда он обращается за помощью, а главное – трудно отказать так, чтобы сохранить с ним дружественные отношения» (курсив мой. – *А.Х.*).

С учетом всех трудностей, возникших в ходе переговоров Фэн Юйсяна относительно финансовой помощи, нельзя не признать, что отказ в получении займа от советской России не повлиял на дружелюбный настрой китайского маршала к советской стране и его народу, не говоря уже о его неизменно благожелательном отношении к Л.М. Карахану, которому Фэн Юйсян прислал вышедшую в Шанхае в 1935 г. свою книгу «Чахар кан-жи ши-лу» («Правдивые записи о сопротивлении японцам в Чахаре»).

Источник

1. АВП РФ, ф. 0100, оп. 10, д. 139, п. 134, л. 1-2 и др.

Шитов А.В.,

ИДВ РАН

ПАРТИЙНЫЕ, АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ В КНР, ОДНОВРЕМЕННО ИСПОЛЬЗУЮЩИЕ ДВА И БОЛЕЕ НАИМЕНОВАНИЯ

В Китае считают, что у явления – «одна организация, имеющая множество вывесок» (*игэ цзигоу докуай пайцзы*) — две причины. Первая – сохраняющаяся со времени образования КНР фактическая неразделенность партийно-государственного аппарата. Партийный орган в той или иной ситуации может использовать наименование административного органа.

Например, Центральный военный совет КНР – Военный совет при ЦК КПК. Кроме «партийного» наименования – Военный Совет при ЦК КПК – контролирующий армию орган использует ещё одно, «государственное», наименование – Центральный военный совет КНР.

Канцелярия новостной информации Госсовета КНР – Канцелярия внешней пропаганды при ЦК КПК с мая 2011 года использует третье наименование: Государственная канцелярия по вопросам информации в сети Интернет.

Канцелярия Госсовета КНР по делам Тайваня – Канцелярия ЦК КПК по работе с Тайванем. Государственное управление КНР по обеспечению секретности – Канцелярия Комиссии ЦК КПК по обеспечению секретности.

Государственное управление КНР по управлению шифровальной работой – Канцелярия руководящей группы ЦК КПК по вопросам шифровальной работы.

Вторая причина явления «одна организация, имеющая множество вывесок» – выполнение правительством функций неправительственных организаций. К числу органов, одновременно использующих наименование административного и общественного органа, в частности, относится Китайский комитет содействия международной торговле – Международная торговая палата Китая.

Два «партийных» наименования одновременно может использовать один и тот же партийный орган, например, Канцелярия ЦК КПК по иностранным делам – Канцелярия руководящей рабочей группы при ЦК КПК по вопросам безопасности государства.

Два «административных» наименования одновременно может использовать правительственный орган, например, Управление по морским делам Министерства транспортных перевозок при работе с иностранцами именуется Управлением КНР по морским делам или Китайским управлением по морским делам.

Среди общественных организаций КНР также имеет место явление «одна организация, имеющая множество вывесок». Например, отдел по вопросам прав и интересов молодёжи и юношества комитета комсомола одновременно использует такое название, как канцелярия комитета по вопросам защиты несовершеннолетних.

Шматов В.Г.,
Алтайская государственная академия образования им. В.М.Шукшина

К ВОПРОСУ ОБ ОКАЗАНИИ ПОМОЩИ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ СРАЖАЮЩЕМУСЯ КИТАЮ (1937–1941 гг.)

После начавшейся в 1937 г. широкомасштабной агрессии Японии против Китая, единственным государством, вставшим на защиту интересов китайского народа на международной арене, стал Советский Союз. Советское руководство, внимательно наблюдая за развитием событий в Китае, еще задолго до июля 1937 г. прорабатывало курс своей дальневосточной политики. Речь шла о возможной морально-политической, дипломатической, военно-технической помощи жертве агрессора.

Уже в первые два года после начала агрессии по просьбе центрального правительства Китая в северо-западной провинции Синьцзян силами Советского Союза в сжатые сроки был

построен ряд военно-промышленных предприятий, продукция которых была крайне необходима фронту. Кроме этого, большое количество уже готовой продукции: самолеты, артиллерийские орудия, снаряды, патроны – направлялись из СССР в Синьцзян, который являлся и тыловой базой, и единственным регионом, имеющим транспортную артерию, связывающую страну с внешним миром[1].

Обеспечить бесперебойную доставку воюющему Китаю огромного количества грузов на тот момент возможно было только автотранспортом, который практически отсутствовал в самой провинции. Еще в Военном обзоре советской разведки от 1926 г. автотранспорт столицы Синьцзяна – Урумчи характеризовался следующим образом: «В исправленном состоянии 3 автомобиля, имеется 4 шофера из числа русских эмигрантов»[2].

В документе от 1935 года указывается, что «автотранспорт провинции находится в зачаточном состоянии и заметной роли в жизни еще не играет. В 1935 г., по данным китайской прессы, по всей провинции насчитывалось 125 автомашин самых разнообразных марок, среди коих, вероятно, весьма значительный процент негодных.

Автотранспорт, в силу вышеупомянутых причин, является пока что наиболее дорогим средством, самым дешевым средством сухопутного транспорта оказался верблюд»[3].

Понимая сложность сложившейся ситуации, Советский Союз по просьбе китайского правительства начал поставку автотранспорта в Синьцзян. Директор конторы автосельхозмашин Щербаков в феврале 1941 г. сообщал помощнику заместителя наркома внешней торговли СССР тов. Авакову о количестве машин, отгруженных в Западный Китай в 1939–1940 гг. по маркам:

Транспорт	1939	1940
Грузовик «ЗИС- 5»	127	187
ГАЗ – АА	12	55

Полугрузовик пикап	2	62
Легковая машина М-1	12	41
Прочие	2	12
ИТОГО автомашин:	155	357 [4]

При этом в справке, отражающей состояние дел с продажей автомашин в Западный Китай на имя Наркома внешней торговли Кагановича Ю.М. от 11 февраля 1941 г., указывается, что начальником Восточного управления НКВТ т. Кумыкиным П.Н предложены новые соображения по ценам на автомашины на 1941 г., исходя из расчета продажи только за наличный расчет:

Автомобили М-1 – 5 штук по 8280 руб.

\\ полугрузовик «Пикап» – 15 штук по 7590 руб.

\\ грузовик «ГАЗ-АА» – 20 штук по 8855 руб.

\\ «ЗИС-5» – 30 штук по 11040 руб.

Автобусы «ГАЗ-3» – 2 штуки по 14260 руб.[5].

Нельзя не отметить, что большинство товаров шло в Западный Китай по заниженной цене. К примеру, автомобиль М-1 по отпускной промышленной цене стоил 9310 руб., а продавался по цене 8280 руб. В Синьцзян продавались не только сами автомобили, но и необходимые комплектующие к ним. Например, автопокрышки и камеры для всех типов поставляемых автомобилей[6].

Стройная и четко отлаженная работа автотранспорта обеспечивала бесперебойное снабжение Китая военным снаряжением и материалами. Своевременная поставка военных материалов Советским Союзом Китаю оказала существенное влияние на ход боевых операций китайской армии.

При этом автотранспорт, поставленный в Синьцзян, как отмечалось выше, явился важнейшим элементом в функционировании транспортной артерии соединявшей СССР и районы центрального Китая, питавшей силы китайского сопротивления.

Источники

1. Более подробно см. работу: Бармин В.А. СССР и Синьцзян. 1918-1941 гг. Барнаул 1998., с. 154-176.

2. РГАВИ Ф. 25895 оп. 1, Д. 832, Л. 392.
3. Там же Д. 955, Л. 124.
4. РГАЭ Ф. 413. оп. 12, Д. 90502, Л. 16.
5. Там же Л. 15.
6. Там же Л. 4.

Юркевич А.Г.,
к.и.н., НИУ – ВШЭ, ИДВ РАН

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ВОЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА ГОМИНЬДАНА В 1920-Е ГОДЫ: ЧАН КАЙШИ VS СУНЬ ЯТСЕН; ЧАН КАЙШИ VS СОВЕТНИКИ

1. Проблема формирования стратегии политического и военного строительства Гоминьдана для правоверных гоминьдановцев сводится к самоотверженному претворению в жизнь усилиями Чан Кайши и его соратников идей Сунь Ятсена. В КНР и за рубежами Китая отмечаются прагматические и даже утилитаристские мотивы, влиявшие на реализацию программных положений Гоминьдана наследниками Суня. Среди этих мотивов отмечается стремление Чан Кайши использовать те идеи военного и политического строительства, которые были принесены советскими военными советниками.

Между тем в 1920-е гг. в Гоминьдане складывалась стратегия развития партии и государства, которая, во-первых, *противоречила текущим интересам и намерениям Сунь Ятсена*, во-вторых, *шла вразрез с планами советских советников*. Осуществление данной стратегии было замаскировано под осуществление советской версии создания «революционных вооруженных сил» в Китае.

2. *Противостояние Чан Кайши и Сунь Ятсена*. В 1923–1924 гг. лидер Гоминьдана осуществлял «ротацию» приближенных кадров. Вместо обретших самостоятельность прежних сподвижников он пытался опереться на относительно молодых, лично преданных ему гоминьдановцев. В их числе был и

будущий лидер Гоминьдана Чан Кайши. Успешное выполнение им миссии в Москве (Чан возглавил посланную туда осенью 1923 г. делегацию Гоминьдана) дало основание Сунь Ятсену назначить малопопулярного и не имевшего прежде особых заслуг перед партией генерала начальником «партийной» военной школы (школы Хуанпу). При этом политическим приоритетом Сунь Ятсена осталось осуществление Северной экспедиции, итогом которой должно было стать установление власти Гоминьдана в Китае. Осенью 1924 г. он попытался организовать военный поход на Север. Этой авантюре, слабо подкрепленной и военными, и политическими ресурсами, не стали содействовать военные советники. Но и верный ученик Суня Чан Кайши, несмотря на требования вождя, отказался предоставить для участия в провальной затее свои «учебные» части, формировавшиеся при школе Хуанпу.

2. *Противостояние Чан Кайши и советников*. Проект создания «учебных» частей был разработан Чан Кайши летом 1924 г. под предлогом подготовки унтер-офицерских кадров «для всех армий», союзных южнокитайскому правительству. Советникам поначалу сообщили о планах создания только одного полка. Не было им тогда известно и о заблаговременном учреждении в Шанхае вербовочного пункта, который занимался наймом унтер-офицеров и солдат для новых частей[1]. Инициатива встретила поддержку советников, которые усмотрели в ней «новую возможность проникновения в армию» и перспективу сделать полк опорой «оформившегося левого крыла Гоминьдана»[2]. Советники догматически следовали установкам Коминтерна на завоевание коммунистами доминирующего положения в национальных движениях на Востоке и опыту гражданской войны в России, пытаясь через контроль над военными школами подчинить своему влиянию полусамостийные войска, поддерживавшие Сунь Ятсена.

Этим догматизмом и помощью Москвы воспользовался Чан Кайши. Для него создание частей, так и не ставших учеб-

ными и не попавших под контроль коммунистов и советников, было частью далеко идущего стратегического плана. Комплекс «военная школа – линейные части» стал базой для формирования институтов, жизненно важных для системы власти Гоминьдана. К этому комплексу восходят так называемая Центральная армия, подчиненная лично Чан Кайши и обеспечивавшая в 1930–1940-е гг. его влияние на региональный генералитет; «Общество соучеников Хуанпу», составившее организационную базу влиятельных политических организаций («Общество возрождения» в 1932–1937 гг., «Союз молодежи трех народных принципов» в 1938–1944 гг.), военных политорганов и спецслужб; «клика Хуанпу» (*Хуанпу си*), ставшая одной из самых влиятельных фракций Гоминьдана. Для Чан Кайши «войска Хуанпу» были «точкой опоры» будущей гоминьдановской государственности. Он обрел ее, переиграв эмиссаров Москвы в области стратегии военного строительства.

Источники

1. Блюхер в Китае, 1924-1927: новые документы главного военного советника / сост., отв. ред., авт. введения и примеч. А.И. Картунова. М.: Новалис, 2003. С. 155-156.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 627. Оп. 1. Д. 8. Л. 15-16.

КИТАЙ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР (ФИЛОСОФИЯ, РЕЛИГИЯ, ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО)

Балтгалве А.,
д.фил.н., Латвийский Университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К СОВРЕМЕННОМУ ПЕРЕВОДУ КИТАЙСКОГО ПЕРВОИСТОЧНИКА «КНИГИ ПЕРЕМЕН» НА ЛАТЫШСКИЙ ЯЗЫК

Перемены – это понятие, которое характеризует всемирное развитие в XX–XXI вв. Огромные перемены произошли в развитии технологий и наук, в общественном мнении, в международных отношениях, в семейных связях и других сферах. В настоящее время каждый день подвергнут переменам в такой мере, как никогда в прошлом.

Китайцы заметили важность принципа перемен уже как минимум три тысячи лет назад, ещё до изобретения письменности. Толкование перемен в природе и в человеческой жизни стало основой философской и научной мысли раннего общества Китая. В Западной Чжоу появились первые письменные записи в виде практического руководства для прорицателей, а во время династии Хань «Книга перемен» («И-цзин») приобрела вид учения мудрости.

В последующих веках «Книга перемен», как магнит, постоянно притягивала к себе новые смыслы и толкования. Благодаря принципу перемен, который лежал в основе книги, её функции и способы применения оказались неисчерпаемыми. «Книга перемен» стала источником многих традиционных наук – астрологии, геомантии, математики, медицины, философии, а также боевых искусств, со временем изучение «Книги перемен» выделилось в обособленную науку, которую сегодня знают как «ицзинистику» («науку перемен», *yixue*易学).

В данный момент в рамках научного проекта Латвийского Университета «Всемирное пространство в духовном мире Лат-

вии» (Pasaules telpa Latvijas elpā) запланирован перевод «Книги перемен» на латышский язык. В связи с этим встает вопрос о методике перевода и комментариях к этому древнему китайскому памятнику. Необходимо определить задачи переводчика, ожидаемый круг читателей, также важно исследовать технические возможности, традицию классических и современных китайских комментариев и методику перевода на иностранные языки.

Ясно одно – «Книга перемен» будет претерпевать изменения в силу следующих предпосылок: огромный промежуток во времени (около трех тыс. лет) и в пространстве (около пяти тыс. км), восприятие переводчика с латышском менталитетом и образованием, полученным в среде европейской культуры. Несмотря на тот факт, что изначально этот проект научный, перевод будет ориентирован на более широкого читателя и на подход рецепционистской критики.

Учитывая современные возможности технологий и ожидания читателей, некоторые задачи и предложения по методике перевода представляются следующими. Оформить основной текст и пояснения гексаграмм в удобочитаемом виде; выбрать один лучший аналог на латышском языке для каждого иероглифа, не используя в тексте скобки (возможны подстрочные примечания); ограничить перевод и комментарий одной гексаграммы максимум двумя страницами; для определения структуры основного текста и частоты применения специфических выражений применять электронные методы; для систематического перевода основного текста учитывать возможности применения электронных программ перевода; обсудить возможные подходы к комментарию – социологический, мифологический, антропологический критицизм.

Окончательный корпус перевода должен состоять из трёх частей. В первой части – основной текст и комментарии к гексаграммам (*guaming*卦名 – название гексаграммы, *guatuan*卦彖 – рассуждение гексаграммы, *guaci*爻辞 – пояснения по лини-

ям). Во второй части – подробный обзор истории, научной роли книги и теории перемен с философской точки зрения для тех, кто заинтересован в подробном академическом исследовании «Книги перемен». В третьей части – таблицы и пояснения для практического применения. Последняя часть особенно важна для проверки коэффициента основной функции теорий перемен и определения точности всего перевода.

Перевод, согласно старокитайской традиции праксиса перемен, должен представлять собой текучую жизненную энергию, которая создаётся из взаимодействия неба и земли и которая может быть приспособлена к переменам современной общественной мысли латышской аудитории.

Блажкина А.Ю.,
ИДВ РАН

ТЕОРИЯ ИДЕАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ РАННЕГО КОНФУЦИАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ ТРАКТАТА «ИСКРЕННИЙ ВНИМАЕТ»)*

Теория идеального управления государством в трактате «Искренний внимает» из собрания годяньских рукописей строится на основании концепции о Великом Постоянстве (*да чан* 大常), которое отождествляется с Великим Дао, Небесной Добродетелью и исходит от Неба. Великое Постоянство является основой управления государством. Поэтому в тексте сказано: «Небо ниспосылает Великое Постоянство – это основа управления людьми». Функции Великого Постоянства в деле управления людьми заключаются в том, чтобы контролировать государя и его подчиненных, проверять, соотносится ли их деятельность с долгом; устанавливать родственные отношения между родителями и детьми, семейные отношения между мужчинами и женщинами. Задача истинного правителя заключается в том, чтобы приблизиться к Великому Постоянству.

В деле управления государством важная роль отводится концепции, которая называется «спрашивать с себя» (*цюй чжу*

*цзи*求諸己): «…благородный муж спрашивает с себя до самой глубины». Эта концепция является исходным пунктом этической доктрины конфуцианства, о чем сказано еще в «Лунь юе» («Благородный муж спрашивает с себя, низкий человек — с других»). Концепция «спрашивать с себя» предполагает максимальную степень ответственности правителя перед его народом («благородный муж ценит не тьму вещей, а единение с народом»). Кроме того, она идейно связана с положением о том, что подлинный правитель должен «являться примером» (*шэнь фу* 身服). Правитель выступает в качестве образца-истины (*фа* 法) для народа, и тогда народ следует за ним. Поэтому в тексте говорится: «Если верхи сами подают пример, то народ непременно становится лучше».

Данной концепции идейно противостоит положение, которое в тексте сформулировано как «забывать себя» («забывать [спрашивать с] себя») (*ван ху ци шэнь*亡乎其身). Говоря о чиновнике, который является опорой государства, «забывать себя» означает пренебрегать самосовершенствованием и не прилагать усилия для осуществления задачи гармонизации Поднебесной. Тоже верно и в отношении правителя: «Тот, кто забывает себя, существует только лишь на словах, хотя увеличивает число указов, но народ не следует им. Поэтому если подчинение из-за боязни наказания становится обычным делом, то здесь забывают себя». Правитель, который «забывает себя», существует лишь номинально, он не управляет страной и народ не спешит подчиняться его приказам. Автор разделяет два понятия: «существовать» (*цунь* 存) – то есть иметь наивысший онтологический статус, и «существовать номинально» или « на словах» (*цунь ху ци цы* 存乎其辭) – т.е. не вполне существовать. Даже наличие закона, оформленного посредством декретов и указов, не гарантирует его соблюдение («если действиям не верят, то и законам не следуют»). Только личный пример правителя и чиновников, непрестанно выполняющих задачу просвещения народа, может обеспечить спокойствие и процветание

Поднебесной. Ведь «если верхи берут инициативу в свои руки, то неповиновению народа приходит конец».

Положение «забывать себя» является логичным следствием того, что время эпохи «великого единения» (*да тун* 大同) осталось в далеком прошлом, и Поднебесная перестала находиться в руках совершенномудрых правителей, таких, как легендарные правители древности – Яо и Шунь.

* *Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 13-03-00246.*

Источники

1. *Ли Лин.* «Годянь чу цзянь сюэ ду цзи» («Очерки о годяньских бамбуковых планках»). Пекин. 2002.
2. Го И: «Годянь чжуцзянь юй сиэнь цинь сюэшу сысиан» (Годяньские бамбуковые планки и научное мышление в доциньскую эпоху). Шанхай. 2001.
3. «Лунь юй» («Суждения и беседы») / Госюэ шуюань силе. Чанчунь. 2009.

Борисенко О.А.,
к.ф.н., Забайкальский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ НА КИТАЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ОТРАЖЕНИЯ ПОЛИТИКИ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Диалог культур является одним из главных фундаментов в развитии человека и общества. Традиция жить в гармонии с самим собой и уважать других – одно из основных требований развития мировой культуры. Столкновение между культурами может привести к большим серьезным проблемам не только на национальном уровне, но и в глобальном масштабе. Поэтому взаимодействие культур – это сложный и структурированный процесс, в котором нужно рассматривать интересы двух сторон, и только тогда будет возможен диалог.

Современный мир уже давно привык, что когда говорят о концепции «мягкой силы», подразумевают не только Запад, но

и Китай и восточную культуру. Условия глобализации, переход к рыночным отношениям открыли для Поднебесной возможность изучения нового образа жизни и нового образа мышления. Диалог культур Востока и Запада пропитывает всю повседневность. Китай открылся глобализации двояко – с одной стороны, это развитие рыночных отношений, а с другой – сохранение самобытности. Выходя на мировой рынок, страна выдвигает не только результаты «тяжелой силы» (модернизируется армия, развивается космическая отрасль, крупные китайские компании расширяют свое присутствие за рубежом, активизируется внешняя политика), но и становится популярной «китаезация» мира и распространение восточной культуры.

Культура является основным фактором человеческой деятельности. В основе любого взгляда на ситуации или проблемы лежит культура. Современная картина культуры Китая достаточно разносторонне и широко представлена в мире.

«Мягкая сила» – это не политическая риторика, а средство повышения глобальной конкурентоспособности, ибо экономическая, интеллектуальная и коммуникационная конкуренция, а не война (которая является уделом неразвитых стран и обществ) стала главным средством достижения побед в XXI в. Голливудские звезды и американские бренды намного эффективнее по силе воздействия на общество. Но современный человек устал от постоянной беготни, суеты, «жизни в пробках», сейчас он ищет себе покой, тишину – отсюда создание уютных маленьких парков среди небоскребов, в которых можно уединиться, приблизиться к природе сквозь череду будней; популяризация отдыха в Азии – Китае, Таиланде, Индонезии. Все это демонстрирует результаты «мягкой силы». Запад, следуя своей линии глобализации, не осознавал, что «экспортируя» в Китай «свой образ жизни», одежду, музыку и фастфуд, он не сможет изменить внутренне человека китайской культуры, в котором от рождения заложены почтительное отношение к старшим, уважение традиций и национальных жизненных устоев. Для

распространения «мягкой силы» китайской культуры по всему миру открываются Институты Конфуция, идет популяризация китайского языка и культуры, переводятся фильмы, книги и газеты на иностранные языки, ежегодно проходят международные научные конференции. В частности, в последний день 2012 г. в Китае состоялось важное мероприятие – учредительное заседание Китайской ассоциации публичной дипломатии.

Большое разнообразие культур показывает уникальность каждой отдельно взятой. В условиях глобализации диалог культур принимает на себя миссию парламентера. Эта миссия заключается не только в том, чтобы гармонизировать существующие международные отношения, но и способствовать формированию новых.

* *Статья подготовлена в рамках Соглашения 14.B37.21.0031 о реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» в 2009–2013 гг.*

Источники

1. Глобальные тенденции образования: Запад идет на Восток Журнал (08.01.11) http://kompasgid.ru/?p=13830.
2. *Родькин П.* «Мягкая сила» Готова ли Россия к мировой битве «витрин»? (29.01.2013) http://mn.ru/oped/20130129/336429595.html.
3. *Лукин А.* Китай: мягкая сила и псевдообщественная дипломатия (19.01.2013) http://rus.ruvr.ru/2013_01_19/101645798/.

Вавра Д.,
Центр синологических исследований, Университет им. Масарика, Чехия

«ЧЖУАНЦЗЫ» О ЖИЗНИ И СМЕРТИ: КОНСТРУИРОВАНИЕ СМЫСЛА ВНЕ ТЕКСТА

Отношение человека к факту смерти – сквозная и очень важная тема трактата «Чжуанцзы». Однако текст предлагает читателю различные идеи относительно значения смерти (часто совершенно противоположные), препятствуя тем самым ин-

туитивной попытке читателя реконструировать четкий смысл на основании текста трактата. Данный доклад исследует читательские стратегии, определяемые самим текстом, и испытывает их на отдельных пассажах из трактата, касающихся отношения человека к жизни и смерти.

Данное исследование основывается на тех современных тенденциях в синологической текстологии, которые рассматривают тексты эпохи Сражающихся царств в качестве коротких текстовых блоков, оригинальный социальный контекст которых известен лишь фрагментарно. Вместо того, чтобы реконструировать оригинальный контекст или искать соответствующие паттерны в самом тексте трактата «Чжуанцзы», автор доклада рассматривает эти текстовые блоки в качестве особых примеров реализации тех (космологических) теорий, что были распространены в философском дискурсе периода Сражающихся царств. Приводятся аргументы в пользу того, что имплицитное прочтение текстового блока в составе текста «Чжуанцзы» обосновывается идеями, находящимися за пределами содержания и контекста самого этого блока.

Если применить подобный метод имплицитного прочтения к отрывкам, касающимся жизни и смерти, то проявляется один из важнейших теоретических концептов: противопоставление Дао и материального мира, причем Дао представляется силой, которую используют люди. Это доказывает, что различающиеся между собой идеи смерти и жизни (основное различие состоит в «избегании преждевременной смерти» и в «преодолении как жизни, так и смерти») равным образом находятся под влиянием этой универсальной теории. Но вместе с тем они сохраняют и свое различие. Эти концепты представляют собой различные способы того, как следует жить правильно; а сила поступать правильно оказывается выводимой из общей космологической структуры.

Наконец, данный доклад показывает, что хотя отдельные текстовые блоки и могли происходить из разных социальных

контекстов, о которых нам известно крайне мало, тем не менее в процессе передачи они были заново встроены в новый социальный контекст. Этот самый новый контекст был общим и для этих текстовых блоков, и для других текстов, известных как «философские произведения» (*чжуцзы*) – посвященных совершенствованию человека на основе реализации в себе самом космических сил (к этому присоединялся и политический подтекст). Таким образом эти текстовые блоки встраивались в структуру интертекстуальной космологической теории, которая перенаправляла их имплицитное прочтение, не лишая при этом их исходного содержания.

Перевод с английского к.филос.н. А.Г. Алексаняна.

Гирченко Е.А.,
аспирант, Институт археологии и этнографии СО РАН

ГОРОДИЩЕ САНЬСИНДУЙ – КРУПНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ЮГА КИТАЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ

Саньсиндуй – уникальная культура эпохи развитой бронзы, распространенная в пределах современной провинции Сычуань и районов Чунцина. Эпонимный памятник находится в уезде Гуанхань и представляет собой укрепленное городище площадью более 12 кв. км.

В 1986 г. на территории памятника были обнаружены две прямоугольные ямы с большим количеством артефактов из бронзы, золотой фольги, нефрита, слоновой кости, керамики. Кости животных и многие бронзовые предметы были перед погребением предварительно обожжены, что привело исследователей к выводу о связи ям с церемонией жертвоприношения. К сожалению, исторические свидетельства достаточно скудны, в «Шицзи» Сыма Цяня и более поздних хрониках «Хуаян гочжи» и «Шуван бэньцзи» встречаются лишь несколько упоминаний о существовании на территории Сычуаньской котловины некоего древнего государства Шу.

Бронзовые изделия Саньсиндуя очень необычны и разно-

образны. Это бронзовые антропоморфные головы и маски разных размеров, большое (свыше 260 см) изваяние стоящего на пьедестале человека, фигурки коленопреклоненных людей, разнообразных зооморфных существ, «священные» деревья», сосуды больших размеров, наполненные морскими раковинами и мелкими нефритами, детали интерьера древнего храма и т.д. Некоторые находки жертвенных ям имеют прямые аналогии в шанском Китае, например, ритуальная утварь и некоторые типы нефритовых изделий. Другие предметы типичны для Китая бронзового века, но имеют некоторые характерные только для Сычуани особенности, например, клевцы с треугольным бойком и без типичной бородки. Но бронзовые статуи или предметы из золотой фольги не имеют прямых аналогий на территории Китая.

Культура предстает уже в готовом виде, и мы не можем проследить процесс ее становления. Неолитические материалы маловыразительны и типичны для Китая в целом, а городище Саньсиндуй – это неоспоримо крупнейший политический и сакральный центр юга Китая эпохи Шан. Многие китайские исследователи говорят об автохтонном зарождении культуры, но в таком случае нужно отметить огромный скачок, который смогло совершить неолитическое поселение за относительно короткий отрезок времени.

На памятнике Саньсиндуй выделяются четыре культурных горизонта. Но первый имеет очевидные различия от последующих трех. Именно на рубеже первого и второго периодов изменяется керамический материал, появляются стены городища, развивается металлическое производство.

Возможное влияние извне, например, появление носителей культуры бронзы, осевших впоследствии на данной территории, делает этот стремительный прогресс более правдоподобным. Также, вероятно, появление новых атрибутов ритуала может быть связано и с расширением власти Саньсиндуй на соседние территории, ведь для производства предметов из ме-

талла такого масштаба нужна была сильная государственная власть и развитая система организации производства, т.к. месторождения меди находились довольно далеко от городища Саньсиндуй, а мастерские – на территории самого памятника.

Источники

1. *Варенов А.В., Гирченко Е.А.* Культовые бронзы Саньсиндуя и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. XV. – С. 246 – 251.
2. *Сыма Цянь*. Исторические записки. – Т. 1. – М.: Наука, 1972. – 440 с.
3. Гуанхань Саньсиндуй ичжи (Памятник Саньсиндуй в уезде Гуанхань) // Саньсиндуй яньцзю (Исследования Саньсиндуй). Чэнду: Сычуань чубань цзитуань. 2006. С. 132 - 160.
4. Гу Шу вэньхуа Саньсиндуй (Культура древнего царства Шу – Саньсиндуй). Пекин: 2001. 273 с.
5. *Дуань Юй, Цзоу Ицин*. Саньсиндуй вэньмин. Чанцзян шанъю гудай вэньмин чжунсинь (Культура Саньсиндуй. Центр древней культуры в верхнем течении Янцзы). Чэнду: Сычуань жэньмин чубаньшэ, 2006. 136 с.
6. Саньсиндуй цзисыкэн (Жертвенные ямы Саньсиндуй). – Пекин: Вэньу чубаньшэ. 1999. – 628 с.

Дащенко А.В.,
Академия таможенной службы Украины

СТИЛЬ *И-АНЬ* В РАБОТАХ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Китайские исследователи связывают историю формирования стиля *И-ань* с именем знаменитой поэтессы Ли Цинчжао (1084–1155 гг.). Как отмечает Чэнь Цзумэй, «в свое время стиль *И-ань* был одной из больших популярных тем в исследовании [творчества] Ли Цинчжао» [1, с. 108]. По сути, сама поэтесса обусловила особенности разработки данной проблематики: первый в истории Китая трактат «Рассуждения о жанре *цы*» (*«Цы лунь»*词论), написанный Ли Цинчжао, подавляющим большинством поэтов, комментаторов и ученых воспринимался в первую очередь в качестве апологии стиля *И-ань*, и лишь

во вторую – как адекватное описание отличительных особенностей поэтического жанра *цы* в целом.

Ли Цинчжао указывает на семь элементов, которые должны присутствовать в любом произведении в жанре *цы*: классические примеры, аллюзии, акцент на чувствах, детальное описание, язык, изящество строк и гармония тонов. Обращение к современным работам, посвященным стилю *И-ань*, показывает, что исследователи под последним понимают буквально то, что поэтесса говорила о жанре *цы* в целом.

Чжоу Гуйфэн в качестве отличительных черт данного стиля называет понятный язык, гармоничную рифму, нежный и иносказательный стиль выражения и очарование стихов[2]. Сян Мэйлинь также называет среди черт стиля *И-ань* простой язык, изящную рифму, нежный стиль и очарование *цы* [3]. Ли Сю-и указывает на следующие особенности стиля *И-ань* – использование простого языка и изящные рифмы[4]. Чэн Цзинцзин, рассматривая историю рецепции стиля *И-ань*, отмечает, что в течение столетий были обобщены четыре основных аспекта данного стиля: художественное выражение, естественный стиль письма, особый взгляд на *цы*, а также индивидуальность и изящество[5]. Жао Ин отмечает важное влияние стиля *И-ань* на развитие сунской культуры: подвергнуты сомнению существующие трактовки жанра *цы*; с изменением политической ситуации менялись и мелодии; была проведена рефлексия над собственными чувствами и популяризировано прямое выражение женских чувств; положено начало изменениям в культуре относительно восприятия жанра *цы*. Это указывает на уникальные характеристики стиля И-ань, отличающими его от всех других поэтических произведений, написанных и мужчинами, и женщинами[6].

Подобный консенсус китайских исследователей **различных** эпох, находящийся в жесткой зависимости от представлений самой Ли Цинчжао, может показаться архаичным и свидетельствующим о закоснелости литературоведческой рефлексии.

Проблема заключается в том, что основополагающая характеристика *цы* – соблюдение чередования тонов – на современном этапе не может быть верифицирована, как минимум, по двум причинам. Во-первых, «лингвисты не могут реконструировать действительное произношение иероглифов в эпоху Сун» [7, с. 127], потому нет возможности идентифицировать тон. Вторая причина – *цы* обычно сочинялись не только на конкретные мелодии, впоследствии безвозвратно утраченные, но и для конкретного исполнителя. Это налагало ограничения даже на уровне мужского или женского голоса, не говоря уже о более точных классификациях.

Т.о., именно невоспроизводимость сегодня правила соотношения тонов и обусловила зависимость современного китайского литературоведения от категориального аппарата, сложившегося в эпоху Сун. В силу этого мнения современников Ли Цинчжао, далеких от канонов современного литературоведения, автоматически признаются наиболее обоснованными и авторитетными. Это, в свою очередь, привело к импрессионистскому стилю соответствующей традиции, когда «критические замечания зачастую выражены таким образом, что сами напоминают лирическое описание и впечатление» [8, XI].

Источники

1. 李清照/陳祖美。臺北市，2004.
2. 论易安体的美学贡献/周桂峰//淮阴师范学院学报,2002.01.
3. 易安体独特风格论析/向梅林//长沙大学学报,2006.06.
4. 论易安体的艺术特色/李秀义//作家,2008.24.
5. “易安体”美学意蕴的历史阐释–
   易安词千年接受史考察/程晶晶//安徽师范大学学报, 2007.02.
6. 易安体与宋型文化/饶迎//湖南城市学院学报,2009.02.
7. Rydholm L. In search of the generic identity of ci poetry. Doctoral dissertation. – Stockholm, 1998.
8. Kang-I Sun Chang. The evolution of Chinese tz’u poetry from late T’ang to Northern Sung. – Princeton, 1980.

Завидовская Е.А.,
к.филол.н., СПбГУ

РАБОТА ГОСУДАРСТВА ПО РАЗВИТИЮ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАЦМЕНЬШИНСТВ В КНР (НА ПРИМЕРЕ ТИБЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ)*

Тибетский автономный район и другие тибетские автономные административные образования составляют внушительную часть территории КНР, тибетцы гордятся своей древней, самобытной культурой. Поскольку в регионе сохраняет остроту проблема проявлений сепаратизма, то очевидно огромное значение, которое придает государство культурной работе в Тибете.

Начиная с 1950-х гг., во всех регионах, населенных нацменьшинствами, ведется системная работа по формированию литературы современного типа. Она включает несколько направлений: сбор и изучение фольклора и традиционной письменной литературы нацменьшинств; подготовка писателей из числа этих народов; редактирование истории их литератур, налаживание работы писательских организаций, издательств и литературных журналов. Эти мероприятия призваны интегрировать литературы нацменьшинств в общекитайскую, где главенствующее положение принадлежит произведениям китайских писателей. Развитие тибетской литературы имело свою специфику, что связано с наличием собственной литературной традиции в основном религиозной направленности на классическом языке, которая выполняла в обществе задачи иные, чем современная светская литература. Острой оказалась проблема адаптации тибетского языка под новые задачи и выразительные цели.

В 1980 г. Государственная комиссия по делам национальностей и Союз писателей Китая провели Всекитайскую конференцию по литературам нацменьшинств. Уже в 1980 г. в Пекине прошло первое заседание по Тибету, в 1981 г. была прове-

дена первая рабочая встреча работников литературы Тибета, организовано отделение ВАРЛИ Тибета, Союз писателей Тибета. Так складывались механизмы, обеспечивающие работу писателей внутри госсистемы. Основными центрами изучения тибетской литературы в Китае являются Центральный университет национальностей в Пекине, Институт национальных литератур АОН Китая (основан в 1980 г.). В 1965 г. в г. Сянъян (пров. Шэньси) был организован Тибетский национальный институт (Сицзан миньцзу сюэюань), в котором в 2011 г. был организован Центр исследования новейшей тибетской литературы (*Сицзан дандай вэньсюэ чжунсинь*), там же прошла конференция по случаю 60-летия новейшей тибетской литературы.

Формирование современной тибетской литературы с конца 1970-х гг. шло медленно, ряд мероприятий стимулировал ее развитие: конференции, литературные журналы на двух языках, отделения изучения литературы нацменьшинств в АОН КНР. Особенно сложно формировалась литературная критика на тибетском языке. В 1992 г. было организовано Научное общество исследования современной тибетской литературы внутри ВАРЛИ ТАО, в Пекине прошла конференция по вопросам поэзии Идама Церинга (1932–). Разработке концепции «единого пространства тибетского искусства и культуры» способствовало проведение нескольких конференций под названием «Литературное творчество пяти тибетских регионов (районов)» (*цзан цюй у шэн (цюй) вэньсюэ чуанцзо хуэйи*) (Синин 1981 г., Лхаса 1982 г., Ланьчжоу 1983 г., Чэнду 1985 г., Куньмин 1988 г., Синин 1994 г.). Организаторами выступили Госкомитет по делам национальностей, Союз китайских писателей, провинциальные отделения пропаганды, ВАРЛИ и т.д. В них в основном принимали участие писатели, литературоведы, критики тибетцы, многие из которых занимали ключевые посты в писательских организациях.

В Тибете писатели современного типа появились только в конце 1950 г., новое поколение авторов тибетской националь-

ности заявило о себе в начале 1980-х гг. Те из них, чья молодость пришлась на период «культурной революции», плохо освоили тибетский язык, преподавание которого было под запретом. Более молодые тибетские авторы владеют и родным, и современным китайским языком, но многие из них предпочитают писать на тибетском. Язык произведения стал одной из основных проблем тибетской литературы. Сформировалось две параллельно существующие группы: пишущих на китайском и тибетском языках. Безусловно, известность тибетоязычных писателей внутри КНР значительно уступает славе пишущих на китайском, среди которых наиболее известны Даши Дава, Алай, Себо, поэтесса Вэйсэ. Ряд писателей переводит свои работы на китайский язык в целях популяризации.

* *Статья написана в рамках научно-исследовательского проекта РНГФ «Тибетская литература в современном литературном процессе КНР» (12-34-09004), СПбГУ.*

Зиганьшин Р.М.,
ИВ РАН

ТЕЗИС-АНТИТЕЗИС-СИНТЕЗ И ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЗНАНИЙ

Согласно Гегелю, все развитие в мире происходит через единство и борьбу противоположностей. Это положение впоследствии стало одним из основных положений марксизма, конечно же, не «справившимся» с тем, чтобы стать «единственно верным в мире учением». Законы природы не в силах отменить никто, какими бы великими людьми они не были и к каким бы жестоким методам они не прибегали. Никакое учение не может обладать монополией на истину, это противоречит одному из главных принципов диалектики – развитию и закону отрицания отрицания.

Согласно им, сама истина динамична: она развивается через тезис, антитезис и синтез, проходя тем самым свою эволюцию. Сначала идет тезис, затем его противоположность, затем

происходит объединение – синтез. Никакое развитие и осмысление чего-либо невозможно без отрицания, позволяющего взглянуть на предмет под другим углом зрения. Опровергнув что-либо, оно претендует на новую истину, но истина старая неизменно к нам возвращается в виде синтеза, дополненная своим отрицанием. Двойное отрицание не усиливает опровержение истины, а наоборот, доказывает ее, возвращает к ней. Никакая истина не может быть вечной и неизменной – она зависит от времени. То, что вчера считалось истинным – сегодня ложно, и наоборот.

Принцип единства противоположностей как фундаментальный принцип мироустройства возник еще в древних философских школах, в частности, у древнегреческих философов Анаксимандра Милетского, Парменида и Гераклита. В древнем Китае единство противоположностей стало главным принципом даосов: «Превращение в противоположное есть действие дао» («Дао дэ цзин», § 40). «Бытие и небытие порождают друг друга, трудное и легкое создают друг друга, длинное и короткое взаимно соотносятся, высокое и низкое взаимно определяются, звуки, сливаясь, приходят в гармонию, предыдущее и последующее следуют друг за другом» («Дао дэ цзин», § 2). В триаде Небо–Человек–Земля Человек является порождением двух противоположностей – Земли и Неба, и в то же время является их связующим звеном, сочетающим в себе оба начала – *инь* и *ян*, т. е выступающим их неким синтезом.

Формула тезис–антитезис–синтез находит свое отражение и в современных науках, причем как в частных случаях, так и в глобальном масштабе. Каждая отрасль наших знаний, по мнению Огюста Конта, последовательно проходит три различных теоретических состояния: состояние теологическое или фиктивное; состояние метафизическое или отвлеченное; состояние научное или позитивное. Другими словами, человеческий разум в силу своей природы в каждом из своих исследований пользуется тремя методами мышления, характер которых су-

щественно различен и даже прямо противоположен: сначала методом теологическим, затем метафизическим и, наконец, позитивным. Отсюда возникают три взаимно исключающих друг друга вида философии или три общие системы воззрений на совокупность явлений: первая есть необходимый отправной пункт человеческого ума; третья – его определенное и окончательное состояние; вторая предназначена служить только переходной ступенью.

При всей справедливости высказывания О. Конта следует все же отметить, что в настоящее время вновь наблюдается некий возврат к теологическому или «фиктивному» состоянию человеческих знаний. Это вызвано разочарованием во всесилии науки и человеческого разума в эпоху постмодернизма. Именно поэтому мы снова и снова изучаем древние истины, казалось бы уже давно «успешно» опровергнуты и заменены новыми «самыми передовыми» учениями. Никакие революции и перевороты, как научные так и политические, за всю историю человечества не смогли и не могут в принципе установить вечных неизменных истин. Мы и в этом случае наблюдаем схему «тезис–антитезис–синтез».

Источники

1. *Конт О.* Закон трех стадий истории. // Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии. М.: Наука. 1994. С. 42.

Кейдун И.Б.,
к.и.н., Амурский государственный университет

НАЧАЛО ИЗУЧЕНИЯ В РОССИИ КОНФУЦИАНСКОЙ КЛАССИКИ (НА ПРИМЕРЕ ТЕКСТА «ЛИ ЦЗИ»)

Классический конфуцианский трактат «Ли цзи» («Записи о правилах благопристойности», «Книга ритуалов») занимает важнейшее место в китайской культуре. Составленный в I в. до н.э. «Ли цзи» сразу был высоко оценен официальной наукой и включен в состав конфуцианского канона – ограниченный круг основополагающих памятников конфуцианского учения.

Изучение классического конфуцианского трактата «Ли цзи» можно и должно рассматривать как важнейшее средство для более полного понимания основ и сути китайской цивилизации.

Первые шаги на этом длительном пути исследования «Ли цзи» были сделаны во второй половине XVIII – середине XIX вв. Работа с памятником ограничивалась, за небольшим исключением, только переводами. Их выполняли сотрудники действовавшей в Пекине Российской Духовной Миссии.

Подготовленные миссионерами исследования трактата связаны исключительно с двумя его главами – «Да сюе» («Великое учение») и «Чжун юн» («Следование середине»). Интерес был вызван философским содержанием этих разделов, а также тем, что они на правах самостоятельных текстов входили в состав конфуцианского «Четырехкнижия» («Сы шу»). Первый русский перевод вышеупомянутых разделов из «Ли цзи» принадлежит А.Л. Леонтьеву (1716–1786 гг.).

Материалы, свидетельствующие о работе с теми же самыми главами, присутствуют среди рукописного наследия архимандрита Иакинфа (Бичурина). Будучи начальником девятой Российской Духовной Миссии (1807–1821 гг.), на седьмом году пребывания в Пекине он перевел «Да сюе», «Чжун юн», «Мэн-цзы», «Лунь юй».

Сотрудник 10-й Российской Духовной Миссии в Пекине иеромонах Даниил (Сивиллов) после возвращения из Пекина был назначен заведующим кафедрой китайского языка на восточном факультете Казанского университета. Именно во время пребывания в Казани он подготовил свой перевод книг «Да сюе» и «Чжун юн».

Свои переводы конфуцианской классики подготовил О.П. Войцеховский, бывший врачом 1-й Российской Духовной Миссии в Пекине, где он выучил китайский и маньчжурский языки, а впоследствии ставший преподавателем на восточном факультете Казанского университета.

В 1862 г. была подготовлена работа П. Рождественского «Ли-цзи (перевод и примечания к первым четырем цзюаням)». Работа содержит переводы глав «Цюй ли», «Тань Гун», примечания к ним, а также рассуждения по тексту общего характера.

Важные для конфуцианства тексты не были обойдены вниманием В.П. Васильева, известнейшего русского китаеведа, который был прикомандирован к 12-й Российской Духовной Миссии. Среди работ В.П. Васильева также присутствуют переводы из «Да сюе» и «Чжун юн».

Труды по Китаю Э.В. Бретшнейдера (сотрудника Российского посольства в Пекине) написаны и изданы, главным образом, на английском, французском, немецком языках. Работы этого автора насыщены материалами из первоисточников. Его исследования по «Ли цзи» основывались на переводах Дж. Легга. Э.В. Бретшнейдером составлены индексы к «Ли цзи» и «Чжоу ли».

Таким образом, начало изучения в России конфуцианского классического трактата «Ли цзи» относится ко второй половине XVIII в. – времени, когда в России закладывались основы научного китаеведения. Большую роль в этом процессе сыграли члены Российской Духовной Миссии в Пекине, которые положили начало изучению конфуцианской классики. Качество выполненных трудов находилось на уровне мировой синологии: часто работы, выполненными отечественными учеными, бывшими членами Российской Духовной Миссии, вызывали большой интерес со стороны зарубежных исследователей.

Источники

1. Зачетные письменные работы студентов за 1862 г. // Центральный государственный исторический архив СПб (ЦГИА СПб). – Ф. 14. – Оп. 3 – Т. 4. – Д. 15497.
2. Известие о новых книгах // Санкт-Петербургский вестник. – 1780. – Ч.6. – С. 369-372.
3. *Скачков П.Е.* Очерки истории русского китаеведения. – М., 1977. – 504 с.
4. Та-гіо или Великая наука // Академические известия. – 1779. – Май. – С. 59-101.

5. Четырехкнижие, или любомудрие китайцев, разделенное на четыре книги. Перевод ординарного профессора Казанского университета Даниила Сивиллова. 1840-1842 гг. // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). – Ф. 273. – Картон 20. – Д.2; Картон 21. – Д.1.
6. *Шофман А.С., Шамов Г.Ф.* Восточный разряд Казанского университета (Краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. – М., 1956. – С. 418-448.

Кобзев А.И.,
д.филос.н., ИВ РАН

НЕИСПОВЕДИМОСТЬ ПУТИ-*ДАО*: В.М. АЛЕКСЕЕВ И Н.И. КОНРАД

Как известно, «неисповедимы пути господни» и «от судеб защиты нет». Согласно канонам китайской философии столь же таинствен «небесный» Путь-*дао*. В этом смысле поучительно сопоставление судеб двух классиков отечественного востоковедения - академиков В.М. Алексеева (1981–1951 гг.) и Н.И. Конрада (1991–1970 гг.), которые были близко знакомы с 1910 г., в судьбоносном 1917 г., по свидетельству последнего, «встречались аккуратно каждый день и проводили вместе пять-шесть часов», а затем многие годы шли общим путем, но поразному. Предпосылки к этому сложились уже в тесном общении революционной поры, когда в соответствии с возрастом и обстановкой радикально настроенный Конрад начал расценивать романтический энтузиазм старшего коллеги как «беспочвенную энергию», «ретивую энергичность», а преданность классическим методам – как «далекое от науки мещанство».

Алексеев, несмотря на свое «правильное» социальное происхождение: внебрачный сын счетчика на оружейном заводе (М.А. Алексеева) и домохозяйки из притеснявшихся еврейских мещан (М.Г. Сидрон), – всегда саркастически оценивал классовый подход большевиков. В 1929 г. Алексеев, позволявший себе высказывания «об уничтожении культуры при советском строительстве», был все-таки избран действительным членом

АН, но тогда же в администрации СНК СССР получил характеристику «реакционера», «настроенного резко антисоветски». Столь критически оценивая советскую власть, марксизм и пролетариат, он, однако, никогда не арестовывался.

Напротив, Конрад – совершенно не пролетарского происхождения: сын состоятельного инженера-железнодорожника из латышских немцев и дочери священника из Орловской губернии, – активно сотрудничал с коммунистическими властями и поддерживал «марксистскую науку», в частности, уже в 1918 г. участвовал в пропагандистской деятельности НКИД, в ЛВИ готовил кадры для КНВД, в 1933 г. в газете «За социалистическую науку» опубликовал статью «Я не мыслю своей работы без участия коммунистов», а уже в 1934 г. был избран членкором АН. В 1929 г. он поддержал прием в АН СССР известного мракобеса А.М. Деборина, который, став одним из ее руководителей, в 1937 г. усиленно продвигал кандидатуру Конрада в действительные члены АН (по отмеченному Алексеевым принципу do ut des, т.е. взаимообразности) и одновременно в 1937–1938 гг. возглавил травлю Алексеева. Однако не объект его инсинуаций, а протеже Конрад подвергся аресту, избиениям и пыткам, получил пять лет исправительно-трудовых лагерей и провел в заключении три с лишним года (с 28.07.1938 по 06.09.1941).

Осуществлявшаяся из самых мощных пропагандистских орудий и полная крепчайших выражений атака на Алексеева проходила на фоне уже произведенных арестов и расстрелов его ближайших учеников (Б.А. Васильева, Ю.К. Щуцкого) и подготовки «изъятия» Конрада, вовлеченного в гонения на него, но этим себя не спасшего. Ученый секретарь ИВ АН СССР Х.И. Муратов отрецензировал изданную в 1937 г. в Париже книгу Алексеева «Китайская литература» как «мракобесную, политически вредную, лженаучную, основанную на патологических изысканиях», а японист из окружения Конрада Я.Б. Радуль-Затуловский – как «расистскую галиматью, смыкающую-

ся с фашистскими тенденциями в синологии». 31 мая 1938 г. в «Правде» появилась статья Муратова и представителя парткома АН СССР Б. Бурова об Алексееве с похожим на приговор заглавием «Лжеученый в звании советского академика». За этой директивной публикацией последовали проработки, на одной из которых – общем собрании Актива ИВ АН СССР 7 июня 1938 г. в длинном ряду зоилов выступил и Конрад, призвавший Алексеева осовремениться и стать марксистом. Все же бог миловал Алексеева, а не Конрада, который ровно через год после счастливого освобождения написал ему письмо со словами: «Многое мы выдержали с Вами. Вас Бог уберег от самого ужасного. Меня не пощадил ни от этого, ни от того, что в свое время пережили Вы. Но Вы имели блистательную компенсацию: я хорошо знаю о Вашем юбилее, и о том, какой характер был ему придан. Конечно, прекрасно понимаю, что он мог только усилить в Вас чувство презрения к некоторым людям и чувство тщеты и горечи вообще».

Летом 1945 г., поздравляя Алексеева с награждением орденом Ленина, Конрад признал себя в первую очередь китаистом и его учеником, а в следующем году Алексеев выдвинул кандидатуру Конрада в действительные члены АН. В итоге тот перед смертью своего старшего коллеги в письме ему констатировал, что только на них двоих и держится вся классическая синология в СССР. Когда в 1958 г. посмертно готовились к изданию избранные работы Алексеева и Конрад уже стал полным академиком, возникла новая коллизия: борьба за право их редактирования. Успешным конкурентом оказался более верный ученик Алексеева Л.З. Эйдлин, которого Конрад уличал в «утаиваемом невладении рифмой» при нерифмованном переводе сверхрифмованной китайской поэзии и который в ответ перед самой смертью своего оппонента выступил в популярнейшем многотиражном журнале с сокрушительной критикой его заветной теории китайского Возрождения.

Коробова А.Н.,
к.филол.н., ИДВ РАН

ПРОДВИЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР КАК ОДНО ИЗ ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОЛИТИКИ КНР В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРЫ

Развитие и изучение национальных литератур и продвижение китайской литературы за рубежом являются приоритетными направлениями политики КНР в области литературы на протяжении последних лет.

2011–2013 гг. отмечены большим количеством научных конференций, семинаров и симпозиумов, посвященным национальным литературам.

В июне 2012 г. в Ланьчжоу (пров. Ганьсу) состоялась масштабная научная конференция по литературам нацменьшинств, организованная Китайским обществом литературы нацменьшинств, Северо-Западным национальным университетом, НИИ национальных литератур АОН КНР и редакцией журнала «Исследование национальных литератур».

В июле 2012 г. в Пекине прошел 4-й симпозиум по произведениям тибетских писателей, организованный Союзом китайских писателей (СКП), на котором обсуждались книги восьми молодых авторов и писателей среднего поколения, получивших известность в 1990-е гг. Среди них – Церинг Норбу (1973–, повесть «Баранов выпускают на волю» получила премию им. Лу Синя), Ньима Паньдо (ж., 1970–; наиболее известное произведение – роман «Пурпурный ячмень», номинированный в 2010 г. на премию им. Мао Дуня); Пема Намдрол (ж., 1967–; редактор журнала «Тибетская литература» и автор романа «Воскресшая богиня Тара»).

19 сентября 2012 г. в Пекине прошла 5-я всекитайская конференция, посвященная литературам нацменьшинств, в которой участвовали около трехсот писателей, поэтов, критиков, переводчиков и теоретиков литературы. В ходе конференции

состоялось вручение 10-й премии «Скакун» за произведения нацменьшинств в пяти номинациях (роман, повесть и рассказ, эссе, поэзия, очерк). Наибольшее количество премий получили произведения тибетской (5) и уйгурской литератур (3). Примечательно, что из 25 премированных произведений 10 написаны на национальных языках, остальные 15 – на китайском. Специальную премию вручили четверым переводчикам национальных литератур, что особенно важно для потенциального расширения круга читателей произведений, написанных не на китайском языке. Вместе с тем проблему наличия достаточного количества переводческих кадров для национальных литератур, на наш взгляд, еще предстоит решить.

Кроме тибетских писателей, китайская критика отмечает У Дэмина (представитель национальности чжуан) с его романом «Любовь в Шангриле» (история любви американского летчика и тибетской девушки из Юньнани во время второй мировой войны) и маньчжурку Е Гуанцинь (ее роман «Сваха *чжуанъюаня*» вошел в пятерку лучших романов 2012 г. по версии журнала «Дандай»).

Важно, что работа проводится не только в области взращивания национальных писательских кадров и поддержки национальных литератур, но и их *изучения и перевода*. Журнал «Миньцзу вэньсюэ» («Национальные литературы») выходит на шести языках (китайском, монгольском, тибетском, уйгурском, казахском и корейском).

Подготовкой писательских кадров систематически занимается Институт литературы им. Лу Синя – в июле 2012 там состоялся обучающий 20-дневный семинар для 40 писателей молодого поколения и среднего возраста из Синцзян-Уйгурского автономного района, в котором, кроме сотрудников института, приняли участие также члены СКП.

Возросшее количество специальных литературных премий (в настоящее время это «Скакун», «Джомолунгма», «Всекитайская премия за литературное творчество нацменьшинств»)

также способствует развитию литератур на национальных языках. В вопросах поддержки национальных литератур Китай, очевидно, уделяет особенное внимание решению политической задачи интегрировать литературы нацменьшинств в китайскую.

Источники

1. Вэньи бао. 05.12.2012. С. 5-8.

Кремнёв Е.В.,
к.социолог.н., ИГЛУ

К ВОПРОСУ О КИТАЙСКОЙ ПРОТОСОЦИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАКТАТА «СЮНЬЦЗЫ»)

Выделение Огюстом Контом социологии как самостоятельной науки полагают началом как западной социологии, так и социологии китайской, ставшей в значительной мере «калькой» западной науки. Тем не менее как в западной науке до Конта существовали социально-философские идеи, ставшие впоследствии основой социологии, так и китайская социальная философия развивала определенную протосоциологическую мысль, в значительной степени повлиявшую на становление китайской науки об обществе и закономерностях его развития.

В качестве отправной точки для выделения некоторых категорий, способных охарактеризовать китайскую социальную мысль как протосоциологию, обладающую собственным понятийным аппаратом, мы взяли знак «群» («группа людей», в контексте социологии – «социальная группа»). В XIX в. термин «социология» записывали как «群学» («наука о группах людей»), что можно встретить в работах Лян Цичао, Янь Фу, Чжан Тайяня. Это дает нам право выделить знак «群» как ключевой.

Впервые упоминания о «群» в понимании «социальная группа» встречаются в трактате конфуцианского философа Сюнь-цзы (313/290–238/215 до н. э.), в главе «Сюнь-цзы. Ван

Чжи» («Сюнь-цзы. Монархический строй», в переводе В.Ф. Феоктистова – «Правление вана»), описывающей принципы управления государством.

Анализ участков текста, содержащих знак «群», демонстрирует достаточно четкую понятийную структурированность и соотнесенность «群» с другими китайскими протосоциологическими терминами. В качестве таковых, кроме «群» («социальная группа»), в данном тексте выступают:

«分» – распределение социальных ролей;

«和» – социальная гармония;

«一» – социальное единство;

«争» – социальный конфликт;

«乱» – социальная нестабильность.

Рассмотрим примеры (перевод В.Ф. Феоктистова):

«人能**群**，彼不能**群**也» («Люди способны **жить сообща**, в то время как бык и лошадь не обладают этой способностью»).

«人何以能**群**？曰：**分**» («Благодаря чему люди могут **жить сообща**? Отвечаю: благодаря **разделению [обязанностей]**»).

«**分**何以能行？曰：义» («Благодаря чему возможно это **разделение [обязанностей]**? Отвечаю: благодаря чувству долга»).

«故义以**分**则**和**，**和**则**一**，**一**则多力» («Поэтому когда в соответствии с чувством долга осуществляется **разделение [обязанностей]** – это приводит к **согласию**; когда [среди людей] царит **согласие** – это приводит к **единству**; **единство** же приводит к умножению сил»).

«故人生不能无**群**，**群**而无**分**则**争**，**争**则**乱**» («Отсюда видно, что люди, живя в мире, не могут не **жить сообща**; если же они **живут сообща**, но [при этом] не осуществляют **разделения [обязанностей]**, тогда возникает **соперничество**. Когда возникает **соперничество** – это приводит к **беспорядку**»).

«君者，善**群**也» («Быть правителем» – значит уметь [заставить людей] **жить сообща**»).

«群道当，则万物皆得其宜，六畜皆得其长，群生皆得其命» («Когда путь **людей в совместной жизни** правилен, все вещи находят каждая свое место, домашние животные растут и умножаются, все живое получает возможность существовать»). «政令时，则百姓一，贤良服» («Когда приказы своевременны, народ **един**, а мудрые и талантливые [люди] охотно им подчиняются»).

Из вышеприведенных примеров видно, что указанные знаки употребляются в тексте как термины для обозначения основных социологических категорий, их взаимосвязи и представлений о социуме того времени. В этом смысле «Сюнь-цзы» представляется одним из произведений, положивших начало системе протосоциологического знания Китая, основой дальнейших работ о социальном устройстве.

Крушинский А.А.,
д.филос.н., ИДВ РАН

КЛЮЧ К РЕШЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ СВОЕОБРАЗИЯ КИТАЙСКОЙ ЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Ключ к решению проблемы своеобразия китайской логической мысли лежит в сфере **методологии**. Во-первых, Древний Китай отличает иной, нежели в Западной Европе тип теоретизирования (соответственно, иные дедуктивные стратегии). Имеется в виду **генетический** тип теоретизирования, представляющий собой методологическую альтернативу аксиоматическому. Обращение к этой альтернативе только и позволяет выявить собственно **формальные** аспекты логики Древнего Китая. В частности, реконструировать умозаключение, стандартно обозначаемое ныне иероглифическим биномом 類推 (букв. «родовое продвижение») как полноценную **дедукцию** (а не как всего лишь паралогическое рассуждение по аналогии), а также идентифицировать арифметизированное представление пропозициональной логики посредством графического симво-

лизма «И цзина» («Канона Перемен»).

Во-вторых, требуется осознание категориальной роли гексаграмм «И цзина». Именно категории, кодифицируемые этим древнейшим памятником китайской мысли, служат источником как **системности** китайской логической теории (напр., гексаграмма «Домашние» [家人] представляет собой категориальную основу для стратегии выправления имен [正名]; гексаграмма «Стояние» [艮] – для всех умозаключений, апеллирующих к понятию рода [類], так и ее **формальности** (напр., гексаграмма «Повтор» [復] выступает в качестве схемы рассуждений на основании образца [法象]).

На примере гексаграммной репрезентации пропозициональной логики уточним важнейшие конкретно-исторические черты той социокультурной детерминации, которая ответственна как за инаковость китайского типа теоретизирования, так и за общую конструктивистскую ориентацию китайской логико-методологической мысли.

В Древней Греции логика – как наука о правильной аргументации – возникает в связи с развитием практики ораторского искусства (судебное или политическое красноречие), т. е. как часть теории риторики. В Древнем Китае элементы пропозициональной логики обнаруживаются в числовых (в частности, календарно-астрологических) и графических (гексаграммы «И цзина») конструкциях, первоначально возникавших в процессе мантической практики и предназначавшихся в первую очередь для прогностических целей.

Подобная прогностическая нацеленность обусловила, в частности, тот приоритет дизъюнктивной структуры, который отчетливо просматривается в китайской версии пропозициональной логики. Ведь исходное назначение гексаграммного языка (лишь позднее эволюционировавшего в универсальный язык культуры) в качестве сакрального инструмента принятия решений состояло в том, чтобы служить средством коммуникации с высшими силами, что предполагало возможность успешно задавать оракулу вопросы. Причем эти вопросы преимущественно были вопросами типа «да» или «нет», т.е. в ка-

честве своей пресуппозиции предполагали ситуацию, описываемую такой строгой дизъюнкцией, в которой бралось некоторое утверждение вместе со своим отрицанием.

На Западе отправным пунктом зарождения логики высказываний явилось **синтаксическое** понимание высказывания как величины, принимающей одно (только одно) из двух истинностных значений. Затем (после введения понятия значений высказываний) следовал переход к семантике: происходило отождествление между собой всех истинных высказываний, а с другой стороны – всех ложных высказываний. Только вслед за этим поднимались на следующую ступень абстракции, когда истина отождествляется с **числом** 1, а ложь – с **числом** 0. После чего логические операции строгой дизъюнкции и конъюнкции, связывающие высказывания, превратились, наконец, в **алгебраические** операции сложения и умножения по модулю два.

В противоположность такой постепенной арифметизации логики (понимаемой в первую очередь как синтаксис – «логическая форма» высказываний) в Китае имел место противоположный процесс своего рода «логизации» арифметики (т. е. движение шло от семантики к синтаксису), когда числа и производимые над ними арифметические операции с самого начала получали среди прочего и логическое истолкование. Числа использовались в качестве кодов переменных, пробегающих по высказываниям: нечетные числа служили переменными для позитивных высказываний, а четные – для негативных.

Разнонаправленность векторов развития пропозициональных логик в Китае и на Западе с особенной четкостью высвечивает кардинальное различие исходных мотиваций для изобретения логики: с одной стороны дух интеллектуальной соревновательности, присущий греческой агонистике, с другой – китайская вера в судьбу, открываемую дивинацией.

Кучинская Т.Н.,
к.полит.н., доц., ФГБОУ ВПО
«Забайкальский государственный университет»

ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ФИЛОСОФИЯ И ПРАКТИКА КИТАЙСКОЙ МОДЕЛИ «ГАРМОНИЧНОГО МИРА»

«Гармония» как аксиологическое ядро внутреннего развития и единства социокультурного пространства современного Китая приобретает особую значимость во «внешнем» измерении, концептуально выраженном в философско-идеологической теории «гармоничного мира». Впервые выдвинутая китайским лидером Ху Цзиньтао инновационная идея «совместного построения гармоничного мира» (2005 г.) выступает идеалом новой эпохи «Великого единения Поднебесной» и теорией глобального мироустройства будущего на основе длительных мирных отношений и общего процветания, отражающей основные мировоззренческие ценностные ориентации видения современного миропорядка, глобальных проблем и прогресса всего человечества. «Гармоничный мир» в официальном идеолого-пропагандистском нарративе – мир культурно-цивилизационного многообразия, многосторонней демократии, справедливости, терпимости, доверия, сотрудничества, взаимной помощи, подлинного единения человека и природы как обеспечение устойчивого развития.

Авторская интерпретация сущности китайской модели «гармоничного мира» заключается в её характеристике как философии, способной значительно развить идеи транскультурализма и диалога культур, представляя потенциал расширения коммуникативной этики в условиях трансформации глобализирующегося социокультурного пространства мира. В условиях глобализации возрастает запрос на культурное разнообразие и взаимодействие на основе диалога культур, исключающее унификацию (вестернизацию) и фрагментацию (культурный изоляционизм, противопоставление «Восток-Запад»).

Осмысление «гармоничного мира» предполагается строить в универсально-патикулярной парадигме глобализирующегося регионализма, предполагающей наличие общечеловеческих ценностей глобальной цивилизации (мир, гармония, развитие, сотрудничество) при сохранении национальной (региональной) социокультурной специфики (существование «своего» пути развития).

Китайская модель «гармоничного мира» представляет собой гармонично развивающийся мир, где все конфликты решаются при помощи диалога. Диалогика (М. Библер) китайской модели «гармоничного мира» заложена в традиционных конфуцианских принципах единства множественного «*хэ эр бу тун*», принципе единства всего сущего, сформированного в представлении об *инь* и *ян*, принципе следования срединности (*чжунхэ*), даосском принципе *у вэй* – невмешательство, уважение многообразия путей развития. Китай в рамках осуществляемой теории «гармоничного мира» уделяет внимание налаживанию межкультурного диалога с другими странами. Диалог официально провозглашен руководством Китая в качестве основного инструмента ведения внешней политики.

На практике построение концепции «гармоничного мира» осуществляется по линии «четырех главных опор» многоуровневой «гармоничной дипломатии»: расширение диалога с великими державами являются ключом, с окружающими странами – приоритетом, с развивающимися странами – основой, а многосторонние институты – трибуной. Региональные проекции концепции «гармоничного мира» выражаются в расширении культурно-цивилизационного сотрудничества, диалога культур со странами Азии, концептуально выраженных в стратегии построения «гармоничного регионализма». Среди основных направлений цивилизационно-мировозренческого инвестирования идеологии «гармоничного мира» выделяются регионы Центральной Азии, Юго-Восточной Азии, Северо-Восточной Азии, Южной Азии.

Источники

1. *Абрамов В.А.* Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения. Монография. – М. Восточная книга, 2010. – 240 с.
2. *Абрамова Н.А.* Традиционная культура Китая и межкультурное взаимодействие (социально-философский аспект). – Чита: ЧитГУ, 1998. – 258 с.
3. *Кучинская Т.Н.* Архитектоническая модель социокультурного пространства современного Китая // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6; URL: www.science-education.ru/106-7689 (дата обращения 15.12.2012).
4. *Мамонов М.* Инерция и новации во внешней политике Китая // Международные процессы. Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2010.Том 8, № 3(24). URL: http://www.intertrends.ru/twenty-four/005.htm#note29 (дата обращения 15.03.2013).
5. *Кобзев А.И.* Диалог цивилизаций о смысле «диалога цивилизаций» // Диалог цивилизаций и гармоничный мир (Пекин. 11-13 июля 2010 г.). URL: http://wpfdc.org/images/stories/conf_2010/beijing_july2010/2010_07_china_artem_kobzev_rus.pdf.

Лебедева Н.А.,
к. филол.н., ДВФУ

РОССИЯ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ КИТАЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.: ЛИТЕРАТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ*

Культура и литература Северо-Восточного Китая к началу XX в. в силу географического положения и особенностей исторического развития региона отражала переплетение культурных традиций как крупных этносов (ханьского, маньчжурского, монгольского, корейского), так и малых народов – даворов, сибо, хэчжэ, эвенков, орочонов и других. Кроме того, регион испытывал воздействие западной культуры, в том числе и русской. Среди причин интереса к русской культуре особую роль сыграло строительство КВЖД и связанное с ним появление в Маньчжурии большой русской колонии. Существование на одной территории представителей китайской и русской культур

способствовало ломке стереотипов о непреодолимых противоречиях между ними. Революционное движение в России, последовавшие за ним перемены в социальном устройстве вызвали большой интерес у прогрессивной китайской интеллигенции. Русская литература критического реализма, советская литература 1920–1930-х гг. оказали воздействие на становление новой китайской литературы в регионе.

Степень воздействия литературы русской диаспоры Харбина была не столь значительна. При том, что стиль жизни русской колонии являлся для части китайской молодежи предметом пристального внимания и образцом для подражания, необходимо помнить, что переводы на китайский язык прозаических произведений А. Несмелова, В. Логинова, К. Сабурова, М. Шмейссера, А. Хейдока, Б. Юльского, Вс. Иванова и других русских писателей-харбинцев появились только в конце XX в. благодаря усилиям профессора Ли Яньлина[2]. Понятно, что не владевшие русским языком молодые китайские литераторы не могли познакомиться с этими произведениями.

Интересной представляется интерпретация идеи В.Н. Топорова о «петербургском тексте»[3] в отношении русской литературы, созданной в эмиграции на территории Маньчжурии в первые десятилетия XX века. Исследовательницы из Благовещенска А.А. Забияко и Г.В. Эфендиева[1] пишут о существовании «харбинского текста», важную роль в порождении которого сыграло особое маргинальное харбинское пространство сначала между двух миров – китайской и российской культуры, а затем и между трех – китайской, дореволюционной российской и новой советской. Утверждается, что есть основания проецировать миф о Северной Пальмире на харбинскую культуру. Врастание русских литераторов в необычную инокультурную среду, сопровождаемое процессом этнокультурной самоидентификации, способствовало формированию на харбинской почве особого художественного фона, ставшего отличительной чертой «харбинской ноты». Этот аспект проблемы еще

не изучен и представляет значительный интерес для исследования. Можно предположить, что «харбинский текст» являет собой особую форму литературного взаимодействия, во многом определенную региональными особенностями места своего появления и развития.

Таким образом, на Северо-Востоке Китая осуществлялось взаимодействие двух литератур – китайской и русской, представленной тремя вариантами: русской классической, советской и литературой русской диаспоры Харбина. Понятно, что в большей степени воспринимающей стороной была китайская литература, но и русская литература Харбина также впитывала в себя элементы китайской традиционной культуры.

Влияние русской и советской литературы на китайскую носило как типологический, так и контактный характер. Взаимодействие по типологическому типу было обусловлено наличием сходных условий исторического развития России и Китая, контактное влияние объяснялось многочисленными формами межкультурного взаимодействия, происходившего из региональной специфики Северо-Восточного Китая, граничащего с Россией. Немаловажную роль в этом процессе имело наличие в национальных культурах сходных установок относительно взаимоотношения личности и государства, идеологии и художественной культуры. Влияние русской литературы выражалось также в творческих импульсах, которые получали от нее китайские писатели. Влияние русской и советской литературы было мощным фактором формирования новой литературы Северо-Восточного Китая.

* *Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд» ДВФУ, грант №12-05-04110-05.*

Источники

1. *Забияко А.А., Эфендиева Г.В.* Меж двух миров. Русские писатели в Маньчжурии. Благовещенск. Амурский гос. ун-т, 2009.
2. Литература русских эмигрантов в Китае (В 10 Т.)/собиратель ориг., гл. сост., ред. Ли Яньлин. – Пекин: Китайская молодежь. – 2005.

3. *Топоров В.Н.* Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему)// Петербургский текст. М.: Наука, 2009, С.644-749.

Лемешко Ю.Г.,
Амурский государственный университет

БУМАЖНЫЕ ИКОНЫ *ЧЖИМА* В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: НЕВЕРБАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАНТЫ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В 1912 г. Вильгельм Грубе писал: «Характерный момент современной китайской народной религии состоит именно в том, что она свой материал берет отовсюду; в делах веры китайская масса отнюдь не разборчива. Так, она набирает свои божества без всякого разбора из древнекитайской религии, даосизма и буддизма. К ним присоединяются затем многие другие божества, не принадлежащие ни какой из этих трех религий, в большинстве случаев, по-видимому, местного происхождения» [2, с. 204].

После падения цинского режима (1644–1911 гг.) произошла постепенная институционализация даосизма и буддизма, народные верования и обряды стали рассматривать как суеверия. Бумажные иконы *чжима*, как и другие предметы жертвоприношений, были объявлены религиозными пережитками. По мнению Б.Л. Рифтина, *чжима* с изображением персонажей синкретического народного пантеона печатались до конца 40-х гг. XX в. Российский ученый относит их к особому типу народных картин: «Особый вид представляют лубочные иконы *чжима*, которые не вешались в доме, а были предназначены для сожжения во время молений соответствующему божеству» [4, с. 305]. В книге Т.И. Виноградовой мы находим подобную характеристику бумажных икон: «Лавки по печатанию *чжима*, «бумажных лошадок» делали специально отпечатки грубой резьбы, сжигавшиеся при обряде жертвоприношения предкам. Производство *чжима* просуществовало в Китае начиная с Тан

вплоть до недавних пор, теперь в них видят непосредственных предшественников народных картин *няньхуа*, или даже одну из их разновидностей. Однако функциональная разница между ними очень велика: *чжима* предназначались исключительно для оправления ритуала» [1, с. 63].

Известный исследователь народной картины-*няньхуа*, коллекционер, виднейший знаток народного искусства Ван Шуцунь (1923–2009 гг.) в предисловии к книге «Народные [иконы] *чжима*» пишет о том, что после 1949 г. было запрещено заниматься изготовлением бумажных икон [3, с. 6].

Во время «культурной революции» (1966–1976 гг.) были закрыты печатни по изготовлению *чжима*, мастера не могли передать свой опыт и знания, доски для печатания икон уничтожались, навсегда исчезали уникальные сюжеты. Для многих видов декоративно-прикладного искусства период «потерянного десятилетия» стал временем тяжелых испытаний. Политические и идеологические кампании, возникающие одна за другой, ставили своей целью уничтожить религиозные традиции (представители старшего поколения хорошо помнят «борьбу с четырьмя пережитками старого мира» (*по сы цзю* 破四旧), к которым относились идеология, культура, традиции/нравы и обычаи.

В настоящий момент процессы урбанизация и модернизации ставят под угрозу возможность дальнейшего существования народного искусства *чжима*. Сегодня деятельность по сохранению нематериального культурного наследия Китая (к которому были причислены и бумажные иконы *чжима*) рассматривается руководством как важная составляющая курса современного развития государства.

Необходимость сбора, описания и изучения икон *чжима* обусловлена тем, что их в полной мере можно рассматривать как источник для анализа религиозно-мифологической картины мира. Исследование народных изображений *чжима* поможет понять преемственность мировоззренческих представле-

ний китайцев о жизни и смерти.

Источники

1. *Виноградова Т.И.* Мир как «представление»: Китайская литературная иллюстрация / Т. И. Виноградова; Российская академия наук, Библиотека. – СПб.: Альфарет : БАН, 2012. - 332 с.
2. *Грубе В.* Духовная культура Китая. Литература, религия, культ / В. Грубе. Пер. с нем. П. Эфрусси. Санкт-Петербург, Издание Брокгауз-Ефрон. 1912. – 238 с.
3. Миньцзянь чжима / Ван Шуцунь чжу. – Бэйцзин: Чжунго цингунъе чубаньшэ, 2009. (Чжунго миньцзянь гунъи цюаньцзи). Народные [иконы] *чжима*/ Ред. Ван Шуцунь. – Пекин.Чжунго цингунъе чубаньшэ. 2009.
4. *Рифтин Б.Л.* Китайские народные картины и проблемы из изучения / Б.Л. Рифтин; Вестник РАН. 2010. Т. 80. № 4. С. 303-313.

Лукьянов А.Е.,
д.филос.н., ИДВ РАН

«ЧЖУН ЮН» И «ПРИРОДА ПРОИСХОДИТ ИЗ СУДЬБЫ» : РАСШИРЕНИЕ ТЕКСТОВОГО ОБЪЕМА*

1. Среди годяньских текстов, получивших квалификацию конфуцианских, содержится текст «Природа происходит из судьбы» («Xing zi ming chu» 性自命出). Формально название текста (*xing ming* 性命) конкретизирует мировую генетическую диаду *инь – ян* (*yin –yang*阴阳). Содержательно текст можно назвать развернутым онто-гносеологическим комментарием на трактат «Чжун юн» («Следование середине»): каждый генетический этап оформляется определенной категорией. Тем самым текст «Природа происходит от судьбы» объемно расширяет, систематизирует и уточняет онтологию «Чжун юна».

2. «Чжун юн» дает следующую последовательность онтогносеологической трансформации небесной судьбы: небесная судьба – природа – Дао (неуклонное следование природе) – учение (совершенствование в Дао). Субъект воплощения природы – конфуцианский цзюньцзы (благородный муж). Для соединения с природой он проходит процедуру палингенезиса

(обратного врождения в эмбриональную сущность), погружаясь в социоприродное космическое лоно. Цзюньцзы обрывает связи с человеческим миром и растворяется во вселенской (первозданной) энергии, придавая ей эмоциональные качества веселья и гнева, печали и радости. Здесь в полуимпульсе тождества эмоций цзюньцзы (перестающий быть конфуцианским цзюньцзы) обретает середину (*zhong* 中), в полуимпульсе расхождения эмоций – обретает гармонию (*he* 和). Далее происходит космообразование – устанавливается диада Небо-Земля, от которой нарождаются вещи. Цзюньцзы растворяется в этом космосе пульсирующей эмоцией середины-гармонии, превращая его в антропо-социоморфный организм.

3. «Чжун юн» дает ключ к прочтению годяньского текста. В первой же строке годяньской рукописи сказывается панантропоморфизм «Чжун юна»: здесь фигурирует уже не конфуцианский благородный муж, а наделенной природой человек вообще («всякий человек»). Он изначально обладает индивидуальным аналогом космического пульсара – сердцем, потенциально заряженным волениями/стремлениями. Однако множество людей с молчащими сердцами еще не составляют ни социального, ни природного единства *людей*. Это только разрозненное множество *индивидов*. Воля проявляется (рождается) через общение, начинает действовать через радость и утверждается через практическое действие.

4. Годяньский текст отчетливо показывает, что природа в своей первородной сущности есть эмоциональная энергия (*qi*气) веселья и гнева, печали и радости, и следовательно, представляет собой онтологически потенциальное качество для мира вещей. Природа выходит (является) вовне, и только тогда вещи обретают ее. Т.е., природа – это та же небесная судьба, претерпевшая трансформацию в соответствии с занимаемым космологическим местом человека – на Земле.

5. В развертке категориальной онто-гноселогической сети судьбы и природы годяньский текст размещает и Дао. Первым

следует Небо (выше вселенская энергия – ци), Небо ниспускает судьбу, судьба – природу, из природы рождаются чувства, из чувств берет начало Дао. Дао динамично: оно берет начало в чувствах и завершается архетипическим качеством долга/справедливости (*yi*义) (вероятно, долг/справедливость здесь символизирует весь духовный архетип пяти-и-пяти постоянств: дэ *de*德, жэнь *ren*仁, и *yi* 义 , ли *li* 礼, синь *xin*信). Далее, как и в «Чжун юне», в действие вступают познавательные способности человека: знание чувств дает способность исходить из Дао, а знание долга – способность входить в него.

Таким образом, годяньский текст в этом фрагменте замыкает всю генезисную цепочку небесной судьбы, изложенную в «Чжун юне». Текст «Чжун юна», играя роль архетипического текста, «распухает» в текстовых парадигмах годяньского текста, который делает ответвления и втягивает в повествование каноническую конфуцианскую классику. В этом смысле, действительно, как говорят китайские ученые, исследование годяньского корпуса побуждает к значительному историко-философскому переосмыслению ряда направлений китайской философии.

** Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) согласно проекту № 13-03-00246.*

Лян Чжэ,
аспирантка Шаньдунского университета и Российского университета дружбы народов, КНР

«ИНЬФУ ЦЗИН»: ДАО ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ

«Иньфу цзин» («Книга о единении сокрытого»), также называемая «Хуан-ди иньфу цзин» («Книга Хуан-ди о единении сокрытого»), стоит в одном ряду с такими классическими памятниками даосской мысли, как «Даодэ цзин» и «Чжуан-цзы». Основное значение этого произведения заключается в двух иероглифах в его заглавии: «иньфу», где «инь» означает сокро-

венное, тайное, а «фу» – единение, слияние. «Иньфу» собственно и означает соучастие природы в реализации и исполнении чего-либо. Весь текст «Иньфу цзин» пронизан диалектической мыслью, в нем описывается и особенно выделяется объективная необходимость дао Природы, и подчеркивается необходимость для людей постигать его и следовать ему, и ни в коем случае не отклоняться от данного пути-дао. Задачей данного исследования служит попытка, опираясь на идеи, изложенные в тексте «Иньфу цзин» в трех этих аспектах, предложить путь решения современных глобальных проблем с помощью вековой мудрости Древнего Китая.

Перевод с китайского к.филос.н. А.Г. Алексаняна.

Мартынов Д.Е.,
ИВМО КФУ

УТОПИЧЕСКИЙ РОМАН Э. БЕЛЛАМИ «LOOKING BACKWARD, 2000–1887» И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАН ЮВЭЕМ ВЕЛИКОГО ЕДИНЕНИЯ (*ДА ТУН*)

Роман Э. Беллами «Looking Backward, 2000–1887» «Взгляд назад, 2000–1887) впервые вышел в свет в 1888 г. и уже к началу XX в. только на английском языке разошёлся миллионным тиражом. До 1917 г. в России было осуществлено не менее десяти изданий трёх переводов и пересказов данной утопии, а в США было написано множество продолжений. По мнению М. Бьюмонта, роман Беллами заложил парадигму новой модели капитализма – потребительской, создал «модель мира как универсального магазина». В романе было описано множество сущностей, без которых немыслим современный мир: не только супермаркеты, но и кредитные карты, торговля по почтовым каталогам и т.д., что стало немедленно воплощаться на практике уже в XIX в. Примечательно и то, что описанная в романе социальная модель была создана без революционных потрясений.

Китайский перевод романа публиковался разными перио-

дическими изданиями в декабре 1891 г. – апреле 1892 г., о своём знакомстве с этим текстом писали Лян Цичао и Тань Сытун, причём Лян назвал роман «одной из самых важных западных книг, доступных в Китае». Хотя сам Кан Ювэй не оставил свидетельств о знакомстве с этим переводом, следует полагать, что он читал его, ибо беллетристике не был чужд. В «Библиографии японских книг» (1896 г.) упоминается фантастический роман Иноуэ Энрё «Записки о воображаемом путешествии в звёздные пределы».

Сравнивая тексты «Книги о Великом единении» Кан Ювэя (частично опубликованной в 1913 г.) и китайского перевода романа Беллами («*Хуй тоу кань*»), можно увидеть прямые параллели и заимствования. Китайский переводчик использовал термин *да тун* для описания будущего мира по Беллами, используя понятие «Великое единение» для перевода библейского «и увидел я новое небо и новую землю». Характерно, однако, что такой перенос смыслов не использовался переводчиками Библии – западными миссионерами.

Роман Беллами позволил Кан Ювэю совершить трансформацию сущностного содержания понятия *да тун*. Во-первых, произошёл перенос идеального мира из прошлого в будущее. Во-вторых, связь *да тун* с высокоразвитым технологическим обществом позволила отказаться от понимания идеального общества как общества первобытной простоты.

Романо М.,
Римский университет Ла Сапиенца, Италия

ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ В ПЕРЕВОДЕ БИБЛИИ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ НЕКОТОРЫМИ КАТОЛИЧЕСКИМИ, ПРАВОСЛАВНЫМИ И ПРОТЕСТАНТСКИМИ ИЗДАНИЯМИ

Первые христианские миссионеры, прибывшие в Китай (несториане в VII в., францисканцы, доминиканцы и иезуиты в XVI–XVII вв.), не утруждали себя переводом Библии на китай-

ский язык. Причин тому было немало, среди них: языковой барьер, большая ориентированность на пастырскую деятельность и отсутствие в церкви подобной традиции, неодобрение индивидуального чтения Библии и запрет на переводы Библии на национальные языки вплоть до XX в. Предпочтение отдавалось латинской «Вульгате». Несмотря на это христианские миссионеры с самого начала стали создавать китайскую христианскую лексику, которая позднее, особенно с прибытием в Китай миссионеров-протестантов, развилась в лексику библейскую. Миссионеры-протестанты рассматривали перевод Библии на китайский язык как вопрос первостепенной важности в деле евангелизации Китая. В то время, как католическая и православная церкви к конце XIX в. располагали еще лишь частичными переводами (Новый Завет), протестантские деноминации с самого начала взялись за полный перевод Библии (первый перевод был завершен к 20-м годам XIX в.). С этого периода вышло немалое число изданий Библии. Выбор терминологии («Бог», «Святой Дух», «Логос») поставил перед переводчиками немало проблем в передаче христианских понятий, эквиваленты которых отсутствовали в китайском языке. Переводчикам пришлось выбирать между автохтонной терминологией и созданием фонетической транскрипции или неологизмов, дабы предотвратить возможные случаи синкретизма или ошибочного понимания новообращенными христианами. Христианские церкви проявили разное отношение к этой проблеме. Это видно из так называемого «вопроса о ритуалах», разделившего с одной стороны иезуитов, а с другой – францисканцев и доминиканцев, а также из «вопроса о терминах», послужившего толчком к началу долгих и порой резких дебатов среди протестантских деноминаций по вопросу о том, как передавать слова «Бог» и «Святой Дух». Те немногие попытки перевода Нового Завета, которые предпринимала православная община в Китае, показывают, что православные переводчики в целом опирались на те решения, которые приняла в этом во-

просе католическая церковь, нежели на идеи переводчиков-протестантов. В вопросе терминологии переводчики уделяли особое внимание наиболее верной и точной передаче «Слова Божия», перелагая его таким языком, который мог бы сделать христианское послание понятным китайцам.

После краткого обзора истории библейских переводов и основных направлений, в докладе далее показывается многообразие решений, найденных сперва миссионерами, а затем и переводчиками Библии (католическими, православным и протестантскими); совпадения, взаимное влияние или расхождения по вопросам терминологии, вплоть до самых недавних и наиболее популярных переводов (католических и протестантских). Значительное внимание уделяется переводу «божественных» терминов, таких как «Бог», «Святой Дух», «Логос», «Мессия», включая использование буддийской и даосской терминологии; семитским оборотам и фонетической передаче имен собственных.

Перевод с английского к.филос.н. А.Г. Алексаняна.

Руденко Н.В.,
Новосибирский государственный университет

ЛИ ЧЖИ И МАТТЕО РИЧЧИ: ВСТРЕЧА КИТАЙСКОГО ФИЛОСОФА И ИТАЛЬЯНСКОГО МИССИОНЕРА В КОНЦЕ XVI В.

Интенсивные межкультурные контакты европейцев с жителями Поднебесной в период позднего средневековья были во многом связаны с активной деятельностью христианских миссионеров в Китае. В их ряду одним из наиболее выдающихся представителей является член ордена иезуитов святой отец Маттео Риччи. По мнению В.Е Еремеева, Риччи был пионером в деле распространения христианства среди китайцев и в налаживании взаимопонимания между Китаем и Западом [1, с. 792]. Маттео добился значительного уважения в китайском обществе, и даже был удостоен приглашения на аудиенцию к императору Шэнь-

цзуну, был знаком со многими известными китайскими деятелями своего времени. Среди них до сих пор не получила должного освещения в российской научной историографии встреча Маттео Риччи с одним из самых ярких и выдающихся философов минской эпохи Ли Чжи (1527–1602 гг.).

Философские взгляды Ли Чжи были в высшей степени оригинальными, он подверг жесткой критике многие из положений неоконфуцианства, поставил под сомнение авторитет самого Конфуция, провозгласил естественность высшей человеческой ценностью, утверждал, что выгода (*ли*) является ориентиром должного поведения, а долг (*и*) подчинен ей, оспорил чжусианскую онтологическую концепцию «Великого предела». В течение жизни философ подвергался гонениям и в конце концов был приговорен к заточению императором Шэньцзуном за то, что «проповедовал путаное учение, вводил в искус мир и дурачил людей». Все труды Ли Чжи были строго запрещены вплоть до самых последних дней существования монархической власти в Китае, однако нелегально распространялись последователями и были популярны не только в Поднебесной, но и в сопредельных странах [2, с. 153].

В путевых заметках Маттео Риччи, которые были переведены на латынь и изданы бельгийским миссионером Никола Триго, мы находим упоминание о «знаменитом монахе, который оставил службу и принял постриг, что среди образованных людей в Китае большая редкость». Маттео отметил, что Ли Чжи проявил к нему большое уважение, и объяснил это тем, что он «считал христианство единственным истинным учением». Кроме того, в записках иезуита сказано, что Ли Чжи подарил ему бумажный складной веер, на котором написал два коротких стихотворения собственного сочинения.

Ли Чжи также не обошел стороной в своих произведениях знакомство с европейцем, рассказав о нем в своей заметке «О друге». Он писал: «Ли Ситай (Риччи) – великий человек из западных земель». Философ высоко отзывается о целеустрем-

ленности Маттео и хвалит его навыки владения китайским языком и знание этикета. По записям мыслителя нельзя сказать, что он проникся христианством, зато отчетливо видно, что он совершенно верно разгадал намерения Риччи обратить китайцев в новую веру. Философ выносит такое суждение: «Подозреваю, что он хочет своим учением изменить наше учение Чжоу-гуна и Конфуция, тогда это большая глупость, едва ли [будет] так!» Из приведенной цитаты видно, что Ли Чжи скептически отнесся к возможности осуществления планов Маттео Риччи.

Таким образом, становится понятно, что философ уважал иезуита не потому, что был согласен с его идеями, но за то, что тот овладел чужим для себя языком и обычаями. Что касается стихотворения, переданного в подарок миссионеру, то в нем Ли Чжи выразил гостеприимство по отношению к иностранцу и одновременно отразил глубокое уважение к своей стране.

Встреча философа Ли Чжи и миссионера Маттео Риччи – яркий пример одной из первых попыток межкультурной коммуникации представителей европейской и китайской цивилизации. Эти попытки редко обходились без взаимного недопонимания, но почти всегда отличались искренним интересом к иной культуре. Автор надеется, что освещение ранее почти неизвестного отечественной традиции эпизода истории культурного взаимодействия Китая и Европы будет небезынтересным для широкой публики. В процессе работы был впервые осуществлен перевод на русский язык заметки Ли Чжи «О друге» и его стихотворения «В дар западному человеку Ли Ситаю».

Источники

1. *Еремеев Е.В.* «Маттео Риччи»/Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т., гл. ред. М.Л. Титаренко, М. 2006–. Т.5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / ред. М.Л. Титаренко и др.. 2009.
2. *Руденко Н.В.* Революционное и традиционное в оценке Цинь Шихуана в историографических трудах Ли Чжи // Локальное наследие и глобальная перспектива. "Традиционализм" и "революционизм" на Востоке. XXVII Международная научная кон-

ференция по источниковедению и историографии стран Азии и Африки, 24-26 апреля 2013 г.: Тезисы докладов. СПб. 2013.
3. *Ли Чжи*, «Продолжение книги для сожжения» // Полное собрание сочинений Ли Чжи, ред. Чжан Цзянье. Т.I. Пекин. 2010.
4. «Китайские записи Маттео Риччи» (Ли Мадоу чжунго чжацзи)/ Пер. с латинского Хэ Гаоцзи, Ван Цзуньчжун, Ли Шэньи. Пекин. 2010.

Семенюк М.В.,
ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова

КИТАЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЗАПАДНОЕ ВЛИЯНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ «ШАНХАЙСКОГО СТИЛЯ»

Вопрос взаимопроникновения и взаимовлияния западной и китайской культур – один из наиболее актуальных в изучении китайской литературы периода Новой и Новейшей истории. Активные культурные контакты и заимствования, переводы произведений европейской литературы, просветительская деятельность интеллигенции значительно изменили как социальную жизнь, так и культурную жизнь страны, что в свою очередь нашло отражение в литературе. Западное влияние проявилось не только в содержательном аспекте литературы, но и в изменении жанровых форм, композиционных и стилистических приемов, и даже в усвоении целых литературных направлений Запада. Однако китайская литература, воспринимая новые культурные элементы, по-прежнему стремится сохранить свое традиционное аксиологическое и художественное своеобразие. Ярким примером такого рода взаимодействия явилась литература «хайпай» или т.н. «шанхайская литература».

Литература «хайпай» как локальная шанхайская литература со специфической эстетикой зародилась еще в XIX в., а ее расцвет приходится на 40-е гг. XX в., когда Чжан Айлин, наряду с такими писательницами как Су Цин, Линь Юйтан, Сю Сю, окончательно сформировала ту литературную манеру, которую принято называть «шанхайским стилем». До сих пор ряд видных писательниц современности испытывают влияние этого стиля, в частности, шанхайская писательница Ван Аньи.

Большое количество элементов западной культуры – отличительный признак литературы «хайпай», они присутствуют как на уровне содержания, так и на уровне методов изображения. «Хайпай» явилась продуктом новой социальной действительности, в которой не было культурного и стилевого единства. К 1940-м годам в Шанхае формируется особый тип городской культуры, в которой большое место занимает западная массовая культура: кинематограф, музыка, популярная литература. Даже на уровне бытовых реалий – архитектурных стилей, фасонов одежды, модных развлечений – ощутимо значительное присутствие западной эстетики, не случайно в то время Шанхай часто называли «Восточным Парижем». А литература «хайпай» выделялась на литературной сцене того времени тем, что не будучи литературой идеологически заостренной, описывала повседневную жизнь Шанхая и потому была буквально пропитана западными реалиями, персонажами и образами.

Ключевым аспектом литературы «хайпай» является ее урбанизм. Хотя в китайской классической литературе мы можем найти немало примеров городской литературы, хайпай считается городской литературой нового типа. Она базировалась на принципиально иной городской культуре, детерминированной буржуазными, коммерческими отношениями западного образца. Тем самым литература «хайпай» отображает не только иные реалии, но и иную проблематику: антиномию коммерческого и социального миража и реальной жизни мегаполиса, духовную трансформацию общества, ведомого популярной культурой, отчуждение человека от его семьи и культурной среды и т.д.

Также литература «хайпай» создает нового героя, точнее, героиню, и новый способ ее изображения. Эта героиня - во многом совершенно новый персонаж китайской литературы. Если в литературе первой половины XX в. женщина чаще изображается типически, а проблематика образа в основном социальная, то героиня «хайпай» изображается субъективно, с ак-

центом на внутренний психологизм личности. При этом она самостоятельна в своей судьбе и своих решениях, а ее проблематика - гуманистическая, общечеловеческая.

При этом литература «хайпай», отказываясь от прямого изображения актуальной политической действительности и «размывая» исторический контекст, тем самым, несмотря на свою экзотичность, демонстрирует тесную связь с традиционной китайской культурой. Если художественная действительность, образы и формы изложения являются новыми, то гуманистическая проблематика отсылает читателя к вечным темам китайской литературы: темам миража и реальности, счастья и долга, фатума и человеческих устремлений.

Смирнов С.В.,
к.и.н., Уральский Федеральный университет

КОНФУЦИАНСТВО СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОРИЕНТАЛИСТСКОГО ДИСКУРСА

Постмодернистский вызов последней четверти XX в., как бы позитивно или негативно он не воспринимался отдельными исследователями, заставил в целом изменить отношение к изучаемым историко-культурным объектам. Ракурс исследовательской практики сместился в сторону изучения самой исследовательской практики через порождаемый ею текст, выраженный в языковых конструктах, единственно реальном отражении окружающего мира.

В данном случае мы обращаемся к проблеме восприятия конфуцианства – интерпретации его сущности, места и значения для китайского государства (цивилизации) в западных востоковедческих исследованиях через призму ориенталистского дискурса, концептуальная разработка которого была начата в трудах Э. Саида. Под ориенталистским дискурсом понимается система репрезентации Востока в языковых конструктах, образах, выраженных в западных научных и общественно-политических текстах. При этом нужно учитывать, что ориен-

талистский дискурс никогда не являлся односторонним, выступая инструментом конструирования Западом образа себя, а в последние десятилетия и системой саморепрезентации Востока.

Уже первые европейцы, прибывшие в Китай в XVI в., обратили пристальное внимание на китайское конфуцианство. Христианские миссионеры (главным образом иезуиты) оценивали эту страну и ее идеологию – конфуцианство – весьма позитивно. Именно иезуиты (М. Риччи) стояли у истоков идеализации Китая, назвав его государством, где у власти находится орден философов, опирающихся на всеобъемлющее морально-нравственное учение, созданное древним мудрецом Конфуцием.

Идеи иезуитов нашли благодатную почву в среде европейских просветителей XVII–XVIII вв. Уже у либертинов (Ламот ле Вайс, Фр. Бернье) Конфуций приобрел статус китайского Сократа, а конфуцианство – духовного стержня платоновского государства ученых. Но этот идейный конструкт являлся лишь противопоставлением своей собственной критикуемой социально-политической действительности и инструментом в борьбе со «старым порядком» (Вольтер).

Вместе с тем в европейском общественном сознании XVIII–XIX вв. формировался и противоположный взгляд на Китай как отсталое, деспотическое государство (Монтескье), начальный этап человеческой истории – период зачаточного состояния Абсолютного духа (Гегель). По мере возрастания могущества Запада возобладал взгляд на Китай как на государство отсталое и деспотическое. Конфуцианство стало восприниматься как главное препятствие развития страны по пути прогресса.

Работы М. Вебера, сыгравшие огромную роль в развитии цивилизационных исследований, были глубоко проникнуты ориенталистским духом. Исследуя религии Китая, Вебер, в силу неспособности конфуцианства породить особый тип рациональности (в отличие от протестантизма), отказал ему в воз-

можности превращения в идейную основу для развития капитализма и, следовательно, современного общества. Идеи Вебера нашли свое развитие в теоретических построениях основателей теории модернизации (Дж. Фэрбэнк), считавших необходимым условием для строительства современного общества в Китае воздействие со стороны Запада.

В 1970–1980-х гг. на фоне мощного экономического подъема «конфуцианских» стран восточноазиатского региона интерес к конфуцианству возобновился. Концепции «конфуцианских (азиатских) ценностей», «конфуцианского капитализма» и даже «конфуцианской демократии» (У. де Бари, П. Бергер, Юй Инши) были призваны объяснить специфику становления современных государств в Восточной Азии вне западного культурного контекста и глубинной вестернизации. Вместе с тем позитивная трактовка роли конфуцианства и особенностей процесса модернизации на основании собственных цивилизационных ценностей не привела к исчезновению ориенталистского дискурса. Более того, ориенталистский дискурс стал активно использоваться не только в научной практике восточноазиатских ученых, но и в риторике, и политической практике восточноазиатских государств. Ярким примером может служить глобальный конфуцианский проект современного Китая, реализуемый, в частности, посредством деятельности Институтов Конфуция.

Сухадольская Л.Л.,
ИДВ РАН

ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВЕРС КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ *СЯО КАН – ДА ТУН*

Достижение уровня *сяо кан* – одна из главных составляющих государственной политики современного Китая. Для всестороннего строительства общества *сяо кан* руководство страны делает ставку на радикальную перестройку социальной структуры китайского общества, культивирует конфуцианские

нравственные ценности.

В начале 80-х гг. XX в. понятие *сяо кан* («общество малого достатка», «общество средней зажиточности», «общество малого благоденствия») стало быстро входить в научный оборот и практику не только в Китае, но и за его пределами. Впервые термин *сяо кан* встречается в древней «Книге песен» («Ши цзин»), относящейся к XI–VI вв. до н.э. и состоящей из более трехсот стихов.

В каноне «Ли цзи» («Записи ритуалов») Конфуций (551–479 гг. до н.э.) определяет общество *сяо кан* как общество, где неукоснительно соблюдаются конфуцианские нормы поведения и морали (*ли*) и где свято чтут чувство долга (*и*). «С их помощью упорядочивают отношения государя и подданных, связывают родственными чувствами отцов и детей, дружелюбием – братьев, согласием – супругов». Конфуций расположил общество *сяо кан* следующим за обществом *да тун* («великого единения») и тем самым придал *новый смысл истории*.

Последователь Конфуция, знаменитый теоретик конфуцианства Мэн-цзы (372–289 гг. до н.э.), свое мнение о *сяо кан* конкретизировал в учении о «гуманном правлении»: реализация *сяо кан* зависит от умения сочетать принципы «пяти постоянств» (*у чан*), в особенности ритуала (*ли*) и долга (*и*), ведущих к достижению постоянства (стабильности).

К традиционной концепции *сяо кан* первым обратился в XIX–XX вв. Кан Ювэй (1858–1927 гг.). Он соединил идею о *сяо кан* и *да тун* с «учением о трех эпохах». Он трактовал *сяо кан* как «эру малого спокойствия», или «эру становления», после которой наступает «эра великого единения» (*да тун*).

Впоследствии к термину *сяо кан* обращались многие мыслители-реформаторы – Сунь Ятсен, Чан Кайши, Мао Цзэдун. В КНР впервые ввел в политический оборот трактовку понятия *сяо кан* в 1979 г. Дэн Сяопин, провозгласив *сяо кан* одной из задач строительства социализма с китайской спецификой.

На XVI съезде КПК (2002 г.) была поставлена задача:

«Всесторонне вести строительство общества *сяо кан* и создавать новую обстановку для социализма с китайской спецификой».

На XVII съезде КПК (2007 г.) теория *сяо кан* была включена в программу построения в Китае гармоничного общества к 2050 г.

В 2011 г. «Financial Times» опубликовала статью «Мир не должен опасаться растущего Китая» тогдашнего вице-премьера Госсовета КНР Ли Кэцяна, находившегося с государственным визитом в Великобритании. В статье говорилось, что «целью в области развития Китая к 2020 г. является строительство общества *сяо кан* во всех аспектах».

На XVIII съезде КПК (2012 г.) Председатель КНР Ху Цзиньтао выступил с докладом, в котором отметил «необходимость неизменно видеть в человеке основу основ и осуществлять всестороннее, гармоничное и устойчивое развитие», «продвигаться по пути социализма с китайской спецификой, бороться за всестороннее построение общества *сяо кан*». На съезде был взят курс на построение гармоничного социалистического общества и экологической цивилизации.

Источники

1. *А.Е. Лукьянов, Л.С Переломов*. Из истории идеологемы сяо кан. Проблемы Дальнего Востока. М., 2003. № 3. С.26-38.
2. Энциклопедия «Духовная культура Китая». Т. 1. Философия. М., 2006.
3. Экспресс-информация. № 2. Духовное и идеологическое состояние китайского общества на фоне мирового финансово-экономического кризиса. М, 2010. ИДВ РАН.
4. *Л.С. Переломов*. Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время. Стилсервис. М., 2009. 701 с.
5. Экспресс-информация. XVIII съезд Коммунистической партии Китая. М., 2012. ИДВ РАН.
6. http://www.caijing.com.cn/2011-01-10/110615132.html.

Терехова Н.В.,
Иркутский государственный лингвистический университет

РИТУАЛ *ЛИ* КАК ФОРМА СЕМИОТИЗАЦИИ КИТАЙСКОГО СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНИХ КАНОНОВ)

В работе раскрыты хроносемиотические и топосемиотические значения и средства выражения ритуала *ли* (礼) в древнекитайских конфуцианских канонах. Описана конфуцианская модель социально-культурного пространства, где ритуал *ли* как одна из форм его семиотизации означивает и регулирует как внутренние связи между людьми, предметами, так и их внешние отношения с естественными и сверхъестественными силами. Кроме того, в статье проанализирована оценка и интерпретация категории «ритуал», представленная в рамках современных конфуцианских течений, а именно постконфуцианства Ду Вэймина. В качестве теоретико-методологической базы исследования используются концепция семиосферы Ю.М. Лотмана, теория игры Й.Хейзинга и метод хронотопа М.М. Бахтина.

Хузиятова Н.К.,
к.филол.н., ДВФУ

Кузнецова М.Ю.,
аспирантка ДВФУ

О СООТНОШЕНИИ ЛИРИЧЕСКОГО, УТОПИЧЕСКОГО И РАДИКАЛЬНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ ШЭНЬ ЦУНВЭНЯ*

Основу произведений крупнейшего китайского писателя Шэнь Цунвэня (1902–1988 гг.) составляют лирические описания Сянси (ныне Сянси-Туцзя-Мяоский автономный округ в пров. Хунань), которые в работах китайских и зарубежных исследователей нередко представляются почвенническими попытками описать «затерянный рай». Однако особенности фор-

мы и глубинный смысл произведений Шэнь Цунвэня, скрытые «под маской» утопии, убеждают в обратном – в стремлении писателя не «убежать» от действительности, а иными, без критического пафоса, свойственного реализму тех лет, способами выразить сложность культурно-исторической и социально-политической ситуации в Китае 1930–1940-х годов.

Одно из наиболее значительных произведений Шэнь Цунвэня повесть «Пограничный городок» (1934 г.) неизменно сопоставляется с «Персиковым источником» Тао Юаньмина. Разные по времени создания, жанру, а также историческому, социальному, литературному контексту произведения действительно обнаруживают немало общего: единство места (вдохновляющие и Тао Юаньмина, и Шэнь Цунвэня живописные пейзажи Сянси); наличие даосского и конфуцианского пластов; значимость бинарной оппозиции старики-дети; приверженность традиционным космогоническим представлениям (гора – сакральный центр, река – важнейший сюжето- и смыслообразующий элемент); свойственные обоим авторам мягкость и лиризм.

Однако в пространстве повести Шэнь Цунвэня почти все признаки и элементы утопии Тао Юаньмина перекодируются и меняют свои значения на противоположные: рыбак-лодочник предстает в образе паромщика; свобода перемещения ограничивается линией переправы (замещение циклического времени линейным); деревня уступает место городу, земледелец – наемному работнику; идеал эгалитарного справедливого общества трансформируется в сомнительную гармонию тихого захолустья с его социальным неравенством, веселье детей и старцев оборачивается трагедией для главных героев «Пограничного городка» – дедушки и его внучки по имени Цуйцуй. Произведение Шэнь Цунвэня укладывается в определение жанра антиутопии, однако однозначного осуждения, высмеивания и пародирования в повести нет.

«Пограничный городок» Шэнь Цунвэня скорее не повесть, а поэма, состоящая из восьми частей («растянутое» во времени

восьмистишие). Сюжетное повествование ослаблено, сюжет прост, неотчетлив, иногда запутан, порой невразумителен. Отличительной особенностью повести является диалогичность. Однако при большом количестве диалогов общение персонажей очень часто заканчивается коммуникативной неудачей, эксплицитно выраженное в их речи не совпадает и/или вступает в противоречие с подразумеваемым, предполагаемым, ожидаемым, что в равной степени относится и к говорящему, и к воспринимающему. Возможно, преодоление формы утопии и ее трансформация в антиутопию происходит у Шэнь Цунвэня прежде всего через язык, с помощью языка и благодаря языку.

Творчество Шэнь Цунвэня со свойственной ему «критикующей лиричностью» представляет собой своеобразный мировоззренческий диалог с писателями литературного мейнстрима тех лет и не менее радикально в своей новизне, чем творчество таких признанных классиков современной китайской литературы, как Лу Синь. В критикующем пафосе Лу Синя проявляется бессознательный консерватизм, в то время как во внешне достаточно консервативных работах Шэнь Цунвэня со всей очевидностью выражены радикальные настроения.

Эксперименты Шэнь Цунвэня с языком и формой, не понятые и не оцененные по достоинству современниками, впоследствии стали благодатной почвой для молодых писателей 1980-х годов, чьи модернистские по духу поиски новых способов выражения субъектности были связаны, главным образом, с освоением мифологической модели повествования и способностью/ неспособностью языка обеспечивать коммуникацию.

* *Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд» ДВФУ.*

Источники

1. Шэнь Цунвэнь. Сянсин саньцзи («Заметки о путешествии по Сянси).- Ухань. Чанцзян вэньи чубаньшэ. 2012. 227 с.

Хузиятова Н.К.,
к.филол.н., ДВФУ

Плясенко Н.А.,
ДВФУ

«РУССКИЙ» ХАРБИН В ЭССЕИСТИКЕ ЧЖАН КАНКАН: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Жизнь и творчество известной китайской писательницы Чжан Канкан (1950–, г. Ханчжоу) оказались неразрывно связанными с г. Харбином. «Харбинские» эссе, написанные в разные годы, обнаруживают стремление писательницы понять культуру северо-востока Китая и описать индивидуальный опыт адаптации южанки в малознакомой, чужеродной, в определенной степени «иноземной» среде. Эссе Чжан Канкан отражают поиск новой региональной идентичности индивидуума как результат достижения толерантности в условиях многонациональной культурной среды, как продукт мирно соревнующихся дискурсов, как «особый случай» гармонизации отношений в рамках бинарной оппозиции «свой» – «чужой».

Применительно к отдельной личности поиск национальной идентичности зачастую начинается именно с регионального самоопределения. При этом не следует противопоставлять идентичность региональную и национальную: в общем случае они не только сосуществуют вполне мирно, но и дополняют друг друга. Региональная идентичность формируется, формулируется и переформулируется на протяжении всей жизни, в разных контекстах и ситуациях, и может изменяться во времени.

Рецепция Чжан Канкан культуры Северо-Восточного Китая происходит через восприятие русской культуры как неотъемлемой части Харбина и сопровождается рождением «русских» концептов, связанных в сознании Чжан Канкан с Россией и русскими. Слово «русские» не случайно взято в кавычки. Концепты эти являются порождением китайского ума. Они

«русские» условно, с поправкой на то, что Чжан Канкан не знает русского языка. Она воспринимает русскую жизнь в контексте собственных взглядов, сложившихся в Китае, и лишь частично скорректированных поездками в Россию в достаточно зрелом возрасте. Собственная картина мира, «свое» дополняется положительными чертами сначала «чужого» Харбина. Затем или, точнее, одновременно с этим формируется устойчивый интерес ко всему, что имеет отношение к России. Постепенно происходит качественное усложнение представлений писательницы о России. «Свое» и «чужое» в эссеистике Чжан Канкан находятся в изменчивых, сложных и многоуровневых отношениях.

В очерке «Русский контекст северо-восточной культуры» Чжан Канкан называет Харбин «городом-метисом, в жилах которого течет иноземная кровь». То «чужое», что привлекает Чжан Канкан в Харбине, воплощается, прежде всего, в образах русской культуры: «Русское искусство, культура и архитектура на протяжении длительного времени последовательно вносили свои поправки в культуру этого города, изменяя его облик, цвет кожи, черты лица и характер».

Влияние «чужого» на культуру Харбина выражается как в духовной, так и в материальной (бытовой) сферах. Следовательно, «чужое» часто является в образах хорошо знакомого и освоенного. Но «русский» Харбин нередко приобретает у Чжан Канкан романтические, а порой и мистические, таинственные, мифологические черты. Яркий пример тому эссе, посвященное популярному в Харбине месту отдыха горожан – острову Солнца. Само название этой природной достопримечательности Харбина вызывает ассоциации с «Городом Солнца» Т. Кампанеллы. Чжан Канкан, мифологизируя пространство с помощью древнегреческих образов-символов, усиливает ощущение идеального места – «рая» на земле – и тем самым придает эссе утопический характер.

Подобно многим китайским писателям XX в., Чжан Канкан в

«харбинских» эссе актуализирует и по-новому интерпретирует «вечную» для китайской эссеистики тему север-юг. Любовь южанки Чжан Канкан к северо-восточной культуре трактуется окружающими как «необъяснимая». Для самой писательницы эта любовь нередко носит характер утопии, иллюзии, видения, сна. Сознательно и/или неосознанно романтизируя, мистифицируя, мифологизируя/демифологизируя и одновременно осваивая «чужое» – «русское» – писательница приходит к более глубокому пониманию «своего» и самое себя. Именно благодаря расширению и углублению представлений о России она «открывает» идеалы, которые ищет в собственной культуре («стремление к правде, благородство, святость, страсть»).

* *Исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд» ДВФУ.*

Источники

1. *Чжан Канкан*. И гэ наньфан жэнь яньчжун дэ Хаэрбинь (Харбин глазами южанки)//Бэйжэнь юй наньжэнь (ся) (Северяне и южане) (ч.2) / Лу Сюнь дэн чжу.(Лу Синь и др.) Пекин. Изд-во. Чжунго жэньши чубаньшэ. 1997.
2. *Чжан Канкан*. И гэ наньфан жэнь яньчжун дэ Хаэрбинь (Харбин глазами южанки)//Бэйжэнь юй наньжэнь (ся) (Северяне и южане) (ч.2) / Лу Сюнь дэн чжу.(Лу Синь и др.) Пекин. Изд-во. Чжунго жэньши чубаньшэ. 1997.
3. *Чжан Канкан*. Дунбэй вэньхуа чжун дэ элосы цинцзе (Русские черты в культуре Северо-Востока)//Цзоцзя. 2003.№10.
4. Чжан Канкан Усэ чэнхуй Тайяндао (Пятицветный герб Острова Солнца)//Вэньхуа юэкань. 2007.№1.

Шекера Я.В.,
к.филол.н., Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, Украина

ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ДАОССКОГО И БУДДИЙСКОГО ВЕРОУЧЕНИЙ В ТВОРЧЕСТВЕ СУНСКОГО ПОЭТА ЛУ Ю

Феномен Лу Ю (1125–1210 гг.) как видного представителя сунской интеллигенции заключается в том, что в его жизни и творчестве гармонично сочетались активная гражданская по-

зиция и стремление к внутреннему самосовершенствованию. Первая отражена в патриотической поэзии (однако среди более ста сорока стихов в жанре *цы* менее одной десятой посвящены теме восстановления престола); второе – в философско-религиозной лирике (что можно связать с ранним увлечением Лу Ю даосизмом и подъемом этого вероучения в эпоху Сун). Подобно многим поэтам древнего и средневекового Китая, Лу Ю, с одной стороны, направлял свои помыслы на служение Отчизне и заботился о благополучии соотечественников, с другой – пестовал фантастические (с точки зрения современного человека) мечты о небожителях. Например, в *цы* на мелодию «*Цю бо мэй*» изображается взаимосвязь небесного и земного миров. В стихотворении говорится о небожительнице, которую из спокойной, гармоничной и вечной небесной жизни низвергли в бренный мир (аллегория «красной пыли»); однако небесная богиня сохранила одухотворенное состояние собственной сущности («даосскую кость и бессмертный облик»). Налицо противопоставление двух миров – земного и небесного, которые в мифологическом сознании были единым целым. Несмотря на несовершенство бренного мира автор не ропщет на судьбу: вместе с низвергнутой бессмертной он словно приближается к Небу, оставаясь на Земле. В упомянутом *цы* звучат и буддийские мотивы, что говорит о пресловутом синкретизме традиционных китайских вероучений (кроме того, в ключевом для этого стихотворения образе *сянь* (бессмертный) присутствуют и конфуцианские представления).

Лирика Лу Ю также раскрывает специфику влияния буддизма на жизнь и творчество поэта, показывает главные отличия его духовных поисков от типичного для китайской интеллигенции того времени отношения к буддизму. Примечательно, что восприятие художником двух основных вероучений, формирующих китайское мировоззрение, в схожей мере лишено фанатизма. Обращаясь к буддизму, поэт не ставил перед собой цели проникнуть в глубинные истоки бытия, познать

буддийскую истину; а стремился лишь на время избежать мирской суеты и обрести душевный покой. В своих стихах Лу Ю изливает печаль по поводу невозможности приносить пользу Родине на чиновничьем поприще, грустит о бесповоротном уходе времени и непостоянстве людского мира. В то же время следует отметить, что Лу Ю зачастую использовал буддийскую символику и мотивы, чтобы «приукрасить» поэтический текст, что ярко иллюстрирует стихотворение в жанре *ши* «Путешествую в монастырь Спящего дракона». Возможно, на поэта оказывала влияние модная в то время тенденция поверхностного увлечения буддизмом. Не позволяя себе полностью погрузиться в даосско-буддийское самосовершенствование, Лу Ю словно существовал в двух ипостасях: внешне – активного гражданина, внутренне – религиозного адепта.

Источники

1. 蔡君逸. 論陸游之遊仙詞. – Режим доступа: http://www.lib.thu.edu.tw/newsletter/104-201005/page06.1.htm.
2. 苟波. 道教与南宋文人词. – Режим доступа: http://ishare.iask.sina.com.cn/f/16809933.html.
3. 卢晓辉. 论陆游的道教信仰与爱国思想. – Режим доступа: http://www.docin.com/p-55941217.html.
4. 伍联群.论陆游的佛教思想. – Режим доступа: http://www.fjdh.com/wumin/2009/04/00571770064.html.
5. 张振谦. 论《黄庭经》对陆游的影响. – Режим доступа: http://www.docin.com/p-287044021.html.

Шулунова Е.К.,
к.филол.н., ИДВ РАН

ДРАМАТУРГИЯ МЭН ЦЗИНХУЭЯ КАК ВЫЗОВ КИТАЙСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Смелые поиски в китайской драме берут свое начало в экспериментальном театре. Мэн Цзинхуэй считается одним из талантливых режиссеров и драматургов 90-х гг. XX в. в экспериментальной драме Китая. Его опыт в авангардной драме начался с постановки пьесы Сэмюэля Беккета «В ожидании Годо». Позже

пьесами «Тоска по мирской суете»(«*Сы Фань*», 1993 г.), «Я люблю ххх» («*Во ай ххх*»), «Муравьи любви» («*Айцин маи*»), «Случайная смерть анархиста» («*Игэ учжэнфучжуичжэ дэ ивай сыван*») и другими режиссер продемонстрировал особый стиль, особое сценическое видение. Экспериментальная пьеса «Тоска по мирской суете», отразив дальновидность и тонкое понимание Мэн Цзинхуэя, стала образцом произведения малой театральной сцены, открыла репертуар оригинальных спектаклей. В спектакль вошли произведения сицюй «Тоска по мирской суете. Пара спускается с горы» и «Декамерон» Дж. Боккаччо. Другая пьеса «Я люблю ххх» – это напряженный внутренний монолог пяти мужчин и восьми женщин поколения 60-х гг. XX в. Сюжетные линии спектакля разрастаются и переплетаются, монологи персонажей превращаются в какофоническое многоголосие мира. Этот художественный прием подчеркивает отличие повествовательной формы пьесы от сюжетной канвы традиционной драмы. Основная особенность авангардного текста пьесы заключается в повторе более 700 раз глаголов «люблю» и «не люблю». Это выражение любви и ненависти к революционным вождям, кинозвездам, певцам, литературным деятелям, физическим недугам, абстрактным духам, конкретным органам тела и т.д. Фразы «люблю ххх», «не люблю ххх» показывают не только индивидуальный выбор каждого отдельного человека, но и выражают идеологический подтекст, который автор вкладывает в эти строки. Драматург стремится к пародийному характеру пьесы, что приводит к эффекту отклика на эмоциональное оглашение собственного мнения.

В работах Мэн Цзинхуэя ощущается тяготение к возражению, революционности, что подтверждает и он сам: «В 1980-е гг., будучи студентами, мы не знали, против чего мы протестуем в своих спектаклях, и не знали, что такое гнев. Теперь же мы хотим и стараемся изменить современный китайский театр. Существует много различных современных театральных школ и течений, которые мы изучаем и пытаемся им следовать». Его

произведения можно разделить на три группы: экспериментальные, спектакли для молодежной аудитории, инновационные постановки для массового зрителя. К первой относится пьеса «Живот Гитлера» («Ситэлэ дэ дуцзы», 2011 г.), по сюжету которой за 100 дней до окончания Второй мировой войны Адольф Гитлер оказывается беременным. Стараясь скрыть свое «интересное положение», Гитлер ходит, сидит за рабочим столом, выступает с речами, сгорбившись. Спектакль представляет собой сочетание итальянской комедии дель арте с элементами французской и традиционной китайской комедий. Создавая гротескный образ Гитлера, Мэн Цзинхуэй использует беременность не как классический символ плодородия, а как символ наказания. По замыслу автора, абсурдное, противоречащее человеческой природе состояние (беременный мужчина) служит проекцией внутренней сути главного героя.

Эстетика театра Мэн Цзинхуэя зиждется на дихотомии двух начал *ши* (реальное, заполненное) и *сюй* (нереальное, пустота). Основные темы произведений – любовь и смерть. Главная творческая задача – выразить в драматургии индивидуально-авторское мировоззрение: «В своих пьесах я не изображаю мир другого человека, а задаю вопросы самому себе, стараюсь показать зрителю свой собственный взгляд на вещи – это для меня главное» («Живот Гитлера»). Для Мэн Цзинхуэя важно эпатировать публику, доводить комизм ситуации до абсурда, производить ошеломляющий эстетический эффект. На сегодняшний день он признается одним из самых талантливых и авторитетных мастеров современной китайской драмы, что подтверждается неизменно высоким интересом к его работам.

Источники

1. 孟京辉谈戏剧理想：先锋必须具备革命性 //www.book.sohu.com
2. www.chinfwriter.com.cn
3. www.beijingff.com
4. 孟京辉。先锋戏剧档案。- 北京：作家出版社，2000.
5. Лекция Мэн Цзинхуэя в Китайском культурном центре. Москва. 09.04.2013.

6. 刘平。纪念中国话剧百年诞辰丛书。- 武汉：武汉出版社，2007.

Энио де Соуза,
Научно-культурный центр Макао в Лиссабоне, Португалия

КИТАЙСКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КАК ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЭКСПОНАТЫ: ПРОЕКТ МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ МАКАО В ЛИССАБОНЕ

Музей истории и культуры при Научно-культурном центре Макао в Лиссабоне, созданный министерством образования и науки Португалии в 1999 г., ведет активную образовательную и научную деятельность, нацеленную на углубление взаимопонимания между Европой и Азией и популяризацию истории и культуры Макао за пределами КНР. В постоянной экспозиции музея представлены уникальные экспонаты, рассказывающие о развитии китайского искусства и истории Макао на протяжении более семи с лишним тысячелетий. Музей располагает одной из богатейших коллекций китайских музыкальных инструментов на Иберийском полуострове. В настоящее время музей реализует проект, в основе которого лежит новаторская идея британского профессора Хелен Чаттерджи о позитивном психосоматическом и терапевтическом эффекте, который оказывает на человека «тактильный контакт с объектом культурного наследия». В рамках данного проекта образовательный отдел Музея провел серию семинаров для посетителей разных возрастных групп (детей в возрасте от 3 до 6 лет, от 7 до 11 лет, подростков в возрасте от 12 до 16 лет и подростков старше 16 лет). В последние несколько лет идея «интерактивных музеев» приобретает всю большую популярность в мире. В образовательно-познавательных целях посетителям разрешают прикасаться к музейным экспонатам, брать их в руки, получать эмпирический опыт. Основная цель семинаров, проводимых в лиссабонском Музее истории и культуры Макао – пробудить интерес к изучению и пониманию китайской музыки.

Семинар «Китайские музыкальные инструменты» – один из важнейших образовательных проектов Музея. Музыка – это язык, феноменальной особенностью которого является то, что он особенно быстро и легко усваивается в юном возрасте. Язык музыки помогает формированию этнокультурной идентичности, открывает путь к диалогу культур Европы и Азии.

Перевод с английского Н.Ю. Демидо.

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК, ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Антонян К.В.,
к.филол.н., Институт языкознания РАН

НОВЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ МОДИФИКАТОРОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время в китайском языке происходят значительные изменения, которые проявляются и в лексике, и в грамматике, и в прагматике. В грамматике, в частности, отмечается расширение сферы употребления пассива и показателя множественного числа *men*, увеличение количества сложных глагольных комплексов, построенных по результативной модели, появление большего числа союзов в сложных предложениях. В значительной мере эти изменения обусловлены воздействием английского языка.

В данной работе мы рассмотрим изменения, происходящие в системе пространственных модификаторов, на примере модификатора *jin* и его производных, а также факты, позволяющие говорить о появлении нового сложного модификатора *kaiqu*. Характерной особенностью модификаторов является наличие у них наряду с исходным пространственным значением также значений метафорических и грамматических (аспектуальных).

Авторы «Словаря сочетаемости глаголов» не указывают метафорических значений для модификаторов группы *jin* ‘войти внутрь’, полагая, что они имеют только вещественное (пространственное) значение (DCYF: 16). Тем не менее такие значения существуют, их можно, например, обнаружить в работе (Liu Yuehua 1998: 215). Ср. сочетания *jin* и *jinlai* с глаголами *mai* «купить», *aoxian* «ввалиться» и в особенности – сочетания *jinqu* с глаголами *shuo* «говорить», *ting* «слушать», *kan* «смотреть», *du* «читать». В качестве примера можно привести пред-

ложение *Ta jiang de dongxi yi dianr ye mei ting-jinqu* – «То, что она говорила, совершенно не было услышано». На наш взгляд, подобные примеры говорят о том, что процесс метафоризации *jin* и его производных уже начался. Вероятно, отставание *jin* от его антонима *chu* «выйти» связано с его более поздним происхождением. Он стал использоваться в качестве модификатора только в новокитайский период. В древне- и среднекитайских текстах его место занимал другой элемент со значением «войти» – *ru*.

Заслуживает особого обсуждения сложный модификатор *kaiqu* «разделиться; отделиться от говорящего», который обычно отмечается в научных и практических грамматиках китайского языка как отсутствующий. Он не приводится и в нормативном словаре «Восемьсот слов современного китайского языка» (ХНВС), исправленном и дополненном в 1995 г. Тем не менее, хотя сочетания этого модификатора с глаголами немногочисленны, они вполне употребительны.

Лю Юэхуа приводит примеры употребления модификатора *kaiqu* со следующими глаголами движения и глаголами действия: *zou* ‘идти’, *piaoyi* ‘реять, веять’, *pao* ‘кидать, бросать’. Это примеры из прозы популярных современных писательниц Чжан Цзе и Ван Аньи: *Ranhou zhen de tai jiao zou-kaiqu* – «Потом (он) действительно взял и пошел прочь» (Ван Аньи). Приводятся также примеры метафоризованного *kaiqu* с глаголами *cha* «разветвлять(ся)», *san* «рассеивать(ся)», *chuan*, *chuanbo* «передавать(ся)».

По нашим наблюдениям, модификатор *kaiqu* часто встречается в заголовках в китайской прессе. Это конструкция вида *cong A shuo-kaiqu*, где А обозначает некоторую отправную точку для рассказа, рассуждения или дискуссии. На русский язык такой заголовок может быть переведен, например, как «К вопросу об А», «Об А и многом другом», «Еще раз об А» и т.п. Отметим также, что модификатор *kaiqu* представлен в материалах сайта «Китайские словари» (“Han dian”,

www.zdic.net/cd/ci/4/ZdicE5ZdicBCZdic 80264238.htm).

Приведенные факты убедительно свидетельствуют о том, что состав класса модификаторов пополнился еще одним, двадцать восьмым, членом. Этот факт должен быть в дальнейшем учтен авторами научных и учебных грамматик китайского языка.

Источники

1. *Тань Аошуан*. Проблемы скрытой грамматики. М., 2002.
2. *Liu Yuehua*. Quxiang buyu tongshi. Beijing, 1998, 2008 (2-е изд.).
3. Shiyong xiandai hanyu yufa. Beijing, 1983.
4. DCYF – *Dongci yongfa cidian*. Shanghai, 1987.
5. XHBC – *Xiandai hanyu babai ci*. Beijing, 2007.

Ван Цзинбо,
к.и.н., Международный институт экономики и лингвистики Иркутского государственного университета

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ И НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К РАБОТАЮЩИМ ЗА ГРАНИЦЕЙ КИТАЙСКИМ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМ

«В последние годы языковая политика Китая претерпела изменения, имеющие историческое значение: из внешней она превратилась в международную… В будущем преподаватели китайского языка, работающие за рубежом, должны не только владеть достаточно глубокими знаниями об особенностях языка и культуры своих учеников, но также распознавать явления, связанные с мультикультурностью и уметь преодолевать межцивилизационные барьеры», – отмечает в своей статье, опубликованной в журнале «Кунцзы сюэюань» (2010, № 7), доктор Петер Купфер, декан факультета китайского языка и культуры Института переводов, языкознания и литературоведения Майнцского университета. Начиная с 2004 г. и по настоящее время, Государственной канцелярией по делам распространения китайского языка за рубежом (Ханьбань) в более чем 100 странах мира открыты около 400 институтов и более 500 классов Конфуция. Открывая эти учебные заведения, канцелярия

руководствовалась принципами «действуем по инициативе зарубежного партнера, с учетом мнения обеих сторон, в духе равноправного сотрудничества, во имя взаимной выгоды», реализуя модель «главенствует зарубежная сторона, китайская сторона оказывает содействие, местное правительство и различные слои общества всемерно поддерживают и активно участвуют».

Все это свидетельствует о том, что Китай в своей языковой политике от «преподавания китайского языка иностранцам», перешел к «международному преподаванию китайского языка». С одной стороны, этот переход был обусловлен появлением все большего числа людей, желающих изучать китайский язык в разных странах мира. С другой – с тем, что для своего развития Китай нуждается в мире и стабильности на планете, а сотрудничество в гуманитарной сфере играет незаменимую роль в укреплении взаимного политического доверия и расширении торгово-экономического сотрудничества. Язык – это носитель культуры и средство культурного обмена, мост между странами и народами, способствующий их гуманитарному взаимодействию. Как в самом Китае, так и за его пределами возросла потребность в преподавателях китайского языка иностранцам. При этом с недавнего времени в выступлениях руководителей соответствующего главного управления на ежегодной общей конференции Институтов Конфуция все чаще стали звучать такие фразы, как «качество – это жизненные артерии Институтов Конфуция», «преподаватели, учебные материалы и методы обучения – три направления повышения качества преподавания».

Главная задача Институтов Конфуция – не только удовлетворять потребность в изучении китайского языка за пределами Китая, но также способствовать постижению китайской культуры иностранцами, развивать дружеские отношения Китая с другими странами, создавать благоприятные условия для развития плюрализма и построения гармоничного мирового

сообщества. Институты носят имя Конфуция, и это не случайно. Конфуций – великий мыслитель и просветитель древности, отстаивавший принципы «вместе, но неодинаковые», «не заставляй других делать то, что считаешь неприемлемым для себя». Мы полагаем в связи с этим, что при отборе и обучении преподавателей китайского языка для работы за рубежом нельзя принимать во внимание только уровень владения *путунхуа*, опыт работы или наличие удостоверения, полученного по результатам подготовки в Ханьбань. Необходимо также выяснить, может ли претендент способствовать выполнению основной задачи этого международного проекта, а именно, «быть образцом для подражания» и преподавать китайскую культуру, следуя принципу «лучше учить на собственном примере, нежели объяснять что-то на словах». Внимание к личным качествам преподавателей китайского языка, работающих за границей, таким образом, остается важнейшей составляющей их подготовки для работы в Институтах Конфуция.

Перевод с китайского А.И. Донченко, научный редактор д.филол.н. О.И.Завьялова.

Виногродская В.Б.,
к.филол.н., ИДВ РАН

СТЕПЕНИ СВОБОДЫ ТЕКСТА В КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ

В каждый момент времени существует самоочевидное представление о том, что является текстом, но даже в рамках одной культуры спектр возможных реализаций феномена текста довольно широк на разных исторических этапах. Это, в частности, связано с нашей готовностью воспринимать как текст почти все, в чем возможно усмотреть некоторое значение и упорядоченность. Кроме того, практики воспроизводства и использования текста претерпевали значительные изменения на протяжении столетий и тысячелетий, но обычно не отслеживались в метадискурсе, лишь находя опосредованное отражение в филологической традиции.

На ранних этапах формирования текстовой культуры, в период доминирования инскрипций (Шан-Инь, начало Чжоу), аутентичность текста была его неотъемлемым свойством, но по мере распространения книг ситуация резко изменилась. В период Сражающихся царств и вплоть до Восточной Хань шла активная экспансия текстовой традиции в условиях полицентричности, неустоявшихся стандартов единого письменного языка и сочетания письменных способов передачи с устными.

По замечанию Ли Лина, до конца династии Хань древние книги подобны газообразному телу, ко времени династий Суй и Тан стабилизируются на уровне жидкости и только к династии Сун их можно рассматривать как твердые тела и, соответственно, прилагать к ним современные стандарты текстовости. Процесс «уплотнения» текста начинается уже при династии Хань: к концу ее восточного периода различные линии передачи канонических и уважаемых текстов начинают вытесняться каким-то одним вариантом. Тем не менее сомнения в надежности любой доступной версии текста стали постоянным спутником традиции, стремящейся сохранить в неприкосновенности текстовый эквивалент эталона древности.

Прямые рассуждения о признаках, определяющих текст, в китайской традиционной культуре сводятся, прежде всего, к концепции его поуровневой структуры: иероглиф *цзы*, синтагма *цзюй*, сверхфразовое единство *чжан*, и наконец, целый текст *пянь*. Это лингвистически точное описание, закрепленное в чеканных формулировках Ван Чуна и Лю Се, за почти два тысячелетия превратилось в общее место, но вариативность и диахронические аспекты в рамках данного подхода обычно не учитывались. Рефлексия традиции по поводу устойчивости собственных текстов проявлялась по большей части в методологической плоскости, в практической работе с конкретными текстами, а именно в способах анализа «различение фальшивого» (*бянь вэй*), в корректорской работе *цзяо чоу* и в комментаторском жанре *чжан-цзюй*.

Замечания о степени надежности произведений содержатся уже в первой официальной династийной библиографии «И вэнь чжи», включенной в «Хань шу», а минский ученый Ху Инлинь вывел *бянь вэй* на уровень научной методологии, систематически обобщив существующую практику в «восемь методов различения фальшивого» в отношении названия, авторства, времени написания и содержания. Параллельные процессы систематизации материала, уточнения критериев и вовлечения в круг рассмотрения все более обширного корпуса текстов шли в корректорской практике *цзяо чоу*, также восходящей к Лю Сяну и Лю Синю. Комментаторский жанр *чжан-цзюй* равным образом начал распространяться при династии Хань, но тогда он был не столь однозначно вписан в процесс нормативации текстов. Это связано с тем, что выделение явленной структуры текста в области синтаксиса и композиции китайская традиция всегда относила к возможностям редактора, а не к обязанностям автора, поэтому каждое произведение в этом жанре существует на равных правах с другими разбивками.

В целом, раннее диффузное бытование текстов книжного типа получает на более поздних этапах отражение в стремлении сохранить все их доступные версии, с одной стороны, с другой – в гиперкомпенсации посредством изощренных текстологических процедур, которые были призваны утвердить нетленный образец, а в реальности служили средством реализации интерпретационного потенциала традиции.

Воропаев Н.Н.,
к.филол.н., Институт языкознания РАН

НОВЫЙ ПОДХОД К ЗВУКОВОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ КИТАЙСКИХ СЛОВ В РОССИЙСКИХ РАЗГОВОРНИКАХ

Являясь соседом Китая с самой протяженной границей, Россия как ни одна другая страна заинтересована в увеличении количества специалистов, владеющих китайским языком. Тем не менее, кроме иероглифической письменности, которая явля-

ется основной ментальной преградой для тех, кто принимает решение об изучении китайского языка, имеются другие существенные факторы, затрудняющие его изучение, в том числе фонетический. Красивыми и достаточно легко изучаемыми в звуковом плане считаются в России прежде всего французский, итальянский, испанский языки. Они привлекают своими звуками и интонацией, мы знакомы как со многими заимствованиями непосредственно из этих языков, так и с многочисленными терминами, попавшими к нам из близкородственной им латыни. Китайские же слова и их компоненты звучат кратко, в них много звуков, которые с нашей точки зрения сложно артикулируются и воспринимаются на слух, каждый китайский слог, как правило, имеет свой индивидуальный тон.

Изучение китайских звуков затрудняет также часто применяемая в разговорниках традиционная русская транскрипция (ТРТ), известная как транскрипционная система Палладия: во многих случаях она не способна передать реальное звучание китайской слогоморфемы. Ничуть не умаляя преимуществ ТРТ для записи китайских имен собственных и терминов в текстах на русском языке, нельзя не отметить ту негативную роль, которую она играет при презентации звуковых форм китайских слов неподготовленному человеку. В обучении китаистов-специалистов от ТРТ отказались ещё в середине прошлого века, перейдя на *ханьюй пиньинь* (иногда в сочетании с международным фонетическим алфавитом, который, в частности, знаком россиянам, изучающим английский язык), но в некоторых учебных пособиях ТРТ или её элементы применяются до сих пор. Разумеется, когда человек начинает слушать аудио- и видеозаписи с живым китайским языком, он ощущает прелесть и звуковую насыщенность потока китайской речи и отдельных китайских слов. Усваивается просодическая часть (тоны и интонация), артикуляция звуков, в том числе придыхательных согласных. Тем не менее задача ясной и системной презентации правильного звучания китайских слов далеким от него

людям по-прежнему не решена, хотя в ряде разговорников и пособий предпринимались попытки передать звучание китайских слов кириллицей нетрадиционными способами.

Реальное звучание китайского звука и слова с помощью достаточно прозрачной авторской учебной кириллической транскрипции мы постарались представить в небольших учебных пособиях, ориентированных на неспециалистов. Особое внимание в этих пособиях уделено также иероглифической записи заучиваемых слов, здесь же использованы интерактивные методы обучения, даны подробные комментарии к сложным случаям китайской фонетики. В результате русскоязычный пользователь получает более ясное представление о звучании китайских слов; ср., например, не *чуань-тун*, а **чъхуань 2** – **тхунъ 3** («традиция»), не *дянь-нао*, а **дъен 4** – **нао 3** («компьютер») и т.д. Надеемся, что наши подходы к предварительной презентации современного китайского языка помогут повысить его привлекательность для неподготовленных слушателей. При необходимости они смогут продолжать его основательное изучение с помощью, в частности, общепринятой транскрипции в системе *ханьюй пиньинь*.

Источники

1. 500 китайских слов = Самый простой самоучитель китайского языка / Авт.-сост. Н.Н. Воропаев, Ма Тяньюй. – Москва : АСТ, 2013. – 219 с.
2. Самоучитель/разговорник китайского языка 3 в 1 (разговорник + самоучитель [грамматика и фонетика] + русско-китайский и китайско-русский словари) / Авт.-сост. Н.Н. Воропаев, Ма Тяньюй. – Москва : АСТ, 2013 (в печати).

Гобова Е.В.,
Институт востоковедения
им. А.Е. Крымского НАН Украины

ПРОСОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УСТНОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКИХ СМИ)

В КНР стандартный *путунхуа* является основным языком средств массовой информации, в то время как в живом употреблении более популярны местные его разновидности с соответствующими диалектными интерференциями. Наиболее приемлемым источником речевого материала для изучения функционирования просодических составляющих спонтанной речи являются записи радио- и телепередач континентального Китая. При их детальном изучении достаточно четко наблюдаются такие явления, как семантическая и синтаксическая избыточность и нелинейность устного текста, присутствие тихих и шумных хезитационных пауз, нетипичные реализации лексических тонов и сандхи. Устная спонтанная речь содержит также типичные для всеобщего употребления, но нехарактерные с точки зрения грамматических норм конструкции.

Среди ошибок и обмолвок, которые можно наблюдать при аудиторном анализе записей устной китайской речи, большая часть относится к прибавлению избыточного лингвистического материала или же лексической либо семантической избыточности. Крайние степени реализации лексических тонов наблюдаются в основном в границах одной реплики или предложения. Разделительная пауза не является самостоятельным элементом и фактором, а функционирует при поддержке общего интонационного контура, что проявляется в смене регистра в начале и конце предложения. При этом существенной разницы в длительности хезитационных и логических пауз в устных текстах спонтанной речи не наблюдается, что указывает на то, что длительность паузы не является показателем ее функции.

Предположительно, тихие паузы, в отличие от шумных, могут приводить к глобальной смене высоты звучания в выделяемых ими частях предложения.

Логическое ударение и сандхи тонов функционируют в тесной взаимосвязи, в которой сложно определить очевидное доминирование одного из этих двух элементов. Превалирование в данном случае скорее имеет спорадический характер, без очевидных закономерностей. Нейтральный лексический тон у фразоконечных частиц при этом может в определенных положениях принимать на себя роль активизатора семантической связи и средства парцелляции, сменяясь с типично регистрового на контурный (умеренно-восходящий или резко-нисходящий).

Источники

1. Взаимодействие сегментного состава и просодии текста: [сб. науч. тр. / ред. Дворжецкая М.П.] – К.: Изд-во КППИИЯ, 1986. – 162 с.
2. *Гобова Є.В.* Контекстні зміни тонів у китайській мові / Є.В. Гобова // Сходознавство. – 2012. – № 60. – С. 11–20.
3. *Григорян Н.Р.* Степени завершенности высказывания и их интонационное выражение в спонтанной речи: автореферат дис. канд. филол. наук: 10.02.04 / Н.Р. Григорян. – Одесса, 1987. – 16 с.
4. *Задоенко Т.П.* Ритмическая организация потока китайской речи / Т.П. Задоенко. – М.: Наука, 1980. – 268 с.
5. *Коченкова Ю.Е.* Паузирование в публичной речи ученых, проповедников, актеров: по результатам эксперимента / Ю.Е. Коченкова // Язык. Словесность. Культура. – Ногинск: «Аналитика Родис». – 2011. – № 1. – С. 56–69.

Готлиб О.М.,
к. филол. н., Иркутский государственный лингвистический университет

Шаравьева И.В.,
Иркутский государственный лингвистический университет

ОБ ОСНОВНЫХ ГРАММАТОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ КИТАЙСКОЙ СИСТЕМЫ ПИСЬМЕННОСТИ

Китайская система письменности – единственная в современном цивилизованном мире последовательно идеографическая. Обладая основными признаками своей системности – знаковостью, иерархичностью, естественностью и открытостью, китайская письменность формируется рядом иерархичных единиц и правил их функционирования.

Основной, представленной в непосредственном наблюдении и замыкающей иерархию системы, является китайская логограмма (синограмма, иероглиф, *ханьцзы*). Как психокогнитивный тип, логограмма соотносится с морфемой или со словом, выступая в письменной речи в этих статусах единиц языка.

Квалифицируя логограммы как знаки, с позиций семиотики их можно разделить на пиктограммы, идеограммы и символограммы в зависимости от соотношения формы знака и его референта. Анализ логограмм с позиций соотношения письменной и устной оболочек дает основания для выделения значительного числа сложных знаков, в той или иной мере передающих его звучание и называемых со времен Сюй Шэня фоноидеограммами (*синшэнцзы*).

Абсолютное большинство современных логограмм – сложные знаки, внутри которых последовательно выделяются значимые составляющие, формирующие значение логограммы по определенным правилам. Их можно обозначить как морфограммы – значимые компоненты логограмм. Это скрытые еди-

ницы, не данные нам в непосредственном наблюдении. Их можно разделить на базисные, институциональные, или закрепленные в своем статусе, и функциональные, иначе говоря, выполняющие эту функцию в рамках данной логограммы, но могущие становиться самостоятельными логограммами вне ее.

Морфограммы как единицы китайского письма в системно-грамматологическом аспекте следует отличать от ключей или графем как единиц лексикографического плана. Последние не являются собственно составляющими системы китайского письма, но служат для поиска логограмм в словаре либо в качестве указателей-определителей в системах «ввода-вывода».

Черты (графемы, *бихуа*) – наименьшие единицы китайского письма, лишенные собственного значения. Они, подобно фонемам, выступают как некий «строительный материал», выполняя смыслоразличительную и смыслосозидательную функции, сочетаясь между собой по правилам и формируя морфограммы и логограммы.

Широкий спектр семантической однородности среди морфограмм и простых логограмм (*вэнь*) позволяет, на наш взгляд, выделить единицы более глубинного уровня – графомонады. Их можно соположить с глубинными структурами модели порождающей грамматики, или семантическими примитивами в трактовке А. Вежбицкой. Графомонады – простейшие знаки, с помощью которых через определенные правила (модусы) конструируются семантически однородные единицы, формирующие полевые структуры. Так, в качестве графомонад можно рассматривать знак «人» или знак «艹», эманации которых порождают детерминированные ими графо-семантические поля морфограмм и логограмм.

Гурьян Н.В.,
к. филол.н., Дальневосточный федеральный университет, Школа педагогики

«МАЛЫЙ ЭРЪЯ»: ДРЕВНЯЯ ТРАДИЦИЯ СОСТАВЛЕНИЯ ТЕЗАУРУСОВ

Тезаурусная линия китайских словарей, начатая «Эръя» (конец III в. до н.э.), получила развитие в целой серии памятников, созданных по его образцу. К числу наиболее ранних относится словарь малого формата «Сяо Эръя» («Малый Эръя»), датируемый предположительно II в. до н.э. Последний рассматривается китайской традицией как своего рода дополнение к «Эръя».

Структурно «Сяо Эръя» состоит из 13-ти глав-цзюаней, по композиции схож с «Эръя» и так же, как последний отчетливо делится на две части: в первой (начальные три главы) толкуется абстрактная лексика, во второй (остальные главы) – термины. Однако число рубрик в «Сяо Эръя» уменьшилось на треть. Из системы «Эръя» автор «Сяо Эръя» сохранил шесть разделов с аналогичными заглавиями (изменив лишь их формулировку): «Толкования», «Речи», «Поучения», «Утварь», «Птицы» и «Звери». При этом рубрикация «Сяо Эръя» претерпела ряд изменений.

1) Исчезли рубрики: «Музыка», «Небо», «Холмы», «Горы», «Насекомые» и «Домашние животные». В виде единичных глосс представлены предметные области, которые можно было бы отнести к прежним рубрикам: «Жилище» в главе «Гуан фу», «Земля» и «Воды» в главе «Гуан ци», «Рыбы» в главе «Гуан шоу».

2) «Растительный мир» не дифференцируется на «Травы» и «Деревья», как это было в «Эръя», и представлен одной главой с новым названием «Гуан у» – «Дары природы» (растения).

3) «Животный мир» также представлен одной главой «Звери» вместо прежних пяти: «Насекомые», «Рыбы», «Птицы»,

«Звери», «Домашние животные».

4) Появились новые главы: «Одежда», «Благопристойность» и «Похороны, траур».

5) Абсолютно новой предметной областью, включенной составителем «Сяо Эръя» в словарь, является традиционная китайская метрическая система, термины которой толкуются в последних трех главах словаря.

Если сравнить список предметных областей «Эръя» и «Сяо Эръя», получится следующая картина:

Предметная область	«Эръя»	«Сяо Эръя»
Человек	«Родство» – –	– «Благопристойность» «Имена (смерть; похороны)»
Быт, артефакты	«Жилище» «Утварь» «Музыка»	(отдельные глоссы) «Одежда» «Утварь» –
Астрономия, география	«Небо» «Земля» «Холмы» «Горы» «Воды»	– (отдельные глоссы) – – (отдельные глоссы)
Растительный мир	«Травы», «Деревья»	«Дары природы» (растения)
Животный мир	«Насекомые» «Рыбы» «Птицы» «Звери» «Домашние животные»	– (отдельные глоссы) «Птицы» «Звери» –
Метрическая система	–	«Длины» «Объемы» «Веса»

Как видим, при практически полном исключении лексики, посвященной «Небу» и «Земле» (астрономии и географии), и заметном сокращении сфер «Флора» и «Фауна», произошло расширение набора антропоцентрических разделов словаря.

Сопоставление двух памятников, таким образом, позволяет говорить о явной преемственности между ними. Тем не менее «Сяо Эръя» примечателен тем, что он не только дополняет исходный список абстрактной и терминологической лексики «Эръя», но также демонстрирует на уровне макроструктуры начавшееся преобразование системы классификации и аранжировки лексики. Материал перераспределен по главам, расширены и выделены в отдельные рубрики некоторые предметные области, изменена детализация последних, наконец, появились абсолютно новые рубрики. В этом плане «Сяо Эръя» можно рассматривать как промежуточное звено между «Эръя» и более поздним «Шимином» (начало III в. н.э.), идеографическая схема которого показывает дальнейшую разработку и детализацию предметных областей, связанных с человеком и материальной культурой, при полном исключении разделов с флорой и фауной.

Даньшин А.В.,
к.ю.н., Кемеровский институт (филиал)
РЭУ им. Г.В. Плеханова

КУПЕЧЕСТВО, ШЭНЬШИ И СИСТЕМА КЭЦЗЮЙ В ТРАДИЦИОННОМ КИТАЕ

Система экзаменов *кэцзюй* является одним из наиболее значимых государственно-правовых институтов традиционного Китая и в то же время уникальным явлением мировой истории. В экзаменах могли принимать участие простые ремесленники и крестьяне, что давало им право претендовать на ту или иную чиновничью должность. В то же время торговцы, жизнь которых была посвящена приобретению материальных благ, не допускались к государственной службе и, следовательно, к государственным экзаменам. При династии Тан (618–907 гг.) получили распространение новые идеи, которые, в частности, нашли свое отражение в высказываниях крупнейшего государственного деятеля и поэта той эпохи Бо Цзюйи: «Если единст-

венное возражение состоит в том, что они [торговцы] являются мелкими и низкими, как вы можете отклонить тех из них, кто может оказаться наилучшим и выдающимся? Если бы вы нашли кусок золота среди гравия, разве отказались бы подобрать его только потому, что он смешан с дешевым материалом?»

В период династии Мин (1368–1644 гг.) купцы были официально допущены к экзаменам. Для них существовали специальные квоты, размер которых не превышал 10% от общего количества лиц, рекомендованных местными властями к участию. Купцы могли также воспользоваться правом официальной покупки учёной степени, но служебная карьера тех, кто получил её по результатам экзаменов, была значительно успешней. Сам по себе успех на экзаменах не гарантировал поступления на государственную службу, но получение статуса *шэньши* означало для купцов приобретение ряда привилегий и налоговых льгот, что не могло не отразиться на успешном развитии их предпринимательской деятельности. Купцы отвечали за сбор торговых и транзитных пошлин, организовывали ирригационные работы, формировали отряды самообороны, из их числа набирали секретарей, делопроизводителей и других мелких служащих. Благодаря своему статусу купцы-*шэньши* пользовались уважением среди односельчан и членов своего клана и были защищены от произвола местных властей.

В общественном сознании закрепилось представление об экзаменах как о наиболее справедливом способе набора на государственную службу. Возможно, именно поэтому в 2003 г. система общенациональных экзаменов была введена в КНР в качестве одного из источников пополнения кадрового состава государственных и партийных органов страны. В 2011 г. в этих экзаменах участвовало более 1 млн человек, в числе которых, как было официально заявлено, около 90% составляли выходцы из простых семей.

Отменяя в начале XX в. систему *кэцзюй*, цинское прави-

тельство посчитало её всего лишь одним из многих «традиционных предрассудков». В то же время благодаря этой системе в традиционном Китае происходила своеобразная ротация внутри сословия *шэньши*, в число которых могли попадать представители непривилегированных сословий. В результате власть получала достаточно широкую социальную базу для укрепления культурного единства китайского общества и политической стабильности в стране.

Источники

1. *Боревская Н.Е.* Система императорских экзаменов в Китае // Педагогика. 2005, № 1. С. 78-90.
2. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 2001.
3. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 4: Историческая мысль. Политическая и правовая культура / ред. М.Л. Титаренко и др. М., 2009.
4. *Bol P.- K.* The Sung Examination System and the *Shih*. Review Article // Asia Major. 1990, vol. 3, part 2. P. 149-170.
5. *Eberhard W.* Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962.
6. *Elman B.- A.* A Cultural History of Civil Examinations in Late Imperial China. Berkeley, Los Angeles, London. 2000.
7. *Twitchett D.C.* Documents of Clan Administration: 1. The Rules of Administration of the Charitable Estate of the Fan Clan. Annotated translation of the *I-chuang kuey-chu* // Asia Major. 1960, vol. 8, part 1. P. 1-35.

Дацышен В.Г.,
д.и.н.,Сибирский федеральный университет

ИЗ ИСТОРИИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ В РОССИИ: «О ПРИГОДНОСТИ НОВОИЗОБРЕТЕННОЙ КИТАЙСКОЙ АЗБУКИ»

Весь XX в. вошел в историю как время активного развития языков и реформирования письменности самых разных народов мира. Богатый соответствующий опыт за последние сто лет был накоплен также в китайской культуре. В числе первых работ, содержавших анализ проблем реформирования китайской письменности, можно назвать «Заключение члена Совета

Министерства Народного Просвещения Позднеева А.М. о пригодности новоизобретенной китайской азбуки для преподавания китайского языка в русских учебных заведениях» от 13 марта 1908 г. (см. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 733. Оп. 145. Д. 265).

Министр народного просвещения не случайно поручил данную работу А.М. Позднееву. Воспитанник факультета восточных языков, Алексей Матвеевич был первым директором Восточного института во Владивостоке, затем возглавлял Практическую восточную академию в Петербурге. С конца XIX в. А.М. Позднеев на всех уровнях выступал за усиление практической направленности китаеведения, отстаивал необходимость изучения современного китайского языка, отслеживал тенденции и изменения в его развитии.

Свою аналитическую записку А.М. Позднеев начал с характеристики традиционной китайской письменности: «Китайский язык – язык корневой… Нужно ли говорить, что, обладая таким языком, китайцы никоим образом не могут иметь у себя иного письма помимо иероглифического…». Далее А.М. Позднеев пишет: «За последнее время под влиянием культурных движений, особливо навеянных японцами, у китайских новаторов естественно возник запрос на упрощение китайской письменности и результатом сего явился целый ряд попыток видоизменения китайской графики. Таким образом для одного из южных китайских диалектов еще недавно была составлена китайская буквенная азбука… К этой же категории попыток относится и изобретение в 1903 г. подлежащей теперь рассмотрению новой китайской азбуки, составленной каким-то г. Ваном. Азбука г. Вана столько же силлабическая, сколько и фонетическая, и состоит всего из 62-х букв. Первые 50 слогов ея с одной стороны употребляются как моносилабы, если они изображены совершенно отдельно, без каких либо приставок, а с другой – могут служить и в качестве отдельных согласных слова, буде к ним будут присоединены особые знаки оконча-

тельных гласных звуков, число которых определяется 12-ю. По начертанию своему эти знаки представляют собою сокращение китайских иероглифов, наподобие японской азбуки катакана. Интонации звуков обозначаются точками, поставляемыми то справа, то слева, как наверху, так и внизу знаков, входящих в состав азбуки. Наречие в азбуке – пекинское».

Отметив, что применение описываемой письменности было введено указом генерала Юань Шикая, А.М. Позднеев указывал: «На изобретение это первое внимание было обращено в Китае военным ведомством, которому, при современном росте китайской армии, сказанное облегчение письменности представлялось особенно важным. Дабы иметь у себя хоть бы маломальски грамотным каждого солдата, так как основные, обученные по-европейски, боевые силы Китая все более и более сосредоточиваются теперь в Маньчжурии и по границе с Россиею, азбука эта, вместе с переменою дислокации китайских войск, проникла и в Маньчжурию… официальная газета “Дунфан-сяо-бао” извещала о распоряжении настоящего вицекороля Шэн-цзина издать отдельно букварь этой азбуки, а засим напечатать ея алфавитом “Наставления для солдат, обучающихся гимнастике” и “Памятку для солдата”. Все эти книжки были разосланы… письменность эта уже сама собою проникла засим и в народ, причем Богдыханское Министерство Народного Просвещения никак не делало ее обязательной в своих низших школах, а лишь не препятствовало и не препятствует частным лицам устраивать школы для обучения этой азбуке».

В конечном итоге А.М. Позднеев сделал вывод, что фонетическое письмо никогда не станет основным в Китае, но для низших слоев населения оно удобно и будет распространяться.

Завьялова О.И.,
д.филол.н., ИДВ РАН

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ: ЗАЩИЩЕННОЕ ЕДИНСТВО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

За период «реформ и открытости» в китайском языке произошел ряд беспрецедентных изменений, которые обсуждаются в китайских СМИ и нашли отражение в государственной программе развития языка и письменности на 2012–2020 гг. Новая программа направлена, с одной стороны, на защиту официального китайского языка от мощного внешнего влияния, с другой – на дальнейшее укрепление языкового единства внутри огромного китайского мира. Одним из пунктов программы является разработка новой версии Закона об общегосударственном языке и письменности. Он вступил в действие с 1 января 2001 г., но уже нуждается в обновлении.

Сотни миллионов жителей Китая изучают английский язык и пользуются Интернетом. Школьники овладевают латинским алфавитом как через иностранные языки, так и через систему *ханьюй пиньинь*, принятую в 1958 г. для записи официального языка *путунхуа* латинскими буквами. Начиная с 1990-х годов в китайский язык устремились в небывалом объеме не только традиционно «транскрибируемые» иероглифами фонетические заимствования и кальки, но также ранее единичные «буквенные» слова (*цзымуцы*) – латинизированные сокращения. В виде латинизированных сокращений наряду с иностранными теперь записывают исконно китайские слова – как официально, так и неофициально. С 2005 г. списки неологизмов и буквенных слов регулярно публиковались в ежегодниках, посвященных языковой ситуации в Китае. Тем не менее нормализация, «китаизация» и ограничение заимствований и буквенных слов как иностранного, так и собственно китайского происхождения обозначена в программе как одна из важнейших задач текущего

десятилетия, которая направлена на защиту важнейших носителей китайской цивилизации – китайского языка и иероглифической письменности.

Еще одной важной задачей, включенной в программу, является дальнейшее распространение и разработка норм официального языка *путунхуа*. В Законе о языке и письменности и новой программе он определен как «общеупотребительный в государстве», хотя еще в 2004 г. *путунхуа* в той или иной степени владели лишь около половины жителей континентального Китая. В последние годы успехам в распространении единого устного языка способствовали не только усилия государства, но также многочисленные «звучащие» СМИ – радио, телевидение, некоторые формы Интернета. В результате, к 2010 г. число континентальных китайцев, говорящих на *путунхуа*, впервые выросло до 70% и под угрозой исчезновения оказались некоторые диалекты – прежде всего те, на которых говорят жители крупных городов в наиболее развитых восточных районах страны, где высок процент образованных людей. Тем не менее упоминание о необходимости дальнейшего распространения *путунхуа* содержится как в программе, так и в материалах XVIII съезда КПК.

Преподавание *путунхуа* осуществляется также в Гонконге и Макао, где он ранее никогда не распространялся, а также среди китайских эмигрантов в разных странах мира, часто говорящих на южных диалектах либо вообще утративших китайский язык. В то же время на Тайване подавляющее большинство населения уже владеет аналогом *путунхуа* – «государственным языком» *гоюй*, поэтому лингвистическое сотрудничество континентального Китая с Тайванем ориентировано на сближение двух разновидностей, сложившихся в этих двух регионах для одного и того же официального китайского языка. Уже выпущено несколько совместных словарей, в конце 2012 г. завершена совместная работа над фундаментальным словарем «Чжунхуа да цыдянь», составление которого было инициро-

вано в 2009 г. президентом Тайваня Ма Инцзю.

Культурное и языковое сближение разных частей китайского мира, продвижение китайского языка в мировом масштабе и его защита от иностранных влияний, таким образом, становятся неотъемлемой частью многосторонней программы по реализации «китайской мечты» о великом возрождении китайской нации, которая была утверждена на недавней сессии ВСНП в качестве долгосрочной национальной стратегии КНР.

Кирносова Н.А.,
к.филол.н., ИА «Синьхуа»

КИТАЙСКИЕ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ: СПЕЦИФИКА В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Крупнейшим источником информации в Китае является агентство Синьхуа, оно же передает официальную точку зрения в глобальное информационное пространство.

Аналитический обзор: анализ или синтез?

Обращаясь к аналитическим жанрам в прессе, западный читатель ожидает найти там «вскрытие» причин и следствий некоего события, поэтому основной элемент аналитических статей в западных СМИ – объяснения и прогнозы. Человека, привыкшего понимать аналитику подобным образом, знакомство со статьями, обозначенными как «аналитические обзоры» на сайте Синьхуа, весьма удивит: обычно они представляют собой совокупность тематических блоков, объединенных отношением к одному и тому же событию, но не причинно-следственной связью. Прогнозы же понимаются в них весьма своеобразно, и очень часто следствия того или иного события поданы фразой «что будет – нужно подождать и посмотреть». Такой способ подачи информации подводит нас к следующим выводам.

1. Авторы (в данном случае следует подчеркнуть, что они носители китайской культуры и китайского образа мышления) не видят событие как звено в цепи причинно-следственных связей.

2. Читатель вынужден выполнять операцию не столько анализа, сколько синтеза, поскольку он должен постоянно держать в уме событие целиком, совмещая целое и его часть. Без такого совмещения статья будет казаться сумбурным описанием разрозненных событий.

В связи с этим можно по аналогии вспомнить об особенностях китайских письменных знаков – иероглифов. Китайские ученые называют их знаками «нелинейного характера», имея в виду то, что на письме слово является читателю не линейной последовательностью знаков, а пространственным расположением черт (субэлементов знака, который записывается сверху вниз).

Комментарии: «выводы об очевидном»

В западной аналитике наиболее ценным является, как уже говорилось, вскрытие *внутренних* (иначе говоря, не видных с первого взгляда) связей и закономерностей некоего события. В аналитических же текстах агентства Синьхуа, особенно в комментариях, часто встречаются «выводы об очевидном», лежащие на поверхности события. Так, комментарий по адресу http://russian.news.cn/dossiers/2013-03/18/c_132243338.htm заканчивается фразой: «Тот факт, что новое руководство Китая уделяет повышенное внимание проблеме народного благосостояния, свидетельствует о намерении руководства обеспечить всеобщую зажиточность». Автора комментария, таким образом, интересуют не объективные последствия некоего события, а его (события) субъективный аспект – чьи намерения он «материализует».

В связи с этим вспоминается особенность китайской грамматики: связи между словами в предложении устанавливаются прежде всего с помощью порядка слов, т.е. «невидимым образом», не материализуясь в отдельных элементах. Аналогично факты, уже расположенные внутри какого-то события, воспринимаются связанными заранее заданной объективной связью. Более интересными с точки зрения китайских авторов являются чьи-то намерения, в особенности намерения крупных игро-

ков, от чьих ходов зависит развитие событий.

Обращает на себя внимание еще одна особенность комментариев на сайте Синьхуа – обилие указаний другой стороне на то, как нужно себя вести. «Своя правота» подкрепляется при этом пословицами или высказываниями знаменитых людей (см., например, http://russian.news.cn/economic/2013-01/02/c_132076770.htm).

Модель «целое» и «часть», которая характерна для китайской публицистики и отличается от западной модели «причина» и «следствие», позволяет выдвинуть тезис об инклюзивном мышлении китайских авторов. Эту модель можно описать формулой «**круги на воде**»: в фокусе интересов находится субъективный («поведенческий») аспект развития событий. При этом тексты Синьхуа в переводе на разные языки распространяются в глобальное информационное пространство, и их авторы даже не подозревают, что могут остаться непонятыми или понятыми превратно за пределами китайского мира.

Комарова И.Н.,
к.филол.н., Истиутут языкознания РАН

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ТИБЕТЕ

В Китае проживает более 5 млн тибетцев (2011 г.), из них 45% – на территории Тибетского автономного района. Большая часть населения Тибета (90%) владеет тибетским языком. Тибетский язык представлен не менее чем двадцатью диалектами и говорами. В Конституции КНР и в Законе о национальной автономии районов указывается, что все национальности Китая располагают свободой пользования и развития своих языков и письменностей.

Значительное место в социально-коммуникативной системе Тибета занимает также китайский язык. Длительные этноязыковые контакты тибетцев, китайцев и таких малочисленных народов, как хуэй, мэнба, лоба, шерпа и др. способствовали широкому распространению полилингвизма. Функциональная

нагрузка двуязычия и многоязычия, как правило, регулируется сферой коммуникативной ситуации. Она определяется региональным лингвосоциумом, т. е. территориальной общностью отдельных групп населения Тибета, а также региональными социально-историческими факторами. К числу последних следует отнести средства массовой информации (радио, телевидение, кинофильмы на тибетском и китайском языках, прессу на тибетском, китайском и др. языках), образование, трудовую деятельность, профессиональный и возрастной уровни, национальную культуру (театральные труппы, фольклорные ансамбли, религиозные буддийские общества).

Источники

1. *Ван Гочжэнь*. Китай: Тибет. Факты и цифры. Пекин, 2001.
2. *Ван Чжицзин*. Цзанъюй Ласа коуюй юйфа (Грамматика разговорного лхасского варианта тибетского языка). Пекин, 2000.
3. *Комарова И.Н*. Тибетское письмо. М., 1995.
4. *Рерих Ю.Н*. Тибетский язык М., 1961.
5. Цзанъюй чучжун, гаочжун юйвэнь цзяоцай юн цы дяоча (Исследование слов в учебных материалах на тибетском языке для первой и средней ступени средней школы) // Чжунго юйянь шэнхо чжуанкуан баогао 2011 (Доклад о языковой ситуации в Китае: 2011). Пекин, 2011.
6. *Цзинь Пэн*. Цзанъюй Ласа, Жикацзэ, Чанду хуа дэ бицзяо яньцзю (Сравнительное исследование диалектов тибетского языка Лхасы, Шигацзе и Чамдо). Пекин, 1958.

Садовская Е.Ю.,
к.филос.н., президент
Конфликтологического центра,
Алма-Ата, Казахстан

СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И КАЗАХСТАНОМ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ

В эпоху глобализации возрастает значение социально-культурного и гуманитарного взаимодействия народов и государств. В последние годы Казахстан и КНР развивают тесное

сотрудничество в сфере образовательной миграции, академической мобильности, научных исследований. Это обусловлено как потребностями каждой из стран, так и тем, что обе страны реализуют несколько крупных проектов в Казахстане, требующих привлечения различных специалистов.

На протяжении 1990-х годов образовательная миграция между двумя странами была невелика и составляла от нескольких десятков до нескольких сотен человек. После подписания соглашений о сотрудничестве между Казахстаном и КНР в декабре 2006 г. число студентов достигло примерно 3000 чел. по всем видам программ. В 2010–2011 гг. Казахстан вошел в десятку стран, посылающих наибольшее число студентов в КНР. Возглавляли список Южная Корея, США, Япония, Таиланд, Вьетнам и другие страны ЮВА, число казахстанских студентов в Китае составляло в эти годы соответственно 7 874 и 8 287 человек[1]. В Казахстане в 2010 г. обучалось 1500 китайских студентов[2].

Казахстанские студенты получают в Китае образование по техническим и гуманитарным специальностям. Среди студентов есть приехавшие в рамках государственного обмена; самостоятельно оплатившие обучение; те, чье переобучение и стажировку оплатили частные или частно-государственные компании. Так, на начало 2010 г. АО «CNPC-Актобемунайгаз» за счет собственных средств послало на учебу в Китай 119 студентов, в том числе 77 человек в Китайский нефтяной университет в Пекине[3].

Результаты социологического исследования, проведенного в 2012 г., подтверждают впечатляющую динамику образовательной миграции из Казахстана в КНР: 16% опрошенных имели знакомых, друзей или родственников, обучающихся или обучавшихся в Китае; 12% респондентов сами хотели бы получить образование в Китае, 18% хотят, чтобы образование в КНР получили их дети[4]. Подобные предпочтения перекликаются с планами КНР на увеличение числа иностранных сту-

дентов. В 2012 г. во время саммита ШОС в Пекине Китай объявил о решении обучить 1500 специалистов из государств-членов ШОС в течение трех лет. Кроме того, Китай предоставит 30 тыс. государственных грантов и примет на обучение и повышение квалификации 10 тыс. студентов и преподавателей Институтов Конфуция в течение ближайших 10 лет[5].

Учитывая растущую заинтересованность казахстанцев в получении образования в Китае и планы КНР по увеличению приема иностранных студентов, можно прогнозировать рост образовательной миграции и академической мобильности из Казахстана в Китай. Важно при этом, чтобы не получили распространения отрицательные последствия этих процессов, которые могут привести к безвозвратной интеллектуальной эмиграции из Казахстана.

Источники

1. www.china.org.cn/opinion/2012-02/27/content_24743753.htm (на англ. и кит. языке). Режим доступа 13.08. 2012.
2. Там же.
3. http://www.cnpc-amg.kz/index.php?p=soc. Режим доступа 18.08.2012.
4. Исследование проведено по репрезентативной выборке методом личного (*face-to-face*) интервью. Для отбора респондентов была использована стратифицированная случайная вероятностная выборка. Были опрошены 544 человека среди городского населения Казахстана в возрасте от 15 лет и старше. Стратами выступали 14 областей Казахстана, сгруппированных в 5 регионов: Северный, Восточный, Южный, Западный и Центральный; г. Алматы выделен в отдельную страту. Полевые работы были проведены во всех городах с 17.05. по 08.06.2012. Ошибка выборки не более 4,1%. Опрос проведен Агентством социальных и маркетинговых исследований «BRiF Research Group» (Алматы). Авторский проект финансировался Всемирным банком (США).
5. Казахстанские студенты участвуют в программе «Летние курсы-2012» в Шанхае. См. http://www.inform.kz/rus/article/2481859 25.07.2012. Режим доступа 22.01.2013.

Тохметов А.Т.,
к.и.н., Казахский национальный педагогический университет им. Абая

ПРЕПОДАВАНИЕ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ВУЗАХ КАЗАХСТАНА

Расширяющиеся контакты Казахстана с Китайской Народной Республикой в различных областях открывают широкие возможности для практического использования китайского языка, связанные прежде всего с углублением взаимовыгодных торгово-экономических, культурных и научных связей. Немаловажную роль играет активное использование китайского языка в научной работе студентов, магистрантов и докторантов: оно значительно расширяет базу исследований, давая возможность познакомиться со многими материалами и документами на языке оригинала. Интерес к изучению китайского языка в современном мире, в том числе и в Казахстане, сегодня никого не удивляет.

Китайское общество на современном этапе выступает активным участником мировых экономических, политических и культурных процессов. Небывалый экономический рост, тесное взаимодействие с международными организациями и иностранными компаниями, научно-технический и культурный обмен с зарубежным миром порождают пристальное внимание и большой интерес к этой стране, китайскому языку и письменности. Особый интерес вызывает тот факт, что китайская письменность – неотъемлемая часть китайской культуры – заимствована многими странами азиатского Востока, вследствие чего китайские иероглифы приобрели корейское, вьетнамское, японское чтение. Неудивительно, что литература Китая с древнейших времен до наших дней, будучи записана иероглифами, является уникальной хрестоматией китайской культуры, единым стержнем всей китайской цивилизации. Постоянное расширение китаеязычного пространства открывает перед ним

широчайшие перспективы. На фоне демографических процессов, экономических и технологических успехов Китая такое развитие событий может привести к неожиданным лингвистическим изменениям на планете в нынешнем тысячелетии. Обучение китайскому языку студентов с использованием инновационных технологий является важным шагом на пути совершенствования процесса подготовки квалифицированных специалистов-востоковедов, в которых так нуждается сегодня Казахстан.

В век глобализации, высоких информационных технологий объём знаний лавинообразно растёт, трансформируется и устаревает. Меняется взгляд и на образ самого человека. Всё чаще в числе знаковых характеристик называют компетентность, конкурентоспособность, мобильность, готовность к постоянному самосовершенствованию. Профессия преподавателя китайского языка не является исключением. Далеко не секрет, что от уровня профессиональной, психологической подготовки преподавателя во многом зависит качество проводимых занятий. Очень важным в этих условиях становится взвешенный научный подход к подготовке преподавателей китайского языка в Казахстане.

Источники

1. *Tokhmetov A.* Teaching Chinese language at high institution of Kazakhstan // The development and governance of higher education: comparative perspectives conference. Handbook and thesis. Tainan, 2007. P. II-I-5-1.
2. *Алиханқызы Ғ.* Қытай тілін окытудағы негіздік білімдерді игерудін әдістері. Оқу құралы. Алматы, 2008.

Цзи Вэйвэй,
доктор философии, Отдел социальных проблем и государственного управления, Университет Гонконга, КНР

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА: КАК ДАЛЕКО ОНА МОЖЕТ ЗАХОДИТЬ (НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ИЗ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ В ЮЖНОМ КИТАЕ)

Менеджерское управление нового типа, коммерциализация и предпринимательство в академической сфере привносятся сторонниками рыночных отношений в высшие учебные заведения по всему миру. В рамках соответствующих концепций многие исследователи отстаивают идеи изоморфизма и конвергенции университетов разных стран. В то же время местные факторы, оказывающие влияние на высшее образование, остаются недооцененными, и лишь незначительное число исследований посвящено, в частности, соответствующей проблеме в Китае.

В настоящей работе поставлена задача на примере трех факультетов (исторический, факультет государственного управления и факультет бизнеса) в одном из государственных исследовательских университетов на юге Китая выявить местные факторы, которые влияют на трансформацию системы высшего образования. Выбор факультетов был обусловлен уровнем влияния, которое оказал на них рынок. Опросы проводились в два этапа. Первый ставил своей целью выявить и проанализировать организационные изменения и стратегию в области управления, финансирования и обеспечения высшего образования. Второй этап предполагал изучение изменений в образе жизни и учебном процессе в изложении участников опроса. В работе утверждается, что новые принципы государственного управления образованием, коммерциализация обуче-

ния и предпринимательство в академической сфере, широко распространенные в Китае, могут, тем не менее, оказаться не вполне жизнеспособными.

Перевод с английского д.филол.н. О.И. Завьяловой.

Шатравка А.В.,
доцент, Амурский государственный университет

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СЛУЖЕБНЫХ И НЕСЛУЖЕБНЫХ СЛОВ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Одной из характерных особенностей современного китайского языка является большое количество слов, которые имеют одинаковое звучание и сходное основное значение, при том что их грамматическое значение и синтаксическое употребление сильно между собой различаются. С этими словами связаны трудности, которые возникают при переводе с китайского языка и в процессе разработки методики его преподавания. Несмотря на то, что эта проблема привлекала внимание всех крупных лингвистов-грамматистов как в отечественном китаеведении, так и в китайском языкознании, она до сих пор остается нерешенной. Одни ученые считают, что здесь должна идти речь об омонимии – словах, совпадающих фонетически, но значительно различающихся по лексическому и грамматическому значению; другие говорят об одном и том же слове, употребленном в различных функциях. Остановимся на разграничении некоторых классов слов современного китайского языка.

Между числительным и существительным в китайском языке обязательно стоит счетное слово, но это место могут занимать обычные существительные, классификаторы, мерные слова, которые обладают различными грамматическими функциями и, следовательно, относятся к различным классам. С этой точки зрения логичнее считать счетное слово не классом, а **функцией**, которую могут выполнять слова, относящиеся к

различным классам. Таким образом, проблема, связанная с местом счетных слов в системе частей речи современного китайского языка, будет решена. Для классификаторов и мерных слов эта функция будет единственной, так как они могут употребляться только в составе счетного комплекса. Для существительных эта функция будет дополнительной.

Обратимся к другой проблеме – разграничение некоторых предлогов и союзов. Сопоставив определения предлогов и союзов, принятые в общем языкознании, отметим различия между ними: предлог, управляя словом, образует подчинительную связь внутри словосочетания или предложения и не может выражать сочинительную связь, а также связывать части сложного предложения; союзы выражают либо сочинительную связь между словами внутри предложения или частями сложного предложения, либо подчинительную связь между частями сложного предложения, а не внутри предложения, как предлоги. Некоторые служебные слова современного китайского языка, например, *yinwei, yin (le) youyu* «из-за», «так как», «потому что», *wei, weile* «для», «ради», «для того чтобы», обладают свойствами, характерными и для предлогов, и для союзов – управляют отдельным словом и зависимым предложением; однако последнее обладает некоторыми признаками, не свойственными придаточному предложению, управляемому союзом, в частности – может стоять между подлежащим и сказуемым главного предложения как его член. Учитывая это, можно считать эти служебные слова предлогами с дополнительной союзной функцией.

Спорной является также теория о наличии односложных и двусложных послелогов. Такие слова обладают различными грамматическими функциями – односложные могут стоять только после существительного, переводя его в разряд существительных со значением места; двусложные могут стоять и после существительного и употребляться самостоятельно. Например, *zhuozi shang you shu* «на столе – книга», *zhuozi*

shangbian you shu «на столе – книга», *shangbian you shu* «наверху – книга». Таким образом, в китайском языке выделяются послелоги (односложные слова, которые употребляются только в данной функции) и локативы (подкласс существительных), у которых позиция после существительного является вторичной.

Подводя итог, можно сделать вывод, что при решении проблемы разграничения некоторых классов знаменательных и служебных слов необходимо учитывать все возможные функции слова, одни из которых будут основными, характерными для всех слов, входящих в данный класс, другие – дополнительными. Кроме того, функции разных частей речи могут частично совпадать.

КИТАЙ В ЭПИЦЕНТРЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ АТР

Тезисы докладов
XX Международной научной конференции
«Китай, китайская цивилизация и мир.
История, современность, перспективы»
Москва, 16–18 октября 2013 г.

Редактор: *Демидо Н.Ю.*
Выпускающий редактор: *Горбунова С.А.*
Корректор: *Байкова В.А., Богданова А.Н.*
Верстка и оригинал макет: *Потапов И.В.*
Оформление: *Иваншина Т.В.*

Подписано к печати 09.09.2013
Формат 60x84/16
Печ.л. 30. Тираж 300 экз.
Заказ № 26

Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки
Институт Дальнего Востока
Российской академии наук
Москва, Нахимовский пр-т, 32